

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

Б. П. ПОЛЕВОЙ

ИЗБРАННОЕ

Издательство «Новая книга»
Петропавловск-Камчатский
2021

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
П49

Полевой Б. П.

П49 Избранное /Серия «Из фондов музея». — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2021. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-906904-86-7

Книга составлена из материалов по истории Дальнего Востока, Северо-Востока России и, в частности, Камчатки. В разное время они были подготовлены и опубликованы известным русским учёным, доктором исторических наук Борисом Петровичем Полевым (1918—2002). Её замысел сложился ещё при его жизни, но по разным причинам вовремя осуществлён не был. Значительная часть публикуемого почерпнута из материалов личного фонда писателя, книгоиздателя, заслуженного работника культуры Российской Федерации Е. В. Гропянова, ныне хранящегося в Камчатском краевом объединённом музее (г. Петропавловск-Камчатский).

Издание предназначено для всех интересующихся историей Северо-Востока России и Камчатки, в первую очередь — молодёжи.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке рисунок «Отряд Ивана Москвитина вышел к Тихому океану».
(Е. Ф. Димура, 1997 г.)

© Полевой Б. П., 2021
© Гаврилов С. В., составление, 2021
© ИП «Кожан С. П.», 2021
© Министерство культуры Камчатского края, 2021

ISBN 978-5-906904-86-7

От редактора

Эта книга — дань памяти замечательному русскому учёному, крупнейшему знатоку истории Дальнего Востока и Северо-Востока России и Камчатки, доктору исторических наук Борису Петровичу Полевому (1918—2002). Мысль собрать под одной обложкой его работы, посвящённые открытию и ходу освоения нашего полуострова, принадлежит выдающемуся камчатскому просветителю, писателю и книгоиздателю Евгению Валериановичу Гропянову (1942—2010). Они познакомились в 1973 г., и с этой поры началось их тесное сотрудничество. Евгений Валерианович считал Бориса Петровича своим учителем, советчиком, старшим другом, а тот его — другом, соратником и единомышленником в установлении исторической справедливости и продвижении научных и краеведческих знаний.

Ещё при жизни Б. П. Полевого были подготовлены наметки тома его трудов «Избранное», издать который не удалось из-за отсутствия средств. В 2018 г., в столетнюю годовщину со дня рождения Б. П. Полевого, собранные материалы были переданы вдовой Е. В. Гропянова — Алисой Григорьевной Гропяновой на вечное хранение в Камчатский краевой объединённый музей. Сейчас они входят в состав личного фонда Е. В. Гропянова, и на их основе, а также при помощи дополнительно привлечённых публикаций Б. П. Полевого, и составлена эта книга.

Включённые в неё материалы охватывают почти сорокалетний творческий период учёного. Первая его статья «Об открытии Камчатки» напечатана в газете «Камчатская правда» ещё в декабре 1961 г. Последними в камчатской тематике автора стали статьи о «Камчатском Ермаке» — Владимире Атласове за февраль и март 2001 г. К некоторым темам, например, происхождению названия «Камчатка» или судьбе Атласова на протяжении этого времени он обращался неоднократно. Поэтому читатель заметит самоповторы, но одновременно обратит внимание на то, как по мере выявления новых архивных документов расширялись его, а значит, теперь и наши, знания об уже, казалось бы, известных событиях

и личностях. Завершает книгу небольшая познавательная статья «О происхождении фамилии “Полевые”», вышедшая в газете «Вести» за 5 мая 1999 г.

Открыть же «Избранное» нам показалось уместным очерком Е. В. Гропянова, первый вариант которого был подготовлен в конце 1990-х гг. к 80-летию Б. П. Полевого.

На Камчатке Бориса Петровича не забыли и после кончины. 10 апреля 2018 г. в краевой научной библиотеке прошли традиционные, уже XXXV Крашенинниковские чтения под девизом «Знание беспредельно...», посвящённые 100-летию со дня его рождения. Здесь вниманию общественности также была представлена выставка «Историк Дальнего Востока», рассказывающая о жизни и творчестве учёного.

Борис Петрович Полевой — историк Камчатки.

Труды и дни

Б. П. Полевой родился 23 мая 1918 г. Он был рождён для исторической науки, связавшей его с Сибирью, Востоком и Крайним Северо-Востоком. Интеллигент, хранящий в себе лучшее наследие «измученной эпохи», «сказитель истории», как назвал его академик Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой являет собой энциклопедию событий XVII—XX вв. Его познания истории литературы, географии, этнографии, геологии удивительно глубоки, интересы разносторонни, его не удивить, кажется, ничем. Он всем одинаково интересный собеседник. И всё же...

Стоит заговорить о XVII—XVIII вв., как он преображается, его голос, да что там голос, он необыкновенен весь — лицо одухотворено, речь сильна и благозвучна, действительно сказочна. Он может говорить час, два, и его слушают и час, и два без усталости и требуют говорить далее — так хорошо, романтично, так героически-трепетно то, о чём рассказывает доктор исторических наук, председатель отделения истории географических знаний и почётный член Русского Географического общества Борис Петрович Полевой.

Докторскую диссертацию учёный защитил в 1986 г. Называлась она «Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в.». Те, кто ранее был знаком с его публикациями, удивлялись — почему до сих пор не доктор? А Борис Петрович просто не хотел тратить сил на диссертацию, он жил только научными изысканиями и боялся потерять время. Его заставили подготовить диссертацию по уже опубликованным

работам. Защита прошла успешно. После этого доктор исторических наук Б. П. Полевой написал ещё более сотни статей, издал интереснейшие сборники документов — «Защитники Отечества» (1987), «Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990» (1994), «Новое об открытии Камчатки» (1997), выступил автором и научным редактором историко-географического атласа «Камчатка. XVII—XX вв.» (1997), принял участие в научном редактировании впервые издающегося на русском языке труда Георга Стеллера «Описание земли Камчатки». Впрочем, всего не перечислить, лучше обратиться к библиографии.

...Теперь может показаться невероятным, но интерес к истории Камчатки возник у него ещё в пятилетнем возрасте. Дело в том, что отец мальчика — геолог Пётр Игнатьевич Полевой — в 1923 г. поехал туда в экспедицию. Она ставила своей задачей, во-первых, проверить на месте, действительно ли в Кроноцком районе на реке Богачёвке был открыт выход нефти, а во-вторых, собрать новейшие сведения о тамошних полезных ископаемых, которые срочно потребовались правительству. Как раз в это время американский капиталист Вандерлип стал добиваться в Москве предоставления ему концессии на полуострове. Геолог Полевой никогда не одобрял передачу иностранцам природных богатств России, но, тем не менее, он обязан был исполнить распоряжение правительства.

Эта первая советская геологическая экспедиция проходила крайне тяжело. Её участники лишились компаса, долгое время блуждали, голодали и даже были приняты за банду и обстреляны. Но свою задачу они успешно выполнили. Нефть на Богачёвке оказалась высшего качества. При содействии замечательного камчатского краеведа П. Т. Новограбленова (первого директора Камчатского краеведческого музея) после были собраны ценные сведения о полезных ископаемых Камчатки, что и позволило выпустить первую советскую геологическую карту полуострова уже в конце 1923 г.

Увлекательные рассказы отца о его приключениях на Камчатке, об удивительной природе полуострова, о вулканах, гейзерах и необычайных рыбных богатствах здешних рек произвели огромное впечатление на сына. К тому же ему подарили любопытную книгу о путешествии на Камчатку в 1911 г. одиннадцатилетнего гимназиста Гаги Крамаренко. Она заменила мальчику букварь. Несколько раз в домашнем кругу слышал Борис яркие рассказы о Камчатке и от семейного друга Владимира Клавдиевича Арсеньева, который также в 1923 г. в последний раз посетил полуостров. Несколько позже Владимир Клавдиевич подарил Полевым небольшую

книжку о своём восхождении на Авачинскую сопку. Весной 1986 г. Б. П. Полевой преподнёс её с авторской надписью владивостокским краеведам, которые в бывшей квартире Полевых, переданной в 1928 г. Арсеньевым, недавно создали их музей-квартиру (ул. Арсеньева, 7, кв. 4).

Вернувшись в 1928 г. в Ленинград после десятилетнего пребывания на Дальнем Востоке, Полевые продолжали интересоваться Камчаткой. В начале 1929 г. П. И. Полевой деятельно участвовал в посвящённой полуострову двухмесячной научной сессии Русского Географического общества, а 15 апреля он сделал доклад «Полезные ископаемые Камчатки».

1 марта 1929 г. Полевые поселились в квартире № 1 в доме 39 по 6-й линии Васильевского острова, находившейся в непосредственной близости от могилы Степана Петровича Крашенинникова. Б. П. Полевой очень часто на ней бывал, пока в начале 1930-х гг. она не была надолго погребена под мусором и землёй. Вновь её открыли только в 1963 г. Позже, в 1986—1988 гг., Б. П. Полевому пришлось принять личное участие в перезахоронении С. П. Крашенинникова.

В школьные и студенческие годы Б. П. Полевой внимательно следил за всей исторической и географической литературой, посвящённой Камчатке. С 1938 г. он стал работать экскурсоводом в Гатчинском музее в комнатах Николая I, Александра II и Александра III. В угловом кабинете Николай I 30 ноября 1854 г. принял героя Петропавловской обороны Дмитрия Максудова с докладом о блестящей победе в Петропавловске. Заинтересовавшись Петропавловской обороной 1854 г., Б. П. Полевой занялся изучением истории Крымской войны и в апреле 1941 г. на студенческом конкурсе исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) получил первую премию за дипломную работу «Русско-американские отношения в годы Крымской войны».

Великая Отечественная война на несколько лет прервала его научные изыскания. Однако после демобилизации он, уже аспирант исторического факультета ЛГУ, возобновил изучение истории Крымской войны. В это время молодой учёный в различных архивах страны выявил немало различных документов о хищнической деятельности американских китобоев в русских дальневосточных территориальных водах и даже в самом Петропавловске, а также о малоизвестной американской экспедиции Ринголда — Роджерса, в 1855 г. побывавшей и в Авачинской губе.

С ноября 1952 г. по май 1953 г. Б. П. Полевой был старшим научным сотрудником исторического отдела Главного штаба Военно-Морских Сил СССР. С этого времени он стал ещё более интенсивно изучать архивные документы по истории отечественного Дальнего Востока и именно тогда нашёл ряд ценнейших материалов, в частности, касающиеся Камчатки. Но печатать свои работы по истории полуострова в Петропавловске он начал только с 1961 г. в газете «Камчатская правда», а с 1964 г. — в журнале «Вопросы географии Камчатки».

В феврале 1974 г. на IV сессии Дальневосточных исторических чтений, впервые проходившей в Петропавловске, Б. П. Полевой выступил с обстоятельным докладом «Новое об открытии Камчатки», вызвавшим живой отклик многих краеведов. С той поры он стал постоянно публиковать свои статьи в литературно-художественном ежегоднике «Камчатка» и краеведческих сборниках «Норд-Ост». Его статьи и сборники документов неизменно вызывали интерес. В 1989 г. он был избран почётным председателем возрождённого Камчатского краеведческого общества, а несколько позже — председателем оргкомитета первых Камчатских международных исторических чтений, посвящённых 250-летию Петропавловска-Камчатского. Принял он активное участие и в проводившихся в 1993 г. в Петропавловске вторых Камчатских международных исторических и вторых Свято-Иннокентьевских чтениях.

В связи с семидесятипятилетием Б. П. Полевого в Южно-Сахалинске в «Краеведческом бюллетене» (1994, № 1, с. 171—176) была опубликована статья М. С. Высокова «Историк Дальнего Востока России», к которой прилагался почти полный список печатных трудов Б. П. Полевого (313 названий). В нём примерно треть составляют работы, которые прямо или косвенно связаны с историей Камчатки. Расскажем кратко, что же нового дали они краеведам и историкам полуострова.

Прежде всего, Б. П. Полевой неожиданно выяснил, что впервые интерес у русских к северной части современной Камчатской области возник ещё за три года до исторического плавания Семёна Дежнева 1648 г. через пролив между Азией и Америкой. Тогда от индигирских и колымских юкагиров русские впервые услышали о существовании на востоке богатой реки Погычи. Оказалось, что они так называли реку Похачу — Пахачу, протекающую в северной части Камчатки.

В 1736 г. в якутском архиве академик Г. Ф. Миллер обнаружил подлинные отписки Дежнева 1655 г., из которых узнал о торговом

человеке Федоте Алексееве Попове. В Якутске издавна ходили слухи о каком-то «Федотове сыне», жившем ещё в середине XVII в. на Камчатке. Миллер и его единомышленники очень неосторожно решили, что этим «Федотовым сыном» мог быть или сам Федот Алексеев, или его сын. Поскольку в научной литературе давно велась дискуссия: можно ли доверять этой миллеровской версии, Б. П. Полевой поставил перед собой задачу, во-первых, заново тщательно изучить историю открытия русскими всего азиатского Северо-Востока и, во-вторых, на основе вновь найденных документов определить, кто же из русских ещё в середине XVII в. смог построить в верховьях реки Камчатки на самом деле существовавшее зимовье. Остатки двух его изб были ещё видны во времена С. П. Крашенинникова.

В результате тщательного изучения подлинных документов XVII в. Б. П. Полевой существенно уточнил историю открытия русскими в середине XVII в. азиатского Северо-Востока. Удалось обнаружить подлинную челобитную первооткрывателей Колымы — Михаила Стадухина, Дмитрия Михайлова Зыряна, Семёна Дежнева и его товарищей, что позволило впервые установить, что русские открыли реку Колыму 12 июля 1643 г. и уже 30 июля основали первое русское поселение на средней Колыме. Именно отсюда (а не от Нижнеколымска, как ранее считалось) и был начат морской поход Семёна Дежнева 20 июня 1648 г.

При изучении истории первых русских походов с Колымы на Пенжину Б. П. Полевой установил, что в 1657—1661 гг. по этому пути неоднократно ходил колымский казак Иван Иванов Камчатой. По его прозвищу ещё в середине 50-х гг. XVII в. на вновь открытом пути с Колымы на Индигирку одна из волоковых рек стала называться Камчаткой. Полное совпадение её названия с главной полуостровной рекой позволило Б. П. Полевому ещё в 1961 г. выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что река Уйкоаль названа по прозвищу того же казака, бывавшего в северной части полуострова на западном и восточном берегу.

Б. П. Полевой по якутским актам установил, что в основе легенды о жившем на Камчатке «Федотове сыне» лежали сведения о беглом колымском казаке Леонтии Федотове, который некоторое время пребывал на западном берегу полуострова Камчатки у устья реки Воемля (Лесной).

В 1961 г. в Центральном государственном архиве древних актов учёному удалось впервые найти документ, в котором сообщалось, что казачий десятник И. М. Рубец в 1660-х гг. ходил «вверх реки

Камчатки». Позже удалось установить, что И. М. Рубец пришёл сюда морем с реки Лены. Так стало очевидным: именно к этому плаванию Рубца относилось сообщение И. Козыревского о зимовке в верховьях реки Камчатки группы русских, приплывших на двух кочах с Лены. В этом походе (от Анадыря до Камчатки) участвовал дежневек, промышленный человек Фома Семёнов Пермь.

Бывавший на западном берегу Камчатки Савва Шароглаз (Сероглаз) рассказал Рубцу о реке Камчатке (он хорошо знал Ивана Камчатого, по прозвищу которого была названа река). Сбором ясака на реке Камчатке при Рубце ведал целовальник Фёдор Лаптев. Это был тот самый «Фетька» или «Фёдор», о котором слышал от ительменов Г. В. Стеллер. Так стало ясно, что именно об этом плавании с реки Лены до верховьев реки Камчатки впоследствии сообщали Н. Витсен, Ф. Страленберг, Г. Новицкий, В. Беринг и другие.

Б. П. Полевой существенно дополнил историю картографирования реки Камчатки на сибирских чертежах второй половины XVII в. Особо много внесли изыскания Б. П. Полевого в изучение жизни и деятельности «Камчатского Ермака» Владимира Атласова. Оказалось, что он был уроженцем Якутска, а не Великого Устюга, как полагали многие историки. Звали его Володимером Володимеровичем, а не Владимиром Васильевичем, как отмечалось в наших энциклопедиях, и не Владимиром Тимофеевичем, как полагал М. И. Белов, умудрившийся слить в одну биографии отца и сына и тем самым превратить «Камчатского Ермака» в старика. Много нового удалось узнать о судебном деле В. Атласова 1701—1702 гг.

Б. П. Полевой смог доказать, что лучшая гавань Камчатки — Авачинская губа — была впервые открыта казаками во главе с Родионом Преснецовым осенью 1703 г.

Весьма существенно была уточнена и история открытия русскими Курильских островов со стороны Камчатки.

Для изучения камчатской топонимики большую пользу принесло обнаружение ряда камчатских ясачных книг начала XVIII в. Ценные сведения по истории Камчатки удалось получить при изучении географических чертежей первых двух десятилетий XVIII в., а также самой первой печатной карты отечественного Дальнего Востока — карты «Камчадалии» 1722 г. нюрнбергского картографа И. Б. Гоманна, выполненной по личному заказу Петра I.

Собрано немало новых сведений о том, как рос интерес Петра I к Камчатке, дано новое объяснение инструкции царя Витусу Берингу от 6 января 1725 г. Внесены существенные уточнения в историю

камчатских экспедиций Беринга. Расширены сведения об основании Петропавловска, о новых плаваниях русских мореходов с Камчатки к Курильским и Алеутским островам и к северо-западному побережью Америки, уточнена история второй полярной карты М. В. Ломоносова 1764 г. Особое внимание Б. П. Полевой уделил деятельности Г. И. Шелихова во всей северной части Тихого океана, а также некоторых иностранных мореплавателей, например, Третьей экспедиции Дж. Кука и Ж. Ф. Лаперуза.

В течение многих лет Б. П. Полевой смог собрать множество сведений о русских кругосветных плаваниях первой половины XIX в. Он впервые опубликовал два недавно найденных письма В. М. Головнина, отправленные из Петропавловска в 1817 г., о его пребывании на Камчатке, рапорт Г. И. Невельского, посланный из Петропавловска перед его походом 1849 г. к берегам Сахалина и к устью Амура.

Особо много новых документов опубликовано Б. П. Полевым по истории героической обороны Петропавловска 1854 г.

После длительного застоя в жизни Петропавловска, продолжавшегося с 1856 г. до 1904 г., в годы премьерства П. А. Столыпина в камчатской столице началось оживление. Этому периоду также были посвящены некоторые статьи Б. П. Полевого.

В течение ряда лет он собирал различные материалы по дореволюционной истории Петропавловска. Итог — сборник документов «Петропавловск-Камчатский. 1740—1990». Насыщенная первая часть до 1917 г. составлена Б. П. Полевым. К сожалению, из-за ограниченного объёма документы в неё вошли не все, и это — потеря для краеведов. (В 2020 г. в серии «Из фондов музея» выпущен сборник документов и материалов «Дореволюционный Петропавловск (1740—1916)», включивший то, что в своё время не вошло в упомянутую выше работу. — *Ред.*)

Труды Б. П. Полевого дважды отмечались специальными дипломами Русского Географического общества, а в 1992 г. оно удостоило его премии имени С. И. Дежнева.

Учёный полон сил и энергии. Его приглашают на все исторические конференции. В ноябре 1996 г. (г. Халле, Германия) он участвует в научной конференции, посвящённой 250-летию со дня смерти Георга Стеллера. Июль 1997 г. — доклад «Три поколения Козыревских» на конференции в Польше (г. Вроцлав). Сентябрь 1997 г. — Б. П. Полевой на Камчатке, он — душа третьих Международных исторических и Свято-Иннокентьевских чтений «300 лет в составе России».

Исторические выводы, сделанные Б. П. Полевым, поддержаны крупнейшими учёными-историками Старого и Нового Света. К его мнению прислушиваются на всех симпозиумах и конференциях, посвящённых изучению Крайнего Севера и Дальнего Востока. Этот авторитет завоёван изнурительным трудом, скрупулёзным изучением архивных документов XVII—XX вв.

Б. П. Полевой умер 26 января 2002 г. Весть об этом была неожиданной: ничего не предвещало такого трагического конца, хотя в письмах он иногда жаловался на усталость. Его жена, Наталья Михайловна, скончалась в августе 1999 г. После смерти своего любимого и единственного помощника Борис Петрович сдал: исчезла энергия, появилась вялость, всё это чувствовалось по письмам, которые он теперь писал реже обычного. На мои письма не отвечал с сентября 2001 г., что было ему совершенно несвойственно, он всегда был пунктуален.

Я оправдывал всё занятостью Бориса Петровича — у него громадные планы: он заканчивал комментарий к известному труду Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (запросили голландцы, они готовят переиздание книги); делал наброски к книге для сахалинцев, с которыми был дружен; намеревался осенью 2001 г. приехать на Камчатку и даже заказал билет, но в последнюю минуту сдал; собирал материал для воспоминаний о камчатских встречах (об этом я постоянно напоминал ему; прислал чудесные воспоминания об историке-академике Е. Тарле, который писал о Петропавловской обороне, — они были опубликованы в газете «Вести» в 2001 г.); постоянно возвращался к своему «Избранному» (мы давно разработали с ним план издания его лучших статей о камчатских событиях XVII — начала XVIII вв. — своеобразное дополнение к двухтомнику «Новое об открытии Камчатки»); у него были обязательства перед Владивостоком, Хабаровском, Иркутском; упоминались международные конференции и доклады в Русском Географическом обществе.

Зрение стало подводить его, что мешало работе. Письма, написанные от руки, читались с трудом. Когда появилась возможность освоить компьютер, он без колебаний сел за него и был доволен тем, что работа упростилась. Последняя статья, которую я получил через Камчатскую областную библиотеку, посвящена вопросу, который всегда мучил Бориса Петровича, — «О подлинном происхождении названия “Камчатка”». В ней он не сдерживал эмоций, давал характеристики, иногда очень резкие, своим оппонентам. Таким Бориса Петровича я никогда не знал.

Возможно, я когда-нибудь решусь написать более подробно о Б. П. Полевом — объёмная переписка, встречи, беседы, рассказы тех, с кем он общался, главное, все статьи и книги о Камчатке, собранные за тридцать лет, — лишь частица его жизни, связанная с нашим краем.

Поражал он меня всегда, но дважды — особенно. В 1997 г., 13 сентября, после окончания конференции, посвящённой 300-летию присоединения Камчатки к России, мы прощались на ступеньках Камчатской областной библиотеки. Борис Петрович подошёл ко мне, мы обнялись, и он прошептал мне на ухо: «Пока не будет восстановлена хоть какая-то монархия, порядка в России не будет. По своим убеждениям я монархист».

После выхода двухтомника «Новое об открытии Камчатки», 26 января 2000 г. он так отозвался о своём труде: «Я считаю, что именно благодаря Вашей помощи эта моя работа стала лучшей в моей жизни. Но её ещё не скоро оценят по достоинству. Увы, многие до сих пор не понимают её реального значения. В ней я смог превзойти Миллера, и это особенно приятно». Специалисты знают, что значит имя Миллера для исторической науки.

5 февраля я вынул из своего почтового ящика письмо Бориса Петровича от 28 декабря 2001 г. — из Санкт-Петербурга оно шло тридцать три дня! Я разговаривал с Борисом Петровичем, которого уже не было. Письмо объясняет многое:

«Дорогой Евгений Валерианович! ...Институт географии Сибири предполагает представить моё цветное издание Атласова (речь идёт о красочном издании книги «Новое об открытии Камчатки», которое в 2000 г. осуществил нефтепромышленник Арнольд Иванович Атласов. Первое издание вышло в двух томах на Камчатке в 1997 г. — *Е. Г.*) на государственную премию. Но я сомневаюсь в успехе моей книги, хотя Атласов действительно сделал яркую книгу. Я уже послал один экземпляр в Иркутск в Институт Сибирского отделения РГО, которому исполнилось ровно 150 лет.

Я собираюсь написать книжку по новым архивным данным «Новое об открытии русскими Тихого океана в 1639—1640 гг.» и об открытии Сахалина. Боюсь, что на Сахалине значение этой книги мало кто поймёт. Но я всё-таки рискну.

Как обстоит дело с двухтомником («Избранное», состоящее из лучших работ Б. П. Полевого, подготовлено к печати в 2001 г., не издано. — *Е. Г.*) моих работ по истории Камчатки? Остаётся очень мало времени, когда я ещё смогу принять участие лично в создании этого двухтомника.

Я решил передать мою библиотеку в отдел истории библиотеки Академии наук.

Как обстоят дела с «Неизвестной Камчаткой» (иллюстрированный журнал, который с 1997 по 2005 г. выпускал Камчатский печатный двор. — *Е. Г.*)?».

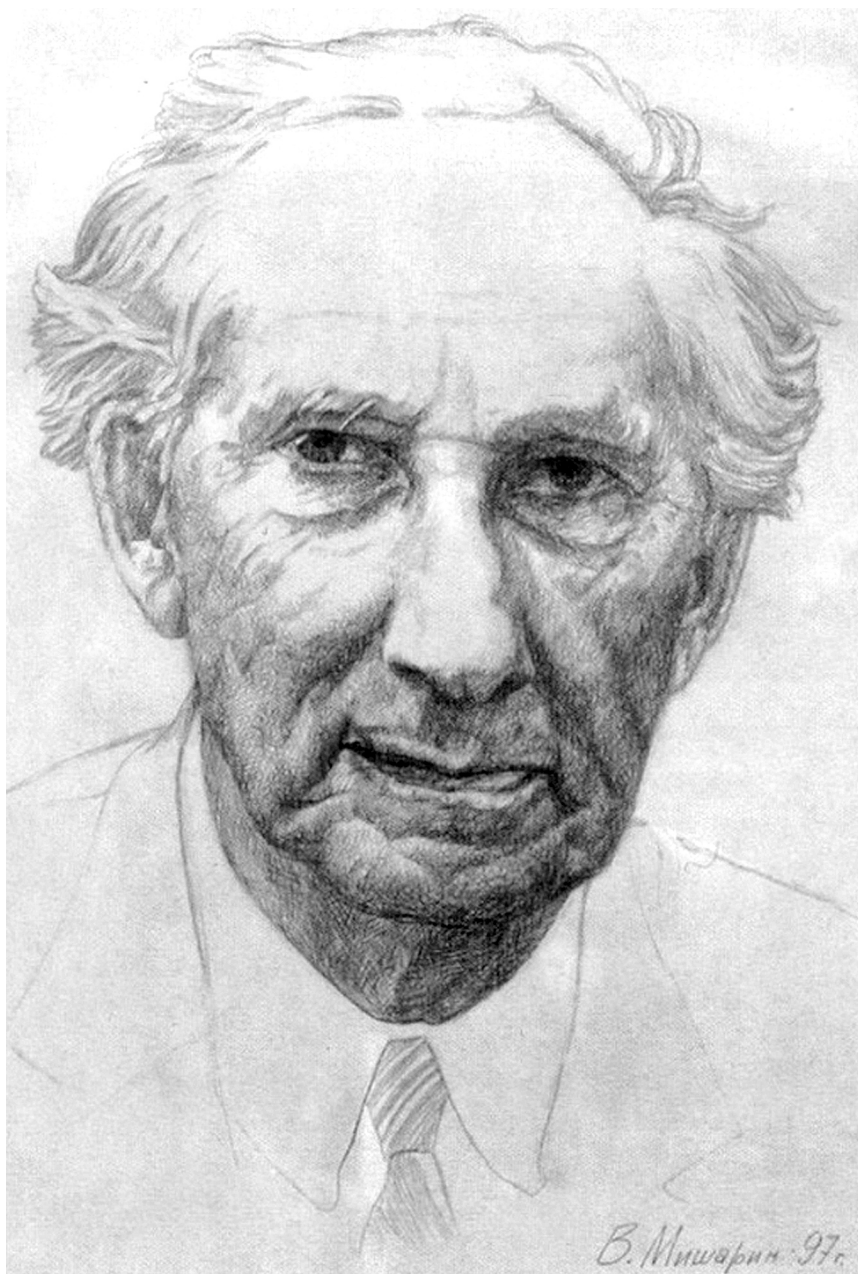
Не знаю, как решилась судьба его богатейшего уникального архива: документов, громадной переписки с учёными всего мира, кассет (чтобы не тратить время, он наговаривал на диктофон архивные выписки), библиотеки, семейных бумаг. В одной из частных бесед с нашими историками он высказал пожелание, чтобы его похоронили на Камчатке. Однако никаких письменных распоряжений Борис Петрович не оставил...

Прах Б. П. Полевого был захоронен на санкт-петербургском Смоленском кладбище. Это несправедливость — Б. П. Полевой должен лежать рядом со С. П. Крашенинниковым. Неужели в нашем мире ничего не значат такие люди?!

Борис Петрович Полевой принадлежит всей России, большей частью своего труда — Сибири и Дальнему Востоку и, конечно же, Камчатке. Думается, что в скором времени явится исследователь творчества Б. П. Полевого, изучит его удивительнейший архив и напишет большую книгу об учёном, который в XX в. составил эпоху в исторической науке, посвящённой XVII — началу XX вв., когда Россия покоряла и осваивала громадные просторы, дошла до Тихого океана и до 1867 г. владела Русской Америкой...

Творчество Б. П. Полевого — и для его современников, и для пытливых умов будущих столетий и третьего тысячелетия.

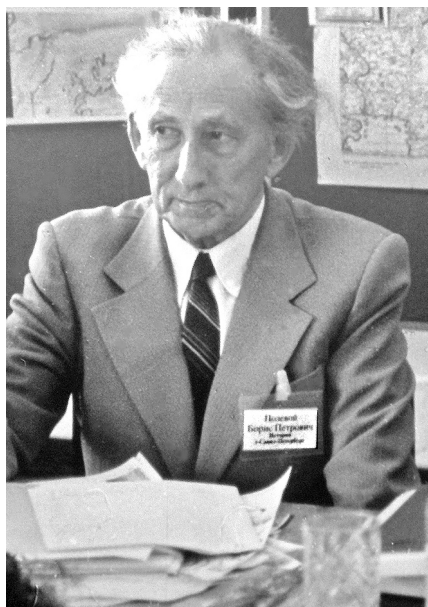
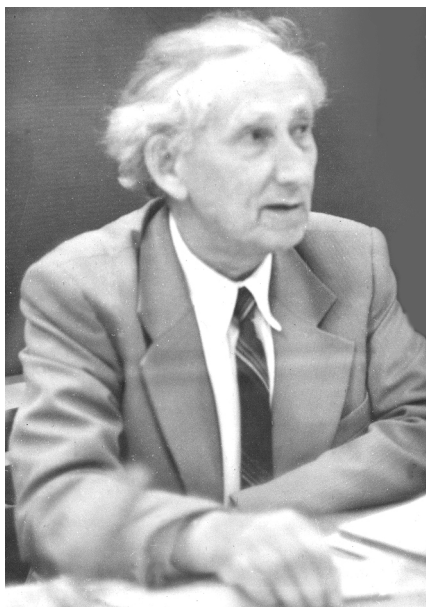
*Е. В. Гропянов,
1997—1999, 2002 гг.*

Борис Петрович Полевой. Рисунок В. Мишарина, 1997 г.

Академик Е. В. Тарле с учениками.
Стоит в центре — Б. П. Полевой

Б. П. Полевой на исторических чтениях в Петропавловске-Камчатском.
Слева — в 1993 г., справа — в 1991 г.

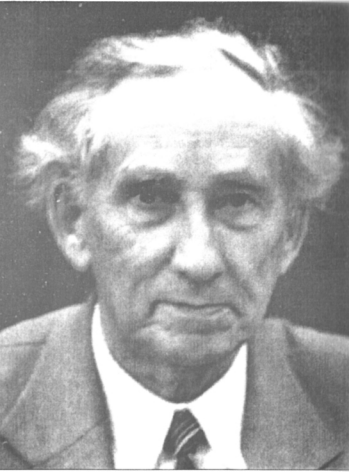
Единомышленники: Е. В. Гропянов (слева), Б. П. Полевой и В. П. Мартыненко на исторической конференции «300 лет в составе России». Петропавловск-Камчатский, 11 сентября 1997 г.

Начальник управления культуры администрации Камчатской области О. П. Кубышкина (слева), Б. П. Полевой и писатель Л. М. Пасенюк во время празднования 250-летия Русской Америки, 1991 г.

Б. П. Полевой, 1991 г.

Почетный член Русского географического общества,
председатель отделения истории географических знаний РГО,
доктор исторических наук
Борис Петрович Полевой

**КРАТКИЙ ОБЗОР
ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ
БОРИСА ПЕТРОВИЧА ПОЛЕВОГО,**
*лауреата премии С. И. Дежнева 1992 г.
и С. П. Крашенинникова 1997 г.*

**К 80-летию со дня рождения
(23 мая 1998 г.)**

Санкт-Петербург
1998

Фрагмент издания, подготовленного отделением исторических знаний
РГО к 80-летию Б. П. Полевого. Санкт-Петербург, 1998 г.

Из письма доктора ист. наук А. В. Гринева

Л. М. Пасенюку

"...печальная новость – умер Борис Петрович Полевой. Получилось все как-то неожиданно: еще в начале января говорил с ним по телефону..., голос у него был бодрый, настроение хорошее, и вдруг в конце месяца Т. С. Федорова сообщает мне, что Б. П. попал в больницу. Сначала надеялись на лучшее, вроде бы пошел на поправку, его даже выписали, но спустя три дня он скончался у себя дома... Страшно потерять такого хорошего человека, настоящего ученого (он ведь автор более 400 работ!). На похоронах было много народу, очень хорошо выступали, особенно ~~В. Н. Комиссаров~~ ~~В. Н. Комиссаров~~ В. Н. Комиссаров, а Ник. Ник. Волховитинов прислал телеграмму соболезнования Из Японии. С Борисом Петровичем ушла целая эпоха..."

*Вашему ученику
Л. М. Пасенюк 23 мая 2002 г.*

Сообщение о смерти Б. П. Полевого, 2002 г.

Памяти друга

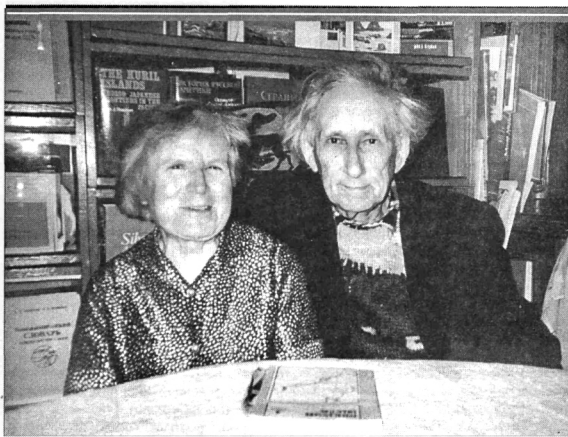
Борис Петрович Полевой (1918–2002 гг.)

Крупный российский ученый, доктор исторических наук, историк Дальнего Востока Борис Петрович **ПОЛЕВОЙ** хорошо известен как в России, так и за рубежом. Его труды публиковались в США, Канаде, Англии, Германии, Польше.

Многое связывало его с Ленинградским (ныне – Санкт-Петербургским) государственным университетом. Родился Борис Петрович в Чите, но большая часть его жизни протекала в нашем городе. В архиве Санкт-

Петербургского государственного университета хранится ряд дел, в которых можно почерпнуть много ценных сведений о жизни и деятельности этого незаурядного ученого. В деле №1236, к примеру, значится, что Борис Полевой с 1.09.1936 г. перевелся из ЛИФЛИ (Ленинградский историко-философский литературный институт) на 1-й курс исторического факультета ЛГУ.

Учился Борис Полевой весьма успешно. За пять лет в матрикule не было ни одной отметки «удовлетворительно». Он был увлеченным студентом, ловил каждое слово своих знаменитых учителей, а преподавали тогда такие корифеи, как Б.Д.Греков, Б.Б.Пиотровский, С.Н.Валк, молодой В.В.Мавродин, С.Я.Лурье, В.В.Струве, Н.П.Полетика, М.К.Каргер, О.Л.Вайнштейн, А.В.Предтеченский, М.С.Гуковский и другие. Большим событием в жизни Б.П.Полевого была встреча с выдающимся ученым Евгением Викторовичем Тарле. Некоторое время Тарле читал на историческом факультете лекции по

Б.П.Полевой с супругой Натальей Михайловной.

Об открытии Камчатки

В Москве, в доме № 17 по Большой Пироговской улице находится один из интереснейших архивов СССР — Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Недавно, просматривая в этом архиве челобитные середины XVII в., я натолкнулся на целый ряд документов, проливающих новый свет на историю первооткрытия Камчатки русскими землепроходцами.

Эти счастливые находки начались с обнаружения в судебных делах Якутской приказной избы любопытнейшей челобитной бывшего приказчика Анадырского острога Ивана Меркурьева Рубца.

В начале декабря 1668 г. казачий десятник Иван Рубец, вскоре после своего возвращения из Анадыря в Якутск, обратился к якутскому воеводе И. П. Борятинскому с просьбой записать на его имя «коряцкого малого», которого он взял во время своего похода... вверх по реке Камчатке!

Итак, казаки Якутска совершали успешные походы в глубь Камчатского полуострова вверх по реке Камчатке более чем за тридцать лет до знаменитого похода В. В. Атласова. Интересно! Текст этого ценнейшего документа ясно доказывает ошибочность утверждения известного историка Сибири академика Г. Ф. Миллера о том, что в Якутске о существовании реки Камчатки будто бы узнали только в 1690 г., да и то «токмо по единому слуху».

Полной неожиданностью для историков оказалось и то, что с конца 60-х гг. XVII в. в Якутске уже жил уроженец Камчатки. Более того, в архиве удалось обнаружить краткое описание его внешности. Оказалось, что 15 декабря 1668 г. «коряцкий малой» был приведён в Якутскую приказную избу, где его лично допросили воевода Якутска князь И. П. Борятинский и его помощник дьяк Степан Елчуков. В одном из найденных документов говорится:

«И малой в допросе сказался коряцкого роду: неясчного отца сын, а взял-де ево Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке, а как ево по-коряцки зовут, того сказал не помнит и сее-де время он не крещён, а назвал-де ево Ивашка Рубец русским именем Петрушкою и потому-де его и ныне тем именем называют, а скольких лет взят на погроме того сказал не помнит же. А приметы: то малый круглолиц, плоской нос, двух зубов верхних нет, волосом рус, ростом невелик».

В одной из отписок Курбата Иванова, преемника Семёна Дежнева по Анадырскому острожку начала 60-х гг. XVII в., оказалось беглое упоминание о том, что у казаков, живших на Анадыре, был

какой-то «Петрушка». О нём было сказано: «Петрушка, а под него ясаку государева платить некому — ни роду, ни племени нет». Выяснилось также, что в 1663 г. Курбат Иванов вывез этого «Петрушку» с реки Анадырь. Позже этот «коряцкий малой» оказался одним из виновников пожара, во время которого обгорели многие соборы, вывезенные Курбатом Ивановым с Анадыря. Курбат Иванов оставил «Петрушку» в Жиганах, а сам уехал вверх по Лене. Вскоре Иванов был брошен в тюрьму, а в 1667 г. он умер. Поэтому первоначально создалось впечатление, что Иван Рубец встретил «Петрушку» в Жиганах, откуда он перевёз его в Якутск, где подал челобитную с просьбой записать коряка на своё имя.

Однако в дальнейшем стали возникать сомнения: так ли это было на самом деле? Может быть, у Рубца был какой-то другой «Петрушка»? Дело в том, что при изучении анадырских документов конца 50-х гг. XVII в. выяснилось, что «Петрушка» Курбата Иванова был взят ещё во время одного из последних походов самого Семёна Дежнева! В первый момент мне даже показалось, что в мои руки попал документ, доказывающий, что в конце 50-х гг. XVII в. сам Дежнев смог побывать на реке Камчатке. Но от этого «заманчивого вывода» пришлось отказаться, ибо пока исследователи ещё не знают ни одного документа об участии Ивана Рубца в последних походах Семёна Дежнева. Наоборот, документы говорят о том, что Рубец появился на Северо-Востоке только в 60-х гг., а поэтому не исключена возможность того, что у Рубца находился какой-то другой «малой коряк Петрушка», взятый уже в 60-х гг. XVII в.

Из документов видно, что Иван Рубец был послан из Якутска на Анадырь в июле 1661 г. Он должен был туда идти морем. Для этого ему было дано особое судно — коч. Но уже в августе 1661 г. этот коч погиб в низовьях Лены. Тогда Рубец перешёл на коч сына боярского Ивана Хвостова. В 1662 г. они вместе начали своё плавание по Ледовитому океану. Достоверно известно, что летом 1662 г. Рубец побывал в устье Яны, а в 1663 г. приступил к исполнению обязанностей анадырского приказчика, придя на смену Курбату Иванову.

9 июня 1666 г. ему на замену на Анадырь пришёл сын боярский Дмитрий Катасонов. До весны 1667 г. Рубец прожил на Анадыре, после чего отправился назад в Якутск.

Из анадырских документов видно, что Иван Рубец не раз ходил в различные походы, но пока ещё трудно определить, когда именно он ходил на реку Камчатку. Здесь возможно несколько вариантов.

Не исключено, что Рубец смог побывать на Камчатке в 1662—1663 гг., когда он, как полагают некоторые исследователи, смог повторить подвиг Дежнева — морем пройти вокруг Чукотки. Отметим, что в знаменитой книге голландского географа Николая Витсена «О северной и восточной Татарии» 1692 г. имеется упоминание о каких-то неизвестных русских мореходах второй половины XVII в., которые смогли пройти морем от устья Лены до реки Камчатки!

Уже теперь можно уверенно сказать, что при внимательном изучении анадырских документов середины XVII в. ещё удастся точно установить, когда Иван Рубец и его товарищи совершили поход в глубь Камчатского полуострова вверх по реке Камчатке.

Камчатский поход Рубца, несомненно, заинтересует историков этого далёкого края. Его ещё будут внимательно изучать исследователи. Но уже сейчас необходимо сделать существенное предупреждение: поход, в котором участвовал Рубец, отнюдь не был первым русским походом на реку Камчатку. При дальнейшем изучении документов удалось установить, что до Рубца были несправедливо забытые предшественники. Но это уже тема для новой статьи по истории Камчатки.

Камчатская правда, 3 декабря 1961 г., № 288

Загадка ветхого документа (об одном забытом походе)

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится немало документов. В особых реставрационных мастерских специалисты бережно возрождают к жизни эти ветхие, пожелтевшие бумаги, делают их доступными для исследователей. Собирая материал по истории великих географических открытий в XVII в., я пересмотрел буквально тысячи таких возрождённых документов. В них оказались весьма полезные сведения и по истории Дальнего Востока. Один из документов представляет большой интерес для историков Камчатки.

Начало его, к сожалению, истлело, конец оторван... Отдельные слова или слоги вырваны. И всё же основной текст сохранился и достоин того, чтобы его воспроизвести:

«...человек десятник каз... подал мне Петрушке челобитную, а в челобити... сано: послан де он, Иван, из Якутского острогу на дальнюю заморскую службу морем на коче на Пе... Кончатку и на Омолон реки. И как де он, Иван, пришёл на Ковыму реку под

нижнее ясачное Ковымское зимовье и с того коча великого государя оружейную и всякую казну, что с ним, Иваном, послано было, и хлебные запасы и всякие свои борошни выклал на берег и тех же числа новокрещён толмач Офонька Чюхча, да с ним ковымские юкагиры того Нижнего ясачного зимовья Керето да Черноус, да Наган... да Туук с племянником и с родниками и со всеми улусными мужиками великому государю изменили, служилых людей побили и великого государя оружейную и всякую казну и хлебные запасы и всякие борошни отбили. И наказную память и письменные крепости взяли, а он, Иван, убежал душою да телом и на ту де великого государя службу ему, Ивану, без наказаной памяти идти не с чьи и чтоб великий государь пожаловал ево Ивана веле... ты наказную память против ево Иванова челобитья. И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России самодержца, не хотя тое великого государя службу поставить, дал я, Петрушка, ему, Ивану, наказную память итти на великого государя службу на ...н... и на Коңчатку и на Омолон реки, а ту ево Иван... челобитную подклея под сею отпискою... острог в съезжую избу к т... ..ольи... ..Петровичу, да дьяку Сте... Петрушка Аксен...»

На обороте ветхого листа сохранилась отметка, что этот документ был подан якутскому воеводе князю И. П. Борятинскому казаками К. Алкидиновым и А. Ципандиным, приехавшими с Колымы «178 г. июня 13», то есть, переводя на современное летоисчисление, 13 июня 1670 г.

Итак, неожиданно выяснилось, что ещё до 1670 г. из Якутска на коче была отправлена ещё одна экспедиция на реку Камчатку! За четверть века до похода В. В. Атласова русские стремились к освоению Камчатки. Теперь очевидно, что академик Г. Ф. Миллер ошибался, когда так неосторожно заявлял, что будто бы в Якутске узнали о существовании реки Камчатки только в 1690 г. Естественным было желание достоверно установить, когда и при каких обстоятельствах была организована эта экспедиция.

Не трудно понять, что «Петрушка Акс...» это ни кто иной, как казачий пятидесятник Пётр Аксентьев — колымский приказчик, «начальный человек» с 1669 по 1672 г. В одной из окладных книг Якутска (книг, в которых перечислены имена всех служилых людей и их оклады) я нашёл краткую запись, что «Фомка Чюхча во 178 году на Ковыме... изменил, отъехал к родникам своим в Чюхчи». «178 год» начался 1 сентября 1669 г. и окончился 31 августа 1670 г. Исходя из всех этих дат, можно вполне твёрдо сказать,

что участники неизвестной экспедиции прибыли в низовье Колымы осенью 1669 г.

Пока ещё не совсем ясно, зачем потребовалось участникам выгружать всю данную им на поход «казну» в низовьях Колымы. Собирались ли они оттуда отправиться вверх по Колыме и далее на Омолон, или же они здесь просто расположились на зимовку с тем, чтобы в следующую навигацию на коче отправиться вокруг Чукотки к реке Камчатке? Если учесть, что «Офонька» (или «Фомка») Чюхча был чукчей и в поход был послан как «толмач», то есть переводчик, то невольно возникнет предположение, что участники этого похода действительно рассчитывали плыть вокруг Чукотки. Афанасий Чюхча честно служил русским на Алазее, Индигирке, в Якутске и на реке Охоте, но он, по-видимому, сознательно не хотел участвовать в походе против своих «родников» — чукчей и, тем более, играть в нём активную роль в качестве переводчика.

Из документов установлено, что зимой 1669—1670 гг. Пётр Аксентьев жил в Верхне-Колымском зимовье. Следовательно, именно там он и смог оказать руководителю похода на реку Камчатку свою помощь.

Естественно, возникает вопрос: кто же этот таинственный «десятник Иван», который стоял во главе нового русского похода на Камчатку? Уж не бывший ли ранее на реке Камчатке десятник Иван Рубец, о котором сообщалось в статье, опубликованной в «Камчатской правде» 3 декабря 1961 г.? Ведь вполне логично предположить, что якутские воеводы, получив от Рубца в конце 1668 г. сведения о реке Камчатке, могли его туда отправить вновь. Однако при просмотре якутских документов за 1669—1671 гг. точно установлено, что Иван Рубец жил в эти годы преимущественно в Якутске.

Тайну «десятника Ивана» раскрывает другой архивный документ. В XVII в. было принято, что каждый поступающий в казаки обязан был представить так называемую «поручную запись» от других служилых людей, которые клялись, что «новоприбранный» (то есть новобранец) будет служить честно. В случае измены такого казака всех поручителей призывали к ответу — на суд («на правёж»). Так и произошло в 1673 г., когда на суд вызвали казаков, которые в своё время дали «поручную запись» по «изменнику Офоньке Чюхче». Группа вызванных поручителей — казаки Василий Кожева, Михаил Даурец, Иван Куржега и Семён Иванов — подали челобитную, в которой писали:

«...стоим мы, холопи твои, на правеже в твоей государевой казне по поруке за изменника казака за Офоньку Чюхчю, что бутто он, Офонька, изменил тебе, государь, убёг к родникам своим, к неясачным чюхчам, и твою государеву казну пограбил, которая была в отпуску в прошлых годах с казаком, с Иваном Ермолиновым...»

Итак, очевидно, что таинственный десятник Иван ...лин», это, несомненно, Иван Ермолин — видный русский землепроходец, который ещё в 1660-х гг. провёл несколько лет на реке «Чендоме» (Гижиге?). Из документов известно, что он где-то в Пенжинском заливе смог обнаружить жемчуг. В связи с этим летом 1669 г. десятник Иван Ермолин был официально направлен на реку Пенжину «для приводу под государеву царскую высокую руку землиц и для прииску жемчугу и узорочного камня». Таким образом, таинственная река «Пе...» в заинтересовавшем нас документе — это не что иное, как... Пенжина.

Очевидно: летом 1669 г. из Якутска была направлена на далёкую Пенжину и Камчатку «для приводу... новых землиц» ещё одна военно-промысловая экспедиция, во главе которой стоял видный русский землепроходец Иван Ермолин. К сожалению, все попытки разыскать документы, раскрывающие дальнейшую историю этого похода, пока не увенчались успехом. Но нет сомнения в том, что в богатейших фондах Центрального государственного архива древних актов ещё будут со временем обнаружены новые документы и об этом забытом камчатском походе десятника Ивана Ермолина и его товарищей.

Камчатская правда, 22 мая 1962 г., № 119

Козыревские на Камчатке

Кто из жителей Камчатской области не слышал о знаменитых землепроходцах Петре и Иване Козыревских! По имени Петра Козыревского названа река Козыревка — левый приток реки Камчатки. С названием реки Козыревки связан посёлок Козыревск, расположенный неподалёку от её устья. Историки и географы всего мира связывают с именем Ивана Козыревского самые первые успешные походы русских землепроходцев с полуострова Камчатка на Курильские острова. Иван Козыревский прославился также и как составитель одной из самых ранних карт Камчатского полуострова, на которой впервые были изображены два зимовья, созданные русскими ещё в середине XVII в. на реке Никул («Федотихе») — левом притоке реки Камчатки.

Слава Козыревских продолжает расти. Их жизнью интересуются наши польские друзья. О Козыревских пишут японские, американские, английские и французские историки и географы. И всё-таки в биографии Козыревских есть ещё немало «белых пятен». Так, например, до сих пор точно не было известно, когда и при каких обстоятельствах Козыревские впервые попали на Камчатку.

И вот совсем недавно всё в том же неисчерпаемом Центральном государственном архиве древних актов в Москве мне посчастливилось обнаружить целую кипу документов, которые раскрывают во всех подробностях историю появления землепроходцев Козыревских на далёкой Камчатке.

История эта глубоко трагична. Но как бы ни была горька истина, знать её необходимо каждому, решившему глубоко изучить интереснейшую историю Камчатской области во всех её необыкновенных подробностях.

Передо мной лежит судебное дело Петра Козыревского. Именно оно показывает, что побудило Козыревских уехать на далёкую Камчатку.

Вот она, эта история.

В 1667 г. польский пленный Фёдор Иоаннович Козыревский, сосланный из Москвы на далёкую Лену, женился на местной девушке Акулине. У молодожёнов родилось три сына — Пётр, Семён и Дмитрий. В 1674 г. Фёдора вызвали в Москву и объявили, что он может вернуться в Польшу. Но Фёдор полюбил суровую Сибирь, вывезти свою семью в Польшу было нелегко, а потому он бил челом царю Алексею Михайловичу — просил оставить его «на вечную службу» в Сибири. За это «похвальное желание» приказано было его произвести («поверстать») в самый высший казачий чин — сделать «сыном боярским». С тех пор стали Фёдора Козыревского посылать в самые различные дальние зимовья уже как «начального человека». Семья Козыревского постоянно переезжала с одного места на другое — то жила на Вилюе, то на Алдане, то на Олкеме, пока не осела на верхней Лене на Чечуйском волоке. Жили Козыревские счастливо, но жалования не хватало. И тогда Фёдору пришла в голову роковая мысль: взять в свои руки на откуп винную торговлю на Чечуйском волоке. И тут-то в семье Козыревских начались несчастья.

Торговать Фёдор не умел. Очень скоро он стал «неоплатным должником» — должен был он в казну «ценных денег» пятьдесят рублей — сумму, равную его пятилетнему жалованию! Достать таких денег он не мог, и долг продолжал расти. Но главная беда

состояла в том, что его дети, живя при кабаке, сами стали люто «бражничать». Особенно буйно вёл себя старший, Пётр.

Желая обуздать неукротимый нрав сына, Фёдор женил его на некой Анне. Но жена оказалась под стать мужу. Она сама стала участвовать в попойках. В 1690 г. у Анны родился сын Иван — будущий первооткрыватель Курил. Год спустя появился на свет второй сын. Дед Фёдор, видя, что «бездельная хмельная жизнь» может окончательно сгубить сына и его семью, бил якутскому воеводе челом, прося его по «старости» отпустить со службы в монастырь, а на его место взять его сына Петра. Эту просьбу уважили. Основатель «дома» сибирских Козыревских — дед Фёдор — стал «иноком Авраамием», а его сын Пётр — сыном боярским, приказчиком Чечуйского волока. Но коварная водка уже сделала своё губительное дело: Пётр продолжал бражничать со своей женой. Пьяная Анна постоянно «на людях» нападала на своего супруга и, как гласят документы, его «бранила неподобною богомерскою бранью», «говорила всякие неистовые слова».

В мае 1695 г. Козыревские поехали на богомолье в Киренский Троицкий монастырь. И здесь на монастырской заимке произошла трагедия. После скандала разгорячённый Пётр швырнул нож в свою жену. Удар оказался смертельным.

Власти распорядились «схватить душегубца». Но монастырские «служки» не выдали Петра. Позднее он вместе с малолетними сыновьями скрывался на верхней Лене. Из списка служилых людей Петра исключили, жил он без жалования, распродавая свой последний «живот» (имущество). И только в 1700 г. он решился выйти в Якутск с повинной.

Между тем из Москвы пришёл грозный указ — судить Петра Козыревского за убийство жены: «Буде явится, что он без причины её убил и в том повинитца, и за то его казнить самого смертью, велеть повесить в той же монастырской заимке, а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство, и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил».

Так якутский воевода Траурнихт и решил действовать. 2 июля 1700 г. в якутской воеводской избе начался суд над Козыревским. Вызвали ряд свидетелей, в том числе «инока Авраамия», отца Петра. Все свидетели в один голос утверждали, что причиной всех бед было «неистовство» самой убитой. Это спасло Козыревского от виселицы, но не спасло от страшных мучений. 3 июля его пытали — подтягивали на ремне за руки и жгли калёными клещами. День спустя состоялась «торговая казнь». При большом стечении народа на

торговой площади Якутска Петра протащили сквозь строй казаков, а затем били на козле кнутом. Еле живого, всего окровавленного, его бросили в «казёнку» воеводского застенка. Но уже через несколько дней выпустили на свободу на поруки. Виднейшие казаки Якутска дали за него весьма своеобразную «поручную записку» — они торжественно клялись, что Пётр Козыревский свою будущую жену «не убьёт»... без предварительного разрешения властей.

Эта подробность ясно показывает, каково было положение женщин на Руси в начале XVIII в. Козыревский, чтобы не нарушить этой клятвы, предпочёл вообще вторично не жениться. Более того, он перестал пить.

После всего пережитого Козыревский не хотел более оставаться в Якутске. В это время прибыл с Камчатки сын боярский Тимофей Кобелев. Из-за камчатского «малолюдства» приехал он в Якутск «набирать охочьих людей». Пётр Козыревский обратился к нему с просьбой взять его на далёкую Камчатку. Пётр славился как хороший грамотей, поэтому Тимофей Кобелев охотно согласился. Вот тогда-то, 28 июля 1700 г., Пётр Козыревский и обратился к Петру I с челобитной, фотокопию с которой следовало бы выставить в Камчатском краеведческом музее.

Козыревский писал: «Великому Государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея великия и малыя и белыя Руси самодержцу, бьёт челом холоп твой, невёрстанный казак Петрушка Козыревский. Милосердный великий государь, царь и великий князь Пётр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня в Якуцком приверстать в пешую казачью службу на убылое место и послать меня послужить тебе, великому государю, на новую Камчатку реку. Великий государь царь, смилуйся».

Челобитную уважили. Но тут же встал вопрос: где Козыревскому добыть необходимое снаряжение для похода на далёкую Камчатку? Тогда он попросил якутского воеводу списать с него старые долги и выдать двухлетнее казачье жалование. Он писал: «Откупитца мне за бедностью нечем, а ныне наряжен на твою великого государя двоегодную службу за нос». Воевода милостиво разрешил выписать Козыревскому двухлетнее казачье жалование и тут же распорядился конфисковать его в счёт старого долга семейства Козыревских. Более того, он распорядился и впредь в течение нескольких лет отбирать жалование Козыревского в счёт погашения его долга.

Так и был в сентябре 1700 г. отправлен Козыревский из Якутска на Камчатку вместе со своими сыновьями без всяких средств. Мог он в пути рассчитывать лишь на милосердие своих спутников. Интересно отметить, что воевода Траурнихт в своём официальном сообщении Петру I объявил, что он послал Козыревского на Камчатку в ссылку.

Долгое путешествие на Камчатку оказалось тяжёлым. Его участники страдали и от голода, и от холода. Лишь в середине декабря они добрались до сурового Верхоянска, откуда прошли Индигирку к Зашиверскому зимовью. Проехав на собаках по Индигирке до Уяндинского зимовья, перебрались в верховья Алазеи и оттуда к Среднеколымскому зимовью, затем проехали до Нижне-Колымска и через Анюй вышли в Анадырский острог, откуда в мае 1701 г. отправились на Камчатку. В пути они встретили группу товарищей погибшего на Камчатке Петра Серюкова. Петру Козыревскому, как первому грамотею похода, пришлось за этих казаков написать челобитную, в которой впервые было рассказано о трагической судьбе сподвижника В. В. Атласова — Петра Серюкова. Так летом 1701 г. началась камчатская служба Петра Козыревского. Но история его успешных служб на Камчатке — это уже тема особой статьи.

Примечание. Основная часть цитированных в этой статье документов хранится в ЦГАДА, фонд Якутской приказной избы, оп. 3, документы 1700 г. (ненумерованная россыпь).

Машинопись. Без даты
Камчатская правда, 4 июля 1962 г., № 156

Правда о таинственном Компаке

На западном побережье Камчатки находится довольно большой посёлок Колпаково. Он получил название по имени реки Колпаково. И вот недавно один филолог обратился ко мне с вопросом: не могу ли я ему сообщить, чем был известен неведомый Колпаков, в честь которого стала именоваться река? Этот филолог был убеждён, что в старину существовал забытый ныне русский землепроходец с такой фамилией.

Увы, я должен был разочаровать моего собеседника, порекомендовал ему прекратить дальнейшие поиски таинственного Колпакова. Я заверил его, что «забытого» исследователя Камчатки с такой фамилией он никогда не сможет найти, так как ещё в недавнем прошлом река именовалась Компаковой.

Исследователи прошлого уже пытались раскрыть тайну происхождения этого названия. Путешествовавший по Камчатке в первой половине 50-х гг. XIX в. известный исследователь Карл Дитмар утверждал, что это название «происходит от имени древнего героя Компака, который в дорусские времена проявлял чудеса храбрости и смелости». Ещё в конце XIX в. этим известием интересовался камчатский врач В. Тюшов. Попав в Компаково, он пытался собрать от местных жителей сведения о легендарном герое. Но ему не повезло. В своей весьма интересной книге «По западному берегу Камчатки» он с сожалением признавался: «Должен сказать, что мне ничего не удалось узнать относительно героя Компака, был ли когда-либо таковой».

Недавно в неисчерпаемом Центральном государственном архиве древних актов были обнаружены несколько неизвестных исследователям ясачных книг, составленных на Камчатке ещё до рождения Степана Крашенинникова и даже до основания Петербурга. Перелистывая одну из них с записями о сборе ясака (дани) на Камчатке в 1702 г., я случайно натолкнулся на запись о сборе ясака на реке Компакова. Оказалось, что уже в те времена на этой реке имелись три поселения — Верхний, Средний и Нижний «острожки». В книге даётся перечисление имён местных жителей и указывается, что «лучший мужик» этой реки по имени Компак жил в Среднем остроге. Таким образом, удалось достоверно установить, что Компак — вполне реальная личность. Легенда сделала его героем. На самом деле он был лишь наиболее богатым тойоном, жившим на реке, которую русские казаки чисто условно стали называть по его имени «рекой Компаковой». Так с абсолютной точностью удалось установить происхождение названия одной из наиболее значительных рек западного побережья Камчатки.

Та же ясачная книга 1702 г. раскрывает нам с такой же точностью и происхождение названия реки «Облуковина». В книге эта река названа «Оглукоминой» и в ней указывается, что на этой реке живёт «лучший мужик Аглукома». Такое диковинное название запомнить было нелегко. Поэтому неудивительно, что через два века название «Оглукомина» постепенно превратилось в «Облуковину».

Таким образом, камчатская ясачная книга 1702 г. оказалась весьма полезной для тех, кто интересуется топонимикой Камчатки, то есть происхождением камчатских географических названий.

Изучая ясачные книги, можно также довольно чётко представить расположение многих старинных поселений Камчатки, а в некото-

рых случаях раскрыть прошлое поселений, существующих до сих пор. Ещё в 80-х гг. XIX в. врач Тюшов пытался собрать сведения по истории селения Облуковина. Но и тут его постигла неудача. «Когда было основано это поселение и кем, — писал он, — мы не находим нигде и никаких указаний, как и для большинства камчатских поселений».

На основании камчатской ясачной книги 1702 г. выясняется, что это селение уже существовало более двухсот шестидесяти лет тому назад!

Камчатская правда, 5 августа 1962 г., № 184

Новое о Владимире Атласове

В ранней истории Камчатки нет более громкого имени, чем имя отважного землепроходца Владимира Атласова. Ещё в 30-х гг. XIX в. великий Пушкин называл его «Камчатским Ермаком» и мечтал сделать главным героем своего нового произведения. Мечта Пушкина осталась неосуществлённой. Но за годы, прошедшие с того времени, в различных журналах, сборниках и газетах появились сотни статей, посвящённых камчатским походам Владимира Атласова. И всё-таки, несмотря на то, что теперь уже весь мир знает о деяниях Атласова, в биографии «Камчатского Ермака» ещё многое оставалось неизвестным.

Начнём с того, что историки до сих пор не знают точной даты рождения Владимира Атласова. В 1957 г. почти одновременно были опубликованы две обстоятельные статьи об Атласове. Одну написал доктор исторических наук М. И. Белов, вторую — кандидат исторических наук И. И. Огрызко. В первой из этих статей говорится: «годом его рождения следует считать 1636 или 1637», а во второй утверждалось, что Атласов родился «около 1652 г.». Разница в пятнадцать-шестнадцать лет!

Противоречивые данные имеются в литературе и о месте рождения Владимира Атласова. Подавляющее большинство авторов называет его «устюжским крестьянином». М. И. Белов же утверждал, что Атласов — «выходец с реки Камы».

До сих пор у исследователей не было единого мнения и относительно отчества Владимира Атласова. Очень многие авторы считают, что его звали «Васильевичем», И. И. Огрызко — «Владимировичем», Н. Н. Оглоблин и М. И. Белов — «Тимофеевичем».

Большие разногласия у исследователей возникли и по вопросу, когда Владимир Атласов поступил на военную службу. М. И. Белов

относил это событие к 1652 г., И. И. Огрызко — к 1672 г. Разница в двадцать лет!

М. И. Белов утверждал, что Атласов пошёл в свой камчатский поход уже в преклонном возрасте (около шестидесяти лет). Но профессор В. Н. Скалон считал деятельность Атласова на Камчатке «проявлением энергии более молодого человека».

Естественно, возникал вопрос: нельзя ли в богатейшем Центральном государственном архиве древних актов отыскать документы, которые могли бы положить конец всем этим странным спорам?

Мой опыт подсказал, что, прежде всего, надо обратиться к так называемым «Окладным книгам Якутского острога», в которых ежегодно давались полные списки служилых людей по Якутску.

Действительно, в списках «неженатых рядовых казаков» в книгах 1650—1670-х гг. неизменно фигурировал «Волотько Отлас». В книгах более поздних (конца XVII в.) «Волотька Отлас» из списка холостых казаков исчезает. Но зато в списке «женатых казаков» появился «Волотька Отласов». Уже это заставляло настаивать. Трудно было поверить, что «Отлас» вдруг в официальном документе превращён в «Отласова».

«Окладная книга Якутского острога» за 1682 г. принесла и разгадку. В ней оказались две ценнейшие записи. Первая гласила: «Волотька Отлас в нынешнем во 190-м (1682) году июля в третий день в Якутском умер...» Вторая: «Гришка Северов в нынешнем в 190-м году в Горбейском зимовье умер. Июля в 3-й день в его место привёрстан казачий сын Волотько Отласов и июля в 9-й день хлебной оклад ему учинён женатой».

Эти записи ясно показывают, что Волотька Отлас и Волотька Отласов или Атласов — разные лица. Тот факт, что «Волотька Отласов» был «привёрстан» в казаки в день смерти «Волотьки Отласа» (3 июля 1682 г.), не оставляет никаких сомнений в том, что Владимир Атласов был сыном «Волотьки Отласа» и, следовательно, теперь уже можно считать доказанным, что Атласова звали Владимиром Владимировичем.

Правдивость этого вывода доказала ещё одна ценнейшая находка. Среди недавно описанных в ЦГАДА книг фонда Якутской приказной избы оказалась та, которая начинается со слов: «Год 1701, декабря 2-го числа, книга записная казачие головы Владимира Володимировича Отласова, что кому отдано китайских товаров, и то писано в сей книге по статьям в Ылимском и на Киренге...»

Документ этот окончательно разрушает легенду о том, что Владимир Атласов был «устюжским крестьянином» или «промышленным человеком с реки Камы». На самом деле Атласов — «казацкий сын» и родился он, несомненно, в Восточной Сибири, скорее всего — в Якутске.

Теперь уже стало вполне очевидным, что все ошибки М. И. Белова произошли от того, что он воедино слил биографии отца и сына. М. И. Белов ошибочно взял за начало службы «Камчатского Ермака» начало службы его отца, который, действительно, был уроженцем Камы и имел отчество «Тимофеевич».

Найденный документ вместе с тем доказывает, что в 1701 г. в Сибирском приказе была допущена описка, когда там годом начала службы Атласова пометили «180 год» вместо «190 год», то есть 1672 г. вместо истинного 1682 г.

Правильность этого вывода подтверждает одна из неопубликованных челобитных Атласова 1701 г., в которой говорится, что он был на службе двадцать лет, а не двадцать девять! А это говорит о том, что «Камчатский Ермак» был значительно моложе, чем это до сих пор полагали исследователи. Если учесть, что Владимир Атласов ещё 9 июля 1682 г. был зачислен «в женатый оклад» и в 1685—1686 гг. у него родился первый сын Иван (которого, кстати сказать, частенько путают с Иваном Отласовым — старшим братом Владимира Атласова), то тогда можно предположить, что «Камчатский Ермак», вероятнее всего, был зачислен на службу лет восемнадцати — двадцати пяти. Значит, он родился между 1657—1664 гг. Но если верить данным М. И. Белова, «Волотька Отлас» в 1658—1660 и 1661—1663 гг. совершил две поездки в Москву. Жён, тем более неофициальных, казаки в такие долгие поездки не брали. Поэтому Владимир Атласов мог родиться либо в 1657—1658 гг., либо в 1662 г., либо в 1664 г. Последние две даты, безусловно, правдоподобнее. И это даёт нам основание считать, что именно теперь, в 1962 или 1964 гг. мы вправе будем отметить трёхсотлетие со дня рождения Владимира Владимировича Атласова.

Камчатская правда, 30 сентября 1962 г., № 232

Новое об Иване Рубце (к трёхсотлетию его похода на Камчатку)

Год назад, 3 декабря 1961 г., в «Камчатской правде» была опубликована моя статья о находке документов, из которых впервые стало известно, что казачий десятник Иван Меркурьев Рубец вместе

с группой служилых и промышленных людей смог ещё в середине XVII в. совершить успешный поход вверх по реке Камчатке. К сожалению, документы, найденные в 1961 г., не позволяли дать точный ответ ни на вопрос, в каком именно году Иван Рубец и его товарищи смогли совершить поход на реку Камчатку, ни на вопрос о том, каким путём они добрались до Камчатки. Поэтому поиски новых документов о камчатском походе Ивана Рубца были продолжены...

Несмотря на все усилия, попытки найти описание Рубца или его товарищей о походе на Камчатку оказались безрезультатными. Но в архивах удалось разыскать ряд неизвестных документов, анализ которых всё же позволяет сделать ряд новых выводов относительно этого интереснейшего похода.

Прежде всего, удалось уточнить датировку похода. Путь к разрешению этого вопроса был довольно извилистым...

Как известно, виднейшие камчатские землепроходцы конца XVII в. — Лука Семёнович Мороско Старицын, Иван Енисейский, Иван Осипович Голыгин, Владимир Владимирович Атласов, Тимофей Кобелев и другие ходили на Камчатку из Анадырского острожка.

Создавалось впечатление, что Иван Рубец, вероятно, тоже совершил свой поход на Камчатку оттуда. В первую очередь необходимо было отыскать в архивах документы о службе Ивана Рубца в Анадырском острожке. Неожиданно оказалось, что Иван Рубец принял управление над ним лишь поздней осенью 1663 г. Однако правил он недолго. Вскоре между ним и анадырскими казаками возникли серьёзные трения, которые закончились тем, что Рубец решил бросить свою службу. В марте 1664 г. Рубец сдал Анадырский острожек казаку Данилу Филишпову (тому самому Филишпову, который в 1656 г. доставил в Якутск знаменитые отписки Семёна Дежнева) и отправился на Колыму с тем, чтобы оттуда проехать в Якутск. По дороге, при переходе через хребет на пути к верховьям Анюя, Рубец встретил бывшего казака, опытного промышленного человека Панфила Мокрошубова. Панфил предупредил Рубца, что в Якутске ему грозит наказание за самовольное оставление службы, и уговорил его вернуться назад на Анадырь. На этот раз казаки даже были рады возвращению Рубца: они боялись, что весть о его вынужденном уходе произведёт нехорошее впечатление в Якутске, и их станут считать «бунтовщиками».

Найденные документы позволяют месяц за месяцем проследить почти всю деятельность Ивана Рубца в Анадырском острожке, вплоть до июня 1666 г., когда его сменил Дмитрий Катасонов. Эти данные

ясно показывают, что в 1664—1666 гг. у Ивана Рубца просто не было времени для того, чтобы совершить поход на Камчатку.

Теперь, если мы вспомним, что привезённый в Якутск с реки Камчатки «коряцкий малой Петрушка» 17 декабря 1668 г. говорил якутскому воеводе И. П. Борятинскому, что он не помнит своего настоящего имени, так как был уже давно взят на реке Камчатке, то тогда станет очевидным, что Рубец и его спутники могли побывать на реке Камчатке только до своего прихода в Анадырский острожек, то есть до осени 1663 г.

Обнаружить отписку Рубца о его переходе с Лены на Анадырь также пока ещё не удалось. Однако недавно всё-таки по документам было установлено, что Иван Рубец пришёл в Анадырский острожек сменять Курбата Иванова не посуху, а на двух кочах от устья Анадыря с моря. До Ивана Рубца все новые анадырские приказчики приходили в острожек посуху, со стороны колымского Анюя. Исключение составляли лишь сами основатели Анадырского острожка — участники исторического плавания Семёна Дежнева 1648 г. Это говорит о том, что член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Владимирович Ефимов был, по-видимому, прав, когда высказывал предположение, что Иван Рубец повторил подвиг Семёна Дежнева — смог морем дойти до Анадыря вокруг Чукотки.

В пользу этого предположения говорит и то, что весной 1662 г. Иван Рубец находился ещё в устье реки Яны, а в августе того же года уже был на знаменитой моржовой Анадырской «корге». Вряд ли он мог бы посуху так быстро совершить столь большое путешествие, минуя Анадырский острожек.

Иван Рубец вёз с собой тридцать крупных железных «спиц» для моржового промысла. Оказавшись на моржовой «корге» в устье Анадыря, он, чтобы не идти в Анадырский острожек с пустыми руками, решил сам заняться столь выгодным промыслом и присоединился к ранее прибывшим сюда анадырским казакам и промышленникам. Но промысел оказался неудачным: «зверь в море отпятился». Пришлось заняться поисками нового лежбища. Вместе с Рубцом в этих поисках принимали участие такие бывалые анадырцы, как участник плавания Семёна Дежнева — Фома Семёнович Пермьяк (известный в эти годы на Анадыре под прозвищами «Старик» или «Медведь») и Савва Шароглаз — родоначальник семейства дальневосточных мореходов-промышленников Шароглазовых. В прошлом Савва Шароглаз бывал за Пенжиной и, безусловно, знал, что южнее устья Анадыря также имелись моржовые лежбища.

Вероятно, это и привело к тому, что они поплыли на юг от устья Анадыря и, таким образом, (возможно, попав в бурю) были отнесены к устью реки Камчатки. Именно тогда Иван Меркурьев Рубец вместе со своими товарищами и совершил свой поход вверх по реке Камчатке. Тут же они, по-видимому, провели зиму 1662—1663 гг.

Из документов видно, что Иван Меркурьев Рубец происходил из рода обрусевших тобольских татар Бакшеевых-Лабиных. Службу Иван Рубец начал в Тобольске в начале 30-х гг. XVII в. и пробыл там около двадцати лет. В 1663 г. он был послан в качестве конвоира при колоднике-фальшивомонетчике Константине Конюховском. В Якутск он прибыл 30 июля 1654 г. Здесь «за очной хворостью» (из-за болезни глаз) вынужден был остаться на несколько месяцев, а когда болезнь его прошла, у него не оказалось денег на обратную дорогу до Тобольска. Волей-неволей ему пришлось бить челом якутскому воеводе с просьбой зачислить его на службу в Якутск. Его взяли рядовым казаком, а затем перевели десятником. Именно тогда, вскоре после возвращения Семёна Дежнева в Якутск, Рубцу и дали наказ плыть на Анадырь морем.

После своего возвращения в Якутск с Анадыря в 1668 г. Иван Рубец по возрасту и состоянию здоровья был оставлен служить в местном гарнизоне. Из документов видно, что новый воевода Якутска А. А. Барнешлев в 1675 г. вызвал его к себе и расспрашивал о землях, расположенных между Анадырем и Пенжиной. Вскоре после этого Рубец был послан в Москву. Во время этой поездки Рубец дважды побывал на родине — в Тобольске. В 80-х гг. XVII в. имя Рубца уже исчезло из списков служивых людей Якутского острога. Вероятно, в это время его уже не было в живых.

Новые документы поднимают перед исследователями новые интереснейшие вопросы. В первой половине XVII в. исследователи Камчатки неоднократно слышали рассказы ительменов о том, что ещё в 60—70-х гг. XVII в. на реку Камчатку как-то приходили два русских коча, на одном из которых был, по-видимому, Фома Пермьак. Многие полагали, что здесь шла речь о кочах экспедиции Семёна Дежнева 1648 г. Теперь невольно возникает вопрос: уж не допущена ли здесь ошибка? Ведь только теперь нам стало известно, что в 1962—1663 гг. на реку Камчатку на двух кочах приходили Иван Рубец, Фома Пермьак и их товарищи.

Весьма вероятно, к участникам этого же похода относились и рассказы ительменов о том, что среди русских произошёл раздор из-за женщины. Впоследствии казаки жаловались, что во время

плавания 1662—1663 гг. Иван Рубец жил «з двумя бабами в беззаконстве и в потехе», что «с служилыми и торговыми, и с охочими, с промышленными людьми был не в советах о бабах» и даже «для бабы сажал красноярского казака Федотова в колоду». Теперь уже очевидно, что столкновения между анадырцами и Рубцом в конце 1663 г. и в начале 1664 г. были простым продолжением конфликта, возникшего ещё во время камчатского похода.

Из этого, однако, не следует делать вывод, что все рассказы ительменов о первых русских на Камчатке относились к Ивану Рубцу и его товарищам. Если мы вспомним, что сами жители Камчатки говорили, что они сперва жили мирно с первыми русскими поселенцами, а Иван Рубец устроил здесь «погром», то станет очевидным, что у Рубца были предшественники, которые смогли ещё раньше побывать на реке Камчатке.

Камчатская правда, 2 декабря 1962 г., № 284

Путешествие в старину

В феврале 1963 г. в «Камчатской правде» появилась статья В. И. Воскобойникова «Путешествие в глубь веков» о «записной книге» «Камчатского Ермака» Владимира Владимировича Атласова. Научный сотрудник Института географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения Академии наук СССР продолжает эту тему. Он дополняет сообщение В. И. Воскобойникова.

В августе 1701 г. на Ангаре у «Стрелочного порога» Атласов и его спутники самовольно отобрали у приказчика Белозерова китайские товары, принадлежавшие умершему московскому купцу Логину Добрынину. Часть их казаки продали, часть роздали. И уже вскоре Атласову стало ясно, что ему придётся держать ответ за эти действия. Вот почему 2 декабря 1701 г. он решил завести специальную «записную книгу».

В ней имеются упоминания о пребывании Атласова в Илимском остроге, на Усть-Куте, Чечуйском волоке и Киренге. Да, это так. Подробности этой «службы» довольно хорошо известны. В Илимском остроге Атласов был вынужден зазимовать, потому что местный воевода отказался предоставить ему подводы для переезда через волок на Лену. С большими трудностями Атласов смог, однако, организовать перевоз всех его грузов, в том числе и товаров, отображенных у Белозерова. В устье Куты они были сложены в ожидании навигации по реке Лене. Но здесь не хватало продовольствия. Поэтому сам Атласов с небольшой группой своих казаков

счёл нужным перебраться в район главных верхнеленских пашен — в район реки Киренги и Чечуйского волока. Именно здесь Атласов и узнал, что против него уже открыто судебное дело.

Он надеялся, что заведённая им «записная книга» сможет облегчить его участь, и во время следствия в Якутске не раз ссылался на неё. Но его надежды не оправдались: несколько лет ему пришлось провести в якутской тюрьме.

Небезынтересны и лица, фигурирующие в записях. Так, сын боярский Афанасий Петров известен своими службами на дальнем севере. Во времена камчатского похода В. В. Атласова 1697—1699 гг. этот Петров даже одно время был главным «начальным человеком» на Колыме. Подьячий Савва Марков происходил из тех самых Марковых, по имени которых названо ленское селение Марково, где в 1962 г. забил первый на Лене нефтяной фонтан.

Теперь и на вопрос о родстве Васьки Атласова с землепроходцем можно дать вполне достоверный ответ. Многие историки ошибочно полагали, что Василий Атласов был внуком Владимира Атласова, и что он будто бы даже участвовал в камчатском походе 1697—1699 гг. После того, как удалось установить, что В. В. Атласову в 1701 г. было всего лишь около сорока лет, стало очевидным, что Василий никак не мог быть его внуком. И только недавно выяснилось, что Василий Атласов был племянником Владимира Атласова, которого тот счёл нужным взять с собой в Москву.

Камчатская правда, 29 марта 1963 г., № 75

Тайны двух камчатских рек

В «Чертёжной книге Сибири 1701 года» сибирского картографа Семёна Ремезова есть «Чертёж земли Якутцкого города». На нём — весьма своеобразное изображение полуострова Камчатка, названного «Носом Ламским».

На западной стороне «Носа» — некоторые реки западного побережья Камчатки. Одна из них — «Времполха». Ясно, что это камчатская река Воямполка! Севернее её — «Р. Тьгимвоем». По всем данным, это — Тигиль. И, наконец, между устьем Пенжины и рекой «Тьгим» (Тигилём) — интереснейшая надпись: «Р. Воемля, тут Федотовско зимовье бывало».

Неужели эта надпись — свидетельство того, что дежневек Федот Алексеев Попов действительно жил в прошлом на Камчатке?

Разрешить этот вопрос помогли старинные чертежи Камчатки и «Описание земли Камчатки» Крашенинникова. На некоторых

чертежах полуострова начала XVII в. река «Воемля» изображена рядом с рекой Лесной. Нетрудно убедиться, что никакой особой реки «Воемля» не существовало. «Воемля» — это ни что иное как «Уемлян» — корякское название реки Лесной. Нельзя считать случайным, что «Федотовско зимовье» было поставлено у устья Лесной: здесь русские могли контролировать дорогу, которая шла через Камчатский перешеек по Лесной к перевалу на Карагу.

Но откуда «Федотовско зимовье»? Неужто это имя оставил дежневек Федот Алексеев Попов?

Документы XVII в. ничем не подтверждают этот фант. Вместе с тем имеются документы, говорящие о том, что жители Камчатки говорили русским о каком-то «Федотове-сыне».

Невольно возник вопрос: может быть, здесь жил какой-то неизвестный «Федотов»? И каково было удивление, когда эта догадка стала подтверждаться. Среди анадырских документов середины 60-х гг. XVII в. был найден донос («Изветная челобитная») на промышленного человека Савву Шароглаза. Его обвиняли в различных проступках на реке Омолоне и Пенжине. «И те две реки от него же запустели», — говорилось в доносе. Но самым интересным было то, что в этом «извете» указывалось, что Савва Шароглаз ходил на реку Пенжину под началом беглого казака... Леонтия Федотова!

Из документов выяснилось, что «Левонтий» (он же — «Лёвка») Федотов первоначально служил на северных реках — Яне и Индигирке, но ещё во второй половине 50-х гг. XVII в. он бежал на Пенжину. От Пенжины до Лесной расстояние небольшое, а поэтому невольно возникает вопрос: уж не Леонтий Федотов был основателем «Федотовского» зимовья у устья Лесной? Изучая историю происхождения «Чертежа земли Якутцкого города», удалось установить, что в основу изображения «Носа Ламского» были положены сообщения участников камчатского похода Луки Семёнова Мороско. В этом походе в качестве толмача-переводчика участвовал бывалый землепроходец Микита Воряшаев, который начал свою службу на северо-востоке ещё во времена походов Леонтия Федотова — Саввы Шароглаза. Поэтому весьма вероятно, что именно от Воряшаева, ранее служившего на Пенжине, участники похода Луки Семёнова Мороско и смогли узнать, что на устье реки Лесной в старину существовало «Федотовско зимовье». Со слов же участников похода Луки Мороско о «Федотове-сыне» могли узнать и участники более поздних походов на Камчатку. Именно тут, думается, и следует искать разгадку таинственного появления названия реки

«Федотовщины», реки Никул, притока реки Камчатки, на которой казаки в начале XVII в. обнаружили развалины двух русских изб.

Но когда же появилось это название? Чтобы установить это, пришлось просмотреть целый ряд камчатских документов конца XVII — начала XVIII вв. И тут же неожиданно выяснилось, что название «Федотовщина» в отношении реки Никул стало применяться довольно поздно. Даже в ясачной книге камчатского приказчика Тимофея Кобелева 1702—1703 гг. счёт селениям ительменов («камчатским острожкам») и притокам Камчатки шёл только от двух ориентиров: в низовьях рек — от «Ключей», в верховьях — от «Росошины». И лишь в середине первого десятилетия XVIII в. русские стали интересоваться местными названиями притоков Камчатки. Потому теперь уже можно твёрдо сказать, что название «Федотовщина» было дано реке «Никул» не в XVII в., как это полагают многие, а лишь после 1703 г., не позднее второго десятилетия XVIII в.

Хочется верить, что дальнейшие изыскания позволят внести новые уточнения в этот вопрос. Особенно хочется узнать, кто же всё-таки ещё в середине XVII в. основал первое русское зимовье на реке Никул? Изучение архивных документов раскроет нам ещё не одну тайну ранней истории Камчатки.

Камчатская правда, 2 августа 1963 г., № 181

Невельской и Камчатка

Сегодня советская общественность широко отмечает 150-летие со дня рождения талантливого мореплавателя, исследователя Дальнего Востока — Геннадия Ивановича Невельского. Особо важную роль Г. И. Невельской сыграл в изучении южных районов Дальнего Востока (Сахалин, низовья Амура и северные районы Приморья). При изучении архивных документов также выясняется, что многое в деятельности Г. И. Невельского было связано и с Петропавловском.

Всем известно, что Г. И. Невельской неоднократно плавал на транспорте «Байкал», в создании которого лично участвовал. Но до сих пор не было известно, что «рождение» этого знаменитого судна связано с одной трагедией, произошедшей в непосредственной близости от Петропавловска.

В сентябре 1845 г. из Охотска в Петропавловск был отправлен транспорт «Гижига» с грузами для Камчатки. В Петропавловске

его ждали с нетерпением, но транспорт так и не пришёл. Он попал в жестокий шторм и уже на подходе к порту разбился о подводные камни около мыса Ягодного. Только немногие из команды смогли вплавь добраться до берега.

Суда, базировавшиеся в Охотске, не были приспособлены для перевозки грузов на Камчатку. Необходимо было строить новый транспорт. Но где? В Охотске, где нет хороших судостроителей? Где плохая верфь? Нет, если выбирать, то Балтику, и оттуда полукругосветным путём отправить его вместе с грузами прямо на Камчатку. Так началось в Гельсингфорсе (Хельсинки) строительство «Байкала». С 20 ноября 1847 г. его командиром был назначен Г. И. Невельской.

Недавно в архивах удалось разыскать ряд документов, которые ясно показывают, сколько сил отдавал он во имя того, чтобы создать транспорт, вполне приспособленный для плавания в суровых условиях Тихого океана. Он лично вносил необходимые поправки в чертежи судна, следил за тем, чтобы оно строилось тщательно. Вместе с тем он уже тогда боролся за то, чтобы на Камчатку были бы отправлены добротные товары. Удалось найти одно из писем Невельского, в котором он описывает «баталию» с интендантами во всех подробностях.

Совершив полукругосветное плавание, Невельской доставил грузы в Петропавловск за восемь месяцев и двадцать три дня. По тем временам это был своеобразный рекорд: так быстро на Камчатку из Балтики ещё никто, кроме В. М. Головина, не приходил.

Грузы в Петропавловске были сняты на берег очень быстро. Принимал их сам «начальник Камчатки» Р. Г. Машин, который позднее отправил в Петербург рапорт: «Никогда ещё не доставлялось в Камчатку такого хорошего качества и прочности материалов и запасов, а равно и в такой полноте, без всякой порчи».

В архиве также удалось найти рапорт, который Г. И. Невельской отправил 27 мая 1849 г. из Петропавловска в Петербург на имя начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова.

Вот впервые публикуемый его текст:

«...13 мая с вверенным мне транспортом в Петропавловскую гавань прибыл благополучно, больных не имелось, и вследствие данных мне Вашею светлостью инструкций и предписаний, полученных мною здесь от военного генерал-губернатора Восточной Сибири, весь имеющийся у меня адмиралтейский груз сдал в ведение начальника Камчатки. К 2-му числу июня буду совершенно готов к следованию для исполнения возложенных на меня поручений».

На первый взгляд, этот рапорт ничем не отличается от обычных докладов моряков «по начальству». Но вчитайтесь в последнюю фразу. Она опровергает весьма распространённую легенду о том, что Г. И. Невельской отправился в историческое плавание 1849 г. к берегам Сахалина и устью Амура будто бы «самовольно, не имея на то разрешения высшего начальства». На самом деле он действовал в соответствии с секретными распоряжениями А. С. Меншикова и, главным образом, генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, инструкция которого была впервые вручена Г. И. Невельскому именно в Петропавловске.

31 мая 1849 г. Г. И. Невельской последний раз осматривал Петропавловск, а уже 2 июня транспорт «Байкал» шёл от Авачинской губы на юг. С тех пор Невельскому уже никогда не пришлось вновь побывать в Петропавловске, но он продолжал поддерживать с ним связь. В Петропавловске чаще всего зимовал «Байкал», который не раз использовался Невельским в 1850—1851 и 1853 гг. Из Петропавловска приходили и другие суда, обслуживавшие Амурскую экспедицию.

Исследовательская деятельность Г. И. Невельского в Приамурье оказалась весьма полезной для Камчатки. Особенно тепло вспоминали имя Невельского на Камчатке в дни исторической обороны Петропавловска в 1854 г. И это вполне понятно: без его успешной деятельности в низовьях Амура не был бы возможен знаменитый «первый сплав» по реке, во время которого в Петропавловск были направлены весьма значительные подкрепления (около трёхсот человек) и дополнительное вооружение. Известный исследователь Тихого океана И. Е. Вениаминов даже утверждал, что уже в 1854 г. от Петропавловска остались бы «только головни и пепел», если бы туда своевременно не были бы доставлены подкрепления по Амуру. Конечно, точку зрения Вениаминова можно оспаривать. Но одно неоспоримо, что прибывшие с Амура солдаты сыграли весьма важную роль в обороне Петропавловска.

Вот как это было. Ещё зимой 1854—1855 гг. руководители героической обороны пришли к выводу, что враги России, пользуясь численным превосходством, сделают всё возможное для того, чтобы уничтожить русские корабли, участвовавшие в защите города. Поэтому решено было сделать всё возможное, чтобы спасти русскую эскадру.

На основании исследований Г. И. Невельского было установлено, что наиболее безопасным районом на всём дальневосточном

побережье является район устья Амура. Именно тут и решено было укрыть эскадру.

Но враги держали под контролем северные подступы к Амурскому лиману. Именно здесь они легко могли перехватить русские корабли. Врагов необходимо было перехитрить. И тут-то и вспомнили о замечательном открытии Г. И. Невельского, когда талантливому русскому моряку удалось окончательно опровергнуть легенду о «полуострове» Сахалине, удалось впервые достоверно установить, что узкий пролив, отделяющий Сахалин от материка, судоходен. Так было решено провести все корабли из Петропавловска в устье Амура не с севера, а с юга через Татарский пролив.

Между тем в Англии бурно переживали горечь поражения в Петропавловске. Среди английских торговцев началась настоящая паника: им всюду стали мерещиться русские суда. Английскому военно-морскому командованию было дано задание: во что бы то ни стало захватить или потопить «камчатскую эскадру». Уже ранней весной отдалённые морские подходы к Петропавловску были взяты под наблюдение английскими и французскими моряками. И напрасно. Русская эскадра сумела благополучно выйти из Авачинской губы и взять курс к берегам Южного Сахалина, к проливу Лаперуза, а затем в Татарский пролив к заливу Де-Кастри (теперь — Чихачёва). В Де-Кастри была начата подготовка судов к проходу через пролив Невельского. Здесь-то в октябре 1855 г. русские суда и были обнаружены англичанами, которые всю вторую половину лета 1855 г. крейсировали по дальневосточным водам в надежде обнаружить «камчатскую эскадру».

Англичане торжествовали, предвкушая её разгром. Они полагали, что русские попали в ловушку: ведь изданное в 1851 г. в Лондоне «новейшее» английское «Руководство по плаванию в Тихом океане» (часть I, с. 618), гласило, что «Сахалин соединён с континентом песчаным перешейком, через который, возможно, при сильном южном ветре, когда поднимается уровень воды, переливаются волны... Перешеек, возможно, образовался сравнительно недавно и всё ещё увеличивается благодаря намыву с реки Амур...»

Англичане блокировали с юга Татарский пролив и затем, подтянув резервы, ринулись к Де-Кастри с тем, чтобы там дать «решающее сражение». Но когда они подошли к заливу, русской эскадры уже не было. Суда эскадры успешно прошли через пролив, открытый Невельским.

Впоследствии английский офицер Уитингем, свидетель этого «чуда», писал: «...я всё ещё верил в правильность утверждения

Лаперуза и Броутона, что не существует никакого судоходного пролива в Амурский лиман, тем более что не было ни малейших признаков течения или различий в цвете воды, которое обнаружили бы существования канала, идущего из Амура. Я полагал, что противник прошёл мимо нас в тумане...»

Английское командование немедленно распорядилось организовать «преследование» русских судов, которые будто бы проскочили к берегам Японии. Но те «исчезли».

Центральный военный орган Англии — «Юнайтед сервис газет» — вынуждена была признать, что русские моряки, доблестные защитники Петропавловска, смогли вторично опозорить флаг самой «владычицы морей», и сетовала на то, что «все воды Тихого океана уже не смогут смыть это пятно позора». Но только позднее англичане узнали, что добиться этого крупного успеха русские смогли благодаря исследованиям Г. И. Невельского.

Камчатская правда, 5 декабря 1963 г., № 287

Идущий вперёд
(от вершины Авачинской сопки к вершинам
биологической науки)

В официальном сообщении Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР среди многих работ, допущенных к участию в конкурсе на соискание Ленинских премий 1964 г., есть работа Б. В. Перфильева и Д. Р. Габе «Капиллярные методы изучения микроорганизмов». Эта работа представлена Институтом микробиологии Академии наук СССР и Ленинградским отделением Всесоюзного научного общества микробиологов, эпидемиологов и инфекционистов. Скажем прямо: работа эта не имеет непосредственного отношения к Камчатке. И всё-таки меня, историка Камчатки, имя автора не могло не заинтересовать. Пятьдесят три года тому назад Б. В. Перфильев одним из первых русских альпинистов совершил восхождение на Авачинскую сопку. В те годы такие восхождения только начинались.

Самое первое восхождение на вершину Авачинского вулкана совершил зоолог Пётр Юльевич Шмидт — родной брат знаменитого полярника, второе — геолог Е. В. Круг и, наконец, третье и четвёртое — Б. В. Перфильев.

Сейчас Борис Васильевич — автор множества работ в области биологии. Он — профессор Ленинградского университета, заведующий лабораторией, лауреат Государственной премии.

Теперь, когда его труды в области биологии уже пользуются всеобщим признанием, хочется вспомнить о том зимнем штурме Авачи.

Часть своей юности Б. В. Перфильеву довелось провести в Петропавловске-на-Камчатке. Особенно его интересовала ботаника. В соблазнительной «близости» от Петропавловска высились три вершины: Авачинская, Корякская и Козельская сопки.

Он мечтал побывать на них, чтобы изучить камчатскую альпийскую растительность. Собирался отправиться к этим вершинам летом 1911 г., но в конце марта 1911 г. один из инженеров предложил ему испытать силы зимой. Оба были «ярыми» лыжниками и верили, что на лыжах они скорее смогут оказаться на подступах к Аваче.

Вооружившись обувью с металлическими шипами и обмотанной... велосипедными цепями, фотоаппаратом, тёплыми вещами, они на нартах отправились на поиски прохода через чащу ольховника и кедрового стланца, окружавших подножье вулкана. Этот путь был указан бывалыми камчатскими охотниками, которые, однако, категорически отказались участвовать в самом восхождении. Проводники согласились ждать их возвращения во временно разбитом лагере.

Восхождение Б. В. Перфильев и его спутник начали 5 апреля 1911 г. Сначала они шли на лыжах, подшитых шкурами нерп. Затем, достигнув седловины сопки, продолжали путь пешком. Они надеялись, что смогут достичь вершины Авачинского вулкана ещё вечером 5 апреля. Но ночь наступила, а до цели было ещё далеко. На ночлег решили разместиться между обломками ещё не совсем остывшей лавы.

Впоследствии Б. В. Перфильев писал: «Ночь провели беспокойно. Не говоря о неудобствах спанья на голых камнях — нагревание снизу каждые полчаса вынуждало менять положение».

Утром — снова в путь. И вот — вершина. Здесь они решили задержаться, чтобы при лучшем освещении сфотографировать представшую перед их взором изумительную панораму. Подъём на вершину Авачинской сопки фотографических принадлежностей был в те времена нелёгким делом, ибо весили они почти полпуда! И вдруг тучи заволокли небо. Пошёл снег. Завыл ветер. Началась пурга. Всякое усиление ветра было смертельно опасным. Поэтому смельчаки решили пробиваться вниз.

«Чтобы не потерять друг друга из виду, мы спускались рука об руку, потому что стоило одному из нас, не удержавшись, соскользнуть

на несколько аршин, как очертания другого уже делались смутными», — писал потом Б. В. Перфильев.

Спуск был трудным: «Как мы ни натягивали капюшоны кухлянок, как ни пригибали головы — это не спасало лица от яростных порывов ветра, хлеставших по щекам липким снегом. Веки быстро обмерзли, с бровей свисали сосульки». В довершение всего смельчаки остались без компаса, часов, а с одного ботинка Бориса Васильевича сорвалась спасительная пластинка с шипами.

Пурга замела снегом щели. Иногда путники в них проваливались. В конце концов, рухнули в снежную пещеру, которая и стала им убежищем до конца пурги. Насквозь промокшие, с обмороженными щеками и пальцами, они с трудом добрались до лагеря. Тот был пуст — каюры уехали в Петропавловск, чтобы сообщить о несчастье.

«Само собой разумеется, — писал Б. В. Перфильев, — что весть о нашем исчезновении облетела весь городок. Пылкие головы уже похоронили нас в бездне кратера. Никто не надеялся на благополучный исход. Приглашённый на совещание старый охотник, много раз ездивший к сопке за каменными баранами, высказался мрачно. По его мнению, мы не смогли удержаться под напором ветра, и были сброшены с обрывов северного склона сопки».

Всё пережитое не охладило пыл молодого энтузиаста. Летом 1911 г. он ещё раз поднимался на Авачинскую сопку. В пути собрал неплохую коллекцию камчатской альпийской флоры, с которой он тогда же познакомил приезжавшего на Камчатку выдающегося русского ботаника Владимира Леонтьевича Комарова, впоследствии президента Академии наук СССР.

Вскоре после этого Б. В. Перфильев написал статью «Два восхождения на Авачинскую сопку», которую отредактировал сам В. Л. Комаров. Он же доставил её в Петербург, где она уже в 1912 г. была опубликована в «Известиях Русского Географического общества». Это была первая печатная работа Б. В. Перфильева.

В заключение хочется сказать, что Б. В. Перфильев — прямой потомок знаменитых сибирских землепроходцев Перфильевых. Его, коренного сибиряка, судьба в молодости забросила на далёкую Камчатку, в тихий Петропавловск, где более чем полвека назад впервые проснулась у него неугасимая страсть к исследованиям, к научным поискам. (А вообще-то Б. В. Перфильев — сын второго, считая от В. С. Завойко, губернатора Камчатской области В. В. Перфильева, назначенного на эту должность в 1909 г. В советское время вспоминать об этом не было принято. — *Ред.*)

Камчатская правда, 18 апреля 1964 г., № 95

Беринг выбирает Авачинскую

Почему Витус Беринг решил создать своё поселение в Авачинской губе?

Об истории основания Петропавловска написано уже немало. Однако до сих пор не дан чёткий ответ на главный вопрос: почему же Витус Беринг решил создать свою главную базу на Камчатке в слабо тогда ещё известной Авачинской губе?

Для того, чтобы получить правильный ответ на этот вопрос, необходимо, прежде всего, ясно представить какими соображениями руководствовался В. Беринг, когда он разрабатывал общий план своей исторической экспедиции.

Беринг не мог забыть, как холодно он был встречен в Петербурге после возвращения из своей Первой Камчатской экспедиции. Его обвиняли в том, что он не исполнил главной задачи, поставленной перед ним Петром I: не смог со стороны Камчатки дойти до берегов Америки, а вместо того «даже до ширины шестидесяти семи градусов не ходил...» От него требовали, чтобы эту задачу он выполнил во время своей второй экспедиции.

Знакомясь с новейшими картами Северной Америки, Беринг убедился, что достоверно нанесённая на карты часть тихоокеанского побережья Северной Америки наиболее близко расположена от южной оконечности Камчатки. Поэтому, с его точки зрения, начать плавание к берегам Америки разумнее всего отсюда. Беринга очень смущало, что на многих картах той эпохи к востоку от Камчатки изображалась гигантская мифическая земля Иоанна де Гама. Ещё в 1729 г. он пытался достичь её берегов, но, пройдя на восток на двести миль, никакой земли не обнаружил. Всё-таки даже в 30-х гг. XVIII в. он допускал возможность существования этой земли, а поэтому считал, что участникам Второй Камчатской экспедиции, чтобы не терять времени на обход этой земли, следует проплыть её с южной стороны, а это опять-таки убеждало его в том, что плавание к берегам Северной Америки следует начать с южной оконечности Камчатки.

Ещё в 1729 г. Беринг смог убедиться, что на самой южной оконечности полуострова Камчатки нет никаких заливов, пригодных для стоянки судов. Поэтому он невольно вспомнил, что ещё во время первой экспедиции неоднократно слышал рассказы местных жителей о необыкновенных удобствах Авачинской губы. Поэтому он и решил ещё в конце 30-х гг. создать свою главную базу на Камчатке в Авачинской губе.

Так было принято историческое решение об основании на Камчатке нового русского поселения, которое уже в конце 1740 г. стали именовать «Гаванью Петра и Павла».

Камчатская правда, 5 октября 1965 г., № 235

Первый строитель Петропавловска

Его имя — Иван Фомич Елагин. Командор Беринг, глава Второй Камчатской экспедиции, писал о нём так:

«Я в 1739-м году штурмана Елагина посылал, дабы он Авачскую заливу обстоятельно, також бы морской берег от Большой реки до Авача сухим путём и водою описал, длину и глубину, мели морских берегов, морского залива и гавани измерил, також де подле гавани для обер и ундер-офицеров и других к сей экспедиции подлежащих людей потребные дома построил».

Иван Елагин блестяще справился с этим заданием. 29 сентября 1739 г. он вышел из Охотска на знаменитом боте «Гавриил» к берегам Камчатки, к устью Большой реки. В Большерецке провёл зимовку, во время которой знакомился с сухопутными дорогами к Аваче со стороны верховьев Большой реки, а ранней весной 1740 г. отправился в плавание вокруг южной оконечности полуострова Камчатка. Уже в результате этого плавания он смог составить интереснейшую карту южной оконечности Камчатки, которая впервые была опубликована только... в 1964 г.!

10 июня 1740 г. Иван Елагин и его команда прибыли в Авачинскую губу. На её берегах в середине июня 1740 г. началось строительство самых первых домов будущего Петропавловска. Уже 20 сентября 1740 г. И. Ф. Елагин счёл нужным отправить Берингу рапорт, в котором он сообщал, что в Авачинской губе «построено камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связи пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента».

Шестнадцать дней спустя, 6 октября (по новому стилю 17 октября) в посёлок, созданный Иваном Елагиным, прибыла на пакетботах «Св. Пётр» и «Св. Павел» основная часть участников Второй Камчаткой экспедиции. Вскоре после этого новому русскому поселению было дано название «Гавани святых апостол Петра и Павла». Позднее это громоздкое название было переделано в современное — «Петропавловск».

Иван Елагин был и составителем первой карты всей Авачинской губы. Копия этого чертежа с немецкими надписями опубли-

кована в 1940 г. вместе с интереснейшими записками Свена Вакселя, участника Второй Камчаткой экспедиции.

На этой карте, сделанной Иваном Елагиным в начале 1741 г., показаны не только все первые русские постройки в Петропавловске, но и, что особенно поразительно, точно указано местожительство главных участников экспедиции. Оказывается, в «жилых покоех в одной связе» жили только Беринг и Чириков с прислугой. Отдельные помещения занимали лейтенанты Ваксель и Чихачёв. Остальные члены экспедиции жили, главным образом, в помещениях трёх казарм. На чертеже показано также местоположение складов (магазинов), лазарета и походной церкви. Даны результаты промеров глубин, произведённых Елагиным в самой гавани. Заметим здесь, что весной 1741 г. Иван Елагин продолжал проводить различные исследования в Авачинской губе. Некоторыми результатами этих исследований смог впоследствии воспользоваться С. П. Крашенинников, когда он работал над своей известной книгой «Описание земли Камчатки».

Крашенинников высоко ценил труды Елагина и ещё в 1740 г. знал обо всех его начинаниях. Так, ещё за три дня до прибытия Елагина в Авачинскую губу — 7 июня 1740 г. — Крашенинников писал своему учителю и начальнику, известному историку Миллеру: «Пакетботы, на которых господин капитан-командор отправится, пристань иметь будут в Авачинской губе, чего ради там про него, господина капитана-командора, и про его команду, строятся светлицы и казармы, а для строения прислан штурман Елагин». Любопытно отметить, что С. П. Крашенинников писал о предстоящем создании будущего Петропавловска ещё до того, как пакетботы Беринга были спущены на воду в Охотске и даже до того, как они получили свои исторические названия «Св. Пётр» и «Св. Павел».

Иван Елагин был одним из первооткрывателей нескольких Алеутских островов, островов Афогнак и Кадьяк и, наконец, полуострова Кенай Северной Америки. Он также был главным составителем итоговой карты плавания, выполненной под руководством А. И. Чирикова. В 1742 г. Иван Елагин принял участие в новом плавании на восток. Когда цинга подорвала силы А. И. Чирикова, он стал фактически капитаном пакетбота. Несмотря на мучавшую его цингу, Елагин уверенно вёл судно и однажды своими энергичными действиями смог даже предупредить его гибель.

В 1743 г. именно Ивану Елагину А. И. Чириков доверил доставить в Петербург полный отчёт Второй Камчатской экспедиции об её исторических исследованиях в северной части Тихого океана

и у берегов Северной Америки. Именно тогда высшему морскому начальству в Петербурге было вручено ходатайство Чирикова, в котором прославленный мореплаватель настойчиво просил «оного Елагина за такие к неизвестным местам дельнейшие вояжи, в которых он... спасению всего судна с людьми от чаемой гибели оказал ревностнейшие труды, к тому же и в искусстве по его достоинству аттестован, что всего того судна правление на нём лежало... почитая оную службу и за труды чрезвычайные, произвестъ его без баллотирования... прямо в лейтенанты морские».

Это ходатайство было удовлетворено. Мичман Елагин стал лейтенантом. В 1762 г. он был произведён в капитаны 1-го ранга и назначен командиром Рижского порта.

К сожалению, ещё многое в биографии Елагина остаётся неизвестным. Так, до сих пор не установлено, где и когда он родился, из какой семьи происходил. По документам лишь видно, что в 1726 г. он уже служил на флоте штурманским учеником, а в 1730 г. получил звание подштурмана. В 1733 г. он был назначен во Вторую Камчатскую экспедицию.

Наш долг — продолжать изучение биографии Ивана Фомича Елагина, первооснователя Петропавловска.

Камчатская правда, 17 октября 1965 г., № 246

Раскрывающаяся тайна

В 1690 г. в Якутске состоялся суд над большой группой видных якутских казаков, обвинённых в том, что они будто бы хотели «воеводу Петра Петровича Зиновьева и градских жителей побить до смерти... и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки...»

Исследователи давно уже интересовались, откуда эти казаки ещё за семь лет до исторического камчатского похода В. В. Атласова могли проведать о существовании далёкой реки Камчатки? Двести лет назад известный историк Сибири академик Г. Ф. Миллер предположил, что им Камчатка была известна «токмо по единому слуху». Но от кого же пошёл этот слух? Почему бывалых казаков влекла к себе именно эта река? На все эти вопросы до последнего времени не было ответа. И только совсем недавно в архивной «россыпи» якутских документов XVII в. в ЦГАДА обнаружались свитки — «столбцы», проливающие свет на то, что ещё недавно казалось загадочным. В один из зимних вечеров в самом начале 1690 г. после трудных походов собрались на «вечорку» в избе Фёдора Таркова якутские казаки. Хотели они в своём кругу душу

отвести да обсудить совместно свои беды. А положение их, действительно, было тяжёлым — жалование низкое, служба тяжкая, а в самое последнее время стала всюду свирепствовать чёрная оспа. Гарнизон Якутска таял.

И вдруг на этом «пиру» неожиданно появилась зловещая фигура старого взяточника и первого воеводского «наушника» Петра Ушнитцкого. Первым заговорил бывалый казачий пятидесятник Филипп Щербаков. Он открыто назвал Ушнитцкого «вором». С того вечера затаил Ушнитцкий злобу к Щербакову и решил жестоко отомстить ему...

Служил в эти годы в Якутске воеводой П. П. Зиновьев, человек, относившийся к казакам с подозрением. Этим и воспользовался коварный Ушнитцкий. Подал он «извет» — донос на Щербакова, в котором обвинял его в желании... убить воеводу! Приказал воевода схватить Щербакова и жестоко пытать его в застенке. Не стерпел казак пыток и начал «виниться». Оговорил себя и других. Де вместе с казаками он хотел «бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки...»

Естественно, возник вопрос: а как мы сможем узнать, откуда Филиппу Щербакову стала известна река Камчатка?

Ответ пришёл совершенно неожиданно. В списке казаков, отправленных вместе с анадырским приказным Иваном Рубцом из Якутска на Анадырь летом 1661 г., есть пометка: «Борис Щербаков — в его место брат ево Филька».

Так неожиданно выяснилось, что в ранней молодости в 1661 г. Филипп Щербаков был отправлен на реку Анадырь служить «под началом» казачьего десятника Ивана Меркурьева Рубца и в 60-х гг. вместе с ним ходил в поход «верх реки Камчатки». Следовательно, академик Г. Ф. Миллер ошибался, когда полагал, что казаки, привлечённые к суду в 1690 г., знали о существовании реки Камчатки «токмо по единому слуху».

Интересно отметить, что Филипп Щербаков в качестве своих мнимых «сообщников» назвал ряд казаков, которые не раз бывали на дальних «заморских реках».

Во время просмотра следственных дел по так называемому «бунту» 1690 г. недавно было выявлено официальное обвинение, предъявленное Филиппу Щербакову. В нём уже утверждалось, что «бунтовщики» будто бы хотели около Ильина дня 1690 г. бежать туда, «где побии иноземцы пятидесятника Василия Фёдорова с товарищи, а... вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику...»

Невольно возникает вопрос: уж не шла ли здесь речь о каких-то русских землепроходцах, которым довелось побывать на реке Камчатке? Без особого труда удалось установить, что «пятидесятник Василий Фёдоров» по фамилии «Кузнецов» не кто иной, как начальник Анадырского острожка в 1687—1688 гг. Из недавно найденных документов выяснено, что он был убит 6 декабря 1688 г. чукчами, живущими на «Носе» (Чукотском полуострове).

Давно уже точно известно, что летом 1688 г. В. Ф. Кузнецов с восемнадцатью казаками, двенадцатью промышленными людьми и членами их семейств ходил на двух кочах с устья Анадыря по морю «в корякскую сторону», то есть в сторону Камчатки! До сих пор историки считали, что тогда вскоре два коча Кузнецова попали в бурю и были отнесены в сторону Чукотки. Однако теперь неожиданно выяснилось, что тут допускалась серьёзная неточность. Кузнецов попал на Чукотку посуху уже после трагического окончания морского похода в сторону Камчатки, и сам этот морской поход продолжался более четырёх месяцев. За такой срок Кузнецов и его товарищи, несомненно, могли пройти довольно значительное расстояние от устья Анадыря и, быть может, даже побывали у берегов Камчатки.

Но что побудило В. Ф. Кузнецова отправиться в сторону Камчатки? Почему он решил отправиться морем именно к её берегам? И на эти вопросы теперь также удалось получить ответ...

В августе 1676 г. любознательный якутский воевода А. А. Барнешлев захотел от казаков получить сведения о землях, расположенных к югу от Анадыря. С этой целью в воеводскую избу для «распросу» были приглашены три бывалых землепроходца — некий пятидесятник Фёдор Яковлев, десятник Иван Меркурьев Рубец и Артемий Солдат — товарищ Семёна Дежнева по службе на Анадыре. Они поведали Барнешлеву, что «есть около Анадырского острожку неясачные иноземцы, которые великому государю ясак не платят, а живут те иноземцы промеж Анадыри и Пенжиною реками на хребтах, соболей и лисиц и бобров у них много».

Под «бобрами» здесь, конечно, подразумевались камчатские морские бобры, а поэтому ясно, что эти бывалые казаки имели в виду и район полуострова Камчатки. Иван Рубец сам бывал в 60-х гг. на реке Камчатке. Артемий Солдат, по-видимому, мог слышать это с чужих слов. Но кто был «пятидесятник Фёдор Яковлев»? Какое отношение имел он к Камчатке?

Оказывается, «пятидесятника Фёдора Яковлева» в списках служилых людей Якутского острога следует искать под фамилией...

«Кузнецов», и он является ни кем иным как отцом пятидесятника Василия Фёдорова Кузнецова!

Таким образом, теперь уже можно смело утверждать, что летом 1688 г. В. Ф. Кузнецов сразу после прибытия на Анадырь отправился морем на двух кочах с устья реки Анадыря в сторону Камчатки, потому что он ещё от своего отца слышал, что там находятся богатые, ещё неподчинённые России земли. Отсюда возникает, естественно, вопрос: уж не был ли Фёдор Яковлев Кузнецов участником какого-то забытого похода русских на Камчатку, совершённого ещё в середине XVII в.? Удалось найти документы, говорящие о том, что одно время он служил вместе с казаком Иваном Ивановичем Камчатным, по имени которого, по нашему мнению, ительменская река Уйкоаль стала называться с конца 50-х — начала 60-х гг. XVII в. рекой Камчаткой.

Очевидно, что изучение биографии Фёдора Яковлева Кузнецова должно быть продолжено. Возможно, выяснится, что рассказы ительменов с реки Камчатки о появлении у них в XVII в. первых русских каким-то образом связаны именно с походами отца и сына Кузнецовых. Вспомните, что ительмены утверждали, что предводителя первых русских звали «Федькой» или «Федорусом», и что у русских, пришедших с моря, было... два коча!

Во всяком случае, эти данные явно повышают вероятность того, что Василий Фёдоров Кузнецов мог побывать на двух кочах у берегов полуострова Камчатка и, возможно, в Якутске в 1690 г. намеренно связали вынужденное «признание» Щербакова о его мнимом желании «бежать» на Анадырь и Камчатку реки с походом В. Ф. Кузнецова, потому что он в 1688 г. действительно плывал в сторону Камчатки.

Из документов удалось установить, что до осени 1689 г. в Анадырском острожке полагали, что Василий Фёдоров Кузнецов и его спутники пропали без вести где-то «в корякской стороне». Поэтому ещё весной 1689 г. новый анадырский «начальный человек» Андрей Цыпандин решил послать «в корякскую сторону» на поиски отряда Кузнецова бывалого анадырского казака, знатока южных районов Ивана Котельника. Совершенно очевидно, что это был тот самый казак «Иван Ондропов Котельник», который, по утверждениям якутских властей, должен был служить «вожем» (проводником) у тех казаков, которые будто бы хотели «бежать на Анадырь и Камчатку реки».

Всё это, конечно, ещё более увеличивает вероятность того, что Василий Фёдоров Кузнецов мог дойти до реки Камчатки. И невольно

возникает новый вопрос: уж не к плаванию ли Кузнецова относится сообщение голландского географа К. Витсена о том, что русские в XVII в. за три-четыре месяца успевали ходить морем на промысел к... реке Камчатке?

Всё это ясно показывает, что изучение документов о мнимом «бунте» якутских казаков, которые будто бы хотели «бежать на Анадырь и Камчатку реки» ещё за семь лет до похода «Камчатского Ермака» В. В. Атласова, неожиданно привело к очень любопытным открытиям. Они дают вдумчивым исследователям богатую пищу для размышлений.

Будем же надеяться, что новые архивные находки позволят нам раскрыть и другие тайны самых ранних русских походов на далёкий полуостров.

Камчатская правда, 17 ноября 1964 г., № 272

Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I (о новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 г.)

Можно назвать буквально десятки книг, в которых уже цитировался полный текст знаменитой инструкции Петра I, вручённой руководителю Первой Камчатской экспедиции Витусу Берингу. В большинстве работ утверждается, что эта инструкция обязывала Беринга плыть от Камчатки на север. Такое толкование до сих пор не вызывало сомнений у исследователей, тем более, что Беринг в 1728 г. действительно отправился с Камчатки на север. И всё же в настоящей статье мы постараемся показать, что такая интерпретация текста инструкции Петра I была на самом деле ошибочной.

Основная беда многих авторов, писавших об этой инструкции, состояла в том, что они не знали, какой именно географической картой пользовался Пётр I, когда он составлял свою инструкцию, и не совсем ясно себе представляли, какие политические соображения побудили его организовать эту экспедицию.

В течение последних лет существовало мнение, что Пётр I в момент составления своей инструкции пользовался картой, сделанной Иваном Кириловым в декабре 1724 г. На самом же деле теперь уже можно смело утверждать, что царь, создавая свою инструкцию Берингу, использовал ту самую карту Камчатки и Каспийского моря, которую ещё недавно в литературе ошибочно называли картой Гоманна «1725 года». Убедиться в этом нетрудно. Для этого достаточно лишь сопоставить эту весьма своеобразную карту с текстом самой инструкции Петра I.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЗАМЫСЛУ ПЕТРА I

(О новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 г.).

Можно назвать, буквально, десятки книг, в которых уже цитировался полный текст знаменитой инструкции Петра I, врученной руководителю Первой Камчатской экспедиции Витусу Берингу. В большинстве работ утверждается, что эта инструкция обязывала Беринга плыть от Камчатки на север. Такое толкование инструкции до сих пор у исследователей не вызывало сомнений, тем более, что В. Беринг в 1728 г., действительно, отправился с Камчатки на север. И все же в настоящей статье мы постараемся показать, что такая интерпретация текста инструкции Петра I была на самом деле ошибочной.

Основная беда многих авторов, писавших об этой инструкции, состояла в том, что они не знали, какой именно географической картой пользовался Петр I, когда он составлял свою инструкцию, и не совсем ясно себе представляли, какие политические соображения побудили его организовать эту экспедицию.

В течение последних лет существовало мнение, что Петр I в момент составления своей инструкции пользовался картой, сделанной Иваном Кириловым в декабре 1724 г. На самом же деле теперь уже можно смело утверждать, что Петр I, создавая свою инструкцию Берингу, использовал ту самую карту Камчатки и Каспийского моря, которую еще недавно в литературе ошибочно называли картой Гомана «1725 года». Убедиться в этом нетрудно. Для этого достаточно лишь сопоставить эту весьма своеобразную карту (см. схему) с текстом самой инструкции Петра I.

Как известно, первые два пункта этой инструкции гласят:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами,

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд и чайнию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки» (4,5 — имеется фотокопия).

На карте Гомана рядом с восточным берегом Камчатки изображена мифическая большая земля, простирающаяся от Камчатки на север и восток. Даже во время Второй Камчатской экспедиции А. И. Чириков (как видно из его рапорта от 7 декабря 1741 г.) еще полагал, что к востоку от Камчатки «лежит земля, именуемая Иоанн де Гамма, о которой чаели, что она часть Америки» (6 стр. 273). Несомненно, именно эту мифическую землю Иоанна де Гамма и имел в виду Петр I, когда он во втором параграфе своей инструкции писал о

З а я в к а

на публикацию кн. докт. ист. наук **ПОЛЕВОГО** Бориса Петровича "Тайна" инструкции Петра I Витусу Берингу".

В 1962-1975 гг. в различных изданиях страны (Вопросы географии Камчатки, Страны и народы Востока, в сб. От Аляски до Огненной земли и др.) был впервые напечатан цикл научных статей Б.П. Полевого, в которых по новому интерпретировался смысл знаменитой инструкции Петра I Витусу Берингу от 6 января 1725 г. Статьи вызвали широкую дискуссию, а известный американский историк Тихого океана Реймонд Фишер даже положил эту новую интерпретацию в основу своей монографии 1977 г. "Путешествия Беринга: куда и зачем", вызвавшей около тридцати откликов в самых различных странах мира (США, Канаде, Англии, Франции, Дании, Японии и др.). В связи с возросшим интересом к новой интерпретации инструкции Берингу телестудия "Экран" (Москва), решил этой теме посвятить седьмую и восьмую серии телесериала "По следам великих открытий". Этот двухсерийный фильм многократно показывался по различным программам телевидения, в том числе и в "Клубе кинопутешественников" и был закуплен 23 зарубежными странами.

В связи с тем, что кое-кто из популяризаторов науки пытался оспаривать некоторые из положений новой интерпретации данная проблема стала основной в докторской диссертации Б.П. Полевого, которая была успешно защищена в Ленинградском отделении Института истории СССР в декабре 1986 г. Во время защиты оппоненты единодушно признали, что доводы диссертанта вполне убедительны и высказались за скорейшее опубликование специальной книги на эту тему. Выполняя это решение ученого совета Института истории СССР АН СССР автор и приступил к подготовке к печати большой научно-популярной книги "Тайна" инструкции Петра I Витусу Берингу" по след. плану:

Вводная статья ведущего советского специалиста по истории международных отношений на Тихом океане в XVIII-XIX вв. - д.и.н. Н.Н. Болховитинова, главного оппонента автора на защите 1986 г.

Краткое введение автора о задачах книги. И далее четыре основные главы: 1. Главная задача политики России на Тихом океане в петровскую эпоху и организация вапчатских экспедиций В. Беринга.

2. Возникновение "недоумений" относительно традиционного толкования инструкции Петра I и раскрытие подлинного значения ее текста.

3. Причины ошибочного истолкования инструкции Витусом Берингом.

4. Эволюция легенды о поиске пролива у берегов Чукотки.

Основные общие выводы в особом заключении.

Общий объем книги - не менее 15-16 п.л.

Заявка Б. П. Полевого на публикацию книги «Тайна инструкции Петра I Витусу Берингу», 21 июня 1987 г.

Как известно, первые два пункта этой инструкции гласят:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идёт на норд и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки» [4, 5].

На карте Гоманна рядом с восточным берегом Камчатки изображена мифическая большая земля, простирающаяся от Камчатки на север и восток. Даже во время Второй Камчатской экспедиции А. И. Чириков (как видно из его рапорта от 7 декабря 1741 г.) ещё полагал, что к востоку от Камчатки «лежит земля, именуемая Иоанн де Гамма, о которой чаели, что она часть Америки» [6. С. 273].

Несомненно, именно эту мифическую землю Иоанна де Гамма и имел в виду Пётр I, когда он во втором пункте своей инструкции писал о «земле, которая идёт на норд и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». На карте Гоманна эта большая земля не имеет названия. Она изображена идущей на север вдоль восточного побережья Камчатки, и с востока она обрезана рамкой чертежа. Поэтому о ней действительно можно было сказать: «Понеже оной конца не знают». По этой же причине её можно было легко принять и за «часть Америки».

Таким образом, становится совершенно очевидным, что Пётр I хотел, чтобы Беринг плыл возле именно этой мифической «земли», а не вдоль берегов Азиатского материка, как это до сих пор полагали многие исследователи. В самом деле, если бы Пётр I считал, что Беринг должен плыть вдоль континентального берега, то он, конечно, употребил бы иное выражение, скажем, «подле берега». Но он явно писал об особой «земле, которая идёт на норд». «Та земля» (обратите внимание на выделенное здесь местоимение) в инструкции Петра I явно противопоставлялась Камчатке, как другая, *не азиатская* земля. Нетрудно понять, что Пётр I никак не мог принять азиатское побережье, идущее к северу от Камчатки, за «часть Америки». Абсурдность такого предположения становится очевидной при ознакомлении со всеми русскими географическими чертежами, сделанными до 1724 г. Из инструкции видно, что Петра I особенно интересовал вопрос, что собой представляет эта безымянная земля, изображённая на карте Гоманна рядом с Камчаткой, какое отношение она имеет к Америке. Вот почему в последнем параграфе инструкции Берингу было приказано:

«3. И для того искать, где она сошлась с Америкою, но и чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят

какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст (берег) называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда».

Безусловно, Пётр I, давно уже интересовавшийся глобусами, хорошо знал, что ближайшие от Камчатки поселения европейцев на тихоокеанском побережье Северной Америки находились где-то на востоке, если не на юго-востоке. А поэтому становится ясно, что его инструкция обязывала Беринга плыть от Камчатки на восток явно вдоль южного побережья «земли, которая идёт на норд», к тому месту, где эта земля сближалась (а, может быть, и соединялась) с Америкой.

Ещё недавно некоторые исследователи, не понимая подлинного значения отдельных выражений в инструкции, сетовали на то, что Пётр I будто бы составил её «несколько неясно» [6. С. 21]. При изучении карты Гоманна становится очевидным, что эта «неясность» возникла не по вине Петра I, а тех лиц, которые не знали, на основании какой именно карты Пётр I составил свою инструкцию. Карта же Гоманна делает вполне ясными все фразы в ней.

Невольно возникает вопрос: почему же в таком случае исследователи до сих пор не обращали внимания на то, что именно карта Гоманна раскрывает подлинное содержание инструкции Петра I?

Ответ прост. Дело в том, что исследователи долгое время были убеждены в том, что карта Гоманна была опубликована только после смерти Петра I. В литературе постоянно указывалось, что эта карта была будто бы впервые напечатана в атласе Гоманна 1725 г., который, действительно, был доставлен в Россию лишь после смерти Петра I. Даже в 1960 г. В. И. Греков писал, что он не располагает данными для суждения «могла ли попасть... В. Берингу, выехавшему из Петербурга в начале февраля 1725 г., карта И. Гоманна, изданная в 1725 г.» [2. С. 28].

К сожалению, В. И. Греков подобно другим исследователям не обратил внимание на весьма ценное сообщение Э. Ф. Варёпа (1959 г.), из которого стало впервые известно, что И. Гоманн напечатал карту Камчатки и Каспийского моря в виде отдельных листов ещё в 1722 г. Несомненно, одним из таких листов и пользовался Пётр I, когда писал свою инструкцию Берингу.

Более того, теперь уже можно утверждать, что эти отдельные листы карты Гоманна были вручены Берингу, когда он отправлялся из Петербурга. Французский историк картографии Гастон Каан совершенно справедливо указывал, что 8 мая 1726 г. Беринг пере-

дал экземпляр карты Гоманна уезжавшему в Китай русскому посланнику Савве Владиславичу Рагузинскому.

Недавно мне удалось установить, что эти отдельные листы карты Гоманна 1722 г. даже сохранились до наших дней. В отделе картографии библиотеки Академии наук имеются два таких листа. Один полный, второй — половинный, на котором дана Камчатка. Надо полагать, что именно такой половинный лист с изображением лишь Дальнего Востока и был Берингом вручён Савве Владиславичу Рагузинскому.

Естественно возникает вопрос: если у Беринга была эта карта, то почему же в таком случае он и его спутники отправились не на восток, а на север, вопреки желаниям Петра I?

Понять это нетрудно. На Дальнем Востоке, как это и следовало ожидать, никто ничего не знал о мифической земле Иоанна де Гамма, но зато слышали, что на дальнем севере существует «нос», который, возможно, идёт к Америке. Поэтому неудивительно, что участники экспедиции Беринга решили, что они могут считать побережье Берингова моря «землёй, которая идёт на норд» к месту соединения Азии с Америкой. Именно Чукотку А. И. Чириков назвал «землёй той, о которой мнение было, что сходится с Америкой» [2. С. 21].

Даже враги Беринга, жившие на Дальнем Востоке, вроде небезызвестного начальника Охотского порта Скорнякова-Писарева, не сомневались в том, что инструкция Петра I обязывала Беринга плыть вдоль азиатского побережья. В одном из доносов было сказано, что Беринг «по силе инструкции его же величества» должен был «осмотреть от земли Камчацкой лежащей берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется (Чукченской нос), не имеет ли тот берег коммуникации с настоящею Америкойю западного ея берега» [6. С. 368].

Именно эти документы и создали у историков ложные представления об истинном содержании инструкции Петра I.

Таким образом, многие исследователи неправильно истолковали содержание инструкции Петра I Берингу из-за того, что они более позднюю интерпретацию её текста приняли за истинное содержание.

Очень важно отметить, что в Петербурге довольно скоро убедились в том, что Беринг и его товарищи по-своему истолковали инструкцию Петра I. Адмиралтейская коллегия даже особо отметила, что «по данной блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества собственноручной капитану-командору

Берингу инструкции в бытность его Беринга в той экспедиции, было искание, где Камчатская земля с Америкой сошлась...», тогда как Беринг «даже до ширины шестидесяти семи градусов ходил...» [6. С. 91].

Сам Беринг понимал, что в Петербурге могут не согласиться с его истолкованием инструкции царя. Вот почему в 1729 г. он всё-таки счёл необходимым предпринять особое плавание *к востоку* от Камчатки. Он сам верил в то, что восточнее Камчатки может находиться большая земля. Он проплыл в этом направлении около двухсот миль, не встретив никакой земли. Но и после этого плавания он, подобно Петру I, продолжал верить в возможность открытия в этом районе ряда земель. Беринг даже допускал, что сама Америка близко расположена от полуострова Камчатка. Он так и писал: «...признаваю я, что Америка или иные между ней лежащие земли не очень далеко от Камчатки» [6. С. 364]. И в 1730 г. сам выступил с предложением послать от Камчатки на восток новую исследовательскую экспедицию.

Это предложение Беринга соответствовало инструкции Петра I, а поэтому оно было одобрено правительством. На Камчатку снова была отправлена экспедиция «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой» [6. С. 91].

Так возникла знаменитая Вторая Камчатская экспедиция.

Весьма показательно, что составители инструкции для Второй Камчатской экспедиции хорошо знали о том, что между Камчаткой и Америкой нет никакого соединительного перешейка, и, тем не менее, Берингу было приказано искать «соединение» между ними. Это ясно говорит о том, что в данном случае в слово «соединение» вложен несколько иной смысл. «Соединением», по-видимому, была названа та самая земля, которая по предположениям географов тех лет (в том числе самого Беринга) могла находиться между полуостровом Камчатка и Северной Америкой, ибо она как бы служила своеобразным соединительным звеном между двумя континентами.

Очень показательно, что, когда в 1741 г. оба корабля Второй Камчатской экспедиции были направлены с Камчатки прямо на восток, то во многих документах было отмечено, что это делалось во имя практического осуществления идей Петра I. Таким образом, всё говорит о том, что Пётр I в своей инструкции 1725 г. ставил перед Берингом задачу плыть не на север, а на восток от Камчатки.

В свете этих данных становится очевидным, что В. И. Греков напрасно брал под сомнение совершенно правильное заключение

А. А. Покровского, что по идее инструкции Петра I корабли Камчатской экспедиции должны были «достигнуть Мексики» [6]. В. И. Греков писал: «...это предположение трудно совместить с направлением экспедиции на nord» [2. С. 21]. Из этой фразы видно, что В. И. Греков, подобно многим другим историкам, ошибочно считал, что инструкция Петра I будто бы обязывала Беринга плыть на север, тогда как на самом деле в ней речь шла лишь о «земле, которая идёт на nord», а не о направлении будущего плавания.

Если мы вспомним, что во времена Петра I испанские поселения в Мексике были самими северными европейскими поселениями на западном побережье Северной Америки, то станет вполне очевидным, что, когда Пётр I приказывал «доехать до какого города европейских владений», то в первую очередь имел в виду именно район Мексики. Это подтверждает и А. И. Чириков. В его письме в Адмиралтейскую коллегию от 12 февраля 1733 г. упоминается, что на Беринга и его спутников была возложена задача «дойти по силе данной инструкции собственной руки вечно достойной памяти императора Петра Великого господину Берингу, до испанского владения Мексиканской провинции...» [6. С. 206].

Другой вопрос: ради какой цели Пётр I стремился, чтобы русские суда дошли до берегов Мексики? А. А. Покровский утверждал, что это делалось ради установления торговых отношений. Конечно, Пётр I не отказался бы от любой возможности открыть торговлю. Однако, во-первых, трудно поверить, чтобы Пётр I не знал, что испанская метрополия строжайше запрещала своим заморским колониям вступать в прямые торговые отношения с иностранцами. Во-вторых, здесь важно вспомнить, что инструкция царя отнюдь не обязывала Беринга непременно доплыть «до какого города европейских владений». В ней ясно указывалось, что он вполне мог ограничиться простой встречей с европейскими судами. А отсюда становится ясно, что Петра I интересовала отнюдь не торговля, а простая встреча с европейцами. Ему важно было, чтобы испанцы (или какие-либо иные европейцы) могли бы сами удостоверить, что русские первыми прошли мимо берегов «неизвестной» северо-западной части Северной Америки.

Зачем же ему это было необходимо?

Бесспорно, для разрешения самой важной задачи русской политики в северной части Тихого океана. Экономические интересы России в связи с падением доходов от эксплуатации богатств Сибири (значительное сокращение её пушных богатств) настоятельно требовали открытия новых богатых промысловых районов.

В этом отношении особое значение имело бы присоединение к России новых земель Северной Америки.

Пётр I был современником войны за испанское наследство (1701—1713 гг.). Он знал, как ожесточённая борьба за колонии уже шла между Англией, Францией и Испанией в восточной части Северной Америки. Он понимал, что со временем западноевропейские колонизаторы захотят распространить свою власть и на ещё неизвестные земли северо-западной части Северной Америки, обращённые к России. Возможно, ему даже было известно, что они уже при захвате территорий на восточном берегу Северной Америки объявляли себя властителями земель «от моря и до моря», хотя ещё не имели никакого представления, где это море находилось.

Само обращение иностранных учёных к Петру I с просьбой разрешить вопрос, имеется ли в северной части Тихого океана пролив между двумя континентами, ясно показывало, что в те годы другие европейские государства ещё не были в состоянии послать в тот далёкий район свои экспедиции. Поэтому он и решил, что отправка исследователей к «неизвестным» берегам северо-западной части Америки вполне соответствует практическим интересам России. Ему политически было важно, чтобы русские стали первооткрывателями этих берегов, ибо это давало России право на их первоосвоение. Он ясно сознавал, что чем скорее русские появятся здесь, тем больше земель будет закреплено за Россией. Он, конечно, понимал, что именно на северо-западе Северной Америки будет положен предел столь благотворному для интересов российского феодального государства продвижению на восток.

Показательно, что царь, отдавая первое распоряжение об организации Первой камчатской экспедиции, особо подчеркнул: «Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке» [5]. Это примечание ясно показывает, что Пётр I особо большой интерес проявлял именно к берегам Северной Америки.

Зная, что западноевропейские державы непрерывно расширяют свои колониальные владения в Северной Америке и весьма ревниво следят за соперниками, Пётр I сознавал, что ему также необходимо проявлять большую осторожность и своими действиями не вызывать подозрительность, так как в противном случае они могли начать изыскивать способы, чтобы как-нибудь опередить русских. В этом отношении обращение иностранных учёных к Петру I с просьбой организовать экспедицию для разрешения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, было для него политически выгодным. Оно позволяло ему под предлогом отыска-

ния пролива между двумя континентами проведать морской путь к северо-западным «неизвестным» берегам Северной Америки и сделать там ряд открытий, которые должны были дать России впоследствии возможность начать осваивать эти земли по праву первооткрытия.

Но даже Пётр I старался быть осторожным. Во-первых, он организовал это плавание без огласки. Во-вторых, он решил в число участников экспедиции брать как можно меньше иностранцев и, во всяком случае, не брать выходцев из тех государств, которые были заинтересованы в территориальных захватах в Северной Америке. В-третьих, явно из предосторожности даже самим участникам экспедиции не стал раскрывать, ради какой конечной политической цели он решил послать эту научную экспедицию. Вот почему у многих в Петербурге и даже у участников самой экспедиции создавалось ложное впечатление, что Пётр I, организовав её, будто бы помышлял только об отыскании пролива между Азией и Америкой, а не о каких-либо иных целях. Даже сам Беринг уверовал в то, что это и является главной целью его экспедиции. Последнее, безусловно, способствовало неправильному пониманию инструкции Петра I. Если бы участники Первой Камчатской экспедиции ясно представляли подлинные дальнейшие цели царя, то, конечно, никакого недоразумения в истолковании его инструкции не было бы.

Все приведённые данные показывают, что наше истолкование инструкции Петра I полностью согласуется с той главной политической целью, которую преследовало в те годы русское правительство, организовав знаменитые Камчатские экспедиции. Несомненно, Пётр I смотрел на освоение «неизвестных земель» к востоку от Камчатки, в том числе тогда ещё никем непроезданной северной части северо-западного побережья Северной Америки, как на естественное продолжение колонизации Сибири, давно уже начавшегося продвижения русских на восток.

Литература

1. *Варенн Э. Ф.* О картах, составленных русскими в атласе И. Б. Гоманна 1725 г. — Изв. ВГО, № 3, 1959.
2. *Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. — Изд. АН СССР. М., 1960.
3. *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениздат. — М., 1948.

4. *Полонский А. С.* Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—1729. — Зап. Гидрографическ. департ. 1850, ч. VIII.

5. *Соколов А. П.* Назначение первой Беринговой экспедиции. — Зап. Гидрографическ. департ. 1851, ч. IX.

6. Экспедиция Беринга. Сб. докл. Подготовил к печати А. Покровский. — ГАУ. — М., 1941.

Вопросы географии Камчатки, 1964 г. Вып. 1. — С. 88—94

Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке

В «Описании земли Камчатки» в главе «О горячих ключах» С. П. Крашенинников приводит любопытные сведения о камчатских гейзерах. До сих пор в литературе утверждалось, что именно эти данные и являются наиболее ранними известиями о камчатских гейзерах. Однако недавно удалось установить, что ещё за три десятилетия до начала исследований С. П. Крашенинникова уже существовало в Сибири русское описание здешних гейзеров.

Выяснилось, что ещё 24 декабря 1707 г. в Якутске при воеводе Ю. Ф. Шишкине были записаны рассказы трёх якутских казаков, которым довелось побывать на полуострове Камчатка. Один из них — Родион Преснецов — и смог первым из русских сообщить о нескольких открытых им гейзерах. Приводим этот интереснейший рассказ по копии, снятой в Якутске в 1737 г. для историка Сибири Г. Ф. Миллера.

«...За Камчаткою рекою вдаль, ходом в две недели, на вершинах Большой реки, а иноземским прозванием та река Кикша, три речки Розсошные, от которых на одной реке с левой стороны на берегу на ровном луговом месте меж каменья идут ключи многие тёплых вод, и те ключи бьют вверх в колено и выше. И вода в них зело горяча и около тех ключей земля на десятину и больше зимою тепла и снех на ней не держится, и от тех ключей вода горячая течёт ручьями в ту речку Розсошную и тою речкою вниз на версту и больше. Пить той воды за горячачью, не положа в неё снегу, не мочно, а ниже того пойдёт та вода холоднее, и светла и пресна, и на тех ключах был и видел их он, выше описанной казак Родион Преснецов. А от тех тёплых вод за тою Большою рекою ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышписанного Курильского строжка в полуднице с обе стороны речки малой с берегов и с ровных мест идут тёплые воды, большими ключами бьют кипятком

вверх в сажень, а шириною, в тех ключех откуда та вода бьёт, окна обрешют, а иные и меньше и текут в ту речку, а тою речкою до большой реки десятины с три зело горячи ж, нити не можно и ту де горячую воду черпали они служивые люди и в посудинах ту воду клали рыбу и та рыба сварилась без огня, и в той большей реке та вода ровняется с обычною водою. А около тех горячих ключей земли тёплой десятин пять и больше и зимою на той тёплой земле снег не держится, а от ключей идёт пар многой».

Итак, видимо, здесь речь идёт о двух районах камчатских гейзеров. Попытаемся определить, о каких именно.

Как прямо указывается в описании, первые гейзеры, которые били на сравнительно небольшую высоту («верх в колено и выше»), находились на одной из трёх «Розсошных» рек, впадающих в реку Большую. Наиболее вероятно, что здесь идёт речь о реке Банной, в прошлом — речке Бааню.

Ещё С. П. Крашенинников отмечал, что эта речка «за росошину Большой реки почитается» (Крашенинников, 1949, с. 212). И он же отмечал (с. 216), что в этом районе «горячие ключи южного (левого. — *Б. П.*) берега текут речками в Бааню, а из утёса с кручины прямо в реку падают...» В этом же районе С. П. Крашенинников отметил одно место, в котором имеется «множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьёт вверх аршина на два с великим шумом» (Крашенинников, 1949, с. 216).

Нетрудно определить и второй район гейзеров. Знаменитый многолюдный Курильский острожек, существовавший до 1704 г., был расположен на самом Курильском озере вблизи истока реки Озерной. Поэтому, несомненно, под малой рекой в сообщении Р. Преснецова подразумевалась знаменитая ныне Паужетка, а под «большей рекой» — сама река Озерная. Правильность этого вывода доказывают некоторые чертежи полуострова Камчатки первого десятилетия XVIII в. Например, на «Карте мест от реки Енисея до Камчатских лежащих» южнее реки Гольгиной изображена безымянная река, вытекающая из двух озёр. Около этих озёр стоит надпись: «Ключи горячественные ис под земли бьют. От ключей река течёт три версты и вода горяча, а буде в ключи положишь птицу или мясо сырое, на рожне сваритца». Тут же вторая надпись: «Кипящие воды». Нетрудно понять, что так изображена на этом чертеже река Озерная с притоком Паужеткой.

Как известно, река Озерная получила своё наименование от озера, из которого она вытекает — Курильского. И действительно: под одним из двух озёр на этом чертеже изображено Курильское,

под вторым же, по-видимому, подразумевалось небольшое озеро, имеющееся около «правой протоки» Паужетки. Однако составитель данного чертежа, очевидно, не имел ясного представления о южной части полуострова Камчатки, ибо к югу от Озерной дополнительно поместил ещё одно изображение Курильского озера с надписью, относящейся к существовавшему до 1704 г. Курильскому острожку: «На озере остров, на острове острог курильских людей немирных».

Интересно отметить, что на более поздних чертежах Камчатки река, вытекающая из двух озёр, прямо именуется «Озерной». Это обстоятельство доказывает правильность нашей интерпретации чертежа полуострова Камчатка, а заодно и интерпретации сообщения Родиона Преснецова.

Из приведённого текста видно, что Родион Преснецов мог сам лично побывать и на реке Бааню, и на Паужетке. Естественно, возникает вопрос: нельзя ли определить дату его посещения всех этих мест?

На основании первой части тех же «скасок» трёх служилых людей, бывавших на Камчатке, выяснилось, что Преснецов с подчинёнными ему казаками мог посетить оба эти района ещё в ноябре-декабре 1703 г. Это означает, что именно эта группа русских служилых людей по праву может считаться первооткрывателями термальных источников как на реке Ванной (Бааню), так и на Паужетке, к которой сейчас приковано особое внимание общественности в связи со строительством первой в Советском Союзе геотермической электростанции.

Возможно, нам возразят: аналогичное изображение «Ключей горячих» в районе реки Озерной — Паужетки есть и на так называемом «Траурнихтовом» чертеже — «Чертеже вновь Камчадальской земли», который датируется исследователями 1700 г. На основании этих данных можно, конечно, полагать, что русские знали об этих термальных источниках ещё за три года до похода Родиона Преснецова.

Однако здесь с датировкой чертежа произошло недоразумение. Как справедливо заметил ещё пятнадцать лет назад член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов, эта карта «могла быть составлена позже» (Ефимов, 1949, с. 774). Так оно и оказалось на самом деле: исследователи не обратили внимания, что на этой карте показана Япония и даже помечено место, откуда бурей «унесло» японца Сани, а также место, где у берегов юго-восточной Камчатки «Сани же розбило».

Достоверно известно, что буса японца Сани, случайно бурей занесённого к берегам Камчатки, была разбита о каменный риф у Шипунского полуострова в «Калигирьской губе». Отсюда ительмены вывезли Сани и его уцелевших товарищей на реку Жупанову, откуда несколько позже казаки перевезли их на реку Камчатку. Здесь в 1711 г. Сани и один его товарищ по несчастью «по-русски говорить дознались малое число» и смогли рассказать про Японию, какие-то семь японских городов и, наконец, о своих бедах на море. Очевидно, что чертёж, на котором изображена Япония и указаны места, откуда «унесло» и «разбило» японца Сани, никак не мог быть составлен ранее 1711 г. Скорее всего, он был сделан уже в 1712 г. в Якутске, где в это время служил воеводой Д. А. Траурнихт, по имени которого этот чертёж и стал именоваться «Траурнихтовым». Поэтому нет ничего удивительного, что на этом позднем чертеже также были показаны «Ключи горячие», открытые Преснецовым вблизи Курильского озера на Паужетке и у Озерной.

В той же «скаске» 1707 г. оказались новые любопытные сведения и о Ключевской сопке. Казаки Иван Могилёв, Родион Преснецов и Терентий Смердов рассказывали: «На Камчатке де реке по правую сторону, идучи вниз той реки против Нижнего острогу, на ключах от того острогу в верстах в трёх и больше, на высокой горе на верху горит огонь всегда, летом и зимою и донныне непрестанно, и от того огня днём кажетца дым густой, как от большого пожару, а ночью — огонь и искры, и слышат почасту в том Нижнем остроге и далее того острога разстоянием в днище — в дву днищах, что в том огне гремит как камень розсыпается, а от дождя великого и от снега и от ветра тот огонь не гаснет, а вышиною та гора и где тот огонь горит, зело высока, и никакому человеку невсходно, и облаки по воздуху ходят кажется ниже той горы и до половины, а в ясные дни видят на той горе дым издалека чрез многие горы и хребты и с Олюторского (Берингова) и от Пенжинского (Охотского) морях на той горе тот дым видят, и в прошлых де годах, будучи в том камчатском острожке Нижнем, казак Пётр Козыревский и иные говорили тутошным иноземцам, чтоб с ними итти на ту высокую гору и усмотреть в близости того огня, и за то им давали наём, и те иноземцы на ту гору не пошли, а сказали, которые де их мужики в прошлых годах отведывали ходить на ту гору, и те с той горы не возвратились, а как кончались, того неведомо, и для того страху не ту гору к тому огню ходить никто не смеет, а около де той горы кругом объехать по последнему зимнему

пути на собаках на санках мочно неделю, а летом за многими реками и болоты обходить трудно, а лошадей и оленей ежжальных и иного скота нет».

Из этого рассказа выясняется, что известный казак Пётр Козыревский, отец Ивана Козыревского, первооткрывателя Курильских островов, первым из русских хотел совершить восхождение на Ключевскую сопку, но он вынужден был оставить этот замысел, когда ительмены категорически отказались сопровождать его в этом походе. На основании других архивных документов удалось установить, что Пётр Козыревский жил в Нижнем острожке в районе Ключей, впервые открытых русскими ещё до похода В. В. Атласова, в 1703—1704 гг. По всей вероятности, Пётр Козыревский замыслил совершить восхождение на Ключевскую сопку в 1703 г.

В заключение важно указать, что «скаска» трёх камчатских казаков о термальных источниках и Ключевской сопке, записанная в Якутске в декабре 1707 г. в начале XVIII в., получила в Сибири относительно широкую известность. Её неоднократно копировали в Якутске. Она была известна тобольским летописцам. Одну из таких укороченных, весьма неточных копий «скаска» смог несколько лет тому назад обнаружить покойный доктор исторических наук А. И. Андреев в архиве Географического общества СССР в рукописном сборнике «Тобольский летописец». Несомненно, что копия эта, в свою очередь, была снята с какой-то другой неточной западно-сибирской копии.

Таким образом, цитированная нами казачья «скаска» двести пятьдесят лет тому назад была в Сибири главным источником сведений о камчатских гейзерах и Ключевской сопке.

Вопросы географии Камчатки, 1965. Вып. 3. — С. 119—123

Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1977. — С. 153—162

Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в.

На Руси XVII в. все «начальные люди» от московских дьяков до «приказных» и целовальников самых отдалённых острожков и зимовьев обязаны были вести различные учётные книги. На местах особое внимание уделялось составлению так называемых ясачных книг, в которых вёлся поимённый учёт собранной дани (ясака), «записных книг» — по учёту десятинной пошлины, собранной при различных торговых сделках, «книг судовых запасов», в которых вёлся учёт расхода полотна на паруса, пеньки и бечевы, якорей и различного инструмента, используемого при строительстве

морских и речных судов и прочих. Велись также книги, в которых отмечался расход «зелья» (пороха) и свинца на пули или регистрировались «известные челобитные» и судебные дела.

Однако казна далеко не всегда обеспечивала «начальных людей» бумагой для ведения всех этих книг. В те времена бумага ввозилась из-за границы, и поэтому её часто не хватало. Отписки и челобитные русских казаков, осваивавших Сибирь и Дальний Восток, полны жалоб на нехватку бумаги. На это жаловались и Семён Дежнев, и Михаил Стадухин, и многие другие землепроходцы. Очень часто из-за этого путешественники вынуждены были предельно кратко сообщать о своих замечательных географических открытиях. И можно уверенно сказать, что очень многое в истории освоения Сибири и Дальнего Востока нам осталось неизвестным только потому, что у наших первооткрывателей, чтобы подробно рассказать о своих открытиях, часто не хватало бумаги.

Местные власти вынуждены были мириться с тем, что сообщения о географических открытиях были предельно краткими, но они никогда не прощали приказным любые нарушения в ведении учётных книг. При отсутствии бумаги местные начальные люди обязаны были изыскивать иные способы для учёта собранного ясака и пошлин. В России с давних времён для различных записей часто пользовались обыкновенной белой корой берёз. Как известно, археологи в одном лишь Новгороде смогли обнаружить сотни древних берестяных грамот. Часто берёстой, или, как её тогда называли, «скальцем», «скалой», пользовались и русские землепроходцы — первооткрыватели Дальнего Востока, в том числе и полуострова Камчатки. В документах XVII—XVIII вв. об использовании берёсты для «письменных дел» упоминается довольно часть. Однако в сохранившихся документах берестяные грамоты встречаются редко. Нам известно всего лишь несколько случаев находки таких грамот в делах Якутской приказной избы, которая до начала XVIII в. ведала освоением Дальнего Востока. Тем больший интерес представляют для нас пять берестяных ясачных книг начала XVIII в., которые хранятся теперь в рукописном отделе Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина (музейный фонд № 7754). И, прежде всего, — своим содержанием. Первые строки одной из книг говорят:

«Книга великого государя царя великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малые России самодержца Нижнего и Верхнего камчадалских острогов и Большой реки ясачная зборная нынешнего 715-го году прибыльности в камчадалских островах приказного

Ивана Козыревского, а которых рек и острогов и с кого имяны с ясачных иноземцов и вновь приисканных ясаку во казну...» То есть, писал эту книгу знаменитый камчатский землепроходец, один из первооткрывателей Курильских островов Иван Петрович Козыревский.

Достоверность этого не может вызывать сомнений. В ЦГАДА в деле № 19/781 Сената по Святейшему Синоду за 1732 г. выявлено несколько подлинных прошений приговорённого к смертной казни Ивана Козыревского. Они написаны тем же очень характерным мелким почерком.

Любопытно отметить, что в ясачной книге Иван Козыревский «715 год» написал не цифрами, а по обычаю XVII в. буквенными обозначениями. На Камчатке в начале XVIII в. в «преамбулах» ясачных книг довольно долго вместо арабских цифр употреблялись старинные буквенные обозначения дат. И Ивану Козыревскому так было удобнее, поскольку он обучался грамоте ещё в те времена, когда цифры обозначались буквами.

В последние годы в архивах удалось выявить множество документов, уточняющих биографию Ивана Козыревского.

Из них установлено, что малолетнего Ивана грамоте начал обучать ещё его дед — Фёдор Козыревский, бывший польский военнопленный, попавший в Сибирь ещё в 50-х гг. XVII в. Однако обучение это было кратким: вскоре Фёдор Козыревский, спасаясь от суда за долги и превышение власти, укрылся в монастыре и стал «иноком Аврааимем». Образование сына занялся его отец — Пётр Козыревский, человек крайне неуравновешенный. Ещё когда Ивану было всего лишь семь лет, Пётр во время пьянки на богомолье убил свою жену Анну, мать Ивана. Из-за этого Пётр вынужден был несколько лет скрываться на верхней Лене. В 1700 г. он явился в Якутск с повинной, был публично наказан плетью на торговой площади Якутска и отправлен на Камчатку. Там в перерывах между походами он и обучал своего сына Ивана. В 1704 г. Пётр Козыревский был послан в Якутск и в 1705 г. на обратном пути из Якутска был убит коряками в северо-восточной части полуострова Камчатка около устья реки Туумлат (Тымлат) при попытке высадиться на один из маленьких островков Карагинского залива. Позже этот остров был назван Верхотуровым по имени тогда же погибшего начальника Петра Козыревского — Фёдора Верхотурова. Вместо отца на службу был принят пятнадцатилетний Иван Козыревский. Служба оказалась для него очень тяжёлой: он часто страдал от своенравия камчатских приказных.

Особенно сурово с ним обращался вернувшийся на Камчатку Владимир Атласов. Нередко Атласов накладывал на руки и ноги молодого Козыревского «смыки» (кандалы) и держал его под караулом. Поэтому неудивительно, что в 1711 г. Иван Козыревский быстро примкнул к восставшим казакам и даже оказался замешанным в убийстве В. Атласова. Лучший грамотей, Иван Козыревский был избран восставшими «ясаулом». Уже вскоре он стал главным инициатором первых двух русских походов к Курильским островам. Козыревский считал, что их присоединение к России даст ему возможность избежать наказания за участие в «бунте». И действительно, когда в 1714 г. власти начали чинить расправу над «бунтовщиками», Иван Козыревский не попал в число пострадавших и, более того, в 1715 г. он даже временно стал одним из управителей Камчатки.

Вот тогда-то он с большим прилежанием и принялся за составление берестяной ясачной книги 1715 г. В книге перечислены многие камчатские реки, на которых был в том году собран ясак. На берёсте отмечены многочисленные имена ительменов и коряков, доставивших в 1715 г. ясак. Иногда около некоторых имён местных жителей упоминались имена их ближайших родственников. Вскоре Козыревский сдал свои дела вновь назначенному на Камчатку «приказному» казачьему пятидесятнику Алексею Петриловскому. Поэтому вторая берестяная ясачная книга уже сделана от имени «приказчишки» Петриловского.

Алексей Петриловский — внук Артемия Петриловского, племянника Ярофея Хабарова. Алексей оставил о себе на Камчатке весьма недобрую память. По требованию казаков он был даже отстранён от своей должности камчатского приказного. Петриловский сильно враждовал с Иваном Козыревским и был одним из виновников, почему первооткрыватель Курил по примеру своего деда поспешил укрыться в монастыре и стал «иноком Игнатием».

В берестяных ясачных книгах встречается и имя ясачного сборщика Ивана Прибылова, сына Максима Прибылова — родоначальника многочисленных дальневосточных Прибыловых, которые сыграли немаловажную роль в освоении и Камчатки, и островов Тихого океана.

Изучением камчатских берестяных книг второго десятилетия XVIII в. исследователи занялись сравнительно недавно, в 50-х гг. XX столетия. Уже в 1960 г. видный советский этнограф Б. О. Долгих, анализируя содержание камчатских ясачных книг, в том числе и берестяных, смог сделать один чрезвычайно важный вывод.

Как известно, в литературе по истории Камчатки иногда утверждалось, что численность местного населения в начале XVIII в. будто бы сократилась... в десятки раз! Б. О. Долгих при изучении ясачных книг вскрыл несостоятельность этого легкомысленного утверждения. Подсчитав число плательщиков ясака, он установил (1960, с. 571), что на самом деле с 1697 г. по 1738 г. численность коренного населения Камчатки сократилось не больше, чем на одну треть. Причём само это сокращение было вызвано главным образом эпидемическими заболеваниями.

Выяснилось также, что «Камчатский Ермак» В. В. Атласов, желая поразить воображение «начальных людей» Якутска и Москвы, в конце XVII в. сознательно приумножил численность коренных жителей Камчатки. Кроме того, некоторые историки заметно преувеличили и число ительменов, погибших во время военных столкновений с русскими. Отмечая это, мы, естественно, не собираемся обелять колониальную политику царизма на Камчатке, тем более что сам текст берестяных ясачных книг лишней раз доказывает, что власти феодальной России нещадно эксплуатировали местное население. По ясачным книгам ясно видно, что на Камчатке нередко вместо умерших взрослых ясаком облагали малолетних.

Особую ценность берестяные ясачные книги имеют для тех, кто интересуется топонимикой Камчатки. Прежде всего, в них встречаются собственные названия, от которых возникли и донныне существующие географические. Так, в книге указывается ительменский «Шипунский род», который ранее жил на Семячке, а позднее продвинулся по восточному побережью на юг. Вне всякого сомнения, именно от этого «Шипунского рода» и произошло хорошо нам известное название «Шипунский мыс, полуостров». Очевидно, что «Шипунский род» именно в этот район и перешёл с Семячки. Само название «Шипунский род» произошло от имени тойона Шипы. Или другое: река Толбачик в книге названа «Талвачина река». Её название явно происходит от какого-то ительмена «Талвачи» (название реки Толбачик происходит от ительменского слова «Тулуачь». — *Ред.*). Река Хайрюзова в книге названа «Харгузовой». Наличие различных вариантов транскрипции этой реки — «Хайрус», «Хайрюзова», «Хоружева» — заставляет нас взять под сомнение утверждение В. И. Воскобойникова (1962, с. 75), что оно произошло от названия рыбы хариуса. Более вероятно, что это название произошло от имени жившего здесь коряка Хоруса.

Данные ранних камчатских ясачных книг заставляют отказаться от гипотезы В. И. Воскобойникова, согласно которой название «Кроноцкая» происходит от «Кродагыг» (1962, с. 61): уже в берестяных книгах второго десятилетия XVIII в. идёт речь о районе «Кронок». Так здесь был назван район реки, ранее именованной русскими «Лиственишной». Поэтому очевидно, что название «Кроноцкая» возникло от ительменского слова «крон» (лиственница). Из ясачных книг видно, что жителей всего этого района русские называли «родом кронотцких» или кратко «кροноками» (в родительном падеже — «кροнок»). В книгах также встречаются возникшие от имён тойонов давно уже не существующие географические названия «Шувахлин острожек», «Раначев острожек», «острожек Тонолина» (от имени ительмена Тонолы). Эти данные заставляют думать, что названия некоторых острожков на Камчатке могли существовать лишь временно, пока были живы их главные владельцы. Отсюда перед топонимистами встаёт новая и нелёгкая задача: выяснить все различные варианты названий одних и тех же камчатских селений.

В некоторых случаях берестяные книги уточняют раннюю транскрипцию местных названий. Так, С. П. Крашенинников (1949, с. 108) утверждал, что местное названием реки Козыревской — «Кюлю», но по данным ясачных книг полное название этой реки — «Иколюча». Такого рода уточнений можно сделать немало. Кое-кому они могут показаться малосущественными, однако для лингвистов, изучающих камчатскую топонимику, все эти «мелочи» могут иметь весьма важное значение: ведь иногда из-за таких уточнений может полностью измениться первоначальное значение того или иного географического названия.

По ясачным книгам можно точно установить, кто из местных жителей, когда и в течение какого срока жил в том или ином острожке. Эти сведения иногда также могут быть полезными при изучении камчатской топонимики. Поэтому приведём здесь некоторые сведения о жителях Авачинского острога второго десятилетия XVIII в. Тойоном («лутчим мужиком») здесь тогда числился некий «Чевава». Тут же платили ясак: «Киура», «Камич» и «Канич, Шакшин сын, Харчин брат». Особенно важно отметить, что уже тогда у Авачинского острожка жил «Карымча», по имени которого двадцать лет спустя, во времена С. П. Крашенинникова (1949, с. 120), Паратунский острожек назывался также Карымчиным. Очевидно, находящаяся вблизи река Карымчина также обязана своим наименованием «Карымче» начала XVIII в.

Несомненно, при дальнейшем изучении пяти камчатских берестяных ясачных книг будут выявлены и другие данные, представляющие значительный интерес для топонимистов Камчатки.

Уже сейчас от весьма хрупких берестяных книг начали откалываться небольшие кусочки, иногда даже с текстом. Поэтому во имя сохранности этих замечательных памятников камчатской истории уже теперь следует подлинники этих книг выдавать исследователям как можно реже. Ещё лучше было бы, если исследователи могли пользоваться полными фотокопиями этих документов. Думается, что руководители рукописного отдела самой крупной в нашей стране библиотеки смогут уже в самом ближайшем будущем исполнить эти наши пожелания.

Литература

Воскобойников В. И. Слово на карте. Из истории географических названий Камчатского полуострова. — Петропавловск-Камчатский: Кн. ред. «Камчатской правды», 1962.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Нов. сер., т. 55. — М., 1960.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М. : Л.: Изд. Главсевморпути, 1949.

Вопросы географии Камчатки, 1966 г. Вып. 4. — С. 124—127

Когда узнали о реке Камчатке?

Триста лет назад в Тобольске были завершены работы над знаменитым чертежом всей Сибири 1667 г. Для историков Камчатки этот чертёж представляет особый интерес. Дело в том, что на одной из его копий, снятой С. У. Ремезовым, знаменитым сибирским картографом конца XVII — начала XVIII вв., имеется изображение реки Камчатки, которое считается самым древним из дошедших до нас.

И странная вещь: изображение существует только на одной-единственной копии. А ведь их было немало. Не появилось ли оно в результате ошибки картографа, который делал копию в конце 90-х гг. XVII в., когда о Камчатке заговорила уже вся Сибирь? Ведь в «росписи» — кратком описании чертежа — река не упомянута.

Значит, ошибся и академик Л. С. Берг, указывая в своей монографии «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», что на чертеже Сибири 1667 г. дано самое древнее изображение реки Камчатки.

Всё это представляло интерес для исследователя. Оказалось: изображение реки Камчатки было почти на всех общих чертежах Сибири, сделанных после 1667 г. Оно было и на чертеже 1673 г. В описании его даже указывается, что «против устья Камчатки-реки вышел из его моря столп каменной, высок без меры, а на нём никто не бывал». Л. С. Берг полагая, что здесь речь шла о мысе Столбовом, который расположен действительно у устья реки Камчатки. Но в первом случае ошибка или не ошибка? Оказалось: чертёж 1667 г. был многолистным, а не однолистным, как до сих пор полагали исследователи. Существовали к нему особые «прилоги», главным образом в виде маршрутных чертежей. И это позволило впервые понять истинное значение сообщения С. У. Ремезова о том, что чертёж Сибири 1667 г. остался «без прилогов селищ и волостей и немирных землиц». А, как известно, в те далёкие времена район реки Камчатки ещё относился русскими к числу «немирных землиц».

Очевидно, составители чертежа исключили «немирные землицы» потому, что они сомневались в достоверности их изображений. А потому и в «росписи» были опущены данные о реке Камчатке, ибо, как теперь выяснилось, «роспись» была в основном описанием подробных «прилогов» чертежа.

А в дальнейшем это привело к удалению с новых копий общего чертежа реки Камчатки. Она осталась лишь на копии, которую С. У. Ремезов снял с так называемого «подлинного печатного чертежа». Только недавно было установлено, что этот чертёж получил не потому, что был напечатан (в Тобольске первая типография появилась лишь спустя сто двадцать лет), а потому, что на этом чертеже поставил свою печать воевода П. И. Годунов. Следовательно, этот чертёж был сделан в Тобольске. А все известные нам иностранные копии — в Москве, с того общего чертежа, на котором река Камчатка была вполне сознательно опущена.

Но из каких источников в Тобольске узнали о существовании реки Камчатки? Кое-кто из историков весьма смело утверждает, что, мол, эти сведения исходили от спутников С. И. Дежнева. Но ни в одном документе, полученном от дежневцев, нет упоминания о реке. Высказывалось мнение, что о реке Камчатке будто бы проведал Михаил Стадухин и рассказывал какому-то московскому дьяку. Но это — чистейшая фантазия. М. В. Стадухин, бесспорно, знал о существовании Камчатского «носа» — полуострова, но ни в одном его документе нет названия «Камчатка». И это вполне понятно: оно возникло явно после ухода Стадухина с берегов

Тихого океана, в самом конце 50-х гг. XVII в. Казак И. И. Камчатый первым смог проведать о существовании этой реки.

Очень возможно, что сведения о ней дошли до Тобольска от кого-нибудь из участников похода Ивана Рубца, который ходил «вверх реки Камчатки» в начале 60-х гг. XVII в., ведь сам Иван Меркурьев Рубец был уроженцем Тобольска!

Камчатская правда, 1 декабря 1967 г., № 283

О происхождении названия «Камчатка»

Уже более четверти тысячелетия учёные пытаются установить, как возникло географическое название «Камчатка». Было выдвинуто немало различных гипотез — порою правдоподобных, порою чисто фантастических. И всё же даже в 1962 г. камчатский краевед В. И. Воскобойников, автор книги «Слово на карте», в которой этому вопросу посвящена отдельная глава, вынужден был с сожалением признать, что происхождение слова «Камчатка» точно не выяснено (Воскобойников, 1962, с. 60).

Вспомним, какие предположения выдвигались учёными, желавшими выяснить происхождение названия «Камчатка».

Изучение документов показывает, что русские в XVII в. называли полуостров Камчатку то «Носом на полдень», то есть полуостровом, простирающимся на юг, то «Носом в тёплое море», то «Ламским носом», то, наконец, просто «Носом», расположенным вблизи рек Пенжины и Гижиги (Полевой, 1964, с. 231, 251, 259). Лишь в самом конце XVII в. полуостров стал называться то «Камчатским носом», то «Островом Камчатым» (слово «полуостров» тогда ещё не употреблялось), то, наконец, просто «Камчаткой». Это отметил и С. П. Крашенинников (1949, с. 100): «Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку Камчатку с окрестными местами».

В дальнейшем название реки постепенно распространилось и на полуостров. Следовательно, вопрос о происхождении названия «Камчатка» — это вопрос о происхождении названия реки.

В «Чертёжной книге Сибири 1701 г.» знаменитого сибирского картографа С. У. Ремезова на «Чертеже земли Якутцкого города» есть искажённое изображение полуострова Камчатки («Ламского носа»), на котором у реки Камчатки стоит любопытнейшая надпись: «А на Камчатке приходят люди грамотные, платье на них азямы камчатые» (Ремезов, 1882, с. 31).

По существу, эта же надпись имеется и на «Чертеже вновь Камчадальския земли и моря» из «Служебной чертёжной книги» начала XVIII в. того же С. У. Ремезова, но там она отнесена не к реке, а к более обширному району: «Остров Камчатой приходя(т) люди грамотные, платье на них азямы камчатые» (Ефимов, 1964).

Создаётся впечатление, что на рубеже XVII и XVIII вв. Ремезов считал, что название «Камчатка» произошло от камчатой ткани, которую, как известно, чаще всего кратко называют камчаткой.

Объяснение очень простое, но оно не может не вызвать сомнений. Неизвестно ни одного случая, когда бы русские землепроходцы XVII в. наименовали на Дальнем Востоке по названию вещи (тем более ткани) большую реку. В то далёкое время русские вообще не занимались сочинением названий рек — они или заимствовали местные или произвольно связывали эти реки с фамилиями или прозвищами тех лиц, которые имели к ним какое-либо отношение. Иногда это первооткрыватель реки, иногда — первопоселенец, иногда — первый сборщик ясака или погибший на ней землепроходец. Особенно часто русские называли реки по именам наиболее влиятельных местных жителей — так называемых «князьков» или «лутших людей», то есть тойонов (старшин). По тексту топонимического словаря В. П. Кускова легко убедиться в том, что так обстояло дело и на Камчатке. Река Козыревская, например, получила название по фамилии ссыльного казака Петра Козыревского, собиравшего на ней ясак ещё в 1702 г. Река Голыгина — по фамилии Пиана Осипова Голыгина и т. д.

Много рек на Камчатке получили свои названия от так называемых «лутших мужиков» (тойонов). Так, название реки Колпаковой произошло от имени коряка Компака, Облуковины — от коряка Оглукомы, Налачевой — ительмена Налача, Карымчиной — Карымчи и т. д. Поэтому неудивительно, что в начале XVIII в. возникла версия, по которой название «Камчатка» дано по имени ительмена Кончата.

Как возникла эта версия? Ительмены называли реку Камчатку обычно «Уйкоаль», реже — «Кыга». Первое название в переводе означает «большая река», второе — просто «река» (Крашенинников, 1949, с. 101, 445). Это побудило русских землепроходцев спросить у ительменов, откуда же взялось третье название — «Камчатка». В ответ казаки услышали, что название «Камчатка» появилось только после того, как на эту реку пришли русские люди, и была она так названа по имени «знатного воина Кончата». Этот рассказ стал известен и в Якутске — главном административном

центре Северо-Восточной Сибири. Там даже сложилось впечатление, что «знатный воин Кончат» был казаком, участником первого русского похода на Камчатку.

Осенью 1736 г. в Якутск прибыл известный историк Сибири академик Г. Ф. Миллер. Он обратился к местным властям с просьбой предоставить в его распоряжение самые разнообразные сведения по истории Ленского края, особенно о Камчатке.

В числе прочих сведений Г. Ф. Миллер ознакомился и с рассказом о каком-то русском воине Кончате, по имени которого названа река Камчатка. Почему-то Миллер решил, что этот «воин Кончат» непременно должен был быть участником камчатского похода Владимира Атласова в 1697—1699 гг. Вскоре, однако, он обнаружил документы о возникшем в 1690 г. в Якутске деле по обвинению группы казаков в намерении организовать побег «на Анадырь и на Камчатку реки». После этой находки Г. Ф. Миллер естественно решил, что река Камчатка никак не могла получить своё название по имени казака, участвовавшего в походе 1697—1699 гг. Поэтому он вообще перестал верить в сообщённый ему рассказ о происхождении названия «Камчатка».

Весной 1737 г. Г. Ф. Миллер закончил своё первое сочинение о Камчатке. В нём он писал: «Хотя о происхождении названия “Камчатка” некоторые и склонны говорить, что во времена занятия русскими земли среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат, однако это недостаточно достоверно, и ещё меньше оснований полагать, чтобы глава якутских казаков Владимир Атласов, положивший начало присоединению Камчатки к России, по сходству собственного имени дал бы стране название. К тому же в якутском архиве имеется сообщение, что за десять лет до этого уже имелось известие об этой земле под тем же самым названием.

Более вероятно, что это имя пришло впервые к русским от коряков, которые жили на реке Олюторе и на своём языке камчадалов называли “кончало”. И поскольку там от этого народа русские впервые получили сообщение о реке Камчатке и камчадалах, то и можно предположить, что потому русские так и назвали эту землю, реку и народ. Нельзя ли из этого сделать вывод, что от корякского “кончало” при искажённом произношении в устах сибирских казаков и могло возникнуть название “Камчатка”?» (Стеллер, 1744, с. 19—20).

Так возникла ещё одна версия о происхождении названия «Камчатка».

В навигацию 1737 г. Г. Ф. Миллер отправил на Камчатку своего студента С. П. Крашенинникова. 27 сентября он послал вдогонку копию своего сочинения с письмом, в котором рекомендовал использовать свою рукопись как руководство и в то же время предлагал исправить и дополнить собранные им сведения.

С. П. Крашенинников, будучи на Камчатке, обратил внимание на те данные, которые могли бы подтвердить гипотезу о происхождении названия «Камчатка», высказанную его учителем и начальником. В это же время на Камчатку прибыл Г. В. Стеллер. И его заинтересовал вопрос происхождения названия. Он лично беседовал на эту тему с ительменами и услышал от них тот же рассказ о «воине Кончате». Г. В. Стеллер считал, что этот рассказ заслуживает доверия. Он писал: «Название “Камчатка” к этой стране после её завоевания присвоено, потому что от языческих народов с помощью знаков было узнано, что река называется Камчаткой, и поэтому русские назвали также и всех живущих на ней камчадалами. Кончат — имя жившего на этой реке в прежние времена одного очень уважаемого и знаменитого человека» (Стеллер, 1774, с. 2).

С. П. Крашенинников не согласился с этим утверждением Г. В. Стеллера. Решив опровергнуть его, он писал: «Некоторые пишут, аки был помянутой народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их ещё приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников через знаки приметя, что великая оная река Кончатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусный вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами через знаки говорить не было нужды, ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; 2) что имя Кончат камчадалам неведомо; 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем, ибо камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни острогов именем людей не называют, но дают им имена по некоим свойственным им качествам или по сходству с другими вещами; 4) что Камчатка река не Кончаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут *хончало*, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того, что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что *хончало* есть испорченное слово из *коочь-ай*, что значит житель по реке Еловке, которая течёт в Камчатку и Коочь называется...

...Которые Кончата славным воином тамошних мест называют, те в одном том ошиблись, что храбрость оную одному человеку приписали, которую надлежало приписать всем еловским жителям, из которых каждый *коочь-ай*, или по их *кончат* называется. Ибо сие сама правда, что еловские жители издревле почитались храбрыми, и славны были перед прочими: чего ради и корякам, как по соседству, так и по той знати под именем своим *коочь-ай*, которым они и от других камчадалов называются, были ведомы.

О перемене *коочь-ай* на *хончала*, и *хончала* на *камчадала* в рассуждении нарочитого сходства имён, немногие, чаю, сомневаться имеют, особливо которым известно, коим образом и в самых европейских языках чужестранные слова портятся, а по тамошним местам тысячи оному примеров показать можно, как не токмо язычники, но и самые россияне чужие звания портят» (Крашенинников, 1949, с. 361—362).

Анализируя этот отрывок, нетрудно убедиться в том, что Крашенинников во многом повторял утверждения Миллера. Но есть в его высказываниях и некоторые отличия. Во-первых, он твёрдо считал, что «славный воин Кончат» был не русским, а ительменом. Уверовать в это было нетрудно, поскольку само имя «Кончат» совсем не похоже на русское имя. Во-вторых, он выдвинул, скажем прямо, малоубедительную догадку, что название «Кончат» будто бы является искажённым ительменским «*коочь-ай*», что означает просто житель Еловки (левого притока реки Камчатки).

Вместе с тем С. П. Крашенинников показал, что сами ительмены никогда не называли рек именами людей и, следовательно, они не могли назвать реку Камчаткой по имени Кончата, который, кстати, в конце 30-х гг. XVIII в. уже не был известен ительменам.

Долгое время считалось, что С. П. Крашенинников выдвинул наиболее правдоподобную гипотезу о происхождении названия «Камчатка». Однако в конце XIX в. её достоверность впервые взята под сомнение. В 1882 г. издана фотолитографическим путём «Чертёжная книга Сибири 1701 г.» С. У. Ремезова. Как уже говорилось, в этом атласе имелся «Чертёж земли Якуцкого города», на котором стояла надпись, гласящая, что на реке Камчатке бывали «люди грамотные», одетые в «азямы камчатые». Надпись стала известна исследователям. Она казалась курьёзной, но всё же заставила вновь задуматься над происхождением названия «Камчатка». В результате была выдвинута ещё одна гипотеза.

Исследователь Дальнего Востока В. П. Маргаритов (1899, с. 41) писал: «Не посягая нисколько на правдоподобность толкований

Крашенинникова, я в то же время нахожу не лишним упомянуть, что слово «Камчатка» существует в употреблении среди донских казаков в наше время. В Области Войска Донского, которую, бесспорно, следует признать родоначальницей якутских казаков, можно и теперь встретить выражение: это место ровное, степное, а то искомканное, комовое, камчатое, то есть изрытое, покрытое неровностями. Слово комовое и камчатое применяется и к предметам, когда нужно выразить понятие присущей предмету уродливости, неправильности. Для примера могу указать на один род дыни, семена которой имеют крайне искажённую форму и которая повсеместно на Дону называется *камчаткою* или *комовкою*. Нет никаких оснований не допускать, что этот полуостров назван казаками под влиянием тех же впечатлений, под влиянием которых они прозвали указанный сорт дынь по бугроватости её семян. Исходя из этого, я склонен думать, что первые из посетивших Камчатку казаки, рассказывая своим товарищам вынесенные ими впечатления о вновь открытой стране как сильно гористой, покрытой всевозможными скалами и выступами, словом, искомканной (выражаясь донским наречием), прозвали её Камчаткой или Комовой.

Одновременно со мной прибыл в Петропавловск один уроженец Области Войска Донского, и когда мы, воспользовавшись первым ясным днём, взойшли на Петровскую (у подножья которой расположен Петропавловск) гору, чтобы полюбоваться окрестностями, то первое, что я услышал от этого донца, было выражение: “Ну и, правда, Комчатка”. На мой вопрос, что это значит, он объяснил мне, что на Дону для выражения понятия о такой местности, как представлялось нашему взору, существует слово “комчатое” или “комовое”».

Но гипотезу В. П. Маргаритова нетрудно опровергнуть. Во-первых, никто и никогда не называл Камчатку «комовой». Во-вторых, Маргаритов ошибался, когда родоначальниками якутских казаков считал донских казаков — на самом деле основную массу казаков, осваивавших дальний Северо-Восток, составляли выходцы с Европейского севера. В-третьих, Маргаритов не был на Дону и вольно передавал донские термины.

Вскоре в литературе появились возражения против гипотезы В. П. Маргаритова. Так, в 1900 г. В. Н. Тюшов писал (1906, с. 461—462): «Откуда произошли слова “камчадал”, “Камчатка”, решить безусловно верно, мне кажется, нельзя, за неимением достаточных для того данных. Из двух объяснений, с одной стороны, Крашенинникова, с другой — г. Маргаритова, по-моему, гораздо вероятнее

первое, то есть что название “Камчатка”, а отсюда и “камчадал”, происходит от коряцкого слова хончала или кончата, так как и в настоящее время коряки всю местность по долине реки Камчатки называют “Кончат”, изменяя последнее в “кончаток” для обозначения места действия (творительный места).

Что русские о Камчатке, как о стране, в которой водятся соболи и бобры морские (кончаток), узнали от коряков, о том имеются исторические данные. Если к этому прибавить, что в слове кончат, кончаток звук “н” неясный и полуносовой, а звук “о”, как не имеющий на себе ударения, легко мог быть принят за “а”, то для людей неразборчивых на точную передачу звуков в чужих языках, а первые русские пришельцы, конечно, были именно такими людьми, — слово “Кончаток”, то есть в стране “Кончат’а” легко могло быть принято за “Камчаток”, скоро переделанное на русский лад в “Камчатка”.

В каком бы месте полуострова не произошла первая высадка русских, отовсюду глазам представляется картина изломанной линии Камчатского хребта с многочисленными отделами его, покрытыми вечным снегом и отдельными вершинами-сопками, картина столь величественная и столь отличная от степных пространств Дона, что вряд ли сравнение Камчатки с шероховатой дыней “комовкой” могло дать имя горной стране, как это объясняет г. Маргаритов. По моему разумению, с таким же основанием можно было бы производить название Камчатки от того обстоятельства, что в XVII столетии в эту страну “приходили люди, а платье на них было камчатое”, как гласит надпись на Камчатке в одной из карт Исторического атласа России, вышедшего в конце девяностых годов (имя составителя мною позабыто)».

Под «Историческим атласом России» В. Н. Тюшов, несомненно, подразумевал изданную в 1882 г. «Чертёжную книгу Сибири» 1701 г. С. У. Ремезова.

Весьма характерно, что Тюшов отдал предпочтение точке зрения Крашенинникова, позаимствовал из неё только то, что на самом деле высказал впервые ещё академик Миллер, а о маловероятной версии о происхождении слова «Камчатка» от «коочь-ай» умолчал. Вместе с тем он первым стал утверждать, что «корякское слово» «Кончат» в творительном падеже превращается в «кончаток». Позднее это утверждение повторено Л. С. Бергом. Говоря о происхождении слова «Камчатка», Л. С. Берг (1924, с. 5) писал: «Слово это перешло к русским через посредство коряков, как указал впервые ещё Крашенинников (1755): кончал — это корякское

название камчадалов (сами себя камчадалы зовут ительмен или житель). Кончат — есть долина Камчатки, а кончаток — значит в долине Камчатки».

Л. С. Берг здесь повторил неточность Тюшова: автором версии о «кончале» он вместо Миллера назвал Крашенинникова.

Позже Л. С. Берг (1946, с. 58) сделал новое добавление: «Этнограф Е. П. Орлова, ряд лет прожившая на Камчатке, обратила моё внимание на то, что по-камчадальски *кчамзалх* значит “человек”. Крашенинников приводит сходное слово того же значения: *ушкамжа*. Очевидно, термин “Камчатка” происходит от одного из самоназваний камчадалов или ительменов».

Таким образом, Берг в отличие от Миллера и Крашенинникова стал связывать происхождение названия не с корякским языком, а с ительменским. Вместе с тем он первым заинтересовался всерьёз происхождением уже цитированной надписи на чертежах Ремезова о людях в «азямах камчатых». Он решил, что «эти сведения относятся к японцам, случайно попавшим на Камчатку (но не на реку Камчатку), в результате кораблекрушения» (Берг, 1946, с. 78). Поскольку японцы попали на полуостров только в конце XVII в. и на реке Камчатке вообще не были, а река называлась Камчаткой задолго до их кораблекрушения, Л. С. Берг, естественно, отказался поверить в версию, согласно которой река могла быть названа по «камчатым азиям». Этот вывод ещё более укрепил его веру, что происхождение названия «Камчатка» следует искать в языке ительменов.

Обращение к ительменскому языку привело к появлению ещё одной гипотезы. И. И. Огрызко (1953, с. 173) предположил, «что слово Камчатка, очевидно, произошло от ительменского “комчачу”, что значит мыс, полуостров». При этом И. И. Огрызко ссылаясь на зачёркнутое в рукописи С. П. Крашенинникова сообщение о том, что ительмены называли мыс Лопатку «Комчачу, то есть продолжение». Гипотеза И. И. Огрызко весьма заманчива, и всё-таки с ней согласиться нельзя.

Достоверно известно, что название «Камчатка» сперва было дано реке и лишь позднее распространено на весь полуостров. Очевидно, что реку «мысом, полуостровом» или «продолжением» никто не стал бы называть. Кроме того, С. П. Крашенинников, зная ительменское слово «комчачу», не допускал и мысли, что от него могло возникнуть название «Камчатка».

Происхождение названия «Камчатка» давалось и в топонимических словарях. В словаре С. А. Огурцова (1961, с. 40) утверждалось,

что полуостров Камчатка получил название «по имени народа, его населяющего. Коряки называли жителей этого полуострова словом “кончал” то есть “люди на крайнем конце”». В словаре И. Н. Микулича (1961, с. 47) утверждалось, что название Камчатка произошло «от слова кончал», то есть находящийся на самом конце света; это относилось к ительменам — коренным жителям». В словаре М. П. Мельхеева (1961, с. 42) сказано: «Камчатка, полуостров, Азия, название дано русскими от коряцкого слова “кончат”, что означало “люди на самом конце” (земли). Мельхеев указывал, что эти данные он заимствовал из «Справочной книги учителя» 1941 г.

Нетрудно убедиться, что всё это восходит к более ранним топонимическим словарям. Так, в словаре А. А. Ивановского (1914) тоже говорится, что слово «кончадал» будто бы означает “люди на самом конце”, а слово “камчадал” происходит от коряцкого «кончал»». Несомненно, что А. А. Ивановский, в свою очередь, заимствовал данные из словаря И. И. Березина (1894), в котором сказано: «коряки называли туземцев этого полуострова кончал — люди на крайнем конце или, может быть, по имени вождя Кончалю или реке Кончатка». Последнее явно взято из сообщений С. П. Крашенинникова, но от кого было заимствовано утверждение о том, что коряки будто бы называют ительменов «кончал», нам не известно. Возможно, что И. И. Березин, подобно И. И. Огрызко, тоже обратил внимание на слово «кончачу» в сочинении С. П. Крашенинникова, а затем, спутав его со словом «кончалю», из которого якобы произошло слово «камчадал», ошибочно заговорил о каком-то гибридном «кончалю». Причиной заблуждения, конечно, мог быть и какой-либо другой, пока неизвестный нам источник.

Существуют и более фантастические версии о происхождении названия «Камчатка». Таковы легенды об утонувших в реке Камчатке влюблённых Каме и Чате (Воскобойников, 1962, с. 19), давно отвергнутая наукой версия Н. К. Витсена (1705, с. 673) о том, что название Камчатки произошло будто бы от приветствия «камтси». Столь же нелепа и японо-английская версия, производящая Камчатку от айских слов «каму» (рыба) и «сяцука» (сушить). На полную её несостоятельность указывали многие видные учёные (Позднеев, 1909, с. 13—14; Штернберг, 1933, с. 558—559). Историки географии всего мира давно установили, что в Японии и Китае название Камчатка стало известно только после русских открытий XVII в.

Ознакомившись с историей самых разнообразных попыток объяснить происхождение названия «Камчатка», нельзя не признать, что В. И. Воскобойников (1962, с. 60) был совершенно прав, когда признал, что «несмотря на ряд предположений и догадок, происхождение слова “Камчатка” до сих пор точно не выяснено».

К сожалению, к этому правильному выводу он добавил: «Одно несомненно, что оно ительменского происхождения». Здесь В. И. Воскобойников некритически повторяет мнение Л. С. Берга и совершенно забывает, что подавляющее большинство учёных, начиная с академика Г. Ф. Миллера и С. П. Крашенинникова (середина XVIII в.) и кончая В. Н. Тюшовым (1906), полагали, что корень этого слова следует искать в языке коряков. Однако упорные поиски ительменского корня этого слова так и остались безуспешными.

Он также забыл, что даже в начале XX в. сами ительмены в разговоре с В. Н. Тюшовым указывали, что слово «камчадал» (производное от Камчатка) было введено русскими (Тюшов, 1906, с. 460). Поэтому-то упорные поиски ительменского корня этого слова так и остались безрезультатными.

Уже при советской власти С. М. Стебницкий и другие исследователи пытались найти подтверждение гипотезы Г. Ф. Миллера о корякском происхождении слова «Камчатка». Результаты оказались неожиданными: опрошенные коряки вообще не знали слов «кончало» и «кончаток». Создаётся впечатление, что это слово исчезло из их лексикона после того, как они научились правильно произносить слово «Камчатка».

Но если название «Камчатка» не связано ни с ительменским, ни с корякским языками, то каково же его происхождение?

Мало кому известно, что в системе реки Индигирки есть небольшая речка Камчатка. Она впадает в реку Бодяриху, правый приток реки Индигирки. Эта небольшая речка известна тем, что через неё издавна проходил один из путей между Индигиркой и Колымой. Почему же эта речка получила название, совершенно одинаковое с названием полуострова и его главной реки?

В Индигиро-Колымском крае существует пласт русских названий, появившихся в середине XVII в. Среди них множество названий малых рек, данных по именам или местных жителей, или же русских землепроходцев. Например, в середине XVII в. на месте двух первых русских поселений на Индигирке жили тойоны юкагиры Уянда и Галянда. Притоки реки Индигирки, впадающие в неё возле этих селений, называются Уяндина и Галяндина (Каляндина).

Некоторые реки получили названия, связанные с русскими служилыми и промышленными людьми: река и озеро Ожогины — от промышленного человека Ивана Ожеги, река Падериха — от промышленного человека Никиты Падеры (с 30-х гг. XX в. это название кем-то искажено и превратилось в современную Бодяриху).

То же наблюдалось и на Колыме; река Анкудиновка (ныне Анкудинка) — по фамилии известного соперника С. И. Дежнева казака Герасима Анкудинова, река Зырянка — первооткрывателя Колымы Дмитрия Михайлова Зыряна Ярило, река Ожогина — уже упоминавшегося выше Ивана Ожеги, погибшего на ней.

В середине XVII в. существовал путь с Индигирки на Колыму, который шёл «по Индигирке, далее по её притоку Бодярихе и реке Камчатке, истоки которой находятся вблизи реки Ожогойной, притока Колымы».

Если Бодяриха, бывшая Падериха, получила название от промышленного человека Никиты Падеры, а река Ожогина — промышленного человека Ивана Ожеги, то вполне вероятно, что и Камчатка также получила своё наименование от какого-нибудь русского служилого или промышленного человека тех лет. Из документов середины XVII в. известно, что в Индигиро-Колымском крае одно время жил некий Иван Камчатой — современник и товарищ Ивана Ожеги и Никиты Падеры. Очевидно, что индигирская Камчатка получила своё название по фамилии Ивана Камчатого. И сразу же возник вопрос: а не могла ли и полуостровная река Камчатка получить наименование в связи с тем же Иваном Камчатым?

В результате наших исследований удалось обнаружить ряд документов, позволяющих восстановить некоторые страницы его биографии. В России существовало множество Иванов Ивановых. Различали их главным образом по прозвищам. В Восточной Сибири прозвища часто образовывались от названия мест, где раньше жил тот или иной человек (Пермяк, Колмогор и другие), или от названий рек (Пинег, Падера, Пянда и другие), а иногда по физическим качествам человека (Кривой, Хворый и другие). Были случаи, когда прозвища давались в связи с некоторыми особенностями одежды, и том числе и ткани, из которой она шилась. Именно так образована фамилия Атласова — отец его, Владимир Тимофеев, получил прозвище «Отлас». Точно так же по «кафтанишку камчатому» стал именоваться «Камчатым» интересующий нас промышленный человек Иван Иванов, появившийся на индигиро-колымском севере в первые годы его освоения.

Он был энергичен, поэтому неудивительно, что в скором времени его поверстали в казаки: 2 мая 1649 г. зачислен в казаки по енисейскому списку «на убылое место» умершего на Оленеке Фёдора Мартемьянова. С тех пор он неизменно входил в списки енисейских казаков, служивших в Ленском крае [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 4. Кн. 293. Л. 27; Кн. 666. Л. 28об., 82 и 201об.].

В 1652 г. Иван Камчатой в составе отряда Ивана Реброва послан на «двоегодную службу» на реку Колыму. Около устья реки Алазеи коч Реброва встретился со сплошными льдами. Это заставило казаков высадиться на берег. Сам Иван Ребров в октябре этого же года пошёл на нартах вверх по Алазее, а затем через волок перешёл на Колымский острожек (Средне-Колымское зимовье). У коча же осталась группа казаков, в том числе и Иван Камчатой. Из Средне-Колымского зимовья Ребров послал в Якутск отписку о своём походе на Колыму. Эта отписка является пока единственным опубликованным документом, в котором упоминается «Ивашко Камчатой».

После зимовки в низовьях Алазеи, летом 1653 г. Камчатой попал в Средне-Колымское зимовье. Последующие годы он регулярно ходил на соболиный промысел, о чём есть отметки в колымских записных книгах [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 4. Кн. 508. Л. 40; Там же. Кн. 534. Л. 13].

К сожалению, маршруты промысловых походов Камчатого неизвестны, но, судя по тому, что он ходил в эти годы с промышленным человеком Никитой Падерой, можно полагать, что он посещал главным образом притоки верхней Колымы. По-видимому, именно тогда он перешёл с реки Ожогоиной на речку, которая стала позднее называться по его фамилии Камчаткой.

В 1656 г. Иван Камчатой на очень короткий срок вернулся в Якутск, где изъявил желание вновь отправиться служить на реку Колыму. В якутских документах имеется отметка, что он вновь послан туда в «165 г.» (то есть в 1656—1657 гг.) [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 4. Кн. 666. Л. 201об.].

В середине 50-х гг. XVII в. на Колыме были получены новые сведения о промысловых богатствах южных «закаменных рек», в частности, реки «Чендон» (Гижиги). Колымские «начальные люди» решили сразу же послать туда отряд служилых и промышленных людей во главе с Фёдором Алексеевым Чюкичевым. К этому отряду позже присоединился и Иван Камчатой.

С открытием навигации 1657 г. отряд Чюкичева отправился на коче на реку Омолон. В верховьях Омолона, у устья реки Баранихи,

открытой в 1648 г. Иваном Барановым, Чюкичев основал своё главное зимовье. С верховьев Омолона отряд Чюкичева перешёл на Пенжину, а оттуда через реку Парень в верховья реки «Чендон» (Гижиги), где основал Чендонское зимовье. Так возникло русское поселение в непосредственной близости от Камчатки.

Летом 1657 г. Чюкичев спускался вниз по Гижиге к Охотскому морю, в район корякских селений. А осенью того же года он совершил поход из Чендонского зимовья к морю в другом направлении: «ходили к морю же, но на другую сторону» (выделено нами. — Б. П.). Несомненно, здесь идёт речь о находившейся в другой стороне от Чендонского зимовья Пенжинской губе. Во время этого похода стало известно о существовании новой группы «неясных коряк», поэтому в конце 1657 г. предпринят новый поход на «дальних коряк». Казаки взяли несколько заложников (аманатов), в том числе жену одного влиятельного коряка. Летом 1658 г. коряки прислали ходатаев с просьбой отсрочить платёж ясака до осени. «Те же мужики, — сообщал Чюкичев, — сказывают на море близко кость рыба».

В те времена моржовая кость ценилась необычайно высоко, и известие о ней чрезвычайно заинтересовало Чюкичева. Он послал на разведку Ивана Камчатого. В следующем 1659 г. Иван Камчатой вновь ходил в самостоятельный поход и собирал ясак. Ясачная книга Чендонского и Омолонского зимовьев 1659 г. начинается с указания, что в ней записан ясак «с новой, с Чендона и Омолона рек збору якутцкого острогу служилых людей Федьки Чюкичева да Ивашки Камчатова» [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 4. Кн. 616 и 696].

Куда именно ходил собирать ясак Камчатой в 1658—1659 гг., достоверно неизвестно. Но поскольку он пытался проникнуть в район, где имелась моржовая кость, не оставляет никаких сомнений в том, что он ходил к Берингову морю. Как известно, ещё Михаил Стадухин отметил, что в северной части Охотского моря «костья рыба зуба нету».

По сообщению исследователя Камчатки К. Дитмара, моржи в прошлом встречались севернее мыса Кронцкокого. По данным И. Г. Никулина, моржи встречались севернее мыса Шипунского, в бухте и на острове Моржовом (Никулин, 1910, с. 22). Крашенинников писал: «Моржей около Камчатки видают редко и то в местах далее к северу лежащих» (1949, с. 274). По-видимому, об одном из таких мест и рассказали Чюкичеву коряки. Для того чтобы попасть в эти места, Ивану Камчатому необходимо было пройти от реки Пенжины к Берингову морю. Очень возможно, что этот

переход совершился по традиционному пути через северную часть полуострова Камчатки — с реки Лесной на реку Карагу. Не сумев найти моржовую кость, он отправился искать новых «неясашных» мужиков. Вероятно, именно тогда он и узнал о существовании большой реки, которая в дальнейшем стала называться русскими по его прозвищу — рекой Камчаткой.

После успешных походов Камчатого этими районами очень заинтересовался его начальник Фёдор Чюкичев. Весной 1660 г. он уговорил колымское начальство вновь послать его и Ивана Камчатого на Омолон, Чендон и другие соседние реки. Он писал в челобитной: «В нынешнем же во 158 (1660. — *Б. П.*) году подымался яз, Федыка, на государеву службу на Омолон реку служилыми людьми на устье Баранихи с Ивашкой Камчатым, с Можейком Игнатьевым да с охочими с промышленными людьми одиннадцатью человеки для государева ясачного соболиного збору и для прииску и приводу вновь под государеву руку неясашных закаменных иноземцев» [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1660. Д. 3. Л. 7].

«Закаменными иноземцами» Чюкичев и его товарищи называли местных жителей, обитавших на юге, «за камнем» — за Колымским хребтом (Гыданом). Очень важно, что Чюкичев намеревался побывать у «неясачных закаменных иноземцев». Русские тогда уже собирали ясак и на Пенжине, и на Гижиге, следовательно, речь шла об иноземцах, живших южнее Пенжины.

Летом 1660 г. Чюкичева с товарищами видели на реке Пенжине. После этого никаких известий о них не было. Летом 1666 г. они не вернулись, как предполагалось, на Колыму, и колымский приказной Втор Катаев писал осенью в Якутск: «З Блудной реки, он, Федыка, ныне в 169 (1661. — *Б. П.*) году летом не выплыл и казны государевой он не выслал, вести не ведомо — жив, не ведомо мёртв» и добавлял: «я приеду в Верхнее ясачное зимовье и я пошлю ясачных юкагирей про него проведывать: жив ли он или мёртв» [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1660. Д. 67. Л. 82].

Юкагиры Верхне-Колымского зимовья проходили около месяца на оленях и по возвращении сообщили: «Были де на верх Блудной реки у ясашного зимовья, где были служилые люди Федыка Чюкичев с товарищи, и те де служилые люди убиты все, зимовье стоит пусто, а тела мёртвые лежат на улице, а людей никаких они не видели, не ведают, которые люди и их убили...» [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 3, 1660. Д. 67. Л. 113].

Якутские власти приказали произвести тщательное расследование убийства и найти убийц. Однако разыскать их не удалось

ни колымским казакам, ни посланному па смену Чюкичеву Ивану Хворому. Подробности убийства стали известны лишь несколько лет спустя на побережье Охотского моря. В 1665 г. колымский приказчик Григорий Татаринов решил послать казака Ивана Ермолина «для прииска новых земель и на неясачных юкагирей, и на коряков, и на ламутцких мужиков, и на чюванских юкагирей, и которые юкагири изменили великому государю на Омолоне реке и побили служилых людей Федьки Чюкичева» [ЦГАДА. Сиб. пр. Кн. 503. Л. 718].

Через Колыму, Омолон, Пенжину, Парень он вышел к Гижиге в бывшее Чендонское зимовье Чюкичева. Зимой 1665—1666 гг. Ермолин и его спутники «жили у моря в коряках» и собирали у местных жителей сведения о ясаке, доставленном ими Чюкичеву, ибо убийцы Чюкичева вполне сознательно уничтожили ясачные книги 1659—1661 гг. Совершенно неожиданно при этом узнали и имена убийц Чюкичева. Оказалось, что, опасаясь расправы русских, они бежали с Омолона на юг в земли коряков. В связи с этим возникает интереснейший вопрос — не относились ли рассказы ительменов о трагически погибших первых русских, живших у устья реки Никул, к группе Фёдора Чюкичева и Ивана Камчатого?

Многие исследователи полагали, что на реке Никул («Федотовщине») в середине XVII в. жил дежневек Федот Алексеев Попов. Но это предположение возникло лишь в середине XVIII в., а на основании документов XVII в., в частности, на основании одной из отписок Дежнева, более логично утверждать, что торговый человек Федот Алексеев Попов умер от цинги где-то недалеко от устья Анадыря.

Нетрудно убедиться, что очень многое из рассказов ительменов о первых русских на реке Камчатке, живших там в середине XVII в., гораздо скорее может подходить к Чюкичеву и его спутникам. Как отмечал Г. В. Стеллер, ительмены уверяли, что предводителя русских знали «Федькой» или «Федорусом» (Стеллер, 1774, с. 222). По данным С. П. Крашенинникова, его звали будто бы «Федотом Алексеевым» (Крашенинников, 1949, с. 473—474). Все эти известия вполне могли подходить к Чюкичеву, которого уменьшительно знали «Федькой Алексеевым». Ительмены утверждали, что «Федька» и его товарищи убиты не то около Тигиля, не то Пареня, не то Пенжины (Стеллер, 1774, с. 222—223). Если отряд Чюкичева и в самом деле провёл зиму 1660—1661 гг. где-то на реке Камчатке, то их обратный путь на Гижигу должен был проходить через Тигиль, Парень — на Гижигу, или через Пенжину на Омолон. Уместно напомнить, что Л. С. Берг вполне обоснованно отвергал

возможность появления в этих местах дежневца Федота Алексеева. Далее, Федот Алексеев умер от цинги, а ительмены утверждали, что Федька с товарищами убиты. Наконец, достоверно известно, что рассказы о гибели группы Чюкичева дошли до северных берегов Охотского моря и, следовательно, вполне могли стать известными и ительменам.

Конечно, эти данные надо тщательно изучить, так как в рассказах ительменов могли найти отражение и сведения, относящиеся к другим группам русских, побывавших на Камчатке до Атласова.

Если мы вспомним теперь всю историю ранних попыток раскрыть происхождение названия «Камчатка», то убедимся, что и в прошлом исследователи собрали немало данных, подтверждающих нашу гипотезу.

В первой половине XVII в., как уже говорилось, даже в Якутске многие считали, что название «Камчатка» произошло от имени «славного воина Кончата», жившего на Камчатке во времена, когда туда пришли первые русские. Эти сведения получены от ительменов. Неудивительно, что «Камчатой» в устах ительменов превратился не то в «Кончата», не то в «Коншата». Ительменам трудно было освоиться со сложной системой русских падежных окончаний, поэтому, отбросив их и заменив «Кам» на более привычное им «Кон», они стали называть Камчатого «Кончатом».

Очевидно, Г. Ф. Миллер совершенно напрасно взял под сомнение эти вполне достоверные сообщения ительменов и бывалых русских людей начала XVIII в. Несомненно, он допустил эту грубую ошибку потому, что неправильно отнёс появление первых русских на реке Камчатке ко времени похода В. В. Атласова, тогда как камчадалы рассказывали о более раннем появлении русских — в конце 50-х гг. XVII в.

Во времена Второй Камчатской экспедиции (по-видимому, не без влияния Миллера) возникло предположение, что «славный воин Кончат» не русский, а ительмен. В эту версию поверили многие, поскольку «Кончат» (искажённое ительменами Камчатой) было похоже на имя ительмена, а русские часто называли реки по именам ительменов и их тойонов.

С. П. Крашенинников вполне достоверно выяснил, что ительменам неизвестно об их сородиче «Кончате», он установил также, что если бы он и был, то «камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни острогов именем людей не называют» (1949, с. 361). Отсюда нетрудно сделать вывод, что *такое название реке (по имени воина) могли дать только русские*, которые, действительно, очень часто

называли реки по именам людей, а если такого воина не было среди ительменов, то, по-видимому, «Кончат» *был русским*.

Новая гипотеза полностью подтверждает и мнение С. У. Ремезова о том, что в основе названия «Камчатка» лежит русское прилагательное «камчатый». Более того, недавно нам удалось выяснить, откуда С. У. Ремезову стало известно о «людях грамотных в азиях камчатых». Он заимствовал её из росписи к одному из чертежей, составленному в Якутске и конце 90-х гг. XVII в. В роспись это сообщение попало от участников похода Л. С. Мороско Старицына. Во время похода они нашли листы с японскими иероглифами, которые попали на остров с японцем Денбеем и его товарищами. Русские не знали национальности этих иноземцев, но от местных жителей узнали, что они были одеты в «азямы камчатые». Позже выяснилось, что и на реке Камчатке были грамотные люди, одетые в «азямы камчатые». Неудивительно, что Л. С. Мороско Старицын и его спутники решили, что речь идёт об одних и тех же людях. Однако впоследствии достоверно установлено, что Денбей и его спутники никогда не были на реке Камчатке, а до Денбея японцев на полуострове вообще не видели. Сам Денбей во время опроса в Москве особо отвечал: «А наперёд до сего в Курильскую и Камчадальскую землю из их японской земли никто не еживал» (Рейхберг, 1930, т. 2, с. 115).

Видимо, участники похода Л. С. Мороско Старицына, беседовавшие с ительменами с помощью жестов без толмачей, ошибочно соединили вместе известия, как о японцах, так и о русских, живших на реке Никул.

Ительмены, несомненно, видели, как русские записывали в книгах сбор ясака, и поэтому, конечно, относили всех русских к числу грамотных людей. Наконец, по документам установлено, что многие русские землепроходцы были одеты в «кафтанишки камчатые». В первую очередь среди них следует назвать забытого Ивана Иванова Камчатого, который даже своё прозвище получил потому, что одевался в «кафтанишко камчатое». «Кафтаны камчатые» упоминаются и в списках вещей многих других землепроходцев. Поэтому у коренного населения могло создаться впечатление, что русские носят камчатые кафтаны.

Очень важно отметить и то, что ительмены называли Денбея «русакон» (Оглоблин, 1891, с. 8). Этот факт говорит о том, что ительмены столкнулись с русскими значительно раньше, чем с японцами. Очень вероятно, что они приняли японца Денбея за «русака», потому что на нём была одежда из камчатой материи,

которая была на некоторых русских землепроходцах, в том числе и на Иване Ивановиче Камчатом.

Документы XVII в. ясно показывают, что в случае заимствования русскими географических названий от местного населения, они чаще всего транскрибировались по-разному. Например, название реки Анадырь писалось: «Онандырь», «Андир», «Адырь», «Анабура», «Нанабара» и т. д. — не менее двадцати вариантов. Название же «Камчатка» не искажалось. Во всех чертежах, росписях и других документах река называлась Камчаткой.

Пока нам известны в русских источниках лишь два отклонения от общепринятого написания, но и их легко объяснить.

Первый случай. В челобитной И. М. Рубца от 15 декабря 1668 г. река названа «Комчаткой». Но эта челобитная писалась не самим Рубцом, а под его диктовку. Поэтому ясно, что искажение допустил какой-то подъячий, который сам на Камчатке не бывал. Возможно, что Рубец по северному «окал». Кроме того, в документе, написанном два дня спустя со слов другого лица, этот же подъячий написал совершенно правильно: «на реке Камчатке» (Полевой, 1964, с. 130—131).

Второй случай. На челобитной Ивана Ермолина 1670 г. река названа «Кончаткой» (Полевой, 1962). Из документов видно, что Ермолин появился на Гижиге через несколько лет после гибели Чюкичева и его спутников. Он собирал сведения о деятельности Чюкичева со слов кочующих юкагиров и коряков. По-видимому, от них он и услышал о былом походе русских на реку Камчатку. Коряки, действительно, произносили русское название «Камчатка» как «Кончатка». В таком искажении нет ничего удивительного: слог «кам» легко мог превратиться в «кон». Такого рода изменения географических названий нам хорошо известны. В качестве примера можно указать на современное название «Колпакова». В прошлом оно звучало и как «Конпаково», а произошло от имени тойона Компака (Полевой, 1962).

Теперь можно уверенно сказать, что Г. Ф. Миллер был, безусловно, не прав, считая, что название «Камчатка» происходит от корякского «Кончат». Оказывается, что бывшее корякское «Кончат», «Кончаток» — лишь искажённое коряками русское название «Камчатка».

9 января 1963 г. в газете «Камчатская правда» была опубликована первая сокращённая статья о новой гипотезе относительно происхождения названия «Камчатка». Вокруг гипотезы сразу же возникла дискуссия.

Этнограф Г. О. Долгих нашёл её наиболее правдоподобной из всех выдвинутых в литературе. К такому же выводу пришли и некоторые дальневосточные краеведы, лингвисты и историки. Вместе с тем появились и первые возражения.

Одним из первых откликнулся на статью камчатский краевед В. И. Воскобойников. В начале 1963 г. он прислал мне письмо, которое оказалось весьма полезным тем, что из него стало ясным, какие именно сомнения возникают у читателей при знакомстве с новой гипотезой о происхождении названия «Камчатка».

Вот главные из них.

Первое. Иван Камчатой побывал на Камчатке лишь в конце 50-х гг. XVII в., а между тем многие авторы утверждают, что первые сообщения о Камчатке русские получили раньше. Л. С. Берг и некоторые другие авторы утверждали, что первые сведения о реке Камчатке получены «в результате походов Дежнева, Стадухина и их преемников на Анадыре» (Берг, 1955, с. 38).

Ещё более определённо утверждал И. И. Огрызко: «Благодаря экспедиции Дежнева-Алексеева о Камчатке стало известно как в России, так и в Западной Европе» (1953, с. 17). М. И. Белов писал: «Вероятнее всего со слов Стадухина, проезжавшего в 1659 г. через Тобольск, тобольский воевода Пётр Годунов нанёс реку Камчатку на свой чертёж Сибирской земли 1667—1668 гг.». Именно опираясь на эту догадку, В. И. Воскобойников красочно описал, как М. В. Стадухин первым рассказал какому-то московскому дьяку о реке Камчатке (Воскобойников, 1962, с. 10—11). Однако в документах С. И. Дежнева и М. В. Стадухина названия «Камчатка» нет вообще, и так называемый «печатный» чертёж Сибири 1667 г. продолжает оставаться самым ранним русским документом, в котором встречается название «Камчатка». Пётр Годунов никак не мог узнать о Камчатке от М. В. Стадухина, так как он впервые прибыл в Сибирь весной 1667 г., когда того уже не было и живых.

Второе. В. И. Воскобойников писал: «У ительменов нет легенд о Кончате, а у коряков есть», и что невозможно допустить, чтобы местные жители «могли отождествить русского казака И. Камчатого со своим легендарным героем Кончатом».

Прежде всего, Кончат первоначально не был «героем» коряков. Ранние источники ясно говорят, что первые сведения о нём русские получили от ительменов, которые, кстати, также не считали его своим «героем». Ложное представление, что Кончат — ительмен, создалось позже. Что же касается современных легенд ти-

гильских и карагинских коряков, то к ним следует относиться критически, как ко всем современным историческим легендам, бытующим среди местных жителей. Несомненно, что многие русские исследователи неоднократно обращались к корякам с расспросами о Кончате. Поэтому нет ничего удивительного в том, что коряки, в конце концов, и сами поверили в существование Кончата.

Недавно Б. О. Долгих сообщил нам любопытный факт, когда его догадка, высказанная в присутствии местных жителей, спустя весьма недолгий срок была записана другим исследователем как местная легенда. Известны также случаи, когда некоторые персонажи входили в местный фольклор явно со слов русских. Так, например, в некоторых якутских сказаниях упоминается богатырь Ермак, несомненно, заимствованный у русских. Поэтому данные фольклора, какими бы интересными они ни были, отнюдь не могут использоваться как «беспорные доказательства» в исторических исследованиях.

В. И. Воскобойников возражал также против моего заключения, что название индигирской Камчатки возникло в середине XVII в. по фамилии Ивана Камчатого. И это вполне объяснимо: ведь одно то, что на Индигирке название Камчатка смогло появиться ещё до того, как русские впервые встретились с ительменами, сразу опровергает основной тезис В. И. Воскобойникова о том, что корни названий «Камчатка» и «камчадал» будто бы нужно искать в языке ительменов. Воскобойников настойчиво указывал на то, что нам не известны подробные чертежи Индигирки середины XVII в. и поэтому будто бы никак нельзя утверждать, что название индигирской Камчатки появилось в середине XVII в.

Индигирская Камчатка столь невелика по сравнению с другими реками системы Индигирки, что можно заранее сказать, что если бы в будущем был найден какой-либо чертёж Индигирки XVII в. (что маловероятно), то на нём вряд ли окажется малая индигирская Камчатка. При изучении этого вопроса наибольшее значение имеют данные микротопонимики этого района, а они ясно говорят о том, что названия подавляющего большинства малых рек здесь, бесспорно, возникли в середине XVII в., когда в этом районе появились первые русские землепроходцы.

Таким образом, все главные возражения В. И. Воскобойникова (о мелких замечаниях здесь упоминать не стоит) оказались легко опровержимыми. Отмечая это, нельзя, однако, не признать, что в истории происхождения названия «Камчатка» ещё многое остаётся невыясненным. Так, например, не вполне ясно, каким

образом из названия «Камчатка» могли возникнуть слова «камчадал» и «камчадалка».

В последние годы в ЦГАДА было найдено немало новых ценных документов, подтвердивших правильность многих ранее высказанных гипотез. Будем же надеяться, что новые документальные находки позволят исследователям уже в недалёком будущем более подробно проследить, каким образом ещё в середине XVII в. смогли собрать впервые сведения о реке Камчатке, от названия которой уже в конце XVII в. произошло и название крупнейшего полуострова нашего отечественного Дальнего Востока.

Приложение к книге В. П. Кускова «Краткий топонимический словарь Камчатской области». — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 92—112

Степанида Атласова

Однажды одна молодая, миниатюрная, но вместе с тем очень смелая исследовательница Камчатки, откровенно гордившаяся тем, что ей, представительнице «слабого пола», довелось исколесить чуть ли не весь полуостров, обратилась с вопросом, который поставил меня в тупик:

— Вот вы занимаетесь историей Камчатки, а не могли бы вы мне назвать имя первой русской женщины, ступившей на камчатскую землю?

Вопрос этот оказался не из лёгких. Дело в том, что первые походы на Камчатку были столь тяжёлыми, что ни один казак, ни один промышленный человек не возил с собой женщину. Многие русские, оказавшись на Камчатке, брали себе в жёны местных жительниц. И ительменки, и корячки нередко даже без крещения принимали русские имена. Поэтому, хотя в тех или иных ранних камчатских документах и встречались русские имена жён служилых, промышленных и торговых людей, ещё нельзя быть уверенным, что здесь идёт речь о русских женщинах. Но очевидно, что русские женщины появились на Камчатке впервые лишь в первом десятилетии XVIII в., и одной из них была жена Владимира Владимировича Атласова — Степанида Фёдоровна Атласова. Вот об этой интересной женщине и хочется впервые рассказать.

Степанида вышла замуж за Владимира Атласова в самом начале 80-х гг. XVII в. Уже 9 июля 1682 г. Атласов был повёрстан в «женатый оклад», а три года спустя у них родился первый и единственный сын — Иван.

Придирчивые биографы «Камчатского Ермака», возможно, спросят: а откуда стали известны эти подробности? Раскрою «тайну». В одном случае мне помогла так называемая «Окладная книга» Якутского острога за 1682 г., точнее, за «7190 год» от «сотворения мира» (таково было летоисчисление на Руси в те времена). А на второй вопрос ответила составленная в марте 1687 г. особая «Переписная книга». В ней указывалось, «сколько в Якутцком недорослей казачьих детей, которые в службу успели и которые в службу не успели и сколько хто лет...» В ней записано: «Володимера Отласова сын годовалый». А это и был Ваня.

Мужа Степаниды — Владимира Атласова — часто посылали в дальние походы — то в верховья Алдана на Учюр, то на Уду и даже в далёкие Тугур и Амвунь, а в самом начале 90-х гг. XVII в. он впервые оказался на суровом Анадыре. Поэтому сына воспитывать Степаниде пришлось одной. И жить им было очень тяжело. В 1691 г. один из ссыльных поляков подал от её имени в Якутскую приказную избу такую скорбную челобитную: «Великим государям, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа великие и малы и белыя России самодержцам. Бьёт челом сирота ваша казака Володимера Отласова женишка ево Стефанидка. По вашему великих государей указу муж мой Володимерко послан на вашу великих государей дальнюю нужную службу за Нос служить многия годы беспереманно, а я, бедная сирота ваша, скитаюся меж двор, помираю голодом. Милосердые великие государи, цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Пётр Алексеевич всеа великие и малые и белые России самодержец, пожалуйте меня сироту свою великих государей хлебным и соляным жалованием мужа моего окладом на нынешней на 200 (1691—1692. — *Б. П.*) год для скудости. Великие государи цари смилуйтесь».

Челобитную уважили: стали Степаниде выдавать часть жалования мужа прямо в Якутске. Здесь не было особой милости. Таков был тогда порядок.

Жила Степанида Атласова в вечной тревоге за своего мужа — уж слишком часто дальние походы заканчивались трагически. Особенно много пришлось ей пережить, когда Владимир Атласов пошёл в свой знаменитый камчатский поход 1697—1699 гг. и был там ранен.

Однажды, просматривая документы Якутской приказной избы, мне удалось случайно обнаружить ещё одну челобитную Степаниды Атласовой на имя Петра I, в которой она просила помочь её мужу. Она утверждала, он «изранен и лежит ныне от тех их

иноземческих ран в Анадырском остроге при смерти, и пить и есть ему нечево». А в конце челобитной она писала: «пожалуй меня, сироту твою, вели, великий государь, из Якутцка послать в Анадырский острог к прикащику память, чтоб мужа моего, Володимера, с твоею великого государя зборною казною отпустили в Якутцк».

Но откуда же смогли дойти до Степаниды Атласовой столь тревожные известия о ранении её мужа? Долгое время это было неясно. И тут опять помогла новая архивная находка. Оказалось, что 13 октября 1699 г. в Якутск с далёкого Анадыря прибыли казаки Фёдор Андреев и Степан Бородин. Они доставили срочную отписку нового анадырского приказного Григория Постникова, в которой он сообщал, со слов пенжинских коряков, что предавшие русских чюванцы совершили коварное нападение на участников похода Владимира Атласова и «убили пять человек Евдокима Старловского, Матюшку Прибылова, Архипа Микитина, Сеньку Галева, Ивашку Стадухина да промышленных людей Кирилла Иванова, Лучку Фёдорова, Сидорка Дмитриева и ево, Володимера, изранили...

Степанида Атласова была столь настойчива, что якутский воевода Траурнихт вынужден был послать на Анадырь специальный «наказ» об отправке Владимира Атласова в Якутск. Но «Камчатский Ермак» в это время уже сам шёл на Лену.

Встреча с женой оказалась короткой. Уже в июне 1700 г. Траурнихт приказал Атласову ехать в Москву. И опять Степанида на долгие месяцы осталась одна.

В Москве Владимиру Атласову был оказан большой почёт. С ним лично беседовал глава Сибирского приказа, ближайший сподвижник Петра I Андрей Виниус. По его распоряжению в приказе были записаны две подробные «скаска» Атласова. Он был награждён деньгами и ценными подарками, произведён в казачьи головы, а его сыну Ивану в возрасте пятнадцати лет даровали былое звание отца — казачьего пятидесятника. Решено было, что Владимир Атласов станет «начальным человеком» всей Камчатки. Туда он должен был попасть как можно скорее. Поэтому уже 3 февраля 1701 г. Виниус лично распорядился выделить Атласову и его спутникам «по подводе человеку да для поспешения по подводе вприпряж».

Одновременно особый курьер спешно отправился вперёд с извещением о новых назначениях Атласова. В его сумке-коробе лежала «Грамота о верстании в казачьи головы Володимера Отласова и о посылке с новоприборными казаками в Камчадальскую землю» и грамота о производстве в пятидесятники Ивана Атласова.

Всё это было доставлено в Якутск в небывало короткий срок: к 21 июня 1701 г. Все поздравляли Степаниду Атласову с большим успехом её мужчин. Казалось, что жизнь её отныне станет легче. Но судьба готовила ей новые испытания...

Когда Атласов уезжал из Москвы, ему разрешили взять у местных сибирских купцов различных товаров на сто рублей. Но время шло, а разрешение, данное Сибирским приказом, было не использовано. Позади остался самый дешёвый город восточной Сибири — Енисейск, впереди была Лена, а уроженец Якутска Владимир Атласов хорошо знал, что на Лене все товары уже будут дороже. И тогда он решил непременно воспользоваться своим правом ещё на Верхней Тунгуске (Ангаре).

От некоего Андрея Касимова Атласов прослышал, что ему на встречу идёт с китайскими товарами караван богатого московского гостя — купца Логина Добрынина. Сам купец будто бы умер, не оставив наследников. И решил тогда Атласов, что настал час действовать — нужно забрать от приказчиков Добрынина и товары на сто рублей, и разные другие вещи для нового похода на Камчатку. Но приказчики Михаил Белозеров и Алексей Дехтерев подчиниться ему отказались. И тогда тот прибег к насилию, полагая, что теперь стал столь важной персоной, что вправе действовать лихо по примеру других крутых «начальных людей» феодальной России. Также он стал действовать и на Ленском волоке — от Илимского острога до реки Киренги. Чтобы придать своим действиям законный вид, составил подробные описи взятых товаров. Одна из таких описей сохранилась до наших дней, и она до сих пор ещё ни разу не публиковалась.

Начиналась она со слов: «Год 1701, декабря 2-го числа. Книга запасная якуцкого казачья головы Володимера Володимеровича Отласова, что кому отдано китайских товаров и то писано в сей книги по статьям в Илимском и на Киринге и по разные деревни». Этот текст ещё раз подтверждает, что «Камчатского Ермака» звали Владимиром Владимировичем, а отнюдь не Владимиром Васильевичем, как утверждают десятки авторов, и не Владимиром Тимофеевичем, как уверял М. И. Белов.

Пока оформлялись все эти документы, пострадавшие приказчики Добрынина пожаловались в Москве. Виниус был возмущён «разбоем» Атласова и приказал произвести в Якутске тщательное расследование. В прошлом в Якутском архиве хранилось огромное дело в переплёте, которое называлось: «Дело что взял грабежом на Тунгуске реке голова казачей Володимер Отласов с новоприборными

казачьими детьми гостя Логина Добрынина у прикащиков ево, у Михаила Белозерова, у Алексея Дехтерева дощаник и животы Логинова и всякие китайские товары и мелочь...» Хранилось там и второе дело «по челобитью якутцкого атамана Василия Петриловского на Володямера Отласова и на новоприборных казачьих детей, что разграбили ево в Кяренском остроге».

Туго пришлось Атласову. Сперва его часто вызывали на допросы, а затем посадили в якутскую тюрьму. Для Степаниды Атласовой началось время тяжёлых испытаний: она жила под угрозой, что у неё отберут все пожитки и «возьмут в казну» незадолго до этого приобретённый ею дом.

В 1705 г. в далёком Амстердаме вышла вторым изданием книга голландского географа, друга России Николая Витсена «Северная и Восточная Татария». В ней на 670—675-й страницах напечатано «Сообщение, сделанное московским служилым человеком Володимером Отласовым, пятидесятником, относительно путешествия, которое он совершил от Якутска в Сибири к востоку, к северу, к югу для собирания и открытия неизвестных народов». Впервые в печати подробно были пересказаны знаменитые «скаска» Атласова о его походе на Камчатку в 1697—1699 гг.

Об Атласове заговорили в Европе, и тогда им вновь заинтересовался Пётр I. Царь был весьма недоволен тем, что Атласова держат в тюрьме. Он приказал опять послать его «начальным человеком» всей Камчатки. В 1706 г. Атласова освободили из тюрьмы. И если он вышел оттуда не с подорванным здоровьем, то этим был обязан в первую очередь своей жене Степаниде, которая постоянно носила ему в тюрьму пищу (в те жестокие времена тюремные «сидельцы» кормились лишь подающими).

Вот тогда-то верная жена «Камчатского Ермака» решила поехать вместе с мужем на далёкую Камчатку. В те времена такая крайне тяжёлая поездка была для женщины поистине подвигом. От Якутска Степаниде пришлось ехать верхом на коне. Дорог тогда ещё не было — шли по трудным вьючным тропам, через тайгу к Алдану. На старом дощанике перебрались через, так называемый «Янский перевоз». В разгар лютой зимы перешли через хребет в один из самых холодных районов Сибири — в верховья Яны. Оттуда на собаках проехали в верховья Индигирки к Зашиверскому острожку. Затем вниз по Индигирке до Уяндина и далее зимником до Средне-Колымска. Оттуда вниз по Колыме до устья Анюя, а с Анюя, с его верховьев через хребет в верховья Анадыря. После короткой остановки в Анадырском острожке опять через

хребет пошли к Пенжине. В течение всего этого трудного пути Степанида страдала от голода и холода, от вечной опасности нападения «иноземцев». Особенно страшны были снежные бураны. Нелёгким оказался и путь от Пенжины по западному побережью полуострова через Тигиль на реку Камчатку. Но Степанида выдержала все эти испытания и благополучно добралась до Нижнекамчатского острожка, где поселилась со своим мужем.

Атласов боготворил жену и однажды пошёл ради неё на обман. Ему досталась редчайшая чёрная лисица. По законам тех лет никто не имел права укрывать такую редкую добычу: она подлежала обязательной сдаче в казну. Владимир Атласов тайно подарил её жене, но об этом проведали его враги. Когда в 1707 г. на Камчатке вспыхнуло первое восстание казаков, те ворвались в дом Атласова и долгое время искали эту злополучную лисицу. Если бы они обнаружили её, уже тогда над Атласовым мог быть учинён самосуд, но казаки ограничились тем, что сместили его. Опасаясь нового обыска, он был вынужден бросить драгоценную шкуру в огонь, но это не спасло его от расправы. В январе 1711 г. на Камчатке вспыхнуло новое восстание казаков. Многие из них потребовали казни Атласова, которого обвинили во многих проступках. Опять ему в вину ставилось, что он ради своей Степаниды украл чёрную лисицу. И вот тогда-то Степаниде Атласовой пришлось пережить самую страшную трагедию в своей жизни...

Поздно ночью 23 января 1711 г. раздался стук в дверь их дома. Стучавшие объявили, что они доставили Атласову срочное письмо от нового камчатского приказчика. Когда сонный Атласов склонился к свече, чтобы прочитать вручённое ему письмо, казак Шибапов вонзил ему в спину нож. Удар оказался смертельным. Могучий Атласов со стоном рухнул. Всё это произошло на глазах Степаниды... На следующий день казаки обыскали дом Атласова. Они продолжали искать злополучную чёрную лисицу, грозили Степаниде расправой, но это мало её трогало: ей теперь было всё равно — она потеряла того, кого любила больше жизни.

Как сложилась дальнейшая жизнь этой незаурядной женщины, пока остаётся неизвестным. По-видимому, она вернулась к своему сыну Ивану, который тогда служил в Якутске пятидесятником и вскоре также стал участником многих дальних походов, в том числе и на Камчатку.

Авторизованная машинопись, 28 декабря 1973 г.

Сокращённый вариант статьи опубликован в «Камчатской правде» за 11 и 18 августа 1973 г. (№ 187 и 192), полный — в альманахе «Камчатка» за 1977 г.

По поводу некоторых новых гипотез о происхождении
названия «Камчатка»

Статья «О происхождении названия “Камчатка”» привлекла внимание многих географов и историков. Её довольно часто использовали местные краеведы. Наиболее энергично основное положение этой статьи поддержал В. П. Кусков в его кандидатской диссертации, посвящённой топонимике Камчатки. Упомянул о ней и ведущий топонимист Советского Союза профессор Э. М. Мурзаев (см. «Очерк топонимики». М., 1974, с. 62). О ней писали также и некоторые научно-популярные издания, например, статья Б. Рябикина «Сто чудес Камчатки» в журнале «Уральский следопыт» (1969, № 1). Неоднократно о ней вспоминали и в телепередачах «Клуба кинопушественников». И всё-таки некоторые краеведы взяли её под сомнение, а Н. А. Бондарева даже вскоре выдвинула свою гипотезу о происхождении названия «Камчатка». Критике её гипотезы и посвящена следующая моя статья. Публикации статьи предшествовала публичная дискуссия на эту тему, которая была проведена на специальном заседании 21 февраля 1974 г. в Камчатском краеведческом музее.

Филолог Нина Александровна Бондарева — большой энтузиаст камчатского краеведения, автор увлекательной книжки «Семь недель на Командорах» — уже неоднократно выступала на различных научных заседаниях со своей гипотезой о происхождении названия «Камчатка» [1]. Обратив внимание, что в якутском фольклоре встречается упоминание о «стране Камчааккытан», а название Камчатка имеется и в некоторых якутских олонхо, основной текст которых возник ещё в XII—XV вв., она сделала вывод, что название Камчатка будто бы было впервые услышано русскими от якутов. Решив, что слово «Камчааккытан» является якутским, Н. А. Бондарева обратилась к словарям якутского языка, чтобы найти в них слова, которые могли бы объяснить значение названия «страны Камчааккытан».

Бондарева пишет: «Хамса (Жамча) — курительная трубка; Хамса (Жамча) — двигаться, шевелиться, колебаться, колыхаться; хамеат (Жамчат) — двигать, шевелить, колебать (трясти?); ытта — ытын — взбираться, влезать, подыматься на что-либо высокое. Формы Хамсаккытан в словаре нет, а есть уже русифицированное (ведь это — 1916 г.): Хамчаккы, Хамчаткы — Камчатка (а-а долгое)» (с. 156).

По ссылке на 1916 г. очевидно, что для данного заключения Бондарева пользовалась «Кратким русско-якутским словарём»

Эдуарда Пекарского. Сама Н. А. Бондарева живого якутского языка не знает, и до первых выступлений со своей гипотезой она с якутскими филологами не консультировалась — эти контакты возникли у неё позже. Тем не менее, общий вывод её звучит весьма смело: «Думается, что появление слова “Камчатка” в русском обиходе от якутов может считаться доказанным» (с. 159).

При всём нашем уважении к Н. А. Бондаревой и её энтузиазму мы никак не можем принять её гипотезу.

Н. А. Бондарева совершенно права, когда указывает, что возникновение якутских олонхо относится к глубокой древности. Но не надо забывать, что они были впервые записаны лишь в XIX—XX вв. и в их тексте немало различных поздних вкраплений. И беглые упоминания о Камчатке могут служить примером такого позднего дополнения.

Особое внимание Н. А. Бондарева уделяет сравнению в якутском фольклоре бровей с чёрными соболями. В одном случае упоминаются «брови как два чёрных соболя, что прибежали из страны Камчааккытан и сплелись лапками» (с. 154). В другом случае опять идёт речь о девице «со сплошными бровями, подобно чёрным соболям, прибежавшим из Камчатки, когда они лежат, соединившись лапками» (с. 154). Да, Н. А. Бондарева права, говоря о «прочности традиций». Но всякий фольклорист обязан при этом выяснить, на каких реалиях основана эта традиция. Исследователь, знающий как историю Камчатки, так и Якутска, может дать на этот вопрос вполне определённый ответ: в первом десятилетии XVIII в. с Камчатки были впервые привезены чёрные соболя, произведшие в Якутске большое впечатление. Власти сразу же объявили, что все камчатские чёрные соболя подлежат обязательной сдаче в казну. Известно, что камчатские казаки в 1707—1711 гг. обвиняли Владимира Атласова в сокрытии чёрного соболя, и это явилось одним из поводов для жестокой с ним расправы.

Интересно отметить, что сравнение чёрных соболей с бровями встречается и в русском фольклоре. В описании корабля Соловья Будимировича есть такая фраза: «Вместо бровей прибавано по чёрному соболю якутскому и якутскому — ведь сибирскому» [2]. Конечно, это тоже позднейшая вставка, и сейчас трудно сказать, кто заимствовал это сравнение: русские от якутов или наоборот.

Но, конечно, особое внимание следует обратить на то, что в якутском фольклоре говорится о «*стране Камчааккытан*». Исследователям давно уже хорошо известно, что название «*Камчатка*» первоначально относилось только к реке. И лишь через тридцать —

сорок лет, то есть в конце 90-х гг. XVII в., оно было отнесено к полуострову.

Произошло это так. По названию реки Камчатки жителей этого района стали называть «камчатцкими людьми». Потом выяснилось, что «камчатцкие люди» — люди особой народности, ительмены, живут не только на реке Камчатке, но и на западном побережье полуострова и в других местах. Поэтому в самом конце 90-х гг. XVII в. былой «Ламской нос» (полуостров Камчатка) стал впервые называться «Камчатским» или «Камчадалским носом», или даже «островом Камчатом» (тогда ещё слово полуостров в России не употреблялось). Следовательно, рассказы о «*стране Камчааккытан*» могли войти в якутский фольклор также никак не ранее XVIII в.! А, скорее всего, даже ещё позже: ведь Н. А. Бондарева указывает, что в олонхо упоминаются «камчатские тунгусы», но на Камчатке тунгусы — эвены — появились только в середине XIX в. [3]. И характерно само название «Камчааккытан»: в нём некоторые филологи усматривают влияние языка тунгусов. Так это или не так — покажут будущие исследования филологов. Одно очевидно: о *стране Камчатке* якуты не могли узнать ранее похода Владимира Владимировича Атласова 1697—1699 гг. Тем не менее, Н. А. Бондарева стремится уверить своих читателей, что о «стране Камчааккытан» русские будто бы слышали от якутов ещё «в 1630—1640 гг.» (с. 151)...

Полностью согласен с Н. А. Бондаревой, когда она пишет: «Трудно представить себе, чтоб казаки пропустили мимо ушей соболей из страны Камчааккытан» (с. 154). Безусловно, казаки жадно ловили подобные сведения. И если бы они их слышали ещё в 30—40-х гг. XVII в., то это непременно нашло своё отражение в русских документах Якутского острога тех лет. Но в том-то и дело, что русские казаки этого не слышали. Н. А. Бондарева, видимо, не представляет, как много хранится в архивах различных записей «распросных речей» или «скасок» аборигенов Ленского края с сообщениями о пушных богатствах. Эти документы 30—40-х гг. XVII в. ясно показывают, что диапазон географических знаний якутов в ту эпоху был весьма узок: тогда на северо-восток он не простирался далее Оймякона. Гораздо богаче были сообщения эвенков и эвенов. Но и они в то время ещё ничего не знали о Камчатке. Утверждение Н. А. Бондаревой о том, что русские землепроходцы брали якуток в качестве проводников-вожей, основано на недоразумении. Некоторые русские землепроходцы брали с собой жён-якуток, но играть роль «вожей» они, конечно, не могли,

поскольку сами якуты стали проникать в страны, расположенные к северу от среднего течения Алдана, только после появления там первых русских.

Таковы главные положения, которые говорят против гипотезы Н. А. Бондаревой.

Однако в ней имеется одна деталь, которая не может не породить новую гипотезу о происхождении названия «Камчатка». Дело в том, что «Хамса (Камча)» в значении «курительная трубка» имеется не только в якутском, но и в других языках: «ганча, ганджа, гандя, ганса» — у эвенков [4], «ганса» — у бурят, монголов [5]. Но что для нас особенно важно, даже у коряков имеется в том же значении слово «каньча», и от него возник глагол «каньчаткок» [6] или «каньчок» [7] — курить трубку. Если мы вспомним, что коряки в XVII—XVIII вв. действительно называли реку Камчатку — «Кончаткой» [8], и именно от них русские, скорее всего, получили первые сведения об этой реке, то действительно, вполне можно выдвинуть новую гипотезу о происхождении названия реки Камчатки от слова «каньча» или какого-нибудь производного от него слова. Ведь рядом с рекой Камчаткой, действительно, находится своеобразная «курительная трубка» — курящаяся Ключевская сопка. Правда, до сих пор нам неизвестно, были ли знакомы коряки с курительными трубками ещё в XVIII в. С. П. Крашенинников об этом не упоминает. В остальном же эта гипотеза не находится в столь явном противоречии с историческими фактами, как гипотеза Н. А. Бондаревой о якутском происхождении этого названия.

И всё-таки, как ни соблазнительна эта новая гипотеза о происхождении названия «Камчатка», корякского «Кончатка» от слова «каньча» или его производного, нам *по-прежнему представляется более вероятным, что название реки Камчатки произошло от русского прилагательного «камчатый»*. Ведь ещё в конце XVII в. этого мнения придерживался выдающийся тобольский картограф и историк Семён Ремезов. Нельзя считать случайностью и то, что *в подавляющем большинстве русских источников XVII в. эта река называлась без каких-либо искажений «Камчаткой»*. Так она названа на всех чертежах Ремезова, начиная от его копии тобольского «печатного» чертежа Сибири 1667 г. [9] до его последних копий «чертежей Камчадальской земли» начала XVIII в. (примерно до 1713 г.) [10]. Так эта река названа в росписи чертежа Сибири 1673 г. [11]; в «Сказании о великой реке Амуре» [12] и в «Описании Сибирской земли» середины 1680-х гг. [13]; на чертеже Сибири 1687 г. [14]; чертеже Сибири А. А. Виниуса [15]; на знаменитой

«Карте Татарии» (1690) г. голландского географа Николая Витсена [16] и в других географических описаниях и чертежах. Названия же местного происхождения обычно давались в русских источниках в самых различных вариантах. Так, например, река Анадырь именовалась в русских источниках то «Нанабарой», то «Адырью», то «Андырью», то «Андарой» и так далее, более двадцати вариантов транскрипции! Поэтому неудивительно, что ещё в 1964 г. член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов безоговорочно писал: «Название Камчатки произошло от камчатой ткани» [17].

Недавно нам довелось встретить ещё одно косвенное подтверждение этого заключения. При изучении упомянутой карты Татарии Н. Витсена мы обратили внимание на название реки «Дамаст» («Damast»), находящейся рядом с рекой Камчаткой.

В русских источниках такого названия не было, и поэтому это название давно уже вызывало недоумение исследователей. И только теперь происхождение этого названия удалось выяснить: «damast» в переводе с голландского означает... «камчатая материя»! Интересно отметить, что слово «дамаст» именно в этом значении употреблялось в русских источниках при Петре I. Видимо, на чертеже, переданном из России Н. Витсену, имелись обе надписи «Камчатка» и поясняющая «Дамаст», а Витсен принял эту надпись за название двух соседних рек.

Но каким же образом по названию ткани Камчатки одноименное название могла бы получить река? По мнению Семёна Ремезова, это произошло потому, что туда приходили какие-то «люди грамотны, платье носят азиямы камчатые» [18]. Л. С. Берг полагал, что здесь идёт речь о японцах [19]. Видимо, так думал и Ремезов. Но название реки Камчатки появилось в русских документах гораздо раньше, чем на полуострове Камчатке появилась группа японца Денбея, о которой слышал Ремезов. Поэтому нет оснований считать возможным, чтобы река Камчатка могла бы получить своё наименование от японцев, которые были впервые занесены бурей на Камчатку лишь в 90-х гг. XVII в. [20]. И вообще мировая топонимика не знает ни одного случая, когда название реки давалось бы по названию ткани. Каким же образом всё же в данном случае от названия камчатки (ткани) смогло возникнуть такое же название реки? Именно на этот вопрос и позволила ответить наша гипотеза, подробно дважды изложенная в печати [21].

Напомним кратко, как возникла эта гипотеза.

В середине XVII в. русские землепроходцы открыли новый путь со средней Индигирки на среднюю Колыму. Он шёл по правому

притоку Индигирки — реке Падерихе (теперь Бодяриха), затем по её притоку — небольшой реке Камчатке, далее через волок на реку Ожогину, левый приток Колымы. При изучении колымских документов середины XVII в. удалось легко установить, что все эти реки получили свои наименования от русских землепроходцев — Никиты Падеры, Ивана Камчатого и Ивана Ожоги или Ожеги (последний погиб на этой реке) [22]. Конечно, в этом не было ничего удивительного. В середине XVII в. весьма многие реки Индигиро-Колымского края получили наименования по собственным именам или русских землепроходцев, или местных тойонов.

После того, как было установлено, что индигирская Камчатка названа по имени Ивана Ивановича Камчатого, возникла мысль: а не могла ли и полуостровная река Камчатка получить такое же наименование по его же имени? Найденные в архивах документы ясно показали, что подобное вполне возможно, так как Иван Камчатой действительно ходил с Колымы в сторону Камчатки по реке Пенжинке, затем жил на реке Гижиге («Чендоне») и из «Чендонского зимовья» в верховьях Гижиги ходил в сторону моржового моря, то есть Берингова. И всё это было в период с 1657 по 1661 г., то есть незадолго до того, как название реки Камчатки впервые появилось в русских документах. В те времена ещё не было обычая придумывать названия географическим объектам. На Дальнем Востоке такой обычай появился лишь со времён Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. В XVII в. названия возникали самопроизвольно. Если тот или иной объект не имел никакого местного названия, или же имел такое, которое казакам трудно было произносить, вроде ительменского названия реки Камчатки — Уйкоаль, то русские давали своё — то по характерному признаку объекта, то по собственным именам, с ними связанным, чаще всего по имени местных «лучших мужиков» (тойонов) или русских землепроходцев, первооткрывателей или первопоселенцев, а иногда по именам погибших в данном районе русских.

Сами первооткрыватели или первопоселенцы, естественно, своими именами объекты не называли. Это обычно делали через какой-то небольшой срок их товарищи. Поэтому по имени Ивана Камчатого реку Камчатку могли назвать лишь те, кто считал Камчатого человеком, который смог первым проведать о существовании этой реки.

В пользу этой гипотезы говорят сообщения камчатских ительменов: ведь, по их утверждениям, название Камчатка возникло *только в период появления на ней первых русских людей*. Ительмены

также утверждали, что их река Уйкоаль стала именоваться Камчаткой по имени «славного воина Кончата». Но ещё С. П. Крашенинников совершенно справедливо указывал, что сами ительмены «ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют» [23].

Поэтому если всё-таки река была названа по имени «славного воина Кончата», то *это могли сделать только русские*. Никакого камчатского тойона «Кончата» русские документы не упоминают. Зато название реки явно совпадает с прозвищем «Камчатой», которым именовался казак, действительно ходивший с Гижиги в сторону Камчатки. Поэтому и напрашивается вывод, что ительмены называли «воином Кончатом» скорее всего русского казака Камчатого.

Но именно с этим не согласна Н. А. Бондарева. Она пишет: «Фольклористу подобная идея не могла бы прийти в голову: народ не воспеваает своих обидчиков. А сборщики ясака, даже самые справедливые, воспринимались как недруги. Против них вспыхивали бунты, писались жалобы и челобитные, их нередко убивали... Между тем Кончат или Хончат по преданию — именно герой, защитник родного племени» (с. 148).

К сожалению, Н. А. Бондарева не обратила внимание на то, как поразительно позднее изменилась легенда о Кончате. Ещё до приезда С. П. Крашенинникова историк Г. Ф. Миллер отмечал, что «некоторые... склонны говорить, что во времена занятия русскими земли среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат...» [24]. Покойный В. И. Воскобойников, допустивший в своей книге «Слово на карте» ряд исторических вольностей, говорит о Кончате уже как о герое *коряков* [25]. Даже если мы допустим, что В. И. Воскобойников здесь рассказал то, что он действительно слышал от самих коряков, то нетрудно убедиться, что такая трансформация сообщений XVIII в. произошла не без влияния книги Крашенинникова. Упорные попытки некоторых учёных собрать сведения о легендарном «Кончате» и могли, в конце концов, привести к тому, что коряки, если верить В. И. Воскобойникову, предпочли наименовать одного из своих легендарных героев «Кончатом» или «Хончатом» (оба варианта транскрипции явно были заимствованы из книги С. П. Крашенинникова) [26].

Поэтому всякий объективный исследователь должен с максимальной осторожностью относиться к такого рода легендам. Ни Миллер, ни тем более С. П. Крашенинников не указывали, что ительмены считали Кончата своим героем. Тогда ительмены просто заключили, что среди них жил «воин Кончат», по имени которого и была

названа кем-то большая река Уйкоаль — «Камчаткой». Таким образом, ительмены просто объясняли происхождение тогда ещё нового названия «Камчатка», и никто из них не думал воспевать «Кончата».

Стремясь опровергнуть наши взгляды, Н. А. Бондарева, к сожалению, весьма вольно интерпретирует исторические факты. Вот несколько примеров.

Бондарева пишет (с. 151): «[В] 1667 г. тобольский воевода Пётр Годунов, выполняя царёв указ, составил большой чертёж Сибири, на котором *впервые* показана река Камчатка, впадающая в Восточное море рядом с... Амуром, в близком соседстве с Леной. Ясно, что Ф. Чукичев и его спутники *не могли быть* источником подобных сведений».

Не будем дискутировать по вопросу, можно ли чертёж Сибири 1667 г. называть «большим чертежом», указ царя — «царёв указ», а казака Чукичева — «Чукичевым». Укажем лишь на главное. Прежде чем делать какие-либо выводы о чертеже Сибири 1667 г., следовало бы познакомиться с результатами новейших исследований по истории его создания, а они показывают, что Н. А. Бондарева пишет лишь об *общем* грубо схематическом чертеже Сибири 1667 г., который был составлен в Тобольске. Потому-то на нём так всё несовершенно: реки Амур, Камчатка и Лена даны схематически и недалеко друг от друга. Бондарева не учитывает, что основные практически полезные подробные чертежи, составленные по опросу бывалых людей (а не по чертежам!), были даны отдельно [27].

При отправке всей подборки этих чертежей П. И. Годунов на схематическом чертеже Сибири сознательно заменил «реку Камчатку» на реку «Колыму», потому что в остальных чертежах Колыма была дана, а район реки Камчатки — удалён, так как в Тобольске решили не включать в подборку чертежи так называемых «немирных земель» [28]. Эти же материалы были позднее использованы при составлении чертежей Сибири 1673 г. (а не 1672 г., как пишет Н. А. Бондарева, повторяя в данном случае ошибку Л. С. Багрова и Л. С. Берга). В росписи чертежа Сибири 1673 («181») г. упомянут путь по реке Блудной (Омолону), по которому в сторону Пенжины и Камчатки первыми из русских ходили Ф. А. Чукичев и его спутники, а также их немногочисленные последователи. И очевидно, до Тобольска сведения об этом смогли дойти через других лиц, поскольку сам Ф. А. Чукичев и его спутники были убиты ещё в 1661 г. [29]. Поэтому Н. А. Бондарева напрасно безапелляционно утверждает, что в чертеже Сибири 1667 г. не могли найти отражения

сведения, добытые в походах Ф. А. Чюкичева и его спутников. Здесь следует учесть, что в 1658—1660 гг. Ф. А. Чюкичев не раз доставлял на Колыму краткие сведения о своей деятельности.

Далее Н. А. Бондарева пишет: «Через пять лет чертёж П. Годунова вышел в исправленном виде, *реки Камчатки на нём уже не было*, зато в объяснительной записке к чертежу, в «Сказке с чертежа “Сибирския Земли”» упоминается «столп каменной, высок без меры», который якобы вышел из моря «противо устья Камчатки реки» (с. 151).

Здесь опять ряд серьёзных неточностей. Прежде всего, чертёж Сибири 1673 г. никак нельзя называть новым вариантом чертежа П. Годунова. Хотя в нём многое было заимствовано из чертежа Годунова 1667 г., это всё-таки был новый чертёж Сибири, серьёзно отличающийся от чертежа 1667 г., да и употребление глагола «вышел» здесь крайне неудачно: так можно сказать о печатной карте, а чертёж 1673 г. был новой рукописной картой. Роспись к чертежу неправомерно переименовывать в «объяснительную записку» и уж совершенно недопустимо «список» (копию) называть... «сказкой»! Но главное — Бондарева не права: изображение реки Камчатки, несомненно, имелось и на общем схематическом чертеже Сибири 1673 г. Это ясно видно по двум шведским копиям чертежа. На копии Эрика Палмквиста Камчатка названа «*Casatka*», а на аналогичной копии И. Спарвенфельда — «*Samsatka*». Очевидно, что шведские копиисты не совсем точно передали здесь название из русского первоисточника, на котором, несомненно, было написано «Камчатка».

Бондарева утверждает, что Камчатка в виде полуострова была впервые изображена на чертеже Сибири 1684 г. Но это также неверно. Во-первых, названный чертёж следует датировать 1687 г. [14]. Во-вторых, признаки безымянного полуострова Камчатка уже имеются на общем чертеже Сибири 1673 г. Ещё в 1651—1652 гг. о существовании полуострова Камчатка узнал Михаил Стадухин: он, видимо, услышал о нём от местных жителей, когда, выйдя на Пенжину, готовился к плаванию по северной части Охотского моря [30]. Само же название «Камчатка» тогда ещё не употреблялось.

Нельзя согласиться и с утверждением Н. А. Бондаревой о том, что термин «камчадал» стал употребляться до похода В. В. Атласова. Бондарева пишет: «...Ремезов изобразил на одном из листов своей «Чертёжной Книги» (озаглавленном «Чертёж земли Якуцкого города») реку Камчатку со следующей интересной подписью: «А живут по ней не ясашные камчадалы, платье на них собачье

и соболе, и лисье, а луки у них маленькие усовые на жилах». Откуда такие сведения, такая точность? А со слов якутского казака Дмитрия Потапова, побывавшего в 1698 г. у коряков (с. 152).

Указанный «Чертеж земли Якуцкого города» был, действительно, составлен в Якутске ещё в 1697 г. И в 1698 г. с него снял копию С. У. Ремезов во время своего пребывания в Москве. Эта копия имеется в известной «Служебной чертёжной книге» С. У. Ремезова, и она была напечатана в 1964 г. А. В. Ефимовым [31]. Однако на этой копии ещё нет упоминаний ни о Дмитрие Потапове, ни о «камчадалах»! Цитированная подпись появилась лишь на той переработанной копии этого чертежа, которая была включена С. У. Ремезовым в его «Чертёжную книгу Сибири 1701 г.». Сведения о «камчадалах» С. У. Ремезов, несомненно, включил со слов В. В. Атласова, с которым он лично встречался в Тобольске в декабре 1700 г. [32], а сведения о Дмитрие Потапове использованы Ремезовым со слов Максима Мухоплева, с которым он встретился ещё в 1698 г. Максим Мухоплев был организатором походов Д. Потапова. Но Потапов ходил «в коряки» на реку Вилигу, то есть по берегу материка, и притом это было в начале 90-х гг. XVII в. С. У. Ремезов со слов М. Мухоплева ошибочно отнёс его поход к 1696 г. [33].

Таким образом, Н. А. Бондарева, к сожалению, весьма неточно освещает исторические факты, и к тому же она сосредоточила своё внимание на тобольских географических чертежах, ибо это позволяло ей сделать нужный для неё вывод, что «составители всех названных чертежей пользовались *слухами*, первоисточником которых не могли быть русские *очевидцы*» (с. 152).

Да, конечно, слухи сыграли существенную роль при составлении этих чертежей. Дело в том, что в те времена географические чертежи восточных земель из Якутска пересылались прямо в Москву, и чертёжники в Тобольске вынуждены были самостоятельно собирать *устные* сведения от «бывальцов» об этих землях. Поэтому река Камчатка на их чертежах часто оказывалась на материке. Всё это так. Но Н. А. Бондарева, к сожалению, обходит молчанием новые данные, говорящие о том, что многие группы русских смогли побывать на Камчатке ещё задолго до похода В. В. Атласова. Анадырский приказный И. М. Рубец в одной из своих челобитных 1668 г. прямо упоминал о своём участии в походе «вверх реки Камчатки» [34]. После его возвращения в Якутск в 1669 г. задание побывать на той же Камчатке (за рекой Пенжиной) получил бывалый казак Иван Ермолин [35].

этот «воин Кончат» непременно должен был быть участником камчатского похода Владимира Атласова в 1690—1699 гг. Вскоре, однако, он обнаружил документы о возникшем в 1690 г. в Якутске деле по обвинению группы казаков в намерении организовать походы «на Анадырь и на Камчатку реки» (ОРЗ, стр. 477). После этой находки Г. Ф. Миллер естественно решил, что река Камчатка никак не могла получить свое название по имени казака, участвовавшего в походе 1697—1699 гг. Поэтому он вообще перестал верить в сообщенный ему рассказ о происхождении названия «Камчатка».

Весной 1737 г. Г. Ф. Миллер закончил свое первое сочинение о Камчатке. В нем он писал и о происхождении названий «Камчатка»: «Хотя о происхождении названия Камчатка некоторые и склонны говорить, что во времена заятия русскими землями среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат, однако это недостаточно достоверно и еще меньше оснований полагать, чтобы глава якутских казаков Владимир Атласов, положивший начало присоединению Камчатки к России, по сходству собственного имени дал бы стране название. К тому же в якутском архиве имеется сообщение, что за 10 лет до этого уже имелось известие об этой земле под тем же самым названием».

Более вероятно, что это имя пришло впервые к русским от коряков, которые жили на реке Олюторск и на своем языке камчадалов называли кичало и поскольку там от этого народа русские впервые получили сообщение о реке Камчатке и камчадалах, то и можно предположить, что потому русские так и называли эту землю, реку и народ. Нельзя ли из этого сделать вывод, что от коряжского «кочало» при искаженном произношении в устах сибирских казаков и могло возникнуть название «Камчатка»?» (Стеллер, 1744, стр. 19—20).

Так возникла еще одна версия о происхождении названия «Камчатка».

В навигацию 1737 года Г. Ф. Миллер отправил на Камчатку своего студента С. П. Крашенинникова. 27 сентября он послал в догонку копию своего сочинения с письмом, в котором рекомендовал использовать свою рукопись как руководство и в то же время предлагал исправить и дополнить собранные им сведения.

С. П. Крашенинников, будучи на Камчатке, обратил внимание на те данные, которые могли бы подтвердить гипотезу о происхождении названия «Камчатка», высказанную его учителем и начальником. В это же время на Камчатку прибыл Г. В. Стеллер. И его заинтересовал вопрос происхождения названия. Он лично беседовал на эту тему с ительменами и услышал от них тот же рассказ о «воине Кончате». Г. В. Стеллер считал, что этой реке в прежние времена одного очень уважаемого и знаменитого человека (Стеллер, 1744, стр. 2).

—|| Это этот рассказ ительменов засчитывается уберия. Он писал: «Название

Страница пробного оттиска приложения Б. П. Полевого «О происхождении словарь Камчатской области» (Петропавловск-

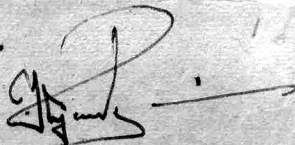
Дорогой Борис Петрович!

Ноябрь это была правду в границах,
а тем, чтобы показать Вам. Вся та
правда, что есть в данных границах
перенесена и в редакционные.

Обратите внимание на самое начало
"Уже более инвертирует инвертирует..."
Меня подбивало исправить на "около", но
Вы так и писали "более".

Не задерживайте возврат. Если
Ваша правка не уместна, то она останется
невисшимой.

С уважением.

19.01.67.

г. Москва, "В-4", б-я
Ленина, дом № 39, кв. № 1
Почтовому адресу Бориса Петровичу

названия "Камчатка"» к книге В. П. Кускова «Краткий топонимический
Камчатский, 1967 г.) и её оборот

В 1676 г. И. М. Рубец, дежневек Артемий Солдат и пятидесятник Фёдор Яковлев-Кузнец смогли сообщить в Якутске некоторые новые сведения о Камчатке якутскому воеводе А. А. Барнешлеву [36], а в 1688 г. сын Ф. Яковлева — В. Ф. Кузнецов — ходил на двух кочах в сторону Камчатки от Анадырской корги (Земля Гека) [37]. Этот поход начался ещё в июле и продолжался до ноября. 6 декабря 1688 г. все мужчины, участвовавшие в этом походе, были вероломно убиты. На поиски исчезнувших казаков был послан анадырский казак Иван Котельник, который в 1690 г. был в Якутске обвинён в намерении стать «вожем» (проводником) у тех якутских казаков, кому местные власти приписали намерение «бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки» [38]. В 1703 г. на верхней Камчатке в низовьях реки Никул (Федотовщины) камчатские казаки обнаружили два русских зимовья, в которых ещё в середине XVII в. русские собирали ясак с камчатских ительменов. Все эти факты не оставляют никаких сомнений в том, что «русские очевидцы» не только бывали на реке Камчатке ещё задолго до камчатского похода В. В. Атласова, но и, несомненно, смогли доставить в Сибирь самые первые сведения об этой реке.

19 февраля 1974 г. Н. А. Бондарева, выступая на заседании в Камчатском областном музее, высказала предположение, что Иван Камчатой получил своё прозвище от индигирской реки Камчатки, которая была якобы тоже названа якутами по находящемуся вблизи неё вулкану. Хочу предупредить, что Иван Иванов получил своё прозвище «Камчатой» ещё задолго до своего прибытия в Индигирско-Колымский край. Под этим прозвищем он был известен в Енисейске ещё в 40-х гг. XVII в.

Итак, все приведённые в настоящей статье данные ясно говорят, что Н. А. Бондарева напрасно пыталась взять под сомнение те исторические данные, на которых была основана наша гипотеза о происхождении названия «Камчатка». Вся совокупность источников, безусловно, побуждает каждого объективного исследователя согласиться с тем, что название «Камчатка» происходит от русского прилагательного «камчатый», скорее всего — от прозвища казака Камчатого, от которого возникло название индигирской Камчатки. И всё-таки пока это только гипотеза. Безусловно, нужны ещё дополнительные изыскания в архивах.

Бондарева, безусловно, права, когда указывает, что пока пребывание Ивана Камчатого на реке Камчатке документально не доказано. Конечно, рассказы самих ительменов о пребывании на реке Камчатке «воина Кончата» нельзя воспринимать как неопровер-

жимое доказательство пребывания Ивана Камчатого на реке Камчатке. Действительно, может быть, Иван Камчатой сам на реке не бывал, а только первым узнал о её существовании. Более того, можно допустить и другое.

В одном случае Н. Витсен на своей большой карте Татарики отнёс название «Дамаст» («камчатая материя» по-голландски) к реке Чендон (Гижиге), на которой Иван Камчатой некоторое время служил «начальным человеком». Поэтому возникает догадка: а не мог ли кто-нибудь эту реку по имени Ивана Камчатого назвать «Камчаткой»? А уже позже это название по созвучию было перенесено на полуостровную реку, которую коряки называли по «курительной трубке» — курящейся Ключевской сопке — рекой «Кончаткой». Именно так со слов коряков в XVII в. её именовал десятичник Иван Ермолин, а в 30-х гг. XVIII в. академик Г. Ф. Миллер. Всё это, конечно, возможно, но маловероятно. На Дальнем Востоке подобные переносы названий нам вообще неизвестны. Если бы название «Кончатка» действительно происходило бы от курительной трубки, то наверняка бы кто-нибудь из коряков смог бы это объяснить русским, если не в XVIII в., то позже.

Между тем исследователи не раз пытались дать самые разнообразные варианты объяснения этого названия то с корякского, то с ительменского языков, но до сих пор ни разу не приводили этот наиболее правдоподобный вариант. Показательно, что в современном языке коряков собственное название «Кончатка» исчезло, тогда как другие корякские названия местных рек сохраняются удивительно устойчиво. Наконец, последнее. И в варианте «Кончатка» даётся явно русское окончание. Все это невольно заставляет предполагать, что временно существовавшее у коряков название «Кончатка» есть не что иное, как искажённое коряками русское название реки Камчатки.

Таким образом, всё-таки наиболее вероятно, что название реки (а тридцать лет спустя и полуострова) произошло от прозвища казака Ивана Иванова Камчатого. В этом нет ничего удивительного. И позже русские назвали многие реки по собственным именам. Вспомните реку Голыгину, названную в честь камчатского казака Ивана Осипова Голыгина, или реку Козыревскую, названную в честь Петра Фёдоровича Козыревского, отца Ивана Петровича Козыревского, первооткрывателя Курильских островов. Особенно много на Камчатке рек, названных русскими по именам «лутших мужиков» (тойонов): Компакова (Колпакова), Оглукомина (Облуковина), Харузова (Харюзова), Налачева, Щапина и другие [39].

Очевидно, для окончательного решения всех затронутых в этой статье вопросов необходимо ещё продолжить архивные изыскания. Возможно, нас ещё ждут новые неожиданные находки.

Примечания

1. О её первых выступлениях в Петропавловске-Камчатском сообщалось в «Хроникальных заметках» (Вопросы истории, № 8, 1971, с. 178). В июле 1973 г. в Улан-Удэ на научной конференции «Эпическое творчество народов Сибири» Н. А. Бондарева сделала сообщение «Предания и легенды о названии “Камчатка”». 15 февраля 1974 г. на четвёртой сессии Дальневосточных исторических чтений Н. А. Бондарева сделала доклад «К вопросу о происхождении названия Камчатки (по данным якутского фольклора)». Кроме того, Н. А. Бондарева опубликовала об этом же две статьи: «Это загадочное слово “Камчатка”» (Камчатская правда, 19 авг. 1972 г.) и «Фольклорные истоки названия Камчатки (новая гипотеза)» (Краеведческие записки Камчатского обл. музея, вып. IV, Петропавловск-Камчатский, 1973. — С. 147—159). В дальнейшем сноски на эту работу даются нами в скобках после каждой цитаты.

2. «Песни, собранные П. В. Киреевским...» — Вып. 4. — СПб., 1860. — С. 100.

3. Кулаков К. Г. Заметки об эвенах-быстринцах. Краеведческие записки Камчатского обл. музея. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 1968. — С. 70.

4. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. — М., 1958. — С. 82.

5. Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. — М., 1951. — С. 159.

6. Русско-корякский словарь / Сост. А. Н. Жукова. — М., 1967. — С. 582.

7. Корякско-русский словарь / Сост. Т. А. Молл. — Л., 1966. — С. 51.

8. Полевой Б. П. Загадка ветхого документа. Об одном забытом походе (о походе десятника Ивана Ермолина в 1669—1670 гг.) // Камчатская правда, 22 мая 1962 г. В XVIII в. на это указывал Г. Ф. Миллер.

9. Копия эта была обнаружена в начале XX в. в так называемой «Хорографической чертёжной книге» Сибири С. У. Ремезова. Факсимильное издание этого атласа вышло в свет в Гааге: см. *Remezov S. U. Atlas of Siberia's-Gravenhage, 1958. Imago Mundi, Suppl. I.* Впервые репродукция этой копии была опубликована в 1914 г. (см.: *Багров Л. С. Карты Азиатской России.* — Петроград, 1914. — С. 11; во введении к «Атласу Азиатской России». — Петроград, 1914). С тех пор эту копию не раз воспроизводили в своих трудах Л. С. Багров, Л. С. Берг, А. И. Андреев, Д. М. Лебедев и другие исследователи. Она также была приведена и во втором издании «Большой Советской энциклопедии» (т. 11, с. 583). Прилагательное «печатный» нами было взято в кавычки, потому что в 1667 г. в Тобольске

ещё не было никаких печатных изданий: они появились там лишь век спустя. «Печатными» тогда в Тобольске назывались документы, которые становились официальными документами после того, как на них ставилась воеводская печать. См. подробнее. *Полевой Б. П.* О «печатном» чертеже Сибири 1667 г. / Сиб. геогр. сборник. Т. 2. — М., 1963. — С. 248—257.

10. Эти чертежи даны в «Служебной чертёжной книге» С. У. Ремезова, хранящейся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Эрмитажное собрание, № 237). Л. 101об.—104. См. также «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.» / Под ред. чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова. — М., 1964. — № 48—50. О датировке этих чертежей Камчатки см.: *Полевой Б. П.* Семён Ремезов и Владимир Атласов (к уточнению датировки ранних чертежей Камчатки). — Изв. АН СССР. Сер. геогр., № 6. — 1965. — С. 92—101.

11. В росписи чертежа Сибири 1673 г. говорится: «...а против устья Камчатки реки вышол из моря столп каменной, высок без меры, а на нём никто не бывал» (*Титов А.* Сибирь в XVII в. / Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. — М., 1890. — С. 54). Река Камчатка также изображена на дошедших до нас двух копиях общего чертежа Сибири шведа Э. Палмквиста в его альбоме «Московии» 1674 г. (*Palmqvist E.* Nagra widt sidste kongl. ambassaden till tzaren i Moskvu glorde observationer over Ryssland anno 1674. Stockholm, 1898) и на копии шведского дипломата 80-х гг. XVII в. И. Г. Спарвенфельда (см. *Bagrow L. S.* Sparwenfeld's Map of Siberia. Imago Mundi, Vol. Stockholm, 1947. — P. 68—69).

12. *Титов А.* Сибирь в XVII в. — С. 111.

13. Там же. С. 84.

14. Этот чертёж воспроизведён в «Хорографической чертёжной книге» С. У. Ремезова (*Remezov S. U.* The Atlas of Siberia's-Gravenhage, 1958). Впервые он был опубликован Л. С. Багровым в 1947 г. См. *Bagrow L. S.* Sparwenfeld's Map of Siberia. — P. 69—70) А. И. Андреевым, М. И. Беловым и некоторыми другими историками географии он одно время неправильно датировался 1684 г.

15. Чертёж А. А. Виниуса воспроизведён С. У. Ремезовым в его «Служебной чертёжной книге» на л. 32об.—33. Впервые опубликован в первом издании книги А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири». Вып. I. М.: Л., 1940.

16. Единственный в СССР экземпляр карты Татарии Н. Витсена, датированной «1687 г.», а законченной на самом деле в 1690 г., хранится в отделе картографии Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Эта копия в натуральную величину удачно воспроизведена в издании *Kramp F. G.* Remarkable Maps of the XV-th, XVI-th and XVII-th centuries, reproduced in the original size. Pt. 4. Amsterdam, 1897. Уменьшенные копии карты Витсена публиковались неоднократно: в 1954 г. Imago Mundi (т. XI), в статье И. Кеунинга о Витсене, в приложении к третьей части московского дневника Н. Витсена: *Witsen*

N. Moscovische Reyse 1664—1665. Journal en aentckeningen, uitgegeven door Th. J. G. Locher en P. de Buck. Deel III.'s-Gravenhage, 1967 и, наконец, в весьма неудачном воспроизведении в 1964 г. в упоминавшемся «Атласе географических открытий в Сибири...», № 33.

17. Атлас географических открытий... Комментарий. — С. 31.

18. Там же.

19. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. — М. : Л., 1946. — С. 78.

20. Подробнее см. там же, с. 159—167. Денбей утверждал, что до него никакие другие японцы на Камчатке не бывали. См.: *Оглоблин Н. Н.* Первый японец в России 1701—1705 гг. // *Русская старина.* 1891, нояб. — С. 11—24.

21. *Полевой Б. П.* Имя воина-землепроходца // *Камчатская правда.* 9 янв. 1963 г. и более подробно: *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка» / *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 96—112.

22. Известный советский этнограф Б. О. Долгих нашёл документ 1648 г., в котором было сказано: «В прошлом во 154 (1645—1646) году промышленных Ивана Игнатъева Ожегу с товарищи на Ковыме вверху в зимовье побили до смерти...» (*Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 420).

23. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М., 1949. — С. 361.

24. Подлинник на немецком языке опубликован в кн. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. — Frankfurt und Leipzig, 1774. — С. 19. См. *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка». — С. 98.

25. *Воскобойников В. И.* Слово на карте. — Петропавловск-Камчатский, 1962. — С. 17—19.

26. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М., 1949. — С. 101, 361.

27. Об этом подробнее: *Полевой Б. П.* К трёхсотлетию «Годуновского чертежа» Сибири / Доклады Института Сибири и Дальнего Востока. № 17. 1968. — С. 66—73.

28. См. об этом: *Полевой Б. П.* Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. / Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4. 1966. — С. 130.

29. *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка». — С. 107.

30. Подробнее см. *Полевой Б. П.* К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. (Известие о «каменной переграде». Возникновение и дальнейшая метаморфоза легенды о «необходимом носе») / Сиб. геогр. сб. — Вып. 3. — 1963. — С. 231.

31. Атлас географических открытий... № 44.

32. *Оглоблин Н. Н.* Источники «Чертежной книги Сибири» Семёна Ремезова // Библиограф. Вып. I. — 1891; *Полевой Б. П.* Семён Ремезов и Владимир Атласов (к уточнению датировки ранних чертежей Камчатки) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 6. — 1965. — С. 92.

33. Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. — СПб., 1882. — Л. 17; *Полевой Б. П.* К истории формирования... — С. 233. Здесь сознательно обходится молчанием вопрос о происхождении этнонима «камчадал», ибо этот вопрос ещё будет рассмотрен в специальной статье.

34. *Полевой Б. П.* Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку в 60-х гг. XVII в. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4. — 1964. — С. 130—131.

35. *Полевой Б. П.* Загадки ветхого документа // Камчатская правда. 22 мая 1962 г.

36. *Полевой Б. П.* Забытый поход... С. 134.

37. *Полевой Б. П.* Дело 1690 г. о «бунте» в Якутске (по документам Якутской приказной избы) // Якутский архив. Вып. IV. 1972. — С. 153—154.

38. Там же. С. 149; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVIII в. на Северо-Востоке Азии. — М., 1951. — С. 477—478.

39. *Полевой Б. П.* Правда о таинственном Компаке // Камчатская правда. 5 авг. 1962 г. Более подробно об аналогичных названиях Камчатки см.: *Кусков В. П.* Топонимический словарь Камчатской области. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 11—12, 18, 26, 45, 48, 61, 62, 65, 78, 90 и 97.

Отдельный оттиск

Географическая среда и географические названия. Кронштадтский отдел ВГО СССР. — 1974. — С. 33—50

Усиление интереса в Польской Народной Республике к истории Камчатской области

Польские историки науки давно уже гордятся тем, что среди исследователей Камчатской области, находящейся от Польши на весьма большом расстоянии, были и поляки. Некоторые из них оставили значительный след в истории науки. Советским читателям хорошо известна переведённая на русский язык интересная книга Я. Худзяковской и Я. Ястера «Люди великой отваги», в которой подробно рассказывается о пребывании на Камчатке в конце XVIII в. польского ссыльного генерала Юзефа Копеца и в конце XIX в. естествоиспытателя и врача Бенедикта Дыбовского и геолога Карла Ивановича Богдановича. Богданович большую часть своей жизни служил в Петербурге, а последнюю четверть века жил в Польше.

Худзяковской и Ястеру также принадлежит отдельная монография о жизни Бенедикта Дыбовского, которая выходила лишь на польском языке.

Однако в настоящее время в ПНР наибольший интерес к истории Камчатки проявляет молодой вроцлавский этнограф и социолог

Антони Кучинский. Ещё в 1962 г., будучи студентом Вроцлавского университета, он на кафедре общей и славянской этнографии под руководством профессора Юзефа Гайека написал большую работу о поляках, собиравших сведения по этнографии Камчатки. В 1968 г. во вроцлавском этнографическом журнале «Люд» («Народ») А. Кучинский опубликовал ценнейшую сводную работу «Вклад поляков в изучение народов Сибири и их культуры», в которой также уделил немалое внимание истории изучения Камчатки. Затем он напечатал две специальные работы, посвящённые пребыванию на Камчатке польского генерала Юзефа Копеца. Интересно отметить, что в этих работах А. Кучинскому помогал польский профессор сельскохозяйственной экономики Богдан Копець, прямой потомок ссыльного генерала.

Кучинский смог не только существенно уточнить биографию генерала, но и более подробно рассказать о его наблюдениях на Камчатке. Копець дал краткое описание группы вулканов Нижней Камчатки (Ключевской сопки, Шивелуча и других), рассказал о пережитых им землетрясениях и даже об одном из цунами: «Вода в реке Камчатка спала, вода в океане отошла, а позднее хлынула на околицу Нижнекамчатска».

Кучинский показал, что в «Путевом журнале» Копеца имеется немало интересных сообщений для этнографов: описание охоты на соболя, устройство зимних и летних жилищ ительменов, обряд похорон и прочее. Особенно ценно, что в этом журнале имеются даже некоторые сведения об образе жизни ительменов до появления русских на полуострове. «Путевой журнал» Юзефа Копеца в своё время пользовался в Польше очень большой популярностью и неоднократно переиздавался. О нём был высокого мнения Адам Мицкевич. Выступая в Париже в знаменитом College de France с циклом лекций о славянской литературе, Мицкевич посвятил разбору этого «Путевого журнала» две лекции.

В 1972 г. А. Кучинский опубликовал свою большую монографию «Сибирские дороги», посвящённую участию поляков в изучении Сибири и русского Дальнего Востока. В этой ценнейшей книге также уделено большое внимание пребыванию поляков на Камчатке. На этот раз Кучинский счёл нужным напомнить, что в исследовании Камчатки уже в первой половине XVIII в. принимали участие потомки польских военнопленных Фёдора Козыревского и Яна Павлуцкого. Особенно значительный вклад внесли обрусевшие поляки Пётр и Иван Козыревские и Дмитрий Павлуцкий. Кучинский не стал подробно говорить об их заслугах, потому

что они уже никакой связи с Польшей не поддерживали и уже считали себя русскими. Зато Кучинский в своей книге обстоятельно рассказал о камчатских наблюдениях Юзефа Копеца и очень подробно — о деятельности на Камчатке и Командорских островах Бенедикта Дыбовского.

В 1912 г. Бенедикт Дыбовский издал в Кракове книгу «О Сибири и Камчатке. Часть первая. Путь из Варшавы на Камчатку». Во второй части он предполагал подробно описать полуостров и жизнь ительменов, но этот замысел так и не осуществил. Незадолго до своей смерти (умер в возрасте девяносто семи лет в 1930 г. в Львове) он писал: «Если бы у меня хватило здоровья, я хотел бы ещё опубликовать свои воспоминания о Камчатке и камчадалах, об этом интереснейшем крае и наиболее симпатичном народе Азии».

Всё же Кучинский смог выявить достаточно много сведений о пребывании Дыбовского на Камчатке, и потому его рассказ весьма полезен. Кучинский подробно рассказал, как Дыбовский самоотверженно лечил заразных больных, в том числе и прокажённых, как он положил начало оленеводству на Командорских островах. Особенно интересны сведения Кучинского об этнографической коллекции Дыбовского, собранной на Камчатке. Кучинский подробно описывает, какой большой успех она имела в Варшаве в 1884 г. Ныне коллекция хранится в Кракове. Лишь бегло упомянул А. Кучинский об исследованиях на Командорах врача и естествоиспытателя Л. Гриневецкого и геолога Ю. Морозевича.

Книга А. Кучинского богато иллюстрирована. Дан портрет Дыбовского, фотография петропавловского лепрозория, в котором он работал. Есть жанровая зарисовка: варшавяне на выставке ительменских вещей, собранных Дыбовским. Несколько фотографий современной Камчатки, представленных агентством печати «Новости» (село Ключи с видом на Ключевскую сопку, один из термальных источников Камчатки и другие).

В 1973 г. А. Кучинский стал одним из организаторов первой научной конференции «История польско-русских контактов в области этнографии», специально посвящённой истории польских исследований в Сибири и на Дальнем Востоке. Конференция проходила во Вроцлаве 19—20 сентября 1973 г. А. Кучинский выступил с двумя докладами. Один из них был посвящён перспективам польско-советского научного сотрудничества в области изучения истории этнографии; второй, сделанный совместно с Барбарой Янковской, назывался «Поляки как исследователи народов Камчатки». Из опубликованных тезисов этого доклада видно, что он был

начат с краткой характеристики деятельности Козыревских. При этом были использованы некоторые данные, впервые опубликованные в «Вопросах географии Камчатки» (Петропавловск-Камчатский, 1966. — Вып. 4. — С. 124—127). Затем была дана характеристика главаря большевецкого восстания 1771 г. Морица Беньовского. Ещё раз напомнив о ценном «путевом журнале» Юзефа Копеца, докладчики вновь подробно рассказали о деятельности Бенедикта Дыбовского. Особенно интересным было их сообщение о рукописном наследии Дыбовского, хранящемся в одной из научных библиотек Вроцлава и в архиве Института зоологии Польской Академии наук.

На вроцлавской конференции 1973 г. о Камчатке говорили и некоторые другие докладчики. Генрика Хольда-Рузевич, делая доклад о народной медицине сибирских народов, привела некоторые известия польских ссыльных о средствах лечения у ительменов Камчатки. Збигнев Войцек в докладе «Этнографическая проблематика в работах польских геологов о Сибири и Дальнем Востоке» говорил о наблюдениях К. Богдановича на Камчатке и Ю. Морозевича на Командорах. Елена Остроменская в докладе «Этнографическая тематика в польской иконографии Сибири до 1917 г.» рассказала о сохранившихся в Польше различных изображениях азиатских владений России, в том числе и Камчатки.

На вроцлавской конференции была устроена специальная выставка, где демонстрировались и привезённые из Кракова некоторые камчатские экспонаты из коллекции Б. Дыбовского.

Следует отметить, что вроцлавская конференция проводилась в какой-то мере по образцу ранее проведённых двух симпозиумов по теме: «Польско-русские контакты в области изучения геологии и географии», на которых также уделялось внимание и истории изучения Камчатки.

На обоих симпозиумах — в сентябре 1969 г. в Варшаве и в июне 1972 г. в Ленинграде — особое внимание было уделено деятельности К. И. Богдановича, обогатившего как русскую, так и польскую геологию. О его заслугах в изучении геологии Камчатки упоминали многие выступавшие, а два доклада были посвящены этой теме специально. Вспомнили на симпозиуме и малоизвестную статью К. И. Богдановича о камчатских вулканах, напечатанную в 1904 г. в Готе.

Интересным был и доклад Казимежа Масьлянкевича «Поляки — исследователи Командорских островов», в котором детально охарактеризованы результаты исследований Б. Дыбовского и Ю. Морозе-

вича. К. Масьлянкевич не только напомнил о содержании книги Б. Дыбовского «Командорские острова» 1885 г., но и охарактеризовал его забытые научные публикации 1882—1883 гг.

Особенно ценны сведения К. Масьлянкевича о трудах Ю. Морозевича, о его малоизвестной в СССР монографии 1925 г. «Командорские острова» и трудах его учеников и коллег, изучавших его минералогические коллекции. Интереснейшее сообщение сделала Софья Хачевска о находке в Варшаве двух рукописных карт Камчатки и прилегающих к ней районов, которые были сделаны на основании русских карт ссыльным генералом Юзефом Копецом.

Неповторимое своеобразие Камчатки привлекает к ней внимание многих польских писателей и журналистов. Некоторые из них интересуются и далёким прошлым полуострова. В отличие от историков, писатели особое внимание уделяют колоритной фигуре Морица Беньовского, которому посвятил поэму известный польский поэт Ю. Словацкий. В 1961 г. в Варшаве была издана отдельной книгой подробная биография Беньевского, написанная Мечиславом Лепецким. Большой интерес к его биографии проявлял и выдающийся польский писатель-путешественник Аркадий Фидлер. Особенно Фидлера интересовал мадагаскарский период авантюры М. Беньовского. О Беньевском продолжают писать некоторые польские литературоведы, поэты и драматурги. В 1973 г. пьеса «Беньовский» была включена в репертуар польских театров, приезжавших на гастроли в СССР. В последнее время о М. Беньевском стали писать и некоторые советские историки (В. Н. Балязин, В. В. Мавроди, И. Можейко и другие).

Наш предельно сжатый обзор ясно показывает, что в последнее время в Польской Народной Республике явно возрос интерес к истории Камчатки. Работы польских исследователей значительно расширяют наши представления о польских сочинениях, посвящённых прошлому Камчатки. Поскольку число печатных источников по истории Камчатки не столь уж велико, как это может показаться на первый взгляд, советским историкам Камчатки следует принять непосредственное участие в изучении всех ранее упомянутых польских трудов о Камчатской области.

Возможно, нам следует подумать об издании специальной хрестоматии «Поляки о Камчатской области», в которую можно будет включить всё наиболее интересное из польских сочинений. Безусловно, в этот сборник можно было включить отрывки из камчатских воспоминаний М. Беньовского, «Дорожного журнала» Ю. Копца, отрывки из трудов Л. Гриневецкого и Б. Дыбовского, возможно,

вышедших за границей работ К. Богдановича, которого советские историки науки с полным основанием считают русским учёным. Наконец, туда следует включить отрывки из малоизвестной в СССР книги Ю. Морозевича 1925 г. о Командорских островах. Надо полагать, что наши польские коллеги и в первую очередь А. Кучинский включают в этот сборник и некоторые неопубликованные труды польских учёных о Камчатке или их письма с Камчатки или о Камчатке. Но эта весьма трудоёмкая работа ещё потребует немалых сил и большого времени.

Авторское примечание. Основные сведения данной статьи уже были нами приведены во вводной части нашего доклада по истории Камчатки, сделанного на IV Дальневосточных исторических чтениях в Петропавловске-Камчатском 14 февраля 1974 г.

О появлении первого изображения Камчатки на голландских картах

В 1962 г. в Петропавловске-Камчатском вышла интересная книга камчатского краеведа В. И. Воскобойникова «Слово на карте». Эта небольшая брошюра содержала немало самых разнообразных сведений по топонимике Камчатки. Многие в ней достоверно и полезно. Поэтому можно уверенно сказать, что имя Валерия Ивановича Воскобойникова, страстного камчатского краеведа, навсегда останется в памяти у историков Камчатки.

К сожалению, В. И. Воскобойников иногда излишне доверчиво относился к некоторым необоснованным утверждениям других авторов. Так, в частности, он весьма неосторожно поверил в выдвинутую М. И. Беловым в середине 1950-х гг. версию о том, что полуостров Камчатка уже был изображён по китайским источникам в начале XVII в. на карте голландского мореплавателя Георга Шпицбергена [Белов М. И. История открытия и освоения Северного пути. Т. 1. — М., 1956. — С. 220]. «Остров, показанный на карте Шпицбергена, — Камчатка», — смело утверждал В. И. Воскобойников.

К великому нашему удивлению эта странная версия была повторена в литературе в... 1973 г.! В третьем издании книги М. И. Белова о С. И. Дежневе вновь утверждается, что в Западной Европе была сделана «в начале XVII в.» на основании китайских источников карта полушарий, которая была «воспроизведена в редкой голландской книге с описанием кругосветного путешествия капитана Георга Шпицберга. Карта опубликована во втором издании этой книги [Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнева. — М., 1973. — С. 161—162].

Итак, в новой книге М. И. Белова «Шпицберген» был переименован в «Шпицберга». Остальное, по существу, осталось без изменения. По-прежнему М. И. Белов утверждает, что на этой карте будто бы изображены Камчатка, Чукотка и прочие районы Дальнего Востока по... китайским картам!

Белов восторженно писал: «Самое замечательное то, что на этой карте изображён безымянный пролив, отделяющий Азию от Америки. По точности изображения карта Г. Шпицберга может смело конкурировать с позднейшими картами этого района, в том числе с картами XVII и XIX вв. (!? — *Б. П.*).

Действительно, в узком проливе показаны два небольших острова, что соответствовало и позднейшим географическим версиям. При внимательном её рассмотрении видно, что очертания северных берегов Азии здесь даны в традиционной манере. Зато совсем иную картину являют районы Охотского и Берингова морей. На карте правильно положена горная система Восточной Сибири, вытянутая с юго-запада на северо-восток, причём её самые восточные отроги обрываются на Чукотке. Южнее этой горной системы показаны две большие реки. Одна из них, вероятнее всего, Охота. От горной цепи на юг в море вытянулся узкой полоской остров, составляющий как бы продолжение материка. Под ним нетрудно узнать Камчатку. Это изображение западного побережья Тихого океана. Картограф положил на карту северо-восточную Азию в общих контурах, приближающихся к действительности».

Белов утверждал, что сведения о полуостровах северной части Дальнего Востока дошли до китайцев якобы от палеоазиатов. Но можно ли доверять этим слишком смелым утверждениям?

Судите сами. Если вы обратитесь к тем деталям упомянутой карты, которые были опубликованы М. И. Беловым и В. И. Воскобойниковым, вам сразу же бросится в глаза, что остров, который был ими принят за полуостров Камчатку, расположен на одной широте с... Японией! Южнее сороковой параллели! Уже одно это не может не насторожить.

Чтобы восстановить истину, пришлось заняться по голландским источникам проверкой всей версии Белова — Воскобойникова. И тут начались неожиданности. Прежде всего, выяснилось, что никакого голландского мореплавателя «Георга Шпицбергена» или «Шпицберга» не существовало. На самом деле был голландский мореплаватель Йорис ван Шпильберген. Он никогда в северных морях Тихого океана не был. В описании его плаваний, изданных при жизни (он умер в январе 1620 г.) не было никакой карты

полушарий. Она была, действительно, включена в одно из новых изданий его книги по воле издателя уже после смерти автора. Следовательно, Иорис Шпильберген не имел никакого отношения к составлению этой карты.

Вместе с тем сама эта карта ничего оригинального в себе не содержала. Она повторяла основные контуры ряда голландских карт той эпохи. В этом может легко убедиться каждый при сравнении деталей этой карты хотя бы с аналогичной картой Иодока Гондия, копия которой воспроизведена в книге А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане» (М., 1948, между с. 40 и 41). Особенно важно отметить, что на карте Гондия имеется совершенно аналогичный протянувшийся на юг остров, но только на нём стоит название Corea. А это означает, что М. И. Белов и В. И. Воскобойников приняли полуостров Корею за полуостров... Камчатку! Вот почему рядом с мнимой Камчаткой на одной с ней параллели и была изображена Япония. Мнимая же Чукотка оказалась северо-восточной материковой частью той же Кореи!

Но верно ли, что эти подробности на голландской карте были изображены по китайским данным? Да, верно! Но именно эти подробности ясно говорят, насколько были ограничены географические знания составителей тех китайских карт, которыми воспользовались голландцы в начале XVII в. Самое поразительное то, что на них даже не было гигантского Амура!

В свете этих данных в высшей степени странно звучат утверждения М. И. Белова о том, что китайцы смогли якобы от палеоазиатских народов получить сведения и о Камчатке, и о Чукотке. Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. На самом деле китайские географы впервые узнали о существовании Камчатки, и тем более Чукотки, только из русских источников в самом конце XVII — начале XVIII вв.! То же самое можно сказать и о голландских географо-картографах.

Реальный район Камчатки первым в Западной Европе изобразил выдающийся голландский учёный Николай Витсен. На его знаменитой карте Татарии, которая была вчерне составлена в 1680 г., а впервые отпечатана с дополнениями в 1690 г., с датой «1687 г.». Нетрудно убедиться, что она была составлена по каким-то недошедшим до нас *русским источникам*. В самом деле, рядом с рекой Камчаткой (Kamtzetna) на ней изображены многочисленные горы, а несколько севернее стоит надпись «Tzernilos Crugom ofte Rontom swart». Географ Б. И. Греков считал, что эти надписи означают «чернелось кругом» и «родом звать». Однако эти надписи озна-

чают: «чёрный лес кругом» с голландским неточным переводом: «кругом черно» (rontom swart). Такая надпись, несомненно, была впервые сделана каким-то русским землепроходцем, который пришёл из безлесного севера — со стороны Анадыря и Пенжины и увидел на Камчатке «чёрный лес». Это изображение ещё раз подтверждает, что отдельные группы русских проникали на полуостров Камчатку ещё задолго до камчатского похода Владимира Владимировича Атласова (1697—1699 гг.).

Заслуживает особого внимания и знаменательная фраза, включённая в первое издание 1692 г. книги Н. Витсена «Северная и восточная Татария»: «“Tzernilos Crugom”, который мною назван “Rontom swartn” (кругом черно) — известный мыс или выступ, простирающийся в море дальневосточного побережья Татарии-Сибири...»

Это означает, что ещё до камчатского похода В. В. Атласова до Голландии смогли прийти первые сведения и о самом полуострове, который в 90-х гг. XVII в. получил название «Камчатка» по названию его главной реки.

Очень важно отметить, что на карте Витсена река, соседняя с рекой Камчаткой, названа голландским словом «Damast», что означает в переводе «камчатая материя». В XVII в. иногда одна и та же река изображалась дважды под разными названиями. Поэтому эта деталь подтверждает ранее сделанное заключение покойного члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, который в 1964 г., проведя анализ географических чертежей XVII в., заключил: «Название Камчатки произошло от камчатой ткани».

Напомним здесь, что это заключение А. В. Ефимова вполне соответствует и нашей собственной гипотезе о происхождении названия реки Камчатки, гипотезе, которая позволяет проследить, каким же образом название «камчатой материи» («камки», «камчатки») смогло в 60-х гг. XVII в. лечь в основу названия реки Камчатки, а тридцать лет спустя (в конце 90-х гг. XVII в.) и названия всего полуострова.

Таким образом, изучение голландских карт XVII в. весьма полезно для историков Камчатки.

Новое о Владимире Атласове

Незадолго до своей трагической гибели Александр Пушкин составил краткий конспект знаменитого труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», главным образом его исторической части. Особенно Пушкина заинтересовала колоритная фигура

Владимира Атласова. Он первым назвал его «Камчатским Ермаком». Если Ермак положил начало объединению Сибири с Россией, то Атласов сыграл решающую роль в освоении в составе нашего государства всего гигантского полуострова Камчатки. И Пушкин собирался написать об Атласове то ли статью, то ли своё новое литературное произведение. Но дуэль на Чёрной речке помешала осуществлению этого замысла...

Можно только удивляться тому, что яркая фигура «Камчатского Ермака» вновь заинтересовала литераторов лишь сто лет спустя после гибели Пушкина. Сперва он стал героем неоконченной поэмы Петра Комарова. Затем в 1973 г. в Петропавловске-Камчатском вышла историческая повесть «Атаман» Евгения Гропянова, а в 1974 г. на страницах журнала «Дальний Восток» (№ 6 и 7) была напечатана ещё одна историческая повесть «Край Земли» Арсения Семёнова.

Бесспорно, советские литераторы были в лучшем положении, чем А. С. Пушкин: уже после смерти поэта разыскано и опубликовано немало новых исторических документов о жизни и деятельности Владимира Атласова. И всё-таки вне поля зрения современных литераторов остались многие документы, выявленные историками за последние пятнадцать лет. Вот почему и возникла необходимость кратко рассказать о наиболее важных архивных находках, существенно уточнивших биографию «Камчатского Ермака».

Прежде всего, новые архивные изыскания опровергли широко распространённую в литературе легенду о том, что Владимир Атласов был будто бы крестьянином, «случайно забредшим в Сибирь», и что он якобы происходил из «Вологодчины». Документально установлено, что он — сын якутского казака Владимира Отласа. Следовательно, полное его имя Владимир Владимирович, а не Владимир Васильевич или Владимир Тимофеевич. Версию о Владимире Васильевиче впервые выдвинул в XIX в. историк Сибири Григорий Спасский, и она была долгое время столь популярной, что её включили даже в последнее издание «Большой Советской энциклопедии» (т. 2, с. 280). Версию же о Владимире Тимофееве до сих пор продолжает отстаивать М. И. Белов, который в своём биографическом очерке о «Камчатском Ермаке» слил воедино биографии отца и сына! «Тимофеевич» или «сын Тимофеев» — отчество отца «Камчатского Ермака»!

Существенно исправлена и дата вступления Владимира Атласова на государственную службу. Оказалось, что он был зачислен на службу в день смерти своего отца Владимира Отласа — 3 июля

1682 г. Но сперва его ошибочно «поверстали» в «холостые казаки». Когда же он это опротестовал, то спустя шесть дней его включили в список женатых. В момент смерти отца он уже был женат на некоей Степаниде Фёдоровне. Историки конца XIX в. начало службы Атласова относили к 70-м гг. XVII в., а его современный биограф М. И. Белов — даже к 50-м гг.

Уже в августе 1682 г. Владимир Атласов был послан на «двухгоднюю службу» на реку Учур, правый приток верхнего Алдана. В этот поход он пошёл в должности «подъячего», а это означает, что он был грамотным. Отец Владимира Атласова — Владимир Отлас сам писать не умел. Поэтому возникает вопрос: кто же смог обучить Владимира Атласова грамоте? Пока ответ на этот вопрос не получен, предположение о том, что его учил Фёдор Козыревский, неправдоподобно, поскольку Козыревский в детские и юношеские годы Владимира Атласова редко бывал в Якутске: он служил «приказным» в различных других острожках и зимовьях.

В январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале Владимир Атласов был лично допрошен якутским воеводой И. В. Приклонским. Одновременно молодой Атласов по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова «известил» воеводу о том, что учурские эвенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака — казака Ивана Усакина. Поскольку власти в Якутске были заинтересованы в установлении хороших отношений с эвенками, последовало строгое распоряжение воеводы наказать корыстолюбца.

В это же время Владимир Атласов пытался взыскать с должников отца различные долги. Найдено несколько его челобитных по подобным делам. В челобитной от 20 июня 1684 г. Атласов требовал от Максима Мухоплева возврата ожерелья, которое «положил отец мой покойный Володимер Тимофеев на збереженье». На что Максим Мухоплев отвечал, что «отец де ево, Володимер Отлас» дал то ожерелье не на «збереженье», а для получения денежного займа от илимского казака Фёдора Черниговского, сына известного Никифора Черниговского, возродившего в 1666 г. Албазин.

В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве «подъячего» был послан на «двухгоднюю службу» с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далёкую реку Уду. О ней ходила дурная слава: мало там было «прокорму», улов рыбы ничтожен. Потому туда казаки брали «добрые запасы». По пути на Уду у Владимира Атласова произошло несчастье. В Маймаканском

зимовье казак Ларион Дурнев напал на небольшую группу казаков, с которой шёл Атласов, и забрал у них большую часть продовольствия. У одного лишь Владимира Атласова он отобрал десять пудов ржи. Эта потеря значительно осложнила пребывание Атласова на Уде. Жил он там впроголодь, хотя временами и ходил в различные походы на далёкие реки, где можно было добыть рыбы. Именно тогда Атласов впервые побывал на реке «Хамун» (Амгунь), в землях негидальцев. Но на Уде он голодал, и потому 3 июня 1685 г. постарался «полюбовно поменятьца» службой с казаком Удского острога Василием Протасовым. В ЦГАДА найдена челобитная, в которой Василий Протасов просил: «вместо ево, Волотьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему Волотьке итти с отписками в Якуцкий острог».

Как раз в это время до Удского острога дошли тревожные сообщения о том, что противники готовят нападение на Албазин и на Удский острог. Это чрезвычайной важности сообщение Андрей Амосов поручил доставить в Якутск Владимиру Атласову. Ему в помощь были выделены три казака: Любим Дежнев, сын Семёна Дежнева, Андрей Ципандин (ставший вскоре «начальным человеком» Анадырского острога) и Тимофей Борисов. Выйдя на Алдан, группа Атласова от так называемого «Филиппова креста» пошла «коньми» прямо через горы к Якутску. Так выяснилось, что именно Владимир Атласов одним из первых сообщил в Якутск о готовившемся нападении на Албазин.

В столице громадного Ленского края Владимир Атласов задержался на целый год. В 1686 г. у него родился сын Иван. Это удалось установить благодаря находке составленного 16 марта 1687 г. списка, «сколько в Якуцком недорослей казачьих детей, которые в службу поспеют...» В списке сказано: «у Волотьки Отласова сын годовой». Упомянуть об этом стоит потому, что М. И. Белов уверяет, что уже в 80-х гг. XVII в. сына Владимира Атласова Иван находился на самостоятельной военной службе! Этот курьёз возник из-за того, что сына Владимира Атласова Ивана спутали с другим Иваном Атласовым, старшим братом Владимира, который действительно в 80-х гг. служил в различных зимовьях Ленского края.

В августе 1687 г. Владимира Атласова снова направили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский. Как бывалый человек, Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму

и вернулся в Якутск к своей семье. Именно в это время он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском дворе.

Новый воевода Якутска Пётр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский В. А. Петриловский даже завёл против него дело. Однако оно было вскоре прекращено.

Иначе обстояло со сбором недоимок. Тут Владимир Атласов и его помощники явно перестарались — они силой забирали меха у якутов, порою прибегая к рукоприкладству. С реки Амги и Татты к воеводе П. П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В «описи Якутской архивы 1703 г.» оно названо так: «Столп, в нём дело казака Мишки Гребеньщика да Волотьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили». В 1930-х гг. в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов. Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что действовал он так не ради личного обогащения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Владимир Атласов был публично порот «на козле».

Всё это произошло при якутском воеводе Петре Зиновьеве, который отличался патологической жестокостью. Лишь позже выяснилось, что он был душевнобольным человеком, к тому же способным поверить любой клевете, какой бы неправдоподобной она ни была. Именно при нём в Якутске было сфабриковано нашумевшее дело 1690 г. о мнимом намерении казаков «убить воеводу» и затем «бежать на реки Анадырь и Камчатку». Во время следствия воевода прибегал к жесточайшим пыткам, от которых погибли видные якутские казаки Филипп Щербаков и Иван Паломошный. А бывалый казак Михаил Антипин, дослужившийся до высшего казачьего чина «сына боярского», был даже публично повешен. Остальных казаков с жёнами и малыми детьми сослали в различные отдалённые зимовья. Среди них были и друзья Владимира Атласова.

В 1691 г. Владимир Атласов впервые отправился из Якутска на далёкий Север. Был ли он послан туда в ссылку или поехал добровольно — пока ещё не установлено. Но он отправился на Анадырь, где несколько лет «начальным человеком» служил его друг Андрей Ципандин. Однако Атласов попал под начало не Ципандина, а весьма заносчивого сына боярского Семёна Чернышевского.

Летом 1692 г. Атласов участвовал в походе анадырского приказного Семёна Чернышевского к восточным чукчам.

Ещё в 1686—1688 гг. часть восточных чукчей признавала власть России и платила ясак. Но в ночь на 6 декабря 1688 г. какая-то группа восточных чукчей вероломно перебила спавших у них русских, во главе которых стоял анадырский приказной Василий Фёдоров Кузнецов. Эта группа заехала к чукчам после сложного многомесячного морского и сухопутного похода в сторону Камчатки. Семён Чернышевский имел задание наказать убийц Василия Кузнецова. Этого он исполнить не смог, но во время похода русские собрали новые сведения о землях восточных чукчей. Но что особенно ценно: именно во время этого похода Владимир Атласов впервые получил весьма полезные сообщения о далёкой Аляске, об «острове», на котором живут иноземцы (эскимосы), которые «говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку». Слышал он это от чукчей, живших на Чукотском полуострове («носу») и «на устье Анадыря реки».

Во время этого похода к восточным чукчам резко обострились отношения между Владимиром Атласовым и Семёном Чернышевским. Атласов открыто выступал против многих действий анадырского приказного. Оскорблённый Семён Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его «срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой, и вором и плутом называл». Видимо, было за что.

Чернышевский хотел учинить над Атласовым расправу, но не смог: тот «в руки не дался» и даже обвинил приказного в государственной измене. Когда Атласова силой привели в Анадырский острог на допрос, он просил простить его за горячий нрав: «Винюват де он, Волотька... дела де он... на сына боярского на Семёна Чернышевского не знает, а сказывал де он то великих государей дело напрасно, боячись батогов».

И всё-таки Атласову не удалось избежать батогов. После экзекуции Семён Чернышевский отправил Атласова в Якутск, видимо, рассчитывая, что там он получит дополнительное наказание. Прибыв в Нижне-Колымское зимовье, Атласов повстречал своего

старого друга Андрея Ципандина, возвращавшегося в Анадырский острог на смену Семёну Чернышевскому. Атласов сразу же решил вернуться назад на Анадырь, а поэтому по обычаю тех времён договорился с казаком Василием Григорьевым об обмене службами. До нас дошли их подлинные челобитные, составленные по случаю такого обмена.

Но служба с Андреем Ципандиным продолжалась очень недолго. Вскоре на Анадырь прибыл новый приказной Афанасий Пуцин, сын Григория Пуцина, погибшего на Индигирке зимой 1691—1692 гг. Поскольку Афанасий Пуцин за заслуги его деда, знаменитого Фёдора Пуцина, бывавшего на Амуре и на Охотском побережье, был повёрстан в высший казачий чин сына боярского, Андрей Ципандин сдал ему управление Анадырским острожком.

Афанасий Пуцин рьяно принялся собирать ясак на Анадыре и уже вскоре смог подготовить партию пушнины для отправки в Якутск. Везти эту «казну» он поручил бывалому казаку Михаилу Гольгину. Ему в помощь выделил Владимира Атласова и Василия Куркуцкого. Уже в августе 1694 г. эта «казна» была в целости доставлена в Якутск. Тогда-то Владимир Атласов и поведал новому якутскому воеводе И. М. Гагарину о том, что из Анадырского острога можно организовать новые походы с целью изучения «новых земель». Рассказ произвёл впечатление на воеводу, и Владимир Атласов решил этим воспользоваться для того, чтобы просить поверстать его в казачьи пятидесятники на место погибшего ещё в 1688 г. Василия Кузнецова. Просьба Атласова была уважена 11 октября 1694 г.

Среди зимы идти на дальний Север было трудно. Поэтому Атласова делают на некоторое время сборщиком ясака в якутской Борогонской волости. На этот раз никаких осложнений при сборе ясака уже не было. Летом Атласов подготовился к новому походу на Анадырь. В августе следующего года он был официально назначен новым приказным Анадырского острога. На место службы смог добраться лишь в конце апреля 1696 г.

Здесь Атласов узнал, что, пока он отсутствовал, на далёкую Камчатку успешный поход совершил казак Лука Семёнов Мороска Старицын. Он и его товарищи сообщили множество интереснейших сведений об этой земле, и Владимир Атласов решил как можно скорее идти туда в новый поход. Подготовка к нему шла всю вторую половину 1696 г. Запасали продовольствие, необходимые инструменты, судовые снасти, оружие. Подбирали людей как среди русских анадырцев, так и юкагиров.

В поход Владимир Атласов увёл из Анадырского острожка шестьдесят пять русских казаков и промышленных людей, а также шестьдесят юкагиров. Сейчас по разным документам удалось восстановить имена большей части участников этого исторического камчатского похода.

Начался он малоудачно. Атласов не знал, что на Пенжине и на севере Камчатского полуострова ещё в 1696 г. с коряков собирал ясак Михаил Зиновьев Многогрешный, родственник опального украинского гетмана. И Атласов начал собирать ясак вторично. Это привело к тому, что коряки Акланска, Каменного (Каменского) и Таловки послали на него жалобу русским властям, в которой спрашивали, «каким обычаем и по какому указу» с них вторично была собрана дань? Коряки добавляли, что в «прежние годы» они «слыхали от своих родников и от служилых людей, что те де служилыя люди ясачных людей не громят».

Эта жалоба попала в руки нового приказного Анадырского острога Григория Постникова, присланного из Якутска на смену Владимиру Атласову. Постников решил отозвать Атласова с Камчатки. С этой целью он 4 апреля 1697 г. отправился «за ним, Володимером, в погоню, чтоб он, Володимер, в таком дальнем расстоянии и своею дуростью не потерял служилых людей и иноземцев».

Постников не смог нагнать Атласова и вскоре повернул назад на Анадырь. Благодаря этому исторический поход Владимира Атласова не был прерван в самом его начале. Позже с той же целью Постников посылал на Камчатку будущего камчатского приказного Осипа Миронова, но и он не смог дойти до Атласова. Постников, зная горячий нрав Атласова, считал, что тот своими необдуманными действиями может затруднить полное изучение Камчатки.

Нельзя сказать, что опасения Постникова были совершенно необоснованными. На первом этапе похода Атласов, действительно, восстановил против себя не только местных коряк, но даже юкагиров, шедших с ним. Кончилось это весьма трагически для участников похода. Юкагиры Ома, Тыкно и их сообщники, как гласит найденный документ, «будучи в походе с Володимером Отласовым, убили пять человек: Евдокима Старловского, Матюшку Прибылова, Архипа Микитина, Сеньку Галева, Ивашку Стадухина да промышленных людей Кирилла Иванова, Лучку Фёдорова, Сидорка Дмитриева и ево, Володимера, изранили и с ним больше тридцати человек переранили служилых людей...»

Это печальное известие было получено в Анадырском зимовье только в августе 1697 г. Постников сообщил об этом в Якутский

острог. Там, естественно, многие встревожились за Атласова и его спутников. Особенно была обеспокоена его жена Степанида Фёдоровна, которая поспешила подать якутскому воеводе челобитную. В ней она сообщала, что будто бы муж её находится в Анадырском остроге в тяжелейшем состоянии: «он изранен и лежит ныне от тех их иноземческих ран в Анадырском остроге при смерти, пить и есть нечево, а которые ево рухлядишко была соболиная, взята вся...» И она просила Петра I дать распоряжение, «чтобы мужа моего Володимера с твоею великого государя зборною казною отпустил в Якутской...»

Между тем положение Владимира Атласова на Камчатке в 1697—1698 гг. было сложное. Михаил Многогрешный сообщал: «а у камчатских и улюторских (олюторских) у оленных и пеших коряк великий скоп на него Володимера: ис своей де Корятцкой земли выпустить не хотят». Зная это, Атласов не спешил возвращаться назад на север и решил сосредоточить внимание после похода к олюторским корякам на южной части полуострова Камчатка — на землях камчадалов (ительменов) и «курилов» (камчатских айнов). Именно тут он проявил особую наблюдательность и тем самым обрёл славу первого исследователя Камчатки. Размер статьи не позволяет здесь повторить общеизвестное. Всем, кто хочет полнее представить истинную роль В. В. Атласова в сборе самых разнообразных сведений о Камчатке, я рекомендую ещё раз обратиться к замечательной книге Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (М., 1946). Неплохо эти же подробности воссозданы и в повестях Евгения Гропянова и Арсения Семёнова.

История успешных действий Владимира в средней и южной части Камчатки воссоздаётся обычно по его знаменитым «скасам» 1700—1701 гг., и вновь найденные документы добавляют к ним очень мало. Существенные уточнения могут оказаться лишь в ясачных книгах Владимира Атласова. Ещё Степан Крашениников полагал, что ясачные книги на Камчатке были впервые заведены в 1703 г. Однако в росписи дел Якутского архива 1703 г. оказалась ценнейшая запись, которая подтвердила сообщение самого Атласова о том, что он уже во время камчатского похода смог завести свои собственные книги. В этой росписи упомянуты: «Две книги зборные ясачной соболиной и лисичной казны новопостроенного камчадальского острога и анадырского зимовья за рукою зборщика Володимера Отласова 206 и 207 (1697—1698) годов». Очевидно, что находка этих двух ясачных книг Атласова могла бы

иметь не менее важное значение для исследователей, чем недавнее обнаружение Амурских ясачных книг середины XVIII в.

Всё же некоторые архивные документы позволили уточнить деятельность В. В. Атласова в 1700 г.

Оправившись от ран, он «за последним вешним путём» поздней весной 1700 г. налегке отправился в Якутск. Поскольку существовала опасность, что юкагиры могут отомстить Атласову «за обиды» и напасть на него, его освободили от обязанности везти в Якутск пушнину, собранную им на Анадыре и Камчатке. Это и позволило Атласову удивительно быстро посуху добраться до Якутска.

Его донесения оказались столь поразительны, что было решено немедленно отправить его в Москву вместе с казаками Василием Атласовым (сыном его старшего брата Ивана, умершего на Вилюе в 1698 г.) и Афанасием Евсеевым. 14 июля 1700 г. Атласов и его спутники получили в Якутске хлебное и соляное жалованье «для московской посылки». До нас дошла подлинная расписка о получении этого жалования. На обороте этого документа имеется автограф «Камчатского Ермака»: «Вместо казаков Афоньки Евсеева, Васьки Отласова и за себя Волотька Атласов руку приложил». До этого Владимир Владимирович обычно расписывался «Отласов». Видимо, в этот период якутский воевода Д. А. Траурнихт пояснил ему, что материя, от которой произошло прозвище его отца, называется «атлас», а не «отлас». С тех пор герой Камчатки стал обычно подписываться как «Атласов», но во многих официальных документах его продолжали часто именовать «Отласовым».

Известно, что во время пребывания в Тобольске в декабре 1700 г. с отписками В. В. Атласова смог познакомиться знаменитый тобольский картограф Семён Ульянович Ремезов. Сам Атласов помог ему составить один из ранних подробных чертежей полуострова Камчатка. Лишь недавно (в 1964 г.) выяснилось, какой именно чертёж Камчатки был составлен С. У. Ремезовым по рассказу самого В. В. Атласова.

Удалось также обнаружить несколько новых документов о пребывании Атласова в Москве в конце января — в феврале 1701 г. Из документов видно, что 14 февраля Сибирский приказ не только выдал ему жалованье, но и покрыл некоторые путевые издержки. Например, ему выдали пять рублей, двадцать три алтына и пять денег за то, что он на свои собственные средства нанимал подводы от Кетского острога до Нарыма.

Найден текст распоряжения главы Сибирского приказа знаменитого сподвижника Петра I — Андрея Винууса от 23 февраля

1701 г. о спешном отправлении Атласова из Москвы в Сибирь. По этому наказу Атласову и его спутникам Афанасию Евсееву, Ивану Шмону, Дмитрию Тюленскому и другим было выделено «по подводе человеку, да для поспешения по подводе в припряж». 24 февраля последовало распоряжение снабдить Атласова оружием, ядрами и порохом. Для перевозки дали дополнительные подводы: «под пушечки медные, и под ядра, и под порох, и под фитиль, и под бисер» — девять, «да для поспешанья на девять подвод в припряж всего по осьмнадцать подвод». В самом конце февраля этот большой обоз покинул столицу.

Пётр I проявлял огромный интерес ко всем географическим открытиям, поэтому многие полагают, что он не мог не повидать лично «Камчатского Ермака». На самом деле такая встреча никак не могла состояться потому, что как раз во время пребывания Атласова в Москве Пётр I ездил на свидание с польским королём Августом. И вернулся царь в Москву лишь в марте 1701 г., после отъезда Атласова в Сибирь.

Тогда же в Якутск из Москвы была отправлена «грамота о верстании в казачьи головы Владимира Отласова и о посылке его с новоприборными казаками в Камчадалскую землю». Это был, безусловно, большой успех Атласова. И тем непонятнее становится событие, происшедшее на Енисее, когда он и его спутники совершили нападение на купеческое судно, принадлежавшее московскому купцу Логину Добрынину. Многие историки и литераторы готовы были видеть в этом лишь проявление «буйства казацкой вольницы!»

Новые архивные находки позволили, наконец, понять, чем были вызваны столь странные действия Атласова и его спутников. Оказалось, что в происшедшем во многом был виноват сам руководитель Сибирского приказа А. А. Виниус! Дело в том, что он в награду за действия на Камчатке отдал распоряжение предоставить Атласову в Сибири различных товаров на сто рублей. Но ни в Тобольске, ни в Енисейске ему не удалось воспользоваться этим правом. И, когда Атласов стал подниматься вверх по Ангаре, ему стало очевидным, что он упускает возможность получить такие товары относительно дёшево: на Лене всё было гораздо дороже. И вот тут-то до него дошло известие, что ему навстречу везут разные товары, владелец которых московский купец Логин Добрынин умер, и у него будто бы нет в Москве наследников. Атласов решил этим немедленно воспользоваться и забрать добрынинских товаров на сто рублей.

В XVII в. служилые люди, уходившие на государеву службу, считали себя вправе насильственно забирать от торговых людей всё то, что им было нужно для похода. Поэтому Атласов, не колеблясь, решил перехватить добрынинский дощаник. Для добрынинских приказчиков это был настоящий разбойничий набег, а Атласов полагал, что просто пользуется правом, предоставленным ему Сибирским приказом. Захватив товары, он не преминул составить подробную роспись забранного. Цены, естественно, старался завысить. Потом, уже на Лене, многое из забранного распродал и тоже не забыл составить описи проданного. Одну из таких «записных книг» удалось найти вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Она начиналась со слов: «Год 1701, декабря 2-го числа книга записная казачие головы Володимера Володимеровича Отласова, что кому отдано разных товаров и то писано в сей книге по статьям в Ълимском и на Киренге...» Писал явно кто-то из писцов Атласова.

Прибыв в Москву, добрынинские приказчики сообщили о случившемся родственникам Логина Добрынина. В Сибирский приказ последовала жалоба на грабёж. Вinius 17 февраля 1702 г. послал грозную грамоту о «розыске про Володимера Отласова». Когда она была получена в Якутске, воевода Д. А. Траурнихт приостановил подготовку к отправке отряда Атласова на Камчатку. Сам отряд был распущен, а люди тогда же разосланы на «Ламу» (Охотск), на Тауй (район вблизи современного Магадана), на реку Уду и «за Нос» (на Анадырь). И только немногие из них были направлены в «новопостроенный Камчадальский острог».

Во второй половине 1702 г. в Якутске началось следствие по делу Атласова. Существует мнение, что он был немедленно препровождён в якутскую тюрьму. На самом деле после допроса якутскими воеводами Атласова «за приставом» (караульным) отправили на верхнюю Лену с заданием вернуть назад распроданные им разные товары. Это следствие заняло несколько лет, и, в конце концов, в Якутске появился пухлый том следственного отчёта.

По окончании этого дела якутские воеводы Арсеньевы (а отнюдь не Д. А. Траурнихт!) отдали распоряжение Владимиру Атласову о поездке его на Камчатку, куда он был направлен ещё в 1701 г. Таким образом, якутские власти дело В. В. Атласова закончили мирно. После этого он был освобождён от «пристава», который по распоряжению якутских властей был приставлен к нему, пока велось долгое следствие. Атласов даже не был разжалован: он остался «казачьим головой».

На Камчатку Владимир Атласов поехал с женой Степанидой Фёдоровной Атласовой. Поехал с неограниченными полномочиями камчатского приказного. Испытав на себе в Якутске различные жестокости, он начал править весьма сурово. Батоги, плети, «смыки» (кандалы) не лежали без употребления. Не жалел никого, особенно малолетних. Знаменитый будущий первооткрыватель Курильских островов Иван Козыревский жаловался на то, что у него от «смыков» постоянно болели руки и ноги. И поэтому он глубоко ненавидел Владимира Атласова. Грубым поведением Атласов способствовал тому, что на Камчатке в 1707—1711 гг. прокатилась волна казачьих восстаний. В конце концов, он сам стал жертвой всеобщего недовольства казаков. В январе 1711 г. восставшие казаки пришли к нему ночью с фальшивой грамотой. Когда он наклонился к свече, чтобы прочитать её, был заколот ударом ножа в спину.

В Москве в Центральном государственном архиве древних актов сохранилось следственное дело Ивана Козыревского 1731—1732 гг. В нём имеются различные документы, во всех подробностях воссоздающие историю трагической гибели Владимира Атласова. Несомненно, в том же архиве будут найдены и другие документы, которые позволят историкам ещё более подробно изучить биографию «Камчатского Ермака».

Бесспорно, в начале XVIII в. Атласов был самым знаменитым русским землепроходцем. Он стал первым, рассказы которого ещё при его жизни были опубликованы за границей: знаменитые «Скаска» 1701 г., записанные в Москве в Сибирском приказе, впервые в сокращённом виде были напечатаны в 1705 г. в знаменитой книге голландского географа Николая Витсена «Северная и восточная Татария». Уже после Великой Отечественной войны в Ленинграде знаток старо-голландского языка Вильгельмина Герардовна Трисман перевела на русский язык голландскую публикацию сообщений Владимира Атласова. Нам представляется полезным этот перевод опубликовать в каком-либо издании. В 1730 г. известный шведский географ Ф. И. Страленберг вторично опубликовал сообщения Владимира Атласова о Камчатке на немецком языке в своей книге «Северные и восточные части Европы и Азии» (Стокгольм, 1730). И в настоящее время за рубежом выходят десятки книг, в которых говорится о деятельности Владимира Атласова.

Итак, благодаря новым архивным находкам удалось весьма существенно уточнить биографию «Камчатского Ермака».

Рассказывая правду об этом суровом времени, мы можем яснее представить, какие огромные трудности приходилось преодолевать тем, кому довелось открывать и осваивать земли Дальнего Востока в далёком XVII в. Вместе с тем для нас зримее становятся те перемены, которые произошли здесь уже в XIX в. благодаря положительному влиянию гуманистических идей передовой русской общественности, тем более разительны перемены, происшедшие благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Дальний Восток, 1976 г., № 4

Приложение

Сообщение, сделанное московским служилым человеком Володимером Отласовым, пятидесятником, относительно путешествия, которое он совершил от Якутска в Сибири к востоку, к северу и югу для сбора дани от туземцев, обязанных платить дань. Собрав дань, он отправил её с несколькими воинами в Якутск, а сам пошёл дальше с воинами и торговыми людьми, взяв ещё шестьдесят человек, знающих охоту на соболя и других зверей, а также способных воевать (последние были из юкагиров, которые уже признали власть русских), чтобы открывать новые земли и народы и брать с них ясак. Переехав на лодках реку Лену, они за три дня добрались на лошадях до реки Алдана. Эта дорога в восемнадцать голландских или тридцать русских миль.

Этот Володимер со своими людьми в 1699 г. в последние дни августа был послан русским воеводой в Якутске Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом с 13-ю служилыми людьми в область Анадыря для сбора дани от туземцев, обязанных платить дань. Собрав дань, он отправил её с несколькими воинами в Якутск, а сам пошёл дальше с воинами и торговыми людьми, взяв ещё шестьдесят человек, знающих охоту на соболя и других зверей, а также способных воевать (последние были из юкагиров, которые уже признали власть русских), чтобы открывать новые земли и народы и брать с них ясак. Переехав на лодках реку Лену, они за три дня добрались на лошадях до реки Алдана. Эта дорога в восемнадцать голландских или тридцать русских миль.

Переехав эту реку Алдан, они оказались против реки Токулан. Алдан — это довольно широкая река. Вверх по правому берегу реки Токулан они ехали верхом по грязным, каменистым дорогам до её верховьев одиннадцать дней. Таким образом они пришли к верховьям Токулана, где их застала зима. Эта река уже, чем река Алдан. Пройдя эту реку, они пришли к реке Яне и ехали один день по каменистым дорогам, потом ехали верхом вниз по реке в течение двух недель. Река довольно широкая. Оттуда они перешли узкую, мелкую реку Тастак до речки Галяндина, которая в свою очередь впадает в реку Индигирку. От Якутска ездят до острога на Индигирке шесть или семь недель, включая время, потраченное на остановки. От этого острога на Индигирке он поехал вниз, наняв оленей в течение пяти-шести дней до области Уяндина. Река Уяндина впадает в Индигирку. По левому берегу Уяндина он проехал до области Алазеи в восемь — десять дней, а оттуда на оленях до реки Колымы. От Колымской области они проехали вверх через реку Анюю, до реки Яблочной, что значит Яблочная река, и вдоль реки Яблочной вниз, до реки Анадырь. По Анадырю вниз до острога они находились в пути в течение четырёх недель. Здесь они взяли лошадей и оленей у жителей, обязанных платить ясак.

Когда едут от Анадыря через большие горы на оленях в течение двух с половиной недель, то приходят к морю около губы реки Пенжины. Вдоль этой реки и небольших острожков собирались для встречи люди в хижинах более трёхсот человек народа, по названию коряки. Они в то время добровольно внесли ясак в виде рыжих лисиц, стали покорными. Их оружие — луки и пики. Они очень любят топоры и другие железные вещи.

Из области реки Пенжины не вывозят соболой. Люди здесь питаются в основном рыбой. Этот народ часто оставляет на произвол судьбы своих заложников, которых они называют аманаты, и им нельзя доверять.

От полуострова Камчатский нос вдоль морского берега ездят на оленях. Там имеются большие горы, перевалив через них, встречают народ олюторцы, который живёт посёлками в хижинах. Они ловят лисиц около своих хижин. Здесь в горах имеются белые соболи, но этот народ их не ловит. Они до прихода Володимера никогда не видели иноземцев, и поэтому они соболой не добывают ради торговли пушниной. Орудия у этих людей — лук, стрелы и пращи, которыми они бросают камни. Железа у них нет, почему у них большой спрос на ножи. Они заостряют ими пики, которые употребляют для защиты от врагов.

Между реками Колыма и Анадырь находится необходимый нос, который выступает в море. Влево от этого мыса в море летом лежит лёд, а зимой море замерзает. С другой стороны этого мыса осенью и зимой, правда, имеется лёд, но летом его нет. Людей, живущих вокруг этого носа, называют чукчи. Около устья реки Анадыря, против этого носа, говорят, имеется остров. С этого острова зимой, когда море замёрзло, приходят люди, говорящие на своём языке. На этом острове имеются плохие соболя и куницы. Володимер видел три шкурки этих соболой. Хвосты у них имели длину в четверть локтя с поперечными чёрными и рыжими полосами.

От области Анадыря Володимер взял с собой около шестидесяти человек воинов и мужчин, обученных к охоте.

Когда они ехали по стране камчадалов, питались мясом оленьим и рыбой, которую им доставляли местные жители, и сами они ловили рыбу сетями, для этого привезёнными с собой из Анадырского.

Рыба в реках у камчадалов похожа на сёмгу, такого вида, который в других местах неизвестен. Она летом красная и несколько крупнее, там её называют обстейна (овечина). Кроме неё имеется ещё семь разного рода рыб, совершенно не похожих на те рыбы, которые встречаются у курильцев. Она приплывает из моря вверх по рекам и никогда не возвращается обратно, так что многих находят мёртвыми на берегах. Их подбирают соболи, выдры и лисицы, которых там очень много. Летом ездят в камчадалскую землю на оленях, на деревянных сёдлах, зимой оленей запрягают в сани.

Холод там приблизительно такой же, как в Москве, но снега падает там не очень много, а у курильцев ещё меньше. День зимой в этой земле (на Камчатке) почти в два раза длиннее, чем в Якутске, а у курильцев солнце всходит и заходит почти прямо над головой. В этой стране зимой на берегу моря очень много птиц, а в болотах много лебедей, ибо они там зимой

не замерзают. Эти птицы летом улетают, спасаясь от сильной жары. Летом бывают частые дожди и грозы, так как эти области лежат довольно далеко к югу.

В камчадалских и курильских землях растёт много ягод, несколько меньше сливы величиной, очень сладких. Растут там и ягоды на высоте четверти локтя, а ягоды величиной почти с куриное яйцо; когда они зрелы, они зеленоваты, вкусом как ежевика, внутри семена. На деревьях мало плодов, но там есть растение под названием агагатка, которое растёт высотой до колена, в виде прутиков. Это растение выдергивают, с него снимают кору и его раскалывают вдоль пополам, сушат на солнце. Оно белеет, становится сладким, как сахар, и его с удовольствием едят. Там имеются деревья, на которых растут орехи, много берёзы, есть и ильм, и другие деревья.

В Пенжинской земле вдоль рек много берёз и других деревьев. У Пенжины живут коряки. У них нет бороды, они среднего роста, говорят на особом языке. Неизвестно, какой они веры. Некоторые из них бьют в барабаны, выкрикивают при этом во весь голос. В этом, очевидно, заключается их богослужение. Их одежда из шкур оленя и из рыбы нерпы или тюленя. Они едят рыбу, разных зверей и рыбу нерпу, то есть тюленя. Их хижины, или юрты, сделаны из шкур оленя.

За коряками живут народы, по названию олюторы, одинакового языка и нрава, как и коряки, с той разницей, что хижины последних сделаны из земли.

Многие из коряков, живущих вдоль горного хребта, не хотят платить дань чужеземцам и угрожают убить тех, которые хотят у них взять её, как это испытал Володимер, ибо они окружили его и убили трёх из воинов стрелами. Кроме того, ещё ранили пятнадцать человек, задержав остальных в осаде, пока их не освободили товарищи.

Вдоль берега моря, около реки Камчатки ловят оленей. Здесь Володимер нашёл три укреплённых селения, численностью более четырёхсот человек. Оттуда они могли защищаться лучше, чем в других местах, потому что этот народ иногда обижают соседи, так как там отдельные роды воюют между собой. Здесь имеются соболи и лисицы, но их не запасают, потому что люди не платят дань и не ведут торговлю. То, что они ловят, они только употребляют на одежду. Они жили в мире с русскими. Их орудия — это луки из китового уса и каменные стрелы. Железа у них нет. Эти люди подвергаются нападению со стороны соседей с той же реки Камчатки, которые их грабят и оскорбляют. Они просили Володимера примирить их с соседями, чтобы они смогли жить в покое.

Тогда он с ними и со своими воинами сел на суда и поплыл вниз по реке Камчатке. После трёх дней они прибыли к этим соседям, где он нашёл селение численностью до четырёхсот человек, которых он пытался привести к покорности. Но они отказались, и тогда он открыл огонь, некоторых убил и сжёг хижины. Большинство людей убежало отсюда. Когда затем он плыл (вверх) по реке, он увидел много селений на обоих берегах, численностью от трёх до пяти сотен и больше домов. Когда он затем по-

плыл дальше вверх по реке, он тоже встретил много деревень. Они отказались покориться и платить ясак потому, что, они так говорили, у них ничего нет. Они не добывали соболей, они не знали русских и их силу. Однако согласились подумать до следующего года. Когда же он вернулся к тому месту, откуда он отправился, то жители, упомянутые коряки, пытались отнять его оленей и украсть их, но москвиты нашли их след, догнали у Пенжинского моря, где они напали на них, разбили их, убили за ночь сто пятьдесят человек и захватили оленей. Остальные коряки убежали в лес.

В камчадалской земле имеется река, по названию Ича.

Дальше Пенжинского моря находятся оленные коряки, или пастухи оленей, куда Володимер отправился. Но они покинули свои жилища и убежали. Он преследовал их в течение шести недель, до реки Нани, Гиги, Ники, Сиунчи и Харюзовой, где он предложил камчадалам покориться и согласиться платить ясак. Оттуда он отправился снова к рекам Кукоше и Кикше, где нагнал народ, так называемых оленных коряков, предложил им покориться и заплатить ясак в знак покорности. Но они не хотели слушаться и убежали. Он догнал их и многих из них разбил, отбирая у них оленей и разрушая их хижины. Отправляясь отсюда, он встретил шесть островов курилов, которых он, правда, пытался привести к покорности, но они отказались, почему он напал на один остров-деревню, захватил одного в плен, убил из них пятьдесят человек.

Он не обходил другие селения этих людей. Хотя там имеется много пушнины, но они её не собирают.

Камчадалы, живущие за олюторами на берегах рек и у моря, маленького роста. У них борода средней длины. Их одежда сделана из соболей, лисиц и оленей, которых они ловят с помощью собак. Их юрты или жилища сделаны из земли, и легом их ставят на три сажени над землёй на жердях. Они построены из досок и дерева, покрыты корнями деревьев. Они входят в них по лестницам. Пол ровный, деревянный. Хижины стоят недалеко друг от друга. В селении бывает до четырёх сотен хижин. Употребляют рыбу в сыром виде, а зимой замороженную. На зиму они запасаются рыбой, закапывают её в ямах. Когда она начинает гнить, её вынимают, бросают в колоды, заливают водой, бросают туда раскалённые камни, смешивают всё так, что она сильно воняет, однако едят эту пищу в горячем виде, размешанную с грибами, от чего они пьянеют.

У них самодельные глиняные и деревянные сосуды. Есть медные котлы и другие виды посуды. Туда привозят олифой покрытые деревянные вещи с какого-то острова, но под чьей властью, и где точно этот остров, мне до сих пор не ясно. Кроме того, привозят ещё какой-то лак, который сверкает и блестит.

Их верование неизвестно, только наблюдают несколько дьявольских жрецов (шаманов), которые производят движения, как выше уже было описано про жрецов тунгусов. Они (шаманы) носят длинные волосы и этим отличаются от других людей.

У коряков и камчадалов языки разные.

На реке Бобровой с Пенжинской стороны живёт довольно много людей, так же и на соседних реках.

На реке Иче Володимер был вынужден перезимовать, потому что многие олени там погибли. Здесь он услышал, что камчадалы просили отсрочить уплату дани до весны. Между тем казакам начало доставать пороха и свинца, так что они были вынуждены отступить к Анадырю.

От Анадыря до реки Пенжины, не торопясь, ездят за три недели, а от Олюторы до реки камчадалов — шесть недель, от реки Тигили до Камчатки на оленях — две недели, от Тигила до земель курилов требуется три месяца, включая время отдыха, потому что продвигаются медленно.

Курильцы были названы так, по мнению соседних народов, по названию реки Куриловской, около которой они живут, ровно как люди, живущие по реке Камчатке были названы камчадалами. А может быть это слово «Курилы» происходит от названия области Кореи.

Слово «камча» по-китайски значит: «я благодарю вас» или «большое спасибо», или почесть: «дай ему камчи» — это значит «скажите ему благодарность». Курильской (остров) обозначает некое место в стране курилов, а сама страна называется курильской.

На Анадыре у него (Атласова) было деревянное жилище, как их там называют «зимовье», и строят к зиме, если дальше нельзя ехать. Когда он поехал домой в Якутск, он привёз с собою несколько пленных, а также довольно большое количество собранной пушнины, полученной в дань. После отъезда этого москвитя из области Камчатки и её окрестностей, жители начали укреплять свои жилища, поэтому теперь для того, чтобы их испугать, нужно будет брать пушки.

Далеко за камчадалами живут курилы. Они темнее по цвету кожи и борода у них меньше. [Климат] у последних теплее, чем у первых, но они употребляют одинаковую одежду. Они менее зажиточные. Соболя, которые там имеются, плохого качества, потому что это тёплая страна. Встречаются там большие бобры и много рыжих лисиц.

От устья реки Ичи и затем вверх по реке Камчатке на расстоянии недельного пути имеется очень большая высокая гора, похожая на сеной сноп, в соседстве с другими горами. Из неё выходит очень густой дым, а ночью искры огня. Камчадалы рассказывают, что когда поднимаются по этой горе, то на полдороге слышат большой шум, как гром, отчего у людей болят уши. А кто подымается на эту гору выше половины, то почти никогда не возвращается, и неизвестно, что происходит с теми, кто подымается выше. С этой горы течёт река с водой серого цвета. Брошенное в неё видно на глубине до трёх сажень.

У этого народа нет управителя в одном лице. Они живут родами, и кто самый богатый из рода, того они и слушаются и тому они покоряются. Среди родов часто возникают разногласия и иногда воюют между собой. Летом мужчины ходят совершенно нагие. Они храбры в борьбе и до сих пор свободны от уплаты дани чужим властям, но теперь пытаются их покорить. Каждый держит столько жён, сколько он может прокормить, до четырёх или больше.

Там нет домашнего скота, кроме собак, очень похожих по росту на европейских собак. Но у них шерсть почти в четверть локтя длины. Соболей

у них ловят особенным способом, рогожными мешками (так перевёл Н. Витсен русское сообщение «ловят кулёмками». — *Б. II.*) на берегах рек. Но чаще убивают их на деревьях стрелами. Ружья вызывают у этих людей сильный страх. Они всегда убегают, когда попадают в бой с москочитами, которые употребляют огнестрельные оружия, и потому они вызывают их огненными людьми.

Зимой камчадалы ведут войну на лыжах, сделанных из дерева, шириной в четверть русского локтя, а длиной в локоть и более с кожаным ремнём в середине, в который ставят ногу. Но коряки воюют на санках, запряжённых оленями, в которых они ездят попарно: один правит, а другой стреляет из лука. Летом некоторые выступают в бой нагими, а другие одетыми.

Товары, на которые у них большой спрос, это красные корольки (бусы) и ножи, на которые они обменивают шкуры соболей, лисиц, больших бобров и выдры.

В море, около Олюторы, зимой ходят льдины, но не всё море замерзает. Летом там совсем нет льда или его очень мало. Вдоль реки Камчатки и на берегу моря встречается много жителей, так что между речкой Еловки и морем они встречали шестьдесят селений, в которых по сто пятьдесят — двести хижин вместе. У каждого отца семейства своё собственное жилище. Из боязни перед русскими эти селения недавно стали объединяться. Люди в селениях защищаются тяжёлыми камнями и деревянными дубинами, которые они бросают, когда к ним приходят враги, и ещё острыми пиками.

С южного берега Камчадальской земли в море нет льда. Только от реки Пенжины до Тигили с боков немного льда. А дальше вверх по Тигилю нет льда. От реки Тигиля до устья реки Камчатки идут пешком по скалистым местам три-четыре дня. А от Камчатки вниз до моря по реке четыре дня. На берегу моря много медведей и волков, а за первой рекой в земле курилов в море, говорят, лежат заселённые острова. Говорят, что там имеются каменные города, но до сих пор неизвестно, как они населены. С этих островов привозят курильцы дорогие сосуды и ценные полосатые ковры, много цветной такни. Жители ещё говорят, что с камчадальской стороны, выше Камчатки по близости Каланской Бобровой реки ежегодно прибывают к ним суда, люди с которых у них покупают шкуры тюленей, клыки моржей и китовый жир. Здесь в море водятся большие киты, морские тюлени и моржи. Последние во время прилива попадают на берег и во время отлива остаются на суше. Тогда население их убивает палками и дубинами, бьют по носу, ибо в виду их коротких лап, они не способны спастись по суше. Эти места находятся недалеко от реки Амура.

Машинопись, без даты. В тексте отмечены страницы книги Н. Витсена (с. 670—674)

Примечание составителя. Рукой писателя Е. В. Гропянова, редактора Камчатского отделения «Дальиздата», на первом листе «Сообщения...» написано: «Перевод сделан Б. П. Полевым. Прислан 3.08.88».

20/8

СТЕПАНИДА АТЛАСОВА

Однажды одна молодая, миниатюрная, но вместе с тем очень смелая исследовательница Камчатки, откровенно гордившаяся тем, что ей, представительнице "слабого пола", довелось исколесить чуть ли не весь полуостров, обратилась с вопросом, который поставил меня в тупик:

-Вот вы занимаетесь историей Камчатки, а не могли бы вы мне назвать имя первой русской женщины, которая ^{ступила на} впервые ~~появилась~~ ^{здесь?}

Камчатку

женщина?

Вопрос этот оказался не из легких. Дело в том, что первые походы на Камчатку были столь тяжелыми, что ни один казак, ни один промышленный человек не ^{возил} с собой ~~женщину~~. Многие русские, оказавшись на Камчатке, брали себе в жены местных жительниц. Учительменки и корячки нередко ^{сакже без крещения!} крестились и принимали русские имена. Поэтому, хотя в тех или иных ранних камчатских документах и встречались русские имена жен служилых, промышленных и торговых людей, еще нельзя быть уверенным, что здесь идет речь о русских ^{женщинах} ~~женщинах~~. Одно очевидно, что русские женщины появились на Камчатке ^{только} лишь в первом десятилетии XVII века и одной из них была жена Владимира Владимировича Атласова - Степанида Федоровна Атласова. Вот об этой интересной женщине и хочется ^{немного} рассказать. ^{впрочем.}

Степанида вышла замуж за Владимира Атласова в самом начале 80-х годов XVII века. Уже 9 июля 1682 года Атласов был поверстан в "женатый оклад", а три года спустя у них родился первый и единственный сын - Иван.

Первая страница рукописи статьи «Степанида Атласова», 1973 г.

России скрывает от ученых мира замечательные результаты Второй Камчатской экспедиции, в частности, исторического плавания Витуса Беринга и Алексея Чирикова к берегам Северной Америки в 1741 г. Поэтому через десять лет после этой экспедиции он опубликовал в Париже небольшое сообщение о ней. Скажем прямо, Делиль об этой секретной экспедиции знал немного и поэтому в его публикации оказалось немало ошибок. В России эта публикация вызвала гнев. Но именно она способствовала тому, что в России начали публиковать первые точные сообщения об ^{Экспедиции} ней. И только после этого случая и появилась возможность ускорить работу над ~~замечательным~~ трудом С.П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки" и выпустить его в свет в 1756 г. Не будь инцидента с Иосифом Делилем, Крашенинников просто не успел бы завершить свой труд: он заканчивал его будучи уже тяжело больным и умер еще в 1755 г. Этот инцидент ускорил ~~к~~ выход в свет и некоторых ценных исторических трудов академика Г.Ф. Миллера.

В настоящее время усилиями многих отечественных историков честь Иосифа Делиля восстановлена. Уже во многих новейших работах показана, какую огромную роль он сыграл в истории русской астрономии и географии. ~~спираль~~ Иосиф Делиль. Наш прямой долг восстановить и честь похороненного в Петропавловске профессора астрономии Санкт-Петербургской Академии наук Луи (Людовика) Делиль де ла Кройера.

Старший научный сотрудник Института этнологии
и антропологии АН СССР д.и.н. *Б. Полевой* (Б.П. Полевой)

Сведения для бухгалтерии: я являюсь участником ВОВ, освобожденным от налогов. № счета в сбербанке Петропавловска (№ 8211): № 21790
Удостоверение участника ВОВ: серия Б № 578254 выдано 4 сент. 1980 г.
Василеостровским РВК г. Ленинграда. Перерегистрировано в 1989 г.

1991 год.

Заключительная страница рукописи статьи «Правда о Луи Делиль де ла Кройере» с автографом, 1991 г.

Колумбы российские

К 300-летию со дня рождения В. Беринга (1681—1981 гг.)

Ещё в XVII в. русские землепроходцы и мореходы смогли собрать множество сведений о русском Дальнем Востоке и его богатствах. Однако научное изучение земель русского Дальнего Востока началось лишь со времени двух камчатских экспедиций Витуса Беринга во второй четверти XVIII в.

Об истории выработки инструкции Петра I Витусу Берингу написаны десятки различных работ. И, тем не менее, не утихают споры относительно её содержания. Многие утверждают, что текст её «не ясен» или «противоречив». Одни считают, что Пётр I главной целью ставил открытие морского пути к северо-западному побережью Америки, другие — что он будто бы хотел найти пролив, отделяющий Азию от Америки. Третьи уверяют, что его главной целью было исследование северных дальневосточных земель. Чтобы выяснить истину, потребовалось более детально заняться изучением предыстории петровского указа.

Уже один просмотр географических чертежей Дальнего Востока первой четверти XVIII в. ясно показал, что в России в это время вполне твёрдо знали, что русские дальневосточные земли всюду омываются морями и перешейка, соединяющего Азию с Америкой, здесь не существует. Неоднократно об этом сообщалось и западноевропейскими учёными. Так, друг Петра I — голландский географ Николай Витсен 8 февраля 1714 г. писал бургомистру Денвентера Х. Кюперу: «Когда я выпускал мою первую карту (здесь имеется в виду изданная им в 1690 г. большая карта «Татарии» — Северной Азии. — *Б. П.*), я на ней сделал надпись, что неизвестно, не соединён ли один мыс с Америкой, но с тех пор я получил подробные сведения и точно знаю теперь, что всё это отделено...» Поэтому Пётр I не собирался разыскивать пролив между Азией и Америкой, как это утверждают некоторые авторы.

Пётр I интересовался другим: где именно наиболее близко подошли берега Америки к берегам Азии.

Ещё академик Карл Бэр, изучавший историю географических предприятий Петра I, справедливо заметил, что, хотя царь и обладал удивительной любознательностью, всё же он всегда во всех своих действиях, прежде всего, руководствовался государственными соображениями. И в данном случае никакого исключения не было.

Пётр I помнил, какие огромные богатства принесла России Сибирь ещё в XVII в. По мере истощения пушных богатств запад-

ных районов русские всё дальше и дальше уходили «встречь солнца», и каждый раз освоение «новых земель» приносило казне «прибытки великие». Но путь на восток преградил Тихий океан, а интенсивная эксплуатация пушных богатств привела уже в последней трети XVII в. к их значительному истощению. В Москву посыпались жалобы на то, что «зверь выпромыслился». Доходы казны стали падать. И тогда стало очевидным, что нужно продолжить поиск новых богатых земель на востоке. Открытие и первоосвоение Камчатки лишний раз подтвердило целесообразность таких поисков. До Петра I дошли сведения, что русские мореходы видели вблизи Камчатки и в других районах русского дальневосточного побережья какие-то острова. И уже в начале XVIII в. в Якутск поступили царские «наказы» собирать сведения о них, об их богатствах.

Пётр I очень любил рассматривать различные глобусы. Они наглядно показывали, что к востоку от дальневосточных берегов находится ещё «незная часть» Северной Америки, до которой пока оказались не в состоянии добраться английские, испанские и французские колонизаторы. Почему бы русским не попытаться открыть и занять эти «ничейные земли»? Пётр был убеждён, что там много пушнины: ведь восточная часть Северной Америки уже успела прославиться пушными богатствами, и из-за них велась ожесточённая борьба между английскими и французскими колонизаторами. И Пётр I не желал упустить открывшиеся возможности. Нужно было лишь завести в дальневосточных русских водах морские суда, способные плавать в суровой северной части Тихого океана. Недаром Михаил Васильевич Ломоносов в поэме «Пётр Великий» вложил в уста преобразователя России гордые слова:

*Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнёт в Америку держава,
И что во все концы достигнет россов слава.*

Пётр I считал, что решить «тайну» очертания «незнаемых» берегов северо-западной части Америки скорее всего можно со стороны русского Дальнего Востока.

В 1716 г. на специально построенной морской лодии мореход Никифор Треска совершил из Охотска первое прямое плавание через Охотское море к западному побережью Камчатки. Когда Пётр I узнал об этом, он пришёл к выводу, что настало время заняться со стороны Камчатки поисками и ближайших берегов Америки. С этой

целью на Камчатку были посланы опытные геодезисты И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Инструкция царя обязывала их «описать тамошния места: сошлась ль Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только сьюд и норд, но и ост и вест и всё на карту исправно поставить».

Многие считают, что для исполнения этой экспедиции Евреинов и Лужин должны были направиться на север к берегам Аляски или, по крайней мере, на восток. А Евреинов и Лужин двинулись на юг вдоль Курильской гряды! Кое-кто из историков в связи с этим выдвинул предположение, что инструкция Петра I о поисках места, где «сошлась Америка с Азией» была будто бы выдвинута только для отвода глаз, а у экспедиции были какие-то особые тайные цели, например, поиск серебра на Курилах. К сожалению, авторы этой гипотезы не учли, что в книге голландского географа Николая Витсена «Северная и восточная Татария» (1705), посвящённой Петру I, в нескольких случаях развивалась мысль, что берега Америки будто бы подходят к южной части Курильских островов. Дело в том, что в 1643 г. участники голландской экспедиции де Фриса приняли западное побережье Урупа («Земля Компании») за часть Америки! Можно ли после этого удивляться тому, что Евреинов и Лужин решили поискать берега Америки у Курильских островов. Естественно, они Америки не нашли. Но Пётр продолжал помышлять о скорейшем достижении русскими «неизвестных берегов» Америки.

В 1722 г. известный русский мореход Фёдор Соймонов внушал Петру I: «...остров Калифорния, уповательно от Камчатки не в дальнем расстоянии найтиться может и потому иного б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех богатых мест доходить возможно было бы против того, сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены». На что Пётр I ответил: «Слушай, я то всё знаю, да не ныне, да то далёко». А в конце 1724 г. Пётр I вернулся к этой идее и потребовал, чтобы ему были представлены новые карты северной части Тихого океана. Помышляя о достижении берегов Америки, Пётр I попросил, чтобы ему нашли морехода, который уже бывал у них или возле Вест-Индии. Тогда-то ему и порекомендовали выходца из Дании Витуса Беринга. 23 декабря 1724 г. Пётр I подписал указ о снаряжении экспедиции Беринга, а 6 января 1725 г. лично составил свою знаменитую инструкцию, которая гласила:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом тамо ж месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идёт на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст (берег. — *Б. П.*) называют и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды...»

В этой инструкции многое казалось странным. Слова «доехать до какого города европейских владений» в первую очередь относились к портам испанской Мексики. Но тогда возникал вопрос: почему же на ботах надо было плыть с Камчатки «возле земли, которая идёт на норд»? Разве можно было за одну навигацию совершить плавание на далёкий север и оттуда к Мексике и затем назад к Камчатке? Неужели столь опытный мореход, каким был Пётр I, не понимал, что такой план неосуществим?

Вместе с тем в тексте инструкции ничего не говорится о поиске какого-либо пролива: Петра I явно больше всего интересовали берега Северной Америки.

Для тех, кто знает современную карту северной части Тихого океана, действительно кое-что в инструкции Петра I кажется непонятным. Особенно противоречивы слова «о земле, которая идёт на норд»: вначале кажется, что здесь идёт речь о дальневосточном побережье, но затем о ней говорится как об особой, явно неазиатской земле и выдвигается предположение, что «та земля, кажется, часть Америки».

Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо было, прежде всего, узнать, какой именно географической картой пользовался Пётр I, когда он составлял свою инструкцию Берингу. Здесь на помощь исследователям пришла вторая инструкция, вручённая Берингу перед его отъездом из Петербурга. В ней мимоходом упоминалось о том, что Берингу даётся «для известия тамошних мест сочинённая в 1721 году карта».

Ещё недавно было неясно, о какой карте тут шла речь. Новейшие исследования показали, что имелся в виду чертёж Дальнего Востока, составленный в 1721 г. и затем зимой 1721—1722 г. отпечатанный по заказу русского правительства нюрнбергским картографом И. Б. Гоманном под названием «Карта Камчадалии». Она стала первой печатной картой, на которой был изображен весь полуостров Камчатка. Имелись на ней и другие районы Дальнего Востока от Чукотки до устья Амура. Эту-то карту, как установлено

недавно, вручили Берингу во многих экземплярах. И в этом нет ничего удивительного. При изучении этой карты выяснилось, во-первых, то, что Пётр I именно ей пользовался, когда составлял свою инструкцию, и, во-вторых (что было особенно важно!), оказалось, что в инструкции Петра I... не было никаких противоречий! Но только эту карту необходимо рассматривать вместе с другой картой И. Б. Гоманна — картой Северной Америки.

На карте Камчадалии И. Б. Гоманна рядом с Камчаткой изображена большая безымянная земля. Это — мифическая «земля де Гамы». Но на карте Северной Америки И. Б. Гоманна она имеет ещё одно название: «Северная земля». Так она была названа потому, что простиралась на север. Именно её и имел в виду Пётр I, когда в своей инструкции упоминал «землю, которая идёт на норд» и при этом высказывал предположение: «кажется, что та земля часть Америки» — по «чаянию (понеже оной конца не знают)»! Впоследствии — 7 декабря 1741 г. — сподвижник Беринга Алексей Чириков, говоря об этой же мифической «земле Иан де Гамы» (она же «земля, которая идёт на норд») упоминал, что в прошлом «чаели, что она — часть Америки». При этом уточнении становится вполне понятным основной замысел Петра I. Он с самого начала желал, чтобы Беринг плыл от Камчатки не на север, а прямо вдоль южной части мифической «северной земли» в сторону Северной Америки! Поскольку на разных картах Гоманна эта «северная земля» то изображалась соединённой с Северной Америкой, то отделинной «проливом Аниан» (несколько севернее Калифорнии), то становится очевидным, что ему хотелось выяснить, соединена ли здесь Северная Америка с «Северной землёй». Его явно смущало название «пролив Аниан». Пётр I хорошо знал, что ещё с XVI в. многие европейские картографы считали, что Азию от Америки отделяет легендарный пролив Аниан. При таком истолковании инструкции Петра I всё становится понятным: из неё исчезают все неясности и мнимые противоречия. Становится очевидным, что данная инструкция отнюдь не противоречила главному направлению политики Петра I на Тихом океане.

К сожалению, сам Беринг не получил необходимых разъяснений. Из-за болезни Пётр I не смог лично принять Беринга, да и сама инструкция была вручена тому лишь в день его отъезда из Петербурга — 5 февраля 1725 г., неделю спустя после смерти Петра I. Поэтому Беринг должен был смысл этой инструкции постигать по собственному наитию. Он считал, что требование Петра I плыть «возле земли, которая идёт на норд» можно истолковать по-разному.

И он истолковал его по-своему после того, как в Енисейске случайно встретил исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта и впервые увидел у него знаменитую «Карту Татарии» 1690 г. Николая Витсена.

На ней на дальнем Северо-Востоке Азии были изображены два далеко простирающиеся в моря полуострова, и около первого из них, относящегося явно к Чукотскому полуострову, стояло пояснение о том, что до сих пор остаётся неизвестным, где кончается этот полуостров... Витсена волновал вопрос: не доходит ли он до... Северной Америки! Карта Витсена была посвящена Петру I. Поэтому Беринг и решил, что инструкция Петра I обязывает его исследовать именно этот район. Беринг не знал, что ещё в 1697 г. сам Пётр и его спутники Ф. А. Головин и Ф. С. Салтыков указали Витсену, что в этом месте не существует никакого перешейка! Беринг слышал, что Петра I интересовала проблема плавания из Ледовитого океана в Тихий океан, и поэтому он и решил, что обязан заняться поисками пролива в районе Чукотского полуострова. Уверовали в это и остальные участники плавания. Так, в 1728 г. Беринг и его спутники поплыли из устья реки Камчатки в сторону Чукотского полуострова. В пути они часто занимались астрономическими определениями, и это позволило им составить довольно точную карту северной части Дальнего Востока — от Камчатки до Чукотки. Несколько раз они встречались с местными жителями и собрали некоторые любопытные сведения и по этнографии дальневосточного Северо-Востока. Дойдя до северной широты $67^{\circ}18'$ (несколько севернее восточной оконечности Чукотского полуострова), Беринг считал, что он практически доказал, что Чукотка нигде не соединяется с Америкой. Участник плавания Алексей Чириков помнил, что на карте Татарии Николая Витсена один из полуостровов с неведомым концом был изображён западнее Чукотского полуострова. Поэтому он предлагал плыть на запад вдоль северного берега Чукотки. Но Беринг отказался поддержать этот план, считая такое плавание весьма опасным.

Вернувшись на Камчатку, Беринг заколебался: правильно ли он истолковал инструкцию Петра I — ведь она обязывала его плыть к берегам Америки, а он их так и не видел. Поэтому в 1729 г. он поплыл от Камчатки на восток в надежде достичь берега Америки. Но это ничего не дало. Он лишь убедился в том, что карта Камчадалии И. Б. Гоманна была не верна: никакой огромной земли вблизи Камчатки с востока не было. Вместе с тем, во время пребывания на Камчатке до него дошли глухие сведения, что ещё

до него в старину русские уже плавали на кочах вокруг Чукотки. Таким образом, он отнюдь не был первооткрывателем пролива, впоследствии названного его именем. Теперь нам точно известно, что о существовании этого пролива русские мореходы ведали ещё в середине XVII в. Со времён исторического плавания Семёна Дежнева в 1648 г. они знали, что на дальнем Северо-Востоке существует «Нос» или «Большой каменный нос» (Чукотский полуостров), который омывается морями с трёх сторон и нигде не соединяется с другим континентом.

Когда Беринг вернулся в Петербург, его обвинили в том, что он не исполнил инструкции Петра I: не открыл пути от Камчатки к берегам Северной Америки. И тогда встал вопрос об организации ещё одной экспедиции с целью исполнения указа Петра I от 1725 г.

Подготовка к отправке Второй Камчатской экспедиции началась в Петербурге, когда уже там стала успешно работать молодая Петербургская Академия наук. Правительство решило обратиться за содействием к учёным. Прежде всего, их попросили составить новую карту северной части Тихого океана и наметить по ней маршрут будущего плавания во исполнение инструкции Петра I. За эту нелёгкую работу взялся академик Иосиф Николай Делиль, опытный астроном и хороший знаток мировой картографии. И вскоре он составил такую карту. В соответствии с текстом инструкции Петра I было намечено, что Беринг отправится в новое плавание на поиски берегов Америки на этот раз не с устья реки Камчатки, а из более южного района Камчатки. Позднее для создания главной камчатской базы Беринга была избрана Авачинская губа, открытая русскими лишь в 1703 г. Осенью 1740 г. сюда из Охотска прибыли два судна экспедиции: Витус Беринг привёл пакетбот «Св. Пётр», а Алексей Чириков — пакетбот «Св. Павел». Так эти суда были названы потому, что они были спущены в Охотске на воду в конце июня — в день святых Петра и Павла. Члены экспедиции решили назвать по именам этих святых также и своё пристанище в Авачинской губе. Так осенью 1740 г. появилось новое географическое название — «Гавань святых Петра и Павла», основанное здесь новое селение впоследствии стало именоваться Петропавловском-Камчатским. Отсюда с открытием навигационного сезона 1741 г. оба пакетбота и отправились в своё историческое плавание на поиски берегов Северной Америки со стороны Дальнего Востока.

Очень важно отметить, что плавание 1741 г. совершалось уже почти в полном соответствии с истинным содержанием царской

инструкции 1725 г. На этот раз суда с Камчатки пошли не на север, а на юго-восток с тем, чтобы с юга обогнуть Землю де Гама («неазиатскую» землю, которая идёт на nord»). Естественно, нигде мифической земли русские мореходы не обнаружили и только выразили своё недовольство, что они вынуждены были по вине картографов затратить зря несколько драгоценнейших дней на этот ненужный обход. Далее курс был взят прямо на восток. Лишь во второй половине июля 1741 г. после длительного плавания русские мореходы открыли долгожданные берега Америки: вдали они увидели прибрежную вершину огромной заснеженной горы, которая с тех пор стала именоваться «горой Святого Ильи». Пётр I желал, чтобы русские мореходы, идя вдоль берега Америки на юг, позднее дошли бы до городов испанской Мексики или, по крайней мере,плыли до первой встречи с каким-нибудь испанским кораблём. Он считал весьма важным, чтобы сами испанцы подтвердили бы факт появления здесь русских судов. Это в дальнейшем позволило бы русским претендовать по праву первооткрытия на те «неизвестные земли» Америки, которые были расположены севернее испанских владений. Ещё в 1730-х гг. Беринга освободили от этого обязательства. Сменившие Петра I правители России решили, что если русские суда появятся в испанских владениях западного побережья Северной Америки, то это встревожит испанцев, и они начнут спешно занимать ещё свободные земли северо-западного побережья. Вот почему по достижении берегов Америки русские мореходы решили повернуть назад, ибо впереди ещё предстояло долгое обратное плавание. После предельно краткого и малоудачного обследования американского побережья и прилегающих к нему малых островов, Беринг решил идти более северным курсом: он ещё лелеял надежду найти место сближения между Америкой и Землёй де Гама. Естественно, мифическая земля так и не была найдена, но зато на обратном пути были открыты многочисленные острова: группа Шумагиных (где был похоронен русский матрос Никита Шумагин); острова, позднее получившие название Алеутских и, наконец, Командорские, ставшие местом известной трагедии Беринга. Так очень дорогой ценой была решена задача, которую поставил Пётр I перед Витусом Берингом.

Уже впоследствии стало известно, что приоритет первого открытия берегов Америки со стороны Дальнего Востока принадлежит Витусу Берингу и Алексею Чирикову. Ещё в 1732 г. со стороны Чукотки успешно к берегам Аляски («Большой земли») смогли пройти русские мореходы И. Фёдоров и М. Гвоздев. Но во времена

Беринга никто не знал, что открытая «Большая земля» является частью Америки. Это выяснилось лишь впоследствии. Между тем Беринг и его спутники, пользовавшиеся картой Северной Америки И. Б. Гоманна, были вполне убеждены, что они побывали у берегов самой Америки. Но расстояние от Камчатки до американских берегов оказалось значительно большим, чем это предполагали ранее. Поэтому начало освоения русскими американских берегов пришлось отложить на несколько десятилетий — до времени Григория Шелихова (80-е гг. XVIII в.). Но зато уже с 40-х гг. XVIII в. началось интенсивное освоение русскими промышленниками богатых тихоокеанских островов, открытых во время плавания Беринга и Чирикова в 1741 г.

Конечно, вполне можно согласиться с теми историками, которые уже в середине нашего века стали называть Вторую Камчатскую экспедицию — Великой Тихоокеанской. И всё-таки, несмотря на величие открытий Беринга на Тихом океане, для русской науки неизмеримо большее практическое значение имели обширные работы, проведённые участниками Второй Камчатской экспедиции на суше — в Сибири и особенно на Дальнем Востоке.

Ещё когда в Петербурге разрабатывалась программа Второй Камчатской экспедиции, было принято решение, что её участники при переезде через всю Сибирь везде будут проводить исследования. Этот план был блестяще осуществлён благодаря тому, что в состав экспедиции был включён особый академический отряд, состоявший из профессоров и студентов молодой Петербургской Академии наук. Отрядом в Сибири и на Дальнем Востоке были развёрнуты интенсивные работы, ведшиеся более десяти лет. В результате удалось собрать богатейшие сведения по истории, географии, этнографии Сибири и Дальнего Востока. Проведена была большая работа по изучению местной торговли, минеральных богатств, развитию ремёсел и даже некоторых искусств. Это позволило академикам Г. Ф. Миллеру, И. Э. Фишеру и их коллегам написать первые научные труды по истории Сибири и Дальнего Востока. В них впервые было рассказано о славных походах И. Ю. Москвитина, В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, С. А. Шелковникова и других. Особенно интересны исследования Г. Ф. Миллера об историческом плавании С. И. Дежнева 1648 г.

Исключительно большое значение имели исследования на Камчатке Крашенинникова в 1737—1741 гг. Академик В. И. Вернадский считал, что именно эта деятельность Крашенинникова открыла совершенно новый этап в истории Петербургской Акаде-

мии наук — положила начало большим научным успехам русских учёных. Ещё в XVIII в. ценнейший труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» был переведён на иностранные языки. И до сих пор он продолжает привлекать к себе внимание очень многих учёных. А в 1971 г. в США Орегонское историческое общество сочло необходимым опубликовать его в новом переводе, в роскошном издании.

Ценный труд о Камчатке написал и адъютант Академии наук Г. В. Стеллер, участник плавания В. Беринга к берегам Америки в 1741 г. Стеллер известен, прежде всего, как автор самого подробного описания ныне вымершей «морской коровы» на Командорских островах. Сравнительно недавно в Германии вышла в свет новая биография Стеллера под поэтическим названием «Там в голубой дали лежит Америка». Написал её немецкий литератор Вотте.

Ещё многие научные труды участников Второй Камчатской экспедиции остаются неопубликованными. Лишь недавно доктор исторических наук И. С. Вдовин познакомил камчатских краеведов с забытыми сообщениями о Камчатке студента Алексея Горланова. Он же (а позже и Е. П. Орлова) познакомили читателей с содержанием некоторых трудов Якова Линденау о Чукотке. Якову Линденау принадлежат и многие другие ещё неопубликованные труды по географии и этнографии Дальнего Востока.

Для магаданцев также большой интерес представляют составленные ещё в 1743 г. чертежи пяти главных рек Тауйской губы: Тауя, Олы, Армани, Сиглены и Ямы. Сейчас возникла идея напечатать эти старинные чертежи в одном из выпусков «Краеведческих записок Магаданского областного краеведческого музея».

Предполагается также опубликование забытого описания 1743 г. Тауйского острога, самого старинного значительного русского поселения вблизи современного Магадана.

Несомненно, изучение документов Второй Камчатской экспедиции следует продолжить: среди них наверняка будут выявлены очень полезные для науки сведения.

Подводя итоги рассказанному здесь, можно сделать один довольно странно звучащий вывод: как хорошо, что Витус Беринг не смог сразу правильно истолковать подлинный смысл инструкции Петра I 1725 г.!

Именно благодаря этому он занялся в 1728 г. весьма полезными исследованиями в северной части Дальнего Востока — от Камчатки до Чукотки и существенно уточнил карту побережья Берингова моря. Вместе с тем невыполнение Берингом в 1728—1729 гг.

инструкции Петра I привело к тому, что была организована Вторая Камчатская экспедиция — первая в истории Сибири и Дальнего Востока научная комплексная экспедиция. Это было начало академических исследований в азиатской части России. На Дальнем Востоке особо большое внимание было уделено изучению земель, входящих ныне в состав Камчатской и Магаданской областей. Вот почему все историки Дальнего Востока считают, что составленная Петром I двести пятьдесят лет назад инструкция Витусу Берингу открыла новую эпоху в истории нашего отечественного Дальнего Востока.

Норд-Ост: Люди. Природа. История. — Петропавловск-Камчатский, 1980. — С. 111—121

Герой обороны Петропавловска Константин Мровинский

Мне уже неоднократно говорили: «Вы нашли немало самых различных важных документов по истории Дальнего Востока XVII—XX вв. Результаты многих ваших изысканий известны. Но почему бы вам не рассказать о том, как эти находки делались?»

Конечно, поиск всегда бывает интересным, особенно если он даёт хорошие результаты. Но, увы, многие подробности быстро стираются из памяти: что прошло — то прошло... Легче писать о находках под самым свежим впечатлением. Поэтому я и решил выступить с рассказом о последних моих изысканиях — о малоизвестном герое обороны Петропавловска в 1854 г., инженер-поручике Константине Мровинском.

В августе 1854 г. защитники Петропавловска одержали блестящую победу: они смогли успешно отбить нападение объединённой англо-французской эскадры — очень сильного врага, а тех десантников, которые дерзнули вступить на землю Камчатки, лихо сбросили в море. Советский историк академик Е. В. Тарле назвал эту победу «лучом света», который вдруг прорвался «сквозь мрачные тучи». В летописи боевой славы нашего народа эта блестящая победа давно уже по праву занимает почётное место. Жители Камчатки, особенно Петропавловска-Камчатского, законно гордятся этим. А поэтому понятно, почему камчатский писатель, автор повести «Атаман» (о «камчатском Ермаке» — Владимире Атласове) Евгений Гропянов, работающий в Камчатском отделении Дальневосточного издательства, решил к 125-летию обороны города организовать публикацию сборника документов и воспоминаний участников этого знаменитого боя. В Петропавловске-Камчатском многих

старинных книг нет, и поэтому Евгений Гропянов попросил меня собрать в Ленинграде необходимые материалы...

Вот тогда-то я и смог убедиться в том, что истинная роль инженер-поручика Константина Мровинского в обороне Петропавловска до сих пор не была оценена по достоинству. Однако я начну свой рассказ издалека, с тех событий, которые позволят понять, почему молодой двадцатилетний инженер-поручик попал на далёкую Камчатку...

В 1847 г. в сановном мире России разразился «скандал»: Николай I на ответственной пост генерал-губернатора всей громадной Восточной Сибири назначил «какого-то мальчишку» («всего... тридцать семь лет»!), да ещё из семейства Муравьёвых, которых после восстания декабристов в Петербурге не жаловали... Так начал свою сибирскую карьеру бывший тульский губернатор генерал-майор Николай Николаевич Муравьёв — будущий граф Муравьёв-Амурский.

8 января 1848 г. в Петербурге, в Зимнем дворце, Николай I принял нового сибирского администратора и обратил его внимание на растущую подозрительную активность иностранцев в русских дальневосточных водах. В 1847 г. началось первое массовое вторжение в наши воды иностранных китобоев. Дело дошло до того, что они начали бесчинствовать даже в самом Петропавловске. Но особенно беспокоила царя активность англичан в Тихом океане, и он потребовал от Н. Н. Муравьёва обратить особое внимание на улучшение средств связи с Тихим океаном. Именно тогда он бросил реплику Муравьёву: «Так у тебя возьмут Камчатку, и ты только через полгода узнаешь!» Муравьёв пообещал лично побывать на Камчатке. До этого ни один генерал-губернатор Восточной Сибири и не помышлял о таком трудном путешествии. Многим это намерение показалось «сумасбродством выскочки». Но Муравьёв был верен своему слову. В 1849 г. он отправился в нелёгкое путешествие из Иркутска на Лену до Якутска, потом на Алдан и Маю, а от Нелькана по новой «дороге» на Аян. Оттуда он совершил морское плавание в Петропавловск. Авачинская губа произвела на него сильнейшее впечатление. Муравьёв не без основания стал считать её одной из лучших гаваней мира. Он знал, что Англия, стремясь стать «владычицей морей», осуществляя свою колониальную политику, неизменно проявляла повышенный интерес ко всем стратегически важным естественным гаваням мира.

7 августа 1849 г. Н. Н. Муравьёв, уже возвращаясь с Камчатки, направил письмо министру внутренних дел Л. А. Перовскому,

в котором выразил тревогу по поводу того, что «англичане уже слишком обратили внимание на превосходную Авачинскую губу». Он предлагал: «губу укрепить. — И пояснил: — А без этого она будет игрищем самой незначительной враждебной эскадры: там ныне уже были два английских военных судна... в одно время. На них было двести человек экипажа (шлюп и шхуна, путешествующие под видом отыскания Франклина. — *Б. П.*).

Лучшая карта этой губы составлена англичанином Бичем, я ею руководствовался в моих обозрениях и поверял её; у меня уже сделаны при этом инструментальные съёмки тех пунктов, которые должно укрепить. Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал. Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть ею и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она не отдаст...»

На Камчатку из Аяна был переведён энергичный администратор Василий Степанович Завойко. Ему было поручено не только решать хозяйственные дела, но и заботиться о безопасности Петропавловска.

14 июля 1851 г. в Петропавловске под американским флагом появился английский разведчик. Завойко смог его разоблачить и о происшедшем немедленно уведомил Н. Н. Муравьёва. Этот эпизод ещё раз убеждал нового генерал-губернатора в том, что Петропавловский порт необходимо срочно укреплять. Но более важные проблемы Амура отвлекали его от камчатских дел.

Когда в 1853 г. Муравьёв пришёл к выводу, что война с Англией становится неизбежной, он решил принять срочные меры для защиты Петропавловска. Специально для его обороны было выделено свыше трёхсот пятидесяти солдат, запасы продовольствия и боеприпасы. Всё это было решено отправить впервые вниз по Амуру. Именно тогда Муравьёв и решил срочно послать на Камчатку двадцатипятилетнего инженер-поручика Константина Мровинского специально для сооружения в Петропавловске различных военных укреплений.

Учитывая огромное значение первого сплава по Амуру, Муравьёв принял в нём личное участие. До нас дошло одно из его писем 1854 г., в котором он упоминал, что в новом путешествии его будет сопровождать «инженер-поручик Мравинский». В пути Муравьёв поделился с Мровинским своими соображениями относительно оборонных работ в Петропавловске и, более того, составил для него особую инструкцию.

Путешествие Н. Н. Муравьёва из Иркутска в Забайкалье превратилось в своеобразное триумфальное шествие: во всех селениях его встречали торжественно. На долю Мровинского выпало иное: то он помогал решать вопросы перевозки артиллерии, то участвовал в постройке плотов.

В низовьях Амура вблизи озера Кизи сошли на берег свыше трёхсот пятидесяти солдат, предназначенных для обороны Камчатки. Отсюда они пешком отправились в залив Де-Кастри (теперь залив Чихачёва). Вместе с ними этот нелёгкий переход совершили и Н. Н. Муравьёв и К. И. Мровинский. Путь шёл частично через болото, и Константину Мровинскому пришлось в некоторых местах руководить строительством временной дороги.

В Де-Кастри Муравьёв дал последние наставления Мровинскому. Сам он на паровой шхуне «Восток» отправился к устью Амура, а Мровинский вместе с солдатами погрузился на небольшое транспортное судно «Двина».

Плыли на «Двине» в совершенно невероятной тесноте. Продовольствия и воды не хватало. Воду как великую драгоценность ловили во время дождя специальными парусиновыми тентами. При выходе из Японского моря чисто случайно не попали в руки англичан: их военные корабли крейсировали у берегов Хоккайдо. Вблизи Курильских островов пережили небольшую бурю. Далее прошли Вторым Курильским проливом и 24 июля, через тридцать пять дней нелёгкого плавания, пришли в Петропавловск. Именно тогда сюда и было впервые доставлено официальное уведомление о начале Крымской войны и приказ о срочном развёртывании в Петропавловске оборонительных работ. Всё это, впрочем, не было новостью для петропавловцев. Весть о начале войны впервые дошла сюда с далёких Гавайских островов, и уже тогда камчатский управитель В. С. Завойко организовал работы как по приведению в порядок старых батарей, так и по строительству новых.

Уже при первом беглом осмотре батарей Константин Мровинский смог убедиться в том, что некоторые из них расположены неудачно и плохо укреплены.

Батарея № 1 на Сигнальном мысе была создана «на весьма невыгодном месте». Она обеспечивала только фронтальную оборону и совершенно не была защищена с флангов. А потому, указывал Мровинский, «неприятель, став на западную сторону мыса, мог безнаказанно действовать по этой батарее и, овладев ею, обратить сразу орудия её против города». Кроме того, над батареей была каменная скала, а это означало, что ядра, попадавшие выше батареи,

должны были вызывать камнепад, от которого не могли не пострадать её защитники. Необходимо было срыть верхнюю часть скалы, чтобы ядра смогли перелетать через батарею, не причиняя ей вреда. Но работы по срытию скалы тогда были неосуществимы — для них требовалось множество рабочих рук, а их не имелось. Тогда Мровинский решил основную часть скалы над батареей № 1 обшить фашинами: они должны были в какой-то степени воспрепятствовать камнепаду и осыпанию грунта.

Чтобы обеспечить батарее № 1 защиту с флангов, Мровинский настоял построить в Петропавловске новую батарею (№ 4) на Красном Яру: оттуда вполне можно было вести обстрел тех вражеских судов, которые сделали бы попытку напасть на батарею № 1 с западной стороны Сигнального мыса.

Большое внимание Мровинский уделил усовершенствованию батарее № 2, поставленной на Петропавловской кошке. Придавая ей особое значение, он довёл здесь число орудий до одиннадцати и стал около неё создавать мощный бруствер в семь футов в высоту и двадцать один в толщину. Хотел он также тут оборудовать мощный блиндаж, но начальство порта не смогло обеспечить его необходимым лесом.

Батарею № 5, построенную на городской стороне «малой губы», Мровинский забраковал: её орудия должны были бить поверх стоявших в порту русских кораблей — транспорта «Двина» и фрегата «Аврора», а это было крайне опасно для русских моряков. Он перенёс часть её пушек к седловине между Сигнальной и Никольской горами, где расположилась батарея № 3, инициатором создания которой был также Мровинский.

Местоположение батарей № 6 и № 7 с северной стороны Мровинский также раскритиковал. Для батареи № 7 он избрал новое место, более удобное для обстрела как Никольской горы, так и района Култушного озера, однако осуществить этот перенос так и не успел. И батарея бездействовала. Но батарею № 6 Мровинский пытался укрепить.

Большое внимание Мровинский уделил сооружению пороховых погребов: он их маскировал дёрном и даже кустарниками, и как ни хотелось врагам взорвать пороховые погреба русских, они в этом так и не сумели преуспеть.

Защитники Петропавловска в своём подавляющем большинстве не имели представления о том, как строить батареи, как «вязать» из прутьев фашины, как создавать траншеи и различные укрытия. Мровинскому пришлось обучать и офицеров, и рядовых

различным «премудростям» военно-инженерного дела. Часто он сам исправлял ошибки несведущих. Как видно из письма героя обороны Дмитрия Максудова, делал это с большим тактом и с любовью к своему делу. Он очень переживал, что местное начальство не смогло предоставить лес даже для сооружения на всех батареях деревянных платформ под орудия.

Чтобы увеличить эффективность огня, молодой инженер горячо ратовал за устройство при батареях ядрокалительных печей. Ему удалось создать такие печи на двух батареях, но, к сожалению, защитники Петропавловска так и не сумели научиться пользоваться калёными ядрами...

Мровинский был инициатором и снятия части орудий с фрегата «Аврора» и транспорта «Двина» для передачи их на батареи порта. Именно он доказал командиру фрегата «Авроры» И. Н. Изъльметьеву, что во время обороны фрегат и транспорт смогут действовать орудиями лишь одного борта.

Все эти факты ясно говорят о том, какую кипучую деятельность развил молодой Константин Мровинский в Петропавловске. Но у него на все эти оборонительные работы осталось крайне мало времени — только три недели. И, естественно, до нападения врага он не смог многое сделать. Над батареей № 1 не была закончена обшивка фашинами отвесной стены. На батарее № 2 не завершили возведение бруствера, на батарее № 3 осталась не достроена оборонительная «горжа» и так далее. Всё это весьма отрицательно сказалось во время боёв. Однако то, что успели сделать под руководством Мровинского, принесло защитникам Петропавловска огромную пользу.

Враги Петропавловска были просто ошеломлены: они рассчитывали найти здесь ничем не защищённое место, которое смогут легко разорить и сжечь, а увидели хорошо сделанные укрепления. Именно это, по мнению многих авторов, привело к тому, что английский адмирал Прайс ещё до начала боёв покончил жизнь самоубийством. Вот данные, подтверждающие это заключение.

17 августа неприятели, готовясь к нападению на Петропавловск, совершили разведывательное плавание около Сигнальной горы. Русские батареи открыли огонь по незванным пришельцам. И тут военное командование англичан и французов впервые смогло убедиться, как хорошо укреплён Петропавловск. Прайс был потрясён: сбывлись его худшие предчувствия. Французский офицер Эдмонд дю Аيي (впоследствии адмирал французского флота) так писал об этом тяжёлом моменте в жизни Прайса: «Мысль, что

он должен дать в своих поступках отчёт правительству, редко прощающему неудачи, овладевала им более и более, в особенности по приходе в Петропавловск ему представилась перспектива неудачи и гибельной битвы. С тех пор мысль об ответственности не давала ему покоя. Позиция неприятеля, действительно крепкая, приняла в глазах его ужасающие размеры. Не только казалось ему невозможным овладеть ею, но и получить успех при обыкновенных средствах можно было не иначе, как ценою чрезмерной потери в людях, и, наконец, как исправить корабельные повреждения в таком отдалённом краю? Высадка, по справедливости, казалась ему ещё опаснее; короче сказать, находясь под влиянием страха, что объясняется, хотя и не оправдывается, его душевным расстройством, не имел ни минуты покоя, не спав сряду пять ночей, несчастный адмирал... лишил себя жизни в присутствии своего экипажа...»

Самоубийство адмирала деморализующе подействовало на английских и французских моряков. И всё-таки, зная о своём численном и военном превосходстве, союзники решились напасть на Петропавловск. Тут-то и должны были укрепления, возведённые под руководством Мровинского, пройти испытания на прочность.

20 августа против батареи № 1 на Сигнальном мысу, состоявшей всего из пяти орудий, действовало более восьмидесяти орудий неприятеля. Несмотря на шестнадцатикратное превосходство врага, батарея во главе с лейтенантом П. Ф. Гавриловым вела неравный бой более часа. Гаврилов был ранен в голову и ногу, но долгое время не оставлял своего поста. Затем враг сосредоточил свой огонь по батарее № 4 на Красном Яру, которая была создана по инициативе Мровинского. И тут превосходство противника было восьмикратным, но её защитники во главе с мичманом В. И. Поповым сражались до последней возможности.

Командование неприятеля считало, что захват Петропавловска станет возможным только после разрушения главных батарей. А это ещё раз говорит о том, какое большое значение имела деятельность Мровинского по их укреплению. 20 августа англо-французы так и не добились успеха.

На следующий день в Тарьинской губе (ныне бухта Крашенинникова) состоялись похороны адмирала Прайса. Затем три дня союзники устраняли повреждения, причинённые русскими орудиями. Мровинский использовал эту передышку для спешного исправления пострадавших батарей. Почти всё удалось восстановить. Недоставало только трёх орудий.

24 августа начался генеральный бой. Опять на русские батареи обрушился град ядер. На этот раз самый сильный огонь вёлся по батарее № 3, основанной Мровинским. Её героически защищал лейтенант Александр Максutow. Уже вскоре ядро оторвало ему руку, но он продолжал отдавать распоряжения.

Во время этого боя Мровинский находился рядом с руководителем обороны В. С. Завойко. Тут он был ранен шальной пулей в ногу. Этот момент был описан в воспоминаниях А. П. Арбузова, бывшего командира солдат, доставленных на Камчатку транспортом «Двина». И очень долго Мровинский не владел ногой, ходил с костылём.

Во время боя 24 августа неприятель сделал попытку обойти Петропавловск с севера. Но и тут на пути врага оказались укрепления, созданные под руководством Мровинского. Эдмонд дю Айти, рассказывая об этой попытке, вспоминал: «Но незначительные укрепления, воздвигнутые для защиты города по этому направлению, всё изменили. За рвом, прорезывавшим дорогу, возвышался прочно построенный и палисадированный ретраншемент, можно сказать, крепость, которую иначе нельзя было взять, как правильной атакою». Тут-то вражеские матросы и попали под огонь батареи № 6. Залп картечью заставил их повернуть к Никольской горе. И уже вскоре здесь английские и французские матросы познали на себе силу русских штыков. В несколько минут вражеский десант был сброшен в море.

Впоследствии англичане и французы, пытаясь объяснить своё поражение в Петропавловске, прежде всего, указывали на высокое искусство военных инженеров, которые его укрепляли. А там был всего один квалифицированный специалист — Константин Мровинский.

В 1857 г. в Англии вышла «Иллюстрированная история войны против России». Её автор Э. Нолан писал: «До недавнего времени инженерные таланты России, гражданские и военные, были иностранного происхождения. Теперь самые способные военные инженеры Европы — это русские по происхождению». И, говоря о Петропавловске, Нолан указывал, что здесь укрепления были созданы «с научным подходом». «Каждый пункт, способный внести свою лепту в оборону, был обдуманно определён и укреплён».

Когда враги, потерпев поражение, вынуждены были уйти из Авачинской губы, Константин Мровинский стал внимательно анализировать свои просчёты и совершенно откровенно о них написал высшему начальству. Главным своим упущением он считал веру

в недостижимость батарей, поставленных на высотах, потому что союзники научились так кренить свои корабли во время стрельбы, что им удавалось успешно бить и по батареям, расположенным на высотах. Он очень переживал, что в своё время не настоял на срытии скалы над батареей № 1 на Сигнальном мысу, ибо вывели эту батарею из строя камни, сыпавшиеся сверху. Обшивка фашинами тут мало помогла.

Мровинский не сомневался, что союзники, желая смыть пятно своего позора, вновь попытаются напасть на Петропавловск. Поэтому, учтя опыт прошедшего боя, он предложил новый план укрепления города. Батарею № 1, чтобы она стала неуязвимой с флангов, врубить поглубже в гору. Скалу сверху срезать, чтобы ядра врага перелетали поверх батареи. На батарее № 2, на кошке, увеличить размеры брустверов и начать строительство блиндажа, а вблизи, уже на городской стороне, около кладбища, в так называемой Поганке, возвести новую, хорошо укреплённую батарею. Батарею № 3 в долине между Сигнальной и Никольской горами блиндировать. Батарею № 6 на севере перевести на новое место — на склон Петровской горы, а на месте батареи построить казарму с редутом, чтобы из него вести огонь в трёх направлениях. Всюду начать строительство глубоких ходов сообщения. Число батарей довести до девяти.

Но сам Мровинский из-за тяжёлого ранения в бедро был на некоторое время прикован к постели, и потому осуществление нового плана строительства оборонных сооружений легло на плечи морских офицеров — тех самых, которых Мровинский обучал перед боем строить батареи.

В марте 1855 г. в Петропавловск пришёл приказ об эвакуации порта. Батареи, создававшиеся с таким большим трудом, было приказано разрушить. И сам Мровинский руководил этим.

Таким образом, Константин Мровинский сыграл исключительно важную роль в обороне Петропавловска. Невольно возникает вопрос, почему же до сих пор его роль в обороне явно недооценивалась?

В какой-то мере в этом виноват сам руководитель обороны В. С. Завойко. Он был вполне доволен энергичными действиями Константина Мровинского. И поскольку он давал на них своё согласие, то старался создать видимость, что все они предпринимались по инициативе не Мровинского, а его, Завойко. И в своём официальном рапорте о Петропавловской победе он счёл возможным лишь мимоходом упомянуть, что при нём, В. С. Завойко, среди прочих лиц состоял «инженер-поручик Мровинский». Только-то!

Здесь уместно будет напомнить, что победная реплика В. С. Завойко вызвала не только радость по всей России, но и... недовольство у многих моряков, знавших правду о Петропавловской победе. Многие возмущались тем, что Завойко на первый план в своём рапорте выставил своих родственников и «своих клеветов», а некоторых подлинных героев Петропавловска, организаторов победы, «убрал с авансены». Особенно моряки были недовольны отношением Завойко к «главному герою обороны» командиру фрегата «Аврора» капитан-лейтенанту И. Н. Изыльметьеву. Многих возмутило отношение Завойко к единственному командиру, имевшему боевой опыт, — к капитану 1-го ранга А. П. Арбузову. Явно несправедливо оценил Завойко и деятельность фактического главного фортификатора города К. И. Мровинского. Он даже не включил его в число представленных к награде...

Тем не менее, в Петербурге довольно скоро стало известно, какую истинную роль в обороне Петропавловска сыграл К. И. Мровинский. И этим он обязан, в первую очередь, герою Петропавловской обороны Дмитрию Максутову, которому было поручено доставить рапорт о победе Муравьёву и Николаю I.

Дмитрий Максутов выехал из Петропавловска 14 сентября 1854 г., всего лишь через четыре дня после того, как от ран скончался его родной брат Александр Максутов, геройски сражавшийся на батарее № 3. От Камчатки до Охотского побережья Д. Максутов плыл на американском судне «Ноубль». Затем он смело перевалил через обледенелый Джугджур. На реке Мае провалился сквозь молодой лёд и чуть было не утонул. Несмотря на это несчастье, продолжил нелёгкий путь в Якутск почти без остановок. За несколько дней он из Якутска докатил в Иркутск, где был встречен с триумфом. Уже 26 ноября Д. Максутов явился с рапортом к генерал-адмиралу русского флота великому князю Константину Николаевичу и в тот же день был отвезён в Гатчину к Николаю I. Царю он передал трофейное знамя английского полка. Царь был в восторге от Петропавловской победы и внимательно расспрашивал обо всех подробностях боя. Именно тогда в Гатчине и было упомянуто имя Константина Мровинского.

Прошло всего несколько дней, и в Петербург из-за границы поступили новые известия о героической обороне Петропавловска. Даже в официальном английском рапорте о бое упоминалось о «превосходно выстроенных фашинных батареях». Царю уже было известно, что их строил молодой инженер-поручик Константин Мровинский. И тогда, ещё до опубликования общего списка

награждённых участников обороны, в газете «Русский инвалид» появилось сообщение о присвоении Константину Мровинскому чина «капитан-инженера». Это, безусловно, был крупный успех молодого военного инженера.

Вскоре в журнале «Инженерные записки» (1855, ч. 41, кн. 2) было впервые опубликовано краткое официальное донесение Константина Мровинского «начальнику штаба инспектора по инженерной части генерал-майору Политковскому, состоящего при генерал-губернаторе Восточной Сибири», от 14 ноября 1854 г. за № 17. Этот гордо звучащий забытый текст стоит привести полностью. Он гласил:

«По предписанию г. генерал-губернатора Восточной Сибири от 21-го июня за № 72-м я отправился в Камчатку для укрепления Петропавловского порта. По прибытии на место я немедленно приступил к обозрению местности, выбору пунктов для батарей и разбивке оных. К 10-му августа батареи, числом шесть, были выстроены и вооружены.

Во время осады Петропавловского порта с 17 по 27 августа батареи не потерпели особенных повреждений, но некоторые орудия были подбиты, потому что по ограниченному числу оных в порте одна только батарея была вооружена одиннадцатью орудиями 36-ти фунтового калибра. Первая батарея, несмотря на то, что против оной действовали три парусных фрегата и пароход-фрегат в течение девяти с половиной часов из девятисто шести орудий большого калибра, устояла, имея к вечеру одно орудие, разорванное попавшим случайно в дуло орудия неприятельским ядром, а у некоторых перебиты брюки, но пять орудий остались неповреждёнными, и попытка неприятеля ворваться в малую губу с этой стороны осталась тщетною.

Августа 24-го неприятель обратил атаку на северный пункт порта, защищённый двумя батареями, вооружёнными пятью орудиями 24-х фунтового калибра каждая. Обе батареи были горизонтные, действовали через амбразуры, а батареи, построенные на возвышенности, действовали через банк. Неприятель разделил свою эскадру на две половины и, поставив одну половину против одной батареи, а другую против другой, открыл одновременно по ним смертоносный огонь. Заброшенные ядрами и бомбами батареи, имея всего десять орудий, не могли устоять против ста тринадцати орудий, в числе которых большая часть была бомбическая (на берегу найдены ядра весом в восемьдесят пять английских фунтов), и после трёхчасового сопротивления орудия почти

все были подбиты, и прислуга с батареей принуждена была отступить. Тогда неприятель свёз на берег десант, но был опрокинут с большим уроном.

Во время сражения с десантом, передавая приказания камчатского военного губернатора действующим частям под ружейным огнём неприятеля, я был ранен в правое бедро навывлет, и хотя от раны излечиваюсь, но нога остаётся искривлённою, без владения.

О всём вышеизложенном вашему превосходительству имею честь донести и присовокупить, что генеральный план Петропавловского порта с обозначением батарей на местности и детальные чертежи батареям по совершенном выздоровлении немедленно будут мною представлены».

Вероятно, Мровинский исполнил своё обещание, но я пока не смог эти планы разыскать. Спустя два года в «Инженерном журнале» (1857, № 2) была опубликована интересная статья Мровинского «Укрепления Петропавловского порта в 1854 г. против англо-французской эскадры», в которой он подробно рассказал о своём участии в обороне Петропавловска в июле — августе. К статье была приложена составленная им общая карта обороны порта.

Мне казалось, что основную информацию о Мровинском я получил, и остаётся лишь перепечатать его рапорт, статью и составить к ним комментарии. И вот тут-то произошло неожиданное...

В общесоюзной печати не раз появлялись заметки о необыкновенном хобби сотрудницы всемирно известного камчатского Института вулканологии АН СССР Г. Е. Богоявленской: она собирает игрушечных... ежей. Но только узкий круг ленинградцев знает, что и в Ленинграде существует такой же страстный коллекционер ежей. Это пенсионерка Екатерина Николаевна Жданова, Екатерина Жданова — сокращенно ЕЖ. Поэтому она уже давно избрала ежа своей эмблемой и стала собирать деревянных, фарфоровых, каменных и прочих ежей. У неё уже десятки таких экспонатов. Некоторые из них — подарки видных учёных Ленинграда. Есть, например, у неё ёж, подаренный доктором исторических наук Ю. В. Кнорозовым, расшифровавшим древнюю письменность народа майя.

Я не раз бывал в комнате, перенаселённой ежами, но сблизил нас отнюдь не ежи, а общий интерес к яркой истории русского флота. Екатерина Николаевна — внучка моряка, писателя Рафаила Зотова, который в конце XIX в. некоторое время редактировал журнал «Морской сборник» — ценнейший для историков русского флота, который продолжает с успехом выходить и в наши дни. По семейной традиции Екатерина Николаевна сохранила любовь

к истории мореплавания. И я не раз пользовался этой её благородной слабостью. Недавно она мне помогала в работе над письмами Воина Андреевича Римского-Корсакова, в которых описывались его дальневосточные путешествия и приключения 1853—1857 гг. И поэтому я по старой памяти попросил мне срочно перепечатать рапорт и статью Константина Мровинского. Она выполнила мою просьбу незамедлительно. И тогда-то она задала вопрос, который меня озадачил: «Борис Петрович, а не был ли Константин Мровинский женат на матери Александры Коллонтай?»

Видя на моем лице недоумение, Екатерина Николаевна тут же вложила мне в руки биографию Александры Коллонтай, которую написала старый член партии Анна Марковна Иткина. В этой интереснейшей книге, изданной под названием «Революционер, трибун, дипломат. Страницы жизни Александры Михайловны Коллонтай» (2-е изд., М., 1970), я на седьмой странице увидел такие строки, относящиеся к матери Александры Коллонтай — Александре Александровне Домонтович, урождённой Масалин: «Она была дочерью финского лесоторговца, выходца из бедной крестьянской семьи, у неё уже было трое детей, когда, горячо полюбив Михаила Алексеевича (Домонтовича), развелась со своим мужем К. О. Мравинским...»

«К. О. Мравинский»... Герой Петропавловска — Константин Мровинский. Тут есть что-то близкое, но один Мровинский, другой — Мравинский. Различие в одной лишь букве: «о» или «а». Казалось, это говорило о том, что здесь два разных лица. Но тут я вспомнил, что герой обороны Петропавловска Дмитрий Максудов в своём письме называл инженер-поручика Мровинского — «Мравинским»! Так его однажды в своём письме назвал и Н. Н. Муравьёв. Это меня насторожило.

Далее из той же биографии Александры Коллонтай мне стало известно, что дочь Константина Мровинского — Евгения — поселилась вместе с матерью и страстно полюбила свою сводную сестру Александру Коллонтай. У Евгении была красивая внешность и сильный голос. На сцене она стала выступать под фамилией Мравина (сокращённое от фамилии Мравинская). Уже вскоре она обрела всероссийскую известность. О ней заговорили как о великой русской артистке. И даже в наши дни отдельные музыковеды не раз посвящали ей свои работы.

Обращаясь по традиции к известному энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона и знакомясь с основными сведениями о Евгении Мравинной. Там указывается, что её отец был инженер-генералом. Но герой Петропавловска был первоначально инженер-

поручиком. При его способностях он вполне мог стать позже инженер-генералом. Чтобы окончательно разрешить этот вопрос, я разыскал печатные справочники по личному составу Инженерного корпуса России. И по этим справочникам установил, что среди военных инженеров России существовал всего лишь один военный инженер Мровинский — Константин Иосифович (или Осипович). 1828 г. р. Весь его послужной список ясно показал, что герой Петропавловска и отец артистки Мравиной — это одно и то же лицо. Мать Коллонтай — Александра Александровна — была его первой женой. Позже она вышла замуж за Михаила Александровича Домонтовича, который тоже дослужился до генеральского чина и потом прославился своим участием в освобождении болгар от иноземного ига. В современной Болгарской Народной Республике его чтят как героя.

Генеалогические изыскания порою приводят и к иным неожиданным результатам. Оказалось, что известный поэт-декадент Игорь Северянин тоже был отдалённым родственником Мровинских и Александры Коллонтай. Для создателя знаменитых «поэз» фамилия Коллонтай показалась столь музыкальной, что он с его утончённым восприятием музыки стиха решил зарифмовать эту фамилию и заодно скаламбурить: он поклялся, что яркому оратору Коллонтай (его троюродной сестре) не удастся у него отнять «стай» его поклонников — и тем самым он обнаружил полное непонимание той эпохи, в которой он жил. Увы, с поэтами-декадентами это случалось не раз!

Однако самым важным в поисках потомков К. О. Мровинского оказалось другое. Во многих современных изданиях отмечается, что певица Евгения Мравина — родная тётя выдающегося советского дирижёра Евгения Александровича Мравинского, а это означает, что Герой Социалистического Труда Е. А. Мравинский является внуком героя Петропавловской обороны 1854 г. Установив это, я невольно вспомнил, что у внука Дмитрия МаксUTOва, другого героя Петропавловского боя, у выдающегося советского астронома, члена-корреспондента АН СССР Д. Д. МаксUTOва, создателя знаменитого менискового телескопа, оказались кое-какие реликвии, связанные с его знаменитым дедом. Так, у него сохранилось ранее неизвестное письмо Дмитрия МаксUTOва с подробным описанием Петропавловского боя (оно частично было впервые опубликовано в «Камчатской правде» 4 августа 1954 г.). И я подумал, а вдруг и у Евгения Александровича Мравинского окажутся подобные материалы?

Вечером 21 апреля 1977 г. я позвонил к Мравинскому и спросил Евгения Александровича, не сохранились ли у него какие-нибудь документы о его деде. Он ответил, что у него ничего нет. Я спросил тогда о его родственниках. Он с грустью ответил, что «остался из рода Мравинских один как перст». Но самым поразительным оказалось, что Евгений Александрович никогда не слышал о том, что его дед Константин Осипович участвовал в обороне Петропавловска. Для него это было полнейшей новостью. Тем не менее, из разговора выяснилось, что он сам лично помнит своего деда, его генеральские лампасы, ибо дед умер глубоким стариком, — он прожил чуть ли не до девяноста шести лет! К сожалению, год смерти деда он не смог назвать...

Евгений Александрович любезно сообщил мне, что жизнь его деда сложилась нелегко. В 1881 г. в связи с убийством императора Александра II он пережил полное крушение карьеры: был лишён всех званий и сослан. Его обвинили в том, что он, находясь на высоком посту при петербургском градоначальнике, не смог обнаружить «адскую машину», подложенную народовольцами под проезжую часть Малой Садовой.

Это сообщение меня взволновало, и, отойдя от телефона, я поспешил заглянуть в седьмой том восьмитомника Лависса и Рамбо «История XIX века». Там я вслед за кратким описанием суда над Андреем Желябовым, Софьей Перовской и их товарищами прочитал следующую фразу: «Затем последовал процесс и осуждение высших петербургских чиновников, обвинявшихся в небрежности, давшей террористам возможность минировать большинство улиц, прилегающих к Зимнему дворцу». Это писал французский автор, писал явно не точно, почему в советском издании появилось дополнительное примечание: «Минирована была только Малая Садовая улица... из сырной лавки Кобозевых (революционер Юрий Богданович с женою) была заложена мина под центральной частью улицы».

Уже 22 апреля 1977 г. я решил спешно просмотреть петербургские газеты за 1881 г. Со 2 марта 1881 г. они были заполнены подробностями убийства Александра II. А через неделю газеты запестрели сообщениями об обнаружении подкопа на Малой Садовой. Тут-то и стало упоминаться имя генерал-майора Мровинского (а не Мравинского!). Писали, что он 28 февраля, в канун убийства Александра II, лично осмотрел лавку Кобозевых, из которой вёлся подкоп, и ничего не обнаружил.

Поведение К. Мровинского кое-кому из окружения Александра III показалось подозрительным. Многие не хотели верить, чтобы воен-

ный инженер с большим опытом не мог обнаружить подкопа. «Кобозев» (Богданович), по мнению некоторых свидетелей, был похож на поляка, а Мровинский, мол, польского происхождения, и он просто захотел спасти поляка. Прямых доказательств этому, однако, не было, и потому Мровинского поспешили обвинить в непростительно небрежном отношении к своим обязанностям.

Тридцать лет спустя, в 1911 г., в «Историческом вестнике» были опубликованы «Отрывочные воспоминания» некоего А. Н. Витмера. В них он оправдывал «К. Мравинского» и, вспоминая о его посещении лавки «Кобозева», писал: «Осмотр, таким образом, не дал никаких результатов, и если кого-нибудь следовало винить в этом, то уж, конечно, не Мравинского, а тех, которые пригласили его для нужного им осмотра и осмотра этого не сделали, то есть ту же полицию. Но обвинён был, когда узнали о подкопе, несчастный Мровинский: его лишили чинов и сослали».

В ссылку Константина Иосифовича отправили в Архангельскую губернию, и, видимо, он пробыл бы там долгий срок, если бы не его талантливая дочь Евгения. Когда с отцом произошло несчастье, ей было только семнадцать лет, но она весьма целеустремлённо и упорно училась. В 1886 г. она уже артистка Мариинского оперного театра. В короткий срок добивается большого успеха, вскоре становится примаой. В истории оперного искусства она известна как первая исполнительница роли Оксаны в опере Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед рождеством». Евгения обладала приятной наружностью, и многие влиятельные деятели Петербурга, в том числе и члены царской семьи, тщетно искали её расположения. Воспользовавшись этим, Евгения Мравина стала добиваться смягчения участи своего отца. В 1911 г. А. Н. Витмер писал: «Только через несколько лет, когда дочь его Мравина, известная красавица, колоратурная певица, которою восхищался не только Петербург, но вся Россия и даже Англия, вошла в известность и славу, ей удалось выхлопотать помилование, хотя только частичное, для её несчастного отца». Так герой Петропавловской обороны смог вернуться в Петербург и поселиться у своего сына Александра, юриста по образованию, то есть будущего отца советского дирижёра Мравинского, родившегося в 1903 г.

Положение Константина Иосифовича казалось тяжёлым. Он остался не у дел, и порою в газетах его всё ещё вспоминали недобрым словом. Когда в 1887 г. стало известно о подкопе под Аничков дворец, газета «Московский телеграф» потребовала тщательного расследования дела и при этом добавила: «Надо желать только, чтобы

это исследование не было поручено какому-нибудь новому г. Мровинскому». Комментируя эту фразу, один из советских историков резонно заметил: «Характерна для либерального органа эта вылазка против Мровинского за то, что техник не слишком вошёл в роль полицейского и не чересчур перешёл границы чисто технического осмотра».

Сколько раз в конце XIX — начале XX в. в России вспоминали о блестящей победе в далёком Петропавловске, но тогда почти никто не упоминал имени главного создателя петропавловских укреплений. Лишь в 1878 г. (ещё до разжалования) Мравинского вспомнил добрым словом контр-адмирал А. П. Арбузов, бывший командир солдат, доставленных в Петропавловск на транспорте «Двина».

В год празднования 50-летия Петропавловской обороны не раз писали про участницу обороны солдатскую вдову «Карандашиху» — жену казачьего урядника Карандашёва, но никто не знал о том, что в Петербурге жив ещё опальный главный фортификатор обороны Константин Мровинский. А он, травмированный крушением своей карьеры, предпочитал не напоминать о себе и даже своим родственникам по свойственной ему скромности не рассказывал о своей роли в победе над врагами в далёком Петропавловске.

Можно также выразить сожаление, что некоторые советские литераторы, не изучив в должно=й мере подлинные документы обороны Петропавловска, постарались клеветнически изобразить Константина Мровинского в виде залётного петербургского барина, который якобы небрежно относился к своим обязанностям военного инженера. И очень приятно, что Герой Советского Союза, вице-адмирал Г. И. Щедрин в своей недавно вышедшей книге «Петропавловский бой» восстановил историческую справедливость. Он совершенно правильно указывает: «Инженер-поручик Мровинский внёс много усовершенствований в строительство батарей». Мы же можем добавить, что именно Мровинский был фактически главным фортификатором Петропавловска, и результаты его героического труда были по достоинству оценены не только самими защитниками Петропавловска, но и даже врагами России. Все они единодушно признавали, что Петропавловск, благодаря хорошему знанию последних достижений военно-инженерного искусства, был очень хорошо укреплен. Сам Мровинский был участником военных действий и получил серьёзное ранение на поле боя. Поэтому он по праву может считаться одним из главных героев славной обороны. И приятно, что новые изыскания позволили перекинуть

своеобразный новый мост между двумя эпохами — героической обороны и нашими днями.

Если недавно в печати отмечалось, что внук героя обороны Дмитрия МаксUTOва стал выдающимся советским астрономом, а внук его брата — тоже Дмитрий Дмитриевич МаксUTOв — одним из начальников советской антарктической экспедиции, кавалером ордена Октябрьской Революции, то теперь нам стало впервые известно, как смог преуспеть внук другого героя Петропавловской обороны Константина Иосифовича (Осиповича) Мровинского. Выдающийся советский дирижёр Евгений Александрович Мравинский стал Героем Социалистического Труда, он известный в нашей стране и за рубежом дирижёр. Сам Евгений Александрович вспомнил, что его предки писались то Мровинскими, то Мравинскими.

Не скрою, все эти изыскания, связанные с деятельностью героя Петропавловской обороны инженер-поручика Константина Мровинского, доставили мне немало приятных минут: уж слишком они были полны самыми неожиданными интересными находками... И, видимо, правы те мои друзья, которые рекомендовали мне писать не только о результатах самих моих исследований, но и о том, как вёлся сам поиск.

Дальний Восток, 1980, № 1. — С. 126—134

Плавал ли И. М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.?

В 1951 г. член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов в «Вопросах географии» опубликовал статью: «К вопросу о повторении похода по трассе исторического плавания С. Дежнева 1648 г.», в которой он впервые обратил внимание на то, что якутские власти летом 1661 г. выдали казачьему десятнику Ивану Меркурьеву Рубцу восьмисаженный коч «на службу за море на Анандарь реку». А. В. Ефимов справедливо отмечал: «Само собой разумеется, что через Анадырский хребет мореходный коч по сухопутью доставить в «Заносье» никакими средствами не было возможности». И Ефимов делал естественно возможный вывод, что этот факт «свидетельствует о намерении послать И. Рубца на Анадырь морем, причём, в отличие от похода Дежнева, этот поход был назначен не из Нижне-Колымского зимовья, а из Якутского острога» [1].

Ефимов писал только о «намерении», ибо по документам стало известно, что уже 4 августа 1661 г. «плавучи вниз по Лене реке повыше Нижнего Столба в лайдах», коч Рубца был разбит в бурю. Казалось, что этот план так и остался неосуществимым. Несколько

позже даже само «намерение» якутских властей было взято под сомнение. Дело в том, что год спустя, 17 июля 1662 г., в Якутске тоже был дан большой коч казачьему десятнику Панфилу Мокрошубову для службы «на Анандырь реку». Однако документально установлено, что Мокрошубов на коче доплыл только до Колымы, а оттуда пошёл зимним сухим путём с колымского Анюя на верховье Анадыря.

Но была ли гипотеза А. В. Ефимова опровергнута? Наши архивные изыскания показали, что она заслуживает самого пристального внимания. Выяснилось, что Иван Рубец всё-таки совершил плавание, которое может быть отнесено к числу самых замечательных русских плаваний на востоке в XVII в. В публикуемой статье и будет последовательно рассказано, как это удалось установить.

Начнём с анализа любопытнейшего черновика наказной памяти, вручённой Ивану Рубцу в Якутске в июле 1661 г. Этот ценный документ, к сожалению, не был знаком А. В. Ефимову. На первый взгляд, кажется, что его текст является почти дословным повторением аналогичной более ранней наказной памяти стрелецкому сотнику Амосу Михайлову, посланному на Анадырь в июле 1656 г. Однако в ней оказались существенные изменения. По тексту чернового варианта памяти видно, что первоначально Рубец должен был морем дойти только до Алазеи, а оттуда посуху перейти в первую «колымскую столицу» — Средне-Колымский острожек и уже потом отправиться обычным путём с колымского Анюя через волок на Анадырь. Однако позже вводную часть памяти изменили, и она стала гласить: «служилому человеку десятнику казачью Ивашку Рубцу, да с ним служилым людям: итти им на великого государя службу из Якутцкого острогу вниз по Лене до устья Лены реки, где пала в море и по морю на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму реки и с Ковымы на новую на Анандырь реку, для того, что в прошлом во 154-м (1656. — *Б. П.*) году писали в Якутцкий острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому да к дьяку к Фёдорову Тонкову с той Анандаря реки служилые охочие люди Сенька Дежнев, да Микитка Семёнов, а в отписке написано нашли они на устье Анадыря реки за губою коргу вышла в море, а на той корге морской зверь морж ложитца много и того моржевого заморного зуба на той корге служилые и с ним промышленные люди промышляли и заморный зуб брали...»

Уже этот отрывок создаёт впечатление, что Ивану Рубцу было поручено морским путём идти от Лены до того самого места, где на море за Анадырской губой на корге вёлся промысел моржовой

кости. Любопытно особое запрещение, включённое в последнюю часть той же наказной памяти: «Да ему ж, Ивашку с товарищи, пловучи вниз Леною и морем до Индигирки и до Алазейки и до Ковыми и до Анандыря рек, в дороге беглых и безпроезжих никого служилых и торговых и промышленных людей на суды к себе отнюдь не принимать и на Анандырь не свозить». Но эта фраза чисто механически повторяла то, что уже было в тексте памяти Амосу Михайлову.

Особенно показательно разрешение Ивану Рубцу использовать на корге служилых людей, «которые ныне с ним посланы и которых примет на усть Анандыря реки». Итак, первых анадырских казаков Иван Рубец должен был принять не в Анадырском остроге, куда он обязан был пройти после промысла, а ещё на устье Анадыря. Следовательно, А. В. Ефимов был прав: в Якутске действительно желали, чтобы Иван Рубец как можно быстрее морем добрался до корги около устья Анадыря — до «промыслища» моржовой кости.

Чем же было вызвано это решение?

Конечно, прежде всего, важным открытием Семёна Дежнева. Ведь Дежнев не только открыл недалеко от устья Анадыря богатейшую моржовую коргу [2], но и доказал, что к устью Анадыря можно пройти морем. А необходимость отправки Ивана Рубца морем определялась тем, что для успешного промысла моржовой кости в районе корги необходимо было иметь более надёжный морской коч устькутской постройки. Ведь ещё С. И. Дежнев сообщал, что на Анадыре лес плохой. Следовательно, на Анадыре кочи строились менее надёжные, чем ленские. Кроме того, на Анадырскую коргу надо было доставить немалые грузы, которые было бы трудно перевезти через волок посуху, да и они в первую очередь нужны были на самой корге. О том, что именно было выдано Ивану Рубцу в 1661 г. и что он должен был доставить на Анадырь, можно судить по следующей записи в «Книге расходной судов и судовых припасов за 169 (1661) год»: «Июня в шестой день посланы великого государя на службу за море на Анадырь реку десятник козачей Ивашко Рубец, а с ним послано якутских служилых людей шесть человек. И тем служилым людям дан коч мерою восемь сажен (более 17 метров), да судовых снастей два дрога, да завозу мерою 30 сажен, да ног и возжей и скутов и роки и подзору 120 сажен, завозу 50 сажен, насобшиваны к парусу 48 сажен, бечевы, лотка шестерик, шейм 23 сажени, да из бечевы на возжи 40 сажен, якорь весом полтора пуда, якорь же весом полтретья пуда, две напарь,

долото, пешня, да для звериного промысла 30 спиц железных моржевых, два сверла, тесла, да 11 гривенок прядева на шитьё к парусу и на починку к сетям, да на парус 600 аршин холсту нового, да 16 гвоздей четверных да 600 скоб судовых, да для весу кости рыба зубу, безмен пудовой, гиря медная...» [3].

Из другого архивного документа видно, что Ивану Рубцу дополнительно было дано значительное количество олова, куяк (панцирь), якутские пальмы (ножи) — 10 штук, 150 сажень сетей, большой тяжёлый котёл и другое.

Ясно, что такой коч нужен был в первую очередь для службы *на море*, а основные тяжёлые грузы, особенно 30 железных «спиц» и большой котёл — для расширения промысла на самой корге.

Удалось найти ещё одну запись о посылке Рубца на Анадырь в «Заносье» морским путём. В росписи судовых запасов в Якутске в 1662 г. оказалась запись о том, что «Иван Бакшеев Рубец» [4] был «в 169 году» отпущен «за Нос на коче с служилыми людьми».

Но одно — планы, а другое — их реализация. Тут у Рубца возникли немалые трудности. Мы уже знаем, что в низовьях погиб его коч. Погибла и часть грузов. Однако эти несчастья не остановили Рубца. Он пересел на коч казака Ивана Хворова, который был отправлен на службу на приток Колымы — Омолон («Блудную»), Пенжину и «Чендон» (Гижигу).

Совместное плавание Иван Рубец и Иван Хворов начали с низовьев Лены. В пути они заходили в нижнеянское зимовье. Впоследствии предшественник Ивана Рубца на Анадыре — Курбат Иванов писал: «В 170 году Иван Рубец шёл морем и продавал на Яне холсты».

Иван Хворов должен был идти по морю на коче только до Колымы. В низовьях Колымы ему предложили пересесть на дощаник для дальнейшего плавания на колымский Омолон. Этот дощаник он должен был получить у колымского приказного Вторга Катаева. Иван же Рубец отправился на Анадырь. Но как? Вот тут-то и оказались странные «неувязки». Если бы он, как до сих пор полагали, пошёл привычным путём с Колымы на Анюю и далее через волок на верховья Анадыря, то, очевидно, он должен был бы в первую очередь попасть в Анадырский острог. До Колымы Рубец дошёл летом «170 года», а в Анадырский острог он смог попасть, по его собственным словам, почему-то только «в 172 году по указу великого государя пришёл он, Ивашка, в Анадырский острожек и принял великого государя казну и аманатов и ясачное зимовье у Курбата Иванова...»

Наказная память обязывала Ивана Рубца по прибытии в Анадырский острожек немедленно «выслать» Курбата Иванова «с ясачною и з десятиною соболиною и з денежною и со всякою казною и с костью рыба зуба, что у него Курбата заедет и с книгами в Якутский острог...» Иван Рубец так и поступил, но только «в 172 году» (так утверждал он). Анюйские юкагиры тоже отмечали, что после сдачи Анадырского острога Курбат Иванов волоком перешёл на Колыму «в 172 году». Однако сам Курбат Иванов впоследствии (30 июля 1665 г.) писал, что он дошёл до Колымы ещё «в 171 году». Анадырские казаки и промышленные люди также утверждали, что Рубец смог дойти до Анадырского острога «в осень во 171 году».

Сопоставляя эти даты, можно уверенно сделать вывод, что приём Анадырского острога Иваном Рубцом от Курбата Иванова происходил лишь осенью 1663 г.: ведь «171 год» кончился 31 августа 1663 г., а «172 год» начался с сентября 1663 г. И тут естественно возникает новый вопрос: где же пребывал Рубец с лета 1662 до осени 1663 г.?

Поиск ответа на этот вопрос в архивных документах привёл к нескольким новым важным находкам. Прежде всего, удалось найти любопытнейшую жалобу 48 анадырцев от 30 июля 173 (1665) г., в которой оказалось ценнейшее упоминание о том, что Иван Рубец «в прошлом де 170-м году» пришёл «для промыслу кости моржевого зуба» на Анадырскую коргу «двумя кочами с служилыми и торговыми и охочьими людьми». Показательно, что за несколько месяцев до этого, 16 сентября 1661 г., анадырский приказной Курбат Иванов сообщил с тревогой, что он на Анадыре остался без кочей. Последний его коч около Анадырской корги, за несколько сот километров от Анадырского острога, откуда писал К. Иванов, был раздавлен льдами. И Курбат Иванов сетовал: «а коч покинули и судовую снасть... а вперёд коча нет и итти будет неведомо на чём на каргу». А теперь сразу же у корги появились целых два коча!

Вспомним, что в том же «170 году» летом Рубец ещё плыл с устья Лены на Яну и Колыму. И в том же «170 году» он оказался на Анадырской корге, не побывав в Анадырском остроге, не встретившись с Курбатом Ивановым. Естественно, невольно возникает мысль, что Иван Рубец смог исполнить основное требование его наказной памяти — пройти на коче прямо морем за одну навигацию на Анадырскую коргу. Видимо, он воспользовался тем самым кочем, на котором он до Колымы плыл вместе с Иваном Хворовым. В пользу этого предположения говорит ещё одна деталь: *на Колыме* от приказного Вторя Катаева ходивший с Рубцом Фёдор

Лаптев получил из казны «лодку набойницу для заносной службы». На запрос, куда девалась эта лодка, Лаптев сообщил, что выданный ему «карбас» находится *уже на Анадыре*, и там он был оценён торговыми людьми в два рубля.

Второй коч, поплывший вместе с кочем Ивана Рубца на Анадырскую коргу, явно принадлежал промышленным людям, которые примкнули к Рубцу в надежде принять личное участие в сборе ценнейшего «рыбьего зуба», моржовой кости. И тот факт, что оба коча тогда же летом «170 года» дошли до Анадырской корги, говорит о том, что это были хорошие быстроходные «ленские кочи» устькутской постройки.

В пользу этого же вывода говорит и выявленный автором текст росписи XVIII в., в которой сказано, что русские мореходы с Колымы «как льды пропустят, бывают парусом на кочах одним летом, а как льды не пропустят, и тогда ход бывает по три года до промыслища».

Да, это так и было. Семён Дежнев впервые с Колымы поплыл на восток ещё в 1646 г., а своё успешное плавание он смог совершить лишь на третий, 1648 г. Но плавание 1648 г. можно считать лишь условно «до промыслища», ибо Дежнев открыл Анадырскую моржовую коргу только в 1652 г. А вот плавание И. М. Рубца было, как видно по его наказной памяти, специально предпринято «до промыслища». И цитированный текст, как и аналогичный, несколько искажённый текст росписи к чертежу Сибири 1673 г., ясно показывает, что Чукотский полуостров, «нос», который «насилу обходят», огибал не только Семён Дежнев.

Таким образом, приведённые данные действительно говорят о том, что казачий десятник Иван Меркурьев Рубец, по-видимому, смог успешно исполнить данный ему главный наказ — *морем* дойти до самой Анадырской моржовой корги, и также в соответствии с наказной памятью в том же «170 (1662) году» попытаться начать там промысел.

Но на Анадырской корге Ивана Рубца ожидало полное разочарование: ни «заморной» кости, ни моржей, несмотря на наличие специальных «спиц» для их убоя, он так и не смог добыть. Причина была одна — сказались последствия хищнического промысла предшествующих лет. Ещё в 1661 г. предшественник Ивана Рубца — Курбат Иванов сетовал: «а зверь морж стал напуган, выйти из моря на берег и летчи не смеет». Так было и летом 1662 г.: «зверь в море отпятился», — жаловались анадырцы.

Именно из-за неудачи промысла на корге Иван Рубец решил на двух кочах плыть на юг в поисках новых лежбищ. Он знал, что

моржи имеются и южнее Анадыря. Ещё в конце 50-х гг. XVII в. казаки, служившие на Чендоне (Гижиге), провели о существовании моржей на Беринговом море где-то в северной части Камчатки.

Интересовала Ивана Рубца и возможность присоединения к русскому государству «новых земель». Наказная память обязывала его обратить особое внимание на те из них, которые «поблиску прилегли к той же Анадыре реке». Он должен был подчинять Московскому государству «новых земель неясачных юкагирей и всяких иноземцев разных языков, которые по тем рекам и по иным сторонам рекам живут...» Вместе с тем ему поручалось начать собирать «соболи добрые с пупки и с хвосты и шубы соболи и ожерелья и напольники и пластины соболи и шубы горностальные и бобры и кошлоки чёрные и чернокарие и карие и рыжие и лисцы чёрные и чернобурые и бурые и черночеревые и сиводушатые и рысы и выдры и песцы чёрные и голубые с лапы и с хвосты...» Естественно, такую пушнину надо было искать тоже в основном южнее Анадыря в лесных районах. Вот почему Иван Рубец с анадырской корги охотно пошёл на двух кочах на юг.

Этот южный поход продолжался весьма долго. И именно поэтому Рубец попал в Анадырский острог так нескоро — лишь осенью 1663 г. При этом, благодаря своей неосторожности и самонадеянности, он погубил свои кочи, на которых ходил в 1662—1663 гг. 30 июля 1665 г. анадырцы, перечисляя «озорничества» Рубца, с горечью отмечали: «Как шёл с моря с корги и пришед в осень во 171 году кочи покинул недошед до Анадырского острогу вёрст десять и больше, а всё [в] несовегице своей и пришед неясачные люди коряки, те кочи сожгли и под острогом три человека убили...» До острога участники плавания дошли на карбасах. А это означает, что кочи были «покинуты» не потому, что вмёрзли в лёд, а потому что из-за малой воды не смогли подняться выше к острогу. Следовательно, эти кочи имели большую осадку, чем строившиеся на Анадыре.

Так впервые Иван Рубец появился в Анадырском остроге. После Семёна Дежнева именно он первым пришёл в район Анадырского острога *со стороны моря*. Все остальные анадырские приказные XVII в. приходили в острог со стороны колымского (анюйского) волока.

В Анадырский острог Рубец явился с весьма большой добычей, и ему не терпелось её поскорее вывезти на Лену. Поэтому вскоре после ухода Курбата Иванова Рубец сам решил идти с Анадыря на Колыму через анюйский волок. Он самовольно сдал острог Даниилу

Филиппову, который в прошлом служил ещё с Семёном Дежневым. Впоследствии в 1666 г. анадырцы с гневом писали: «Он де Ивашко, наплутав в... не дождався в своё место перемены в государевы службы избежал покиня Анадырской острог и великого государя аманатов и казну...» В пути «на камне на Анандырском хрепту» Рубец встретил казака Мокрошубова и почему-то решил вернуться назад на Анадырь. Полагают, что он «убоялся» наказания за самовольно оставленное место службы на Анадыре. Возможно, он хотел сдать острог Мокрошубову, но это почему-то не состоялось. Позже Рубец утверждал, что пошёл в сторону колымского Аноя будто бы только для сбора ясака с местных чюванцев.

Дальнейшее изучение документов показало, что после самовольной отлучки зимой 1663—1664 гг. на анадырско-анюйский волок Иван Рубец уже ни разу не покидал Анадырь вплоть до 1666 г., когда его сменил новый приказной Никита Катасонов. Видимо, Рубец опасался за судьбу своих богатств, привезённых из южного похода. Катасонов арестовал его в 1666 г. за попытку скрыть от казны свои «прибытки». Он утверждал, что Рубцу удалось для себя собрать всякого добра на целых тысячу пятьдесят рублей! Для тех времён это была колоссальная сумма: тогда рядовой казак получал всего шесть рублей годового жалованья. Почти всё добытое Рубцом было у него отобрано. В описи якутского архива 1703 г. упомянут «Столп, в нём дело казака Ивашка Рубца в грабеже животов ево в Онадырском острожке прикащика сына боярского Никиты Катасонова 180 (1671—1673) года... В нём двести сорок станюв». К сожалению, пока это дело разыскать не удалось.

А оно, безусловно, представило бы для нас большой интерес, потому что там шла речь и о вещах, добытых Рубцом ещё во время южного похода 1662—1663 гг. И позже анадырцы обвиняли Рубца в том, что он в походе лично ходил с барабаном от юрты к юрте, отбирая добро у местных жителей.

Но спрашивается: куда же на юг так долго в 1662—1663 гг. ходил Иван Рубец?

Мне уже приходилось писать о находке его челобитной 1668 г., в которой говорилось, что в прошлом он сам ходил «вверх реки Камчатки». Ещё в 1964 г. я указывал, что это могло быть не ранее 1662 г. и не позднее 1668 г. Теперь становится очевидным, что Иван Рубец смог попасть на реку Камчатку в 1662—1663 гг. Видимо, в 1662 г. он доплыл до реки Камчатки. Зимой 1662—1663 гг. провёл в её верховьях, скорее всего, зимовал в верховьях Камчатки на реке Никул. На чертеже Камчатки Ивана Козыревского 1726 г.

у реки Никул стояло пояснение: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели, те камчадалы и сказывали, а в наши года с оных стариков ясак брали, два коча сказывали и зимовья знать и поныне».

Это известие поразительно точно соответствует добытым нами новым сведениям о плавании Рубца. Действительно, он шёл из Якутска и морем добрался до самой реки Камчатки, и у него на последнем этапе плавания было именно *два* коча. Но на это можно возразить: ещё И. И. Огрызко в 1948 г. утверждал, что это сообщение относилось к дежневцу Федоту Алексееву Попову. Однако, что же более вероятно — пребывание здесь Федота Алексеева или Ивана Рубца?

Документы середины XVII в. говорят, что Федот Алексеев умер от цинги *где-то около устья Анадыря*. Об этом сообщалось ещё в отписке С. И. Дежнева 1655 г. Иван Рубец, как теперь установлено документально, действительно ходил «вверх реки Камчатки» (Полевой, 1964).

Если Рубец, как анадырский приказной, имел право организовать сбор ясака, то торговый человек Федот Алексеев такого права не имел. Потому-то ещё в мае 1648 г. Федоту Алексееву вместе с другими торговыми и промышленными людьми пришлось у колымского приказного Вторя Гаврилова особо «прошать» отпустить в поход в качестве приказного казака Семёна Дежнева (Полевой, 1965). Но Семён Дежнев явно на Камчатке не был, и потому один Федот Алексеев Попов, безусловно, не имел права, как торговый человек, собирать ясак.

Особенно показателен следующий расчёт. Ительмены в начале XVIII в. не отличались большим долголетием. К тому же они часто убивали своих стариков. Иван Кирилов ещё в конце 20-х гг. XVIII в. писал об ительменах: «Об них сказывают, когда кто состарелся, таких живых в землю закопывают». Даже если допустить, что старикам-ительменам уже при появлении юного Ивана Козыревского на верхней Камчатке в 1703 г. было шестьдесят лет, то в 1648 г. им было пять лет, а в 1662 г. — девятнадцать. Поэтому сообщение Ивана Козыревского о русских, живших на реке Никул, скорее могло относиться к плаванию Рубца, чем к плаванию Федота Алексеева Попова. Показательно, что в начале XVIII в., во время пребывания на Камчатке Ивана Козыревского, во всём Ленском крае уже не осталось в живых ни одного дежневца, хотя русские, в отличие от ительменов, нередко доживали до глубокой

старости. Да и сама версия о плавании дежневца Федота Алексеева Попова до реки Камчатки давно вызывала сомнение у серьёзных исследователей: ведь она возникла только восемьдесят восемь лет спустя после *плавания С. И. Дежнева*.

Впервые её выдвинул в 1737 г. историк Г. Ф. Миллер, да и то только в качестве гипотезы. Но даже его ученик С. П. Крашенинников, главный виновник её широкого распространения, сам признавал, что «несколько сумнительно» как само пребывание дежневца Федота Алексеева на Камчатке, так и то, что «Никул речка Федотовщиной по имени его называется», поскольку на отписке С. И. Дежнева видно, что Федот Алексеев умер от цинги недалеко от Анадыря.

Л. С. Берг в нескольких своих работах (1920, 1946) также относил версию о пребывании дежневца Федота Алексеева на Камчатке к числу «тёмных слухов». Однако после находки хорошо известной Г. Ф. Миллеру и С. П. Крашенинникову карты Камчатки И. П. Козыревского 1726 г. с цитированной надписью о двух кочах, историк И. И. Огрызко (1948, 1953) поспешил объявить, что ему удалось снять «налёт сомнения» и «окончательно доказать», что на Никуле поселились дежневцы. При этом И. И. Огрызко (1948) патетически вопрошал: «Кто же ещё из русских мог быть в середине XVII в. на Камчатке?»

Наша статья как раз и дала на этот вопрос документально обоснованный ответ. Умаляет ли это сколько-нибудь значение исторического плавания Семёна Дежнева? Нисколько! Наоборот, раскрывает его ещё одну большую заслугу: ведь если бы до Якутска своевременно не дошли бы сведения об его открытиях, то плавание Ивана Рубца с Лены до реки Камчатки вообще не состоялось бы, ибо именно он указал на существование прямого водного пути до Камчатки и возможность его практического использования. По-новому можно истолковать и некоторые сообщения С. П. Крашенинникова о русских, живших в середине XVII в. на реке Никул.

Когда в 1738 г. Крашенинников расспрашивал старожилы Камчатки, то старейший казак Михаил Кобычев заявил, что среди первых русских, прибывших на реку Камчатка, находился также «Фома промышленный». Несомненно, здесь идёт речь о старейшем промышленном человеке Анадыря Фоме Семёнове Пермяке, у которого, как видно по анадырским документам 60-х гг., тогда было два прозвища — «Медведь» и «Старик». С анадырской корги он плавал с Рубцом. Но на Анадыре он, действительно, служил ещё при Семёне Дежневе.

Вместе с тем подтверждаются также и сообщения Крашенинникова, а также Г. В. Стеллера о том, что среди прибывших на Камчатку возникли серьёзные распри из-за женщин. Анадырские казаки, промышленные и торговые люди в 1665 г. жаловались на то, что на корге и в море Иван Рубец «с двумя бабами... всегда был... в беззаконстве и в потехе... и с служилыми и торговыми и с охочими с промышленными людьми не в совете о бабах...» И анадырцы многие свои неудачи, вплоть до исчезновения моржей на корге, приписывали «несблудству» Рубца.

Конечно, эти совпадения очень показательны. И они также говорят в пользу того, что именно группа Ивана Рубца смогла морем дойти на двух кочах до реки Камчатки.

Напомним, что в ряде письменных источников конца XVII — начала XVIII в. имелись сообщения о каком-то неизвестном плавании с реки Лены прямо до Камчатки. Так, в знаменитой книге «Северная и восточная Татария» голландского географа Николая Витсена имеется следующее известие: «Ледяной мыс (Чукотский полуостров. — *Б. П.*), согласно мнению многих, заканчивается островами. В Ледовитое море промышленные люди выходят из реки Лены, плывут в течение лета вдоль берегов, огибают этот мыс и доходят до берегов около реки Камчатки, где бьют китов и тюленей, и на то, чтобы доплыть дотуда и провести там промысел и вернуться назад, они затрачивают три с половиною или четыре месяца».

Действительно, Иван Рубец смог за одно лето 1662 г. доплыть с устья Лены до реки Камчатки, да ещё ради морского промысла. Пока второе такое плавание нам неизвестно.

Впрочем, Н. Витсен отнюдь не был первым иностранцем, услышавшем о плавании 1662 г. Ещё в середине 60-х гг. XVII в. какие-то сведения о нём дошли до поляка Адама («Гришки») Каменского-Длужика, находившегося в 1662—1668 гг. в якутской ссылке. И когда уже в Польше в начале 70-х гг. XVII в. Каменский-Длужик написал свои воспоминания о пребывании в Сибири, он даже сочинил рассказ о своём участии в трудном морском плавании с реки Лены вокруг всей северо-восточной части Сибири вплоть до... Амура! Видимо, до Каменского-Длужика в Якутске дошли какие-то слухи о плавании 1662 г.

В 1715 г. Григорий Новицкий в своём тобольском «Кратком описании о народе остяцком» тоже отмечал, что отдельные русские мореходы, плававшие в «Льдистое окиян море» и «самыя дальние камчатския страны, иногда ветром носимы досязают».

В 1736 г. в Лейдене был опубликован на французском языке перевод «Истории» хивинского историка Абульгази, которой был обнаружен в Тобольске шведскими пленными. К этому переводу была приложена «Новая карта Северной Азии», на которой с южной стороны Чукотки стояла надпись: «Здесь проходили суда русских, чтобы идти в Камчатской». А в примечаниях к указанной книге говорилось: «Вплоть до нашего времени полагали, что Азия на северо-востоке соединяется с Америкой, и поэтому считали, что Ледяным морем невозможно плыть в море Восточное. Но после открытия страны Камчатки положительно известно, что Америка не соединяется с Азией, поскольку суда России, плывя вдоль твёрдой земли, миновали мыс Святого носа и отправились торговать с камчадалами на берегу моря Восточного к широте пятьдесят градусов, и для этого им пришлось пройти между материком и великим островом («Большой землёй!» — *Б. П.*), который имеется на северо-востоке мыса Святой нос».

В 1727 г. в Амстердаме вышла подобная карта «Азиатской России». На ней у того же Святого носа по-французски было написано: «Русские, идущие с Лены и других рек, прошли здесь с их судами, чтобы начать торговлю с камчадалами». Наконец, в 1730 г. вышла знаменитая большая карта Сибири самого Страленберга, на которой у Святого носа, находящегося между устьями Яны и Индигирки, начиналась длинная надпись на латинском языке: «Отсюда русские, пересекая море, загромаждённое льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигали с огромным трудом и опасностью для жизни земли Камчатки».

Теперь нам стало очевидным, что это известие относилось к плаванию 1662 г. Напомню, что Иван Рубец был уроженцем Тобольска и последние годы жизни провёл на родине.

В Тобольске, Енисейске и Якутске такие же сообщения услышал в 1725—1726 гг. Витус Беринг. Даже в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г. в кратком сообщении о Первой Камчатской экспедиции указывалось, что Беринг «от тамошних жителей известился, что пред пятидесятыми или шестидесятыми годами некое судно из Лены к Камчатке прибыло». Здесь, несомненно, шла речь о коче Ивана Рубца!

Когда Беринг впервые услышал это в Сибири, после плавания Рубца прошло шестьдесят три года, а после похода Семёна Дежнева — семьдесят семь лет. Такое же сообщение 1728 г. о прибытии судна «из устья Лены... в Камчатку» ещё за «пятьдесят — шестьдесят лет до этого» было включено и в известную Черепановскую летопись.

Примерно в те же годы английский купец Кремон, прибывший в Петербург для ведения торгового дела в Персии, услышал от руководителя адмиралтейства Н. Ф. Головина пересказ сообщения местных жителей северо-восточных рек о том, что в прошлом предки русских «часто» (!) плавали через северо-восточный пролив до Камчатки.

О плаваниях русских в XVII в. вокруг Чукотского полуострова не раз писали участники Второй Камчатской экспедиции — Яков Линденау, Мартин Шпанберг, академик Г. Ф. Миллер и другие.

Конечно, при разборе такого рода известий необходимо всегда стараться понять, где шла речь о плавании Семёна Дежнева 1648 г., а где — о плавании Ивана Рубца 1662 г. Так, скажем, в сообщении Якова Линденау о плавании на многих кочах от колымского среднего зимовья, «где прежде ярмонга бывала», вокруг Чукотской земли, несомненно, говорилось о плавании Семёна Дежнева, которое началось не из Нижне-Колымыска, а из Средне-Колымска.

Поиск новых документов о плавании Ивана Рубца и его спутников в 1662 г., безусловно, необходимо ещё продолжить. Но надежд на успешные находки не так уж много. Многие документы, составленные в то время на Анадыре и близлежащих реках, погибли. Сам Рубец однажды выразил своё сожаление, что его различные «росписи, идучи в Якутской острог на море с ясачными книгами, потонули». И в самом Якутске также отмечали: «Против ево Ивашки челобитья выписать неисчева и ведать не почему, потому что с Анадыря реки о той ево, Ивашковой, косте в Якутском остроге в съезжей избе отписок и книг и ведома никакова нет».

Вместе с тем следует учесть, что во время своей службы на Анадыре Иван Рубец предпочитал не упоминать о реке Камчатке. Дело в том, что наказная память запрещала ему сходить «на дальние реки». Он имел право собирать ясак лишь «поблиску» от Анадыря и поэтому предпочитал говорить весьма туманно лишь о походе «в коряки». Тем не менее, ещё в 1664 г. какие-то сведения о самовольном походе Рубца дошли до Якутска, а поэтому в 1665 г. посланному на Анадырь новому приказному Никите Катасонову якутский воевода И. Ф. Кутузов-Голенищев повелел «сыскать про приказного человека Ивана Рубца» и его поход. К сожалению, пока остаётся неизвестным, что же Катасонов смог узнать о походе Рубца.

Видимо, нельзя считать случайным, что всего через несколько месяцев после возвращения Ивана Рубца в Якутск, с Лены отправился казачий десятник Иван Ермолин с заданием попасть на реки Пенжину и Камчатку. В 1670-х гг. И. М. Рубец считался в Якутске знатоком земель, расположенных к югу от Анадыря. В 1676 г.

он вместе с дежневцем Артемием Солдатом и казачьим пятидесятником Фёдором Яковлевым Кузнецом (ещё один «Федька»!) отвечал на вопросы якутского воеводы А. А. Барнешлева о землях, народах и промыслах тех южных районов. Любопытно отметить, что когда сын Фёдора Яковлева — Василий Фёдоров Кузнецов — принял Анадырский острог, он немедленно в июле 1688 г. организовал с анадырской корги плавание на двух кочах в сторону Камчатки. Оно закончилось трагически. Сперва Кузнецов потерял в бурю оба коча. 23 ноября 1688 г. его группа с великим трудом вернулась на анадырскую коргу. Возвращаясь в Анадырский острог, Кузнецов решил посетить ясачных восточных чукчей. Тут-то 6 декабря все мужчины, участники похода, были вероломно убиты. Любопытно отметить, что казак Иван Котельник, посланный в 1689 г. из Анадырского острога на поиски В. Ф. Кузнецова и его товарищей, тоже ходил с Анадыря в южном направлении, а полтора года спустя в Якутске ему предъявили обвинение, что он будто бы собирался стать вожем у тех якутских казаков, которые собирались бежать «на реки Анадырь и Камчатку». Предводителем же этих казаков был объявлен Филипп Щербаков, который в молодости участвовал в плавании Ивана Рубца.

Итак, весьма вероятно, что неоднократно повторявшиеся сообщения о старинном плавании на кочах от Лены до Камчатки, скорее всего, относились именно к 1662 г., когда Иван Рубец за один навигационный сезон смог пройти из низовьев Лены до реки Камчатки. Но это не означает, что на поставленный в названии статьи вопрос уже можно дать безоговорочно положительный ответ. Во-первых, этот маршрут столь велик, что действительно трудно поверить в то, что он мог быть проделан ещё в XVII в. за один навигационный сезон. Во-вторых, до сих пор не удалось найти ни одного документа, в котором рассказывалось бы, как Рубец плыл морем от Колымы до анадырской корги. Поэтому невольно возникает сомнение: а не мог ли всё-таки Рубец последовать с Колымы на Анадырь каким-то особым путём, не заходя в Анадырский острог, воспользовавшись кочами других промышленных людей? Дело в том, что в одной из росписей тех лет имеется глухое упоминание о возможности перехода с верховьев Блудной (Омолон) также и на реку Анадырь. И позднее, когда восставшие чюванцы перекрыли русским путь с Колымы на Анадырь через Аннойский волок, русские иногда выходили на Колыму этим южным путём. Уж не пошёл ли Рубец с Иваном Хворовым на Омолон и оттуда прошёл в Прианадырье? Чтобы освободиться от подобных сомнений, безусловно, следует продолжать архивные изыскания.

В заключение необходимо сделать ещё одну оговорку: Иван Рубец отнюдь не возглавлял самый первый русский поход на реку Камчатку. В нашей публикации «Открытие Камчатки со стороны Пенжины» мы стараемся показать, что у Ивана Рубца были предшественники.

Литература

Баскин С. И. Большой чертёж Камчадальской земли. — Изв. ВГО, 1949. Вып. 2.

Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. — Зап. по гидрографии. Т. II (XIII). Вып. 2.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742. — М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Греков Б. И. Наиболее раннее печатное известие о Первой Камчатской экспедиции (1725—1730 гг.). Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1956, № 6.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Дополнения к Актам историческим. Т. 4. СПб., 1851.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М.: Изд-во «Наука», 1971.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М.: «Наука», 1972.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. арх. док. — Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР. — Л., 1936.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.: Л.: изд-во Главсевморпути, 1949.

Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком, 1715 г. — Новосибирск, 1941.

Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. — М.: Л.: Изд-во «Наука», 1966.

Огрызко И. И. Экспедиция Семёна Дежнева и открытие Камчатки // Вестн. Ленингр. ун-та, 1948. № 12.

Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. Сб. док. / Сост. Н. С. Орловой. Под ред. А. В. Ефимова. — М.: Географгиз, 1951.

Полевой Б. П. Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку в 60-х гг... (дальнейший список источников утрачен. — *Ред.*)

Примечания

1. Новые данные (Полевой, 1965) показали, что это плавание было начато не из Нижне-Колымска, а со средней Колымы, вероятнее всего, из Средне-Колымска.

2. В наказной памяти Рубцу указывалось, что на анадырской корге моржи располагались «на самом де мысу вкруг тое корги с морскую сторону

на полверсты и больше, а в гору сажень на тридцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылягает, потому что ево гораздо много». Нетрудно убедиться, что здесь почти дословно повторялось сообщение С. И. Дежнева 1665 г. об открытии корги.

3. Дроги — канаты для укрепления паруса. Завоз — небольшой якорь (верп) и одновременно канат, на котором закреплён этот якорь. Ноги и возжи — канаты для крепления паруса, скуты (шкоты) — снасти для управления парусом. Роки, подзоры и обшиваны — материал для подшивки парусов. Лотки шестерик — лодка длиной в шесть сажений. Шейма — якорный канат. Напарни — буравы, пешня — железный лом для скалывания льда. Гвозди четверные — в четыре раза толще большого пальца. Безмен пудовый — весы для взвешивания моржовой кости весом до пуда.

4. Надо учесть, что у русских землепроходцев XVII в. часто было два отчества. Так, организатор первого русского похода на Тихий океан Дмитрий Копылов имел отчества «Епифанович» и «Иванович», Пётр Бекетов — основатель Якутска и других сибирских городов, имел отчества «Иванович» и «Никитич». Колымский землепроходец Тарас Стадухин — «Васильевич» и «Терентьевич». И Иван Рубец тоже имел два отчества: в одних случаях — «сын Меркурьев», в других — «сын Бакшеев» (он был связан с тобольскими татарами).

Машинопись. Без даты. Опубликовано в:

Известия АН СССР. Серия географическая. 1981. № 6. — С. 130—140.

Норд-Ост: Люди. Природа. История. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 34—50

Загадка «Федотовщины»

В первом десятилетии XVIII в. русские землепроходцы в низовьях реки Никул, правого притока верхней Камчатки, обнаружили развалины двух русских зимовьев. Местные ительмены подтвердили, что в них в давние времена жили какие-то русские. Так было неопровержимо установлено, что ещё в середине XVII в., то есть ещё за несколько десятилетий до знаменитого камчатского похода Владимира Атласова, русские уже некоторое время находились на Камчатке и даже собирали там ясак с местных жителей, то есть считали всю эту территорию частью России.

Уже в середине XVIII в. исследователи поставили перед собой нелёгкую задачу: выяснить, кто же именно из русских жил на реке Никул в те далёкие времена?

Местные ительмены утверждали, что во главе русских, живших на реке Никул, стоял человек, которого звали не то «Фетькой» — «Фёдором», не то «Федотом», не то «Федотовым сыном». Казаки ещё ранее слышали, что когда-то на Камчатке жил некий «Федотов сын». Поэтому они стали реку Никул называть «Федотовщиной».

В 1726 г. в город Якутск прибыл Витус Беринг. Он готовился к поездке на Камчатку, с тем, чтобы оттуда начать исполнять знаменитую инструкцию покойного Петра I о поиске места, где Азия сошлась с Америкой. Вскоре к нему явился беглый монах Игнатий Козыревский, первооткрыватель Курильских островов. Он надеялся уговорить Витуса Беринга отправиться на Курильские острова. Специально для Беринга он составил тогда же интересный чертёж полуострова Камчатка и Курильских островов. Именно на нём Козыревский удачно изобразил реку Федотовщину и около неё сделал весьма знаменательную надпись: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах (заложниках. — *Б. П.*) сидели, те камчадалы и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали и зимовья знать и поныне». Эта карта позднее, в 1737 г., в Якутске попала в руки историка Сибири академика Г. Ф. Миллера и живо его заинтересовала. Надпись о Федотовщине подтверждала сведения, проникшие из России за границу, о том, что ещё в XVII в. каким-то русским мореходам удалось с реки Лены морем добраться до далёкой реки Камчатки. В 1705 г. об этом как-то упоминал голландский географ Николай Витсен во втором издании своей гигантской книги — хрестоматии «Северная и восточная Татария». В 1715 г. в Тобольске некий Григорий Новицкий составил «Краткое описание о народе остяцком». В нём он также упоминал, что некоторые русские мореходы, ходившие в «льDISTое окиян море», порою... «самыя дальние камчатские страны иногда ветром носимы досязают». В 1726 г. в городе Лейдене был опубликован на французском языке перевод «Истории» хивинского историка Абульгази, обнаруженный в Тобольске шведскими пленными. К нему была приложена «Новая карта Северной Азии», на которой у южной стороны Чукотского полуострова стояла любопытнейшая надпись: «Здесь проходили суда русских, чтобы идти в Камчатской». А в примечании к этой книге говорилось о русских судах, которые, «плывая вдоль твёрдой земли, миновали мыс Святого носа и отправились торговать с камчадалами на берегу моря Восточного к широте пятьдесят градусов, и для этого им пришлось пройти между материком и великим островом», который имеется на северо-востоке «мыса Святой нос», то есть через пролив между Чукоткой и Аляской!

В 1729 г. в Амстердаме вышла подобная карта «Азиатской России». На ней у того же Святого носа стояла надпись по-французски: «Русские, идущие с Лены и других рек, прошли здесь с их

судами, чтобы начать торговлю с камчадалами». Наконец, в 1730 г., появилась знаменитая большая карта Сибири Ф. И. Страленберга, на которой у Святого носа, находящегося между устьями Яны и Индигирки, начиналась длинная надпись на латинском языке: «Отсюда русские, пересекая море, загромождённое льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с огромным трудом и опасностью для жизни земли Камчатки».

В том же 1730 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 марта появилось короткое сообщение о главных результатах Первой Камчатской экспедиции, в котором упоминалось, что Витус Беринг в Сибири «от тамошних жителей известился, что пред пятидесятью или шестидесятью годами некое судно из Лены к Камчатке прибыло».

Г. Ф. Миллер был знаком с некоторыми из этих сообщений, и потому ему очень хотелось в якутском архиве разыскать документы об этом необыкновенном плавании. Поиски его увенчались успехом. Он смог в 1737 г. обнаружить в Якутске знаменитые отписки Семёна Дежнева 1655 г., в которых имелись краткие упоминания об историческом плавании 1648 г. с Колымы на Анадырь. В них же рассказывалось, что один из главных организаторов этого плавания — богатый приказчик московского купца Василия Усова колмогорец Федот Алексеев Попов, по словам его жены-якутки, где-то у берега моря недалеко от Анадырского лимана умер от цинги. Там же умер по той же причине и беглый казак Герасим Анкудинов. Другие их товарищи были убиты коряками, и лишь «невеликие люди», по словам якутки, «побежали в лотках с одною душою, не зная де куда».

Г. Ф. Миллер решил, что они-то и могли попасть на далёкую Камчатку, и среди них мог быть и сын Федота Алексеева Попова. Поэтому Миллер, отправляя на Камчатку своего студента Степана Крашенинникова, решил включить ему в инструкцию особое задание: собрать на месте сведения о «Федотове сыне», о котором ходили слухи в Якутске.

Крашенинников всегда тщательно исполнял все данные ему поручения, да и ему самому хотелось узнать имя первого русского, появившегося на полуострове Камчатка. Ещё в конце 1737 г. в Большерецке он пригласил к себе бывалого старейшего камчатского казака — Михаила Кобычева и спрашивал его, «кто с самого начала бывал на Камчатке и кем она и в котором месте сперва завоёвана»? Сообщения Кобычева он пересказал в своём раннем

сочинении «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служилых людей».

«Прежде завоевания Камчатской земли, — писал Крашенинников, — сперва бывал в оной земле промышленный человек Федот кочевник в семнадцати человеках, который из устья ленского прошёл с промышленным же, Фомою называемом, в семи кочах; из оных кочей два пришли в устье Анадыря реки под командованием Фомы промышленного и поселились в Анадырском остроге, который в то время ещё вновь заводился, а третьей коч, на котором Федот был, обошед Чюкоцкой нос, пришёл в устье Камчатки реки и по оной реке вверх дошёл до впадающей в неё по течению с правой стороны Иколки речки, которая имеется верстах в пятидесяти ниже Верхнего острога, а остальные четыре коча без вести пропали. На устье помянутой речки Иколки Федот с товарищи, поставя зимовье, зимовал, а весною на том же коче из устья Камчатки реки в море вышел, и, обошед Курильскую лопатку, шёл по Пенжинскому морю до реки Пареня, где он с товарищи зазимовал, и той зимы от брата своего за ясырку зарезан, а потом и все от коряк побиты».

Слушая этот рассказ, действительно, нельзя было не сделать вывода, что здесь речь шла о плавании С. И. Дежнева на семи кочах вокруг «Большого каменного носа» (Чукотского полуострова) и о его спутнике — торговом человеке Федоте Алексееве Попове, колмогорце. Вот почему С. П. Крашенинников так легко отказался от старой версии о «Федотове сыне». Он вполне искренне считал, что это был сам Федот Алексеев Попов и даже высказал предположение, что после пребывания на Камчатке и похода вокруг южной части полуострова Федот и его спутники смогли вернуться в район Анадырского устья или на Олюторский берег.

И всё-таки Крашенинникова мучили сомнения. Вот почему в своём труде «Описание земли Камчатки» он не без осторожности указал: «...кто первой из российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства, а по словесным известиям приписывается сие некоему торговому человеку Федоту Алексею, по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиной называется: будто он пошёл из устья реки Ковымы Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесён от других кочей и занесён на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем, а на другое лето, обошед Курильскую лопатку, дошёл Пенжинским морем до реки Тигиля и от тамошних коряк убит со всеми товарищи, к которому убивству аки бы они причину сами подали, когда один

из них другого зарезал; ибо коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя, что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей столь страшных. Известие в рассуждении морского его пути с Ковымы реки подтверждается отпискою служивого Семёна Дежнева, ибо Дежнев объявляет, что морское их путешествие было неблагополучно, торгового человека Федота Алексеева разнесло с ним погодою без вести, его носило по морю долгое время, а нанося ледок, выбросило в передний конец за Анадырь-реку. Но в рассуждении бытности его на Камчатке, и что Никул речка Федотовщиною по имени его называется, несколько сумнительно: ибо в той же его отписке показано, что в 17162 году ходил он Дежнев возле моря в поход, и отбил у коряка якутскую бабу помянутого Алексеева, которая ему сказывала, что Федот с одним служивым цингою умерли, а иные товарищи их побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках одною душею, а куда неведомо. Что ж касается до построенных на реке Никуле зимовей, то и от самих камчадалов подтверждается, что оные российскими людьми поставлены, а развалины их до наших времён были видимы».

Из этого текста ясно следует, что С. П. Крашенинников, когда отправился на Камчатку, уже знал, что Г. Ф. Миллер нашёл документы о плавании Семёна Дежнева — Федота Алексеева и поэтому невольно в сообщениях местных жителей искал подтверждения предположения своего начальника и учителя. И всё-таки он продолжал сомневаться: известия документов XVII в. во многом противоречили рассказам камчатских казаков XVIII в...

Но многим выводы С. П. Крашенинникова казались неоспоримыми, и потому постепенно его сомнения стали предаваться забвению... В достоверность предположения Крашенинникова поверили даже многие весьма осторожные исследователи. Так, в них уверовал знаменитый исследователь северных районов Ф. П. Врангель, его помощник, друг А. С. Пушкина — Ф. Ф. Матюшкин и, наконец, известный историк Сибири Г. И. Спасский. В наше время на этой версии особенно настаивал И. И. Огрызко...

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны историк С. И. Баскин в бумагах Г. Ф. Миллера нашёл замечательный чертёж И. Козыревского 1726 г. Камчатки и Курильских островов. Об этой ценной находке он опубликовал статью в «Известиях Всесоюзного Географического общества» в 1949 г. Вскоре И. И. Огрызко обнаружил, что С. И. Баскин неверно прочитал текст некоторых надписей Козыревского, и в 1953 г. заново опубликовал опи-

сание чертежа 1726 г., а заодно поспешил объявить, что этот чертёж будто бы окончательно доказывает правильность гипотезы Миллера — Крашенинникова. Он не только объявил Федота Алексеева Попова «бесспорным первооткрывателем реки Камчатки», но и даже... Курильских островов! Огрызко почему-то не придал никакого значения тому, что Миллер и Крашенинников хорошо знали чертёж Козыревского 1726 г., однако столь смелых выводов они не сделали...

Никто не решился оспаривать утверждения И. И. Огрызко, и потому ещё более окрепла вера в то, что Федот Алексеев Попов является первооткрывателем Камчатки...

Но подлинная наука ничего на веру не берёт. Она считается только с вескими, неопровержимыми доказательствами. И нетрудно убедиться, что отдельные серьёзные учёные уже давно сомневались в достоверности этой версии. Первым в ней усомнился современник Крашенинникова, его товарищ по Второй Камчатской экспедиции, исследователь Камчатки Георг Стеллер. В своём сочинении о Камчатке он утверждал, что на реке Никул в прошлом жили русские, во главе которых стоял какой-то «Фетька» или «Фёдор». О Федоте Алексееве он вообще не вспоминал.

Известный советский историк Камчатки академик Л. С. Берг в нескольких своих печатных работах тоже не раз писал лишь о «тёмных слухах» о пребывании дежневца Федота Алексеева на реке Камчатке. Очень скептически относился к этой версии большой знаток истории русских географических открытий А. И. Андреев. Помню, как он лукаво улыбался и настойчиво рекомендовал мне самому проверить достоверность этой «увы, широко распространённой версии». При этом добавлял: «Вопросы истории большинством голосов не решают. Всё решают упрямые факты, если их только... не насилуют». И он же напоминал слова В. И. Ленина, который указывал, что для доказательства любого положения всегда можно подобрать нужные факты, и поэтому истинная наука должна обязательно исходить только из всей совокупности фактов. Именно поэтому ещё при жизни А. И. Андреева (он умер в 1959 г.) я начал тщательно проверять версию о пребывании Федота Алексеева Попова в верховьях Камчатки...

Весьма показательно, что эта версия впервые возникла более чем через восемьдесят лет после плавания Семёна Дежнева — Федота Алексеева, и подлинные документы середины XVII в. её отнюдь не подтверждают. О смерти Федота Алексеева от цинги Дежнев узнал в 1654 г., когда он от Анадырской моржовой корги

(земля Гека) пошёл вдоль моря в небольшой поход на местных коряков и отбил у них якутку, жену Федота Алексеева. Было это недалеко от Анадырского лимана вблизи того места, где был разбит коч Федота Алексеева. Уже поэтому серьёзные исследователи не могут поверить, что Федот Алексеев, заболевший цингой, после гибели его коча смог бы успеть до своей смерти побывать ещё в верховьях реки Камчатки, на реке Никул — «Федотовщине», которая находилась от места встречи с женой Федота Алексеева более чем за... полторы тысячи километров!

Распространённая версия о том, что сам Дежнев был выброшен у Олюторского мыса, оказалась тоже несостоятельной. Теперь уже есть все основания считать, что ещё в 1648 г. Семён Дежнев смог побывать в заливе Креста (см. подробнее мою статью в «Известиях Академии наук СССР. Серия географическая», 1965, № 2). Да и только недавно исследователям удалось правильно истолковать сообщение Семёна Дежнева о том, что его бурей выкинуло «в передней конец за Онандырь реку». По терминологии поморов (а Дежнев ею и пользовался!) это выражение означает конец лимана реки, в данном случае — реки Анадыря. В Якутске тоже считали, что торговый человек Федот Алексеев Попов погиб от цинги вблизи от Анадыря. Такие же сведения в Якутске имелись и относительно беглого казака Герасима Анкудинова, спутника Федота Алексеева Попова. В «Окладной книге» Якутского острога за 1653—1657 гг. я нашёл такую запись: «Герасим Онкудинов, послан на государеву дальнюю службу на Ковыму реку при прежних стольниках и воеводах, при Петре Головине с товарищи и в нынешнем, во 164-м (1656) году апреля в 11-й день по отписке с Анандыря реки Семейки Дежнева тот Герасимко умер, в котором году, того в отписке не написано, а в его место нихто не повёрстан».

Предположение Г. Ф. Миллера о том, что среди участников дежневского плавания мог быть сын Федота Алексеева, также оказалось несостоятельным. Никакого сына вместе с Федотом Алексеевым не было. Имелись лишь два «племянника», но их никто не называл «Федотовыми». Одного звали Кирилл Иванов, второго — Емельян Стефанов. И, возможно, что они вообще не были родственниками Федота Алексеева Попова. Дело в том, что в те времена материально было выгодно некоторых промышленных людей брать с собой как родственников. Удобнее всего было в подобных случаях таких людей выдавать за «племянников».

Очень важно отметить, что Федот Алексеев Попов как торговый человек не имел права собирать ясак. Потому-то ещё в мае

1648 г. он настойчиво просил колымского приказчика Вторга Гаврилова выделить в организуемую им экспедицию служилого человека. Только специально назначенный казак, так называемый «приказной», имел право проводить сбор ясака. Поэтому сообщение о сборщике ясака на реке Никул-Федотовщине никак не могло быть приложимо к Федоту Алексееву. Без приказного Семёна Дежнева Федот Алексеев не имел права собирать дань.

Особого внимания заслуживает сообщение Козыревского о том, что ещё в начале XVIII в. «в наши годы с оных стариков», которые ранее были «аманатами» (заложниками) у тех русских, которые жили в двух зимовьях на реке Никул — «Федотовщине», «ясак брали». Это сообщение относилось к периоду от 1702 до 1720 гг. то есть в годы, когда на Камчатке жил Козыревский. В это время уже не было в живых ни одного дежневца и даже его современников. Трудно допустить, чтобы старики-ительмены могли пережить русских-дежневцев.

В 1977 г. новым изданием вышел знаменитый труд Ивана Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», написанный в конце 20-х гг. XVIII в. В нём приводятся некоторые сведения о Камчатке и её жителях камчадалах-ительменах. Кирилов сообщал, что в ту эпоху у ительменов существовал жестокий обычай: «когда кто состарелся, таких живых в землю закапывают». Чаще всего это происходило в возрасте около шестидесяти лет. Козыревский таких стариков, которые в молодости сидели в заложниках (аманатах) у русских, мог видеть никак не ранее 1702 г., а скорее всего, позднее. Если даже допустить, что в 1702 г. этим старикам уже было шестьдесят лет, то в 1648—1649 гг., когда Федот Алексеев Попов появился на Тихом океане, этим ительменам тогда было всего по... шесть-семь лет! В таком возрасте они вряд ли могли сидеть у русских в аманатах и вряд ли могли бы запомнить имя сборщика ясака. Уже только по этим причинам можно твёрдо сказать: в верховьях Камчатки на реке Никул — «Федотовщине» русские могли появиться лишь после плавания Семёна Дежнева — Федота Алексеева Попова. И. И. Огрызко явно сознавал, что уже простые арифметические подсчёты опровергают его утверждения. Потому-то у него в 1948 г. и вырвался недоумённый вопрос: «Кто же ещё из русских мог быть в середине XVII в. на Камчатке?»

В 1948 г., когда появилась статья И. И. Огрызко, действительно, на этот вопрос было трудно ответить. Но дальнейшие архивные изыскания ясно показали, что русские неоднократно ходили на

полуостров Камчатку со второй половины 50-х гг. XVII в. А в 60-х гг. XVII в. и в Якутске, и в далёком Тобольске впервые прослышали о существовании на востоке реки Камчатки.

Камчатские ительмены утверждали, что их реку Уйкоаль стали называть Камчаткой только после того, как на полуострове появились первые русские. Они говорили, что это название возникло от имени «знатного воина Коншата». Но Степан Крашенинников первым достоверно установил, что «камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют». Следовательно, такое название реки по имени воина *могли дать только русские*. Действительно, ещё в середине XVII в. русские часто на Северо-Востоке Азии называли реки по именам людей — или местных жителей — «лучших мужиков» (тойонов), или русских землепроходцев. Так, при изучении микротопонимики Колымо-Индибирского края обнаружилось, что одна из малых рек, приток, индибирской Бодярихи (раньше она называлась Падерихой, по имени промышленного человека Никиты Падеры) называлась Камчаткой по имени товарища Падеры колымского казака Ивана Иванова Камчатого.

При изучении биографии И. И. Камчатого неожиданно выяснилось, что с 1657 по 1661 г. он служил в Чендонском зимовье на Гижиге в непосредственной близости от полуострова Камчатка. Там он собирал ясак (даже сохранились две ясачные книги, которые он вёл на Гижиге) и ходил в различные походы, в том числе и на море, на котором были моржи, то есть на Берингово, куда можно было попасть, только перейдя через северный перешеек полуострова Камчатка. Поэтому невольно и возникло предположение, что «славный воин Коншат» — это не кто иной, как казак Иван Камчатой. По его имени, видимо, русские и начали называть главную реку полуострова с трудным ительменским названием Уйкоаль — просто Камчаткой. Весьма показательны, что, когда русские пользовались названиями местных народов, они обычно давали такие названия в разных вариантах. Так, например, реку Анадырь они называли то «Онандырем», то «Адырем», то «Нанаборой» и т. д. Существовало более двадцати вариантов, а название «Камчатка», как правило, не искажалось. Только в двух случаях её называли «Комчаткой» или «Кончаткой». Показательно, что голландский географ Николай Витсен перевёл название реки Камчатка как «Дамаст» — так по-голландски да и по-русски во времена Петра I называлась «камчатая материя, камчатка». Замечательный сибирский географ Семён Ремезов также считал, что название «Камчатка» произошло от прилагательного «камчатый».

Потому-то и известный советский историк географических открытий А. В. Ефимов в 1964 г. вполне уверенно писал: «Название “Камчатка” произошло от камчатой ткани». И это он писал, когда он ещё не знал о существовании казака Ивана Иванова Камчатого. К сожалению, нам пока неизвестны подробности походов Камчатого на полуостров, но тот факт, что ительмены утверждали, что «знатный воин Коншат» жил некоторое время на Камчатке, заставляет думать, что это был, действительно, Иван Камчатой. Было это ещё до лета 1661 г., ибо именно тогда он и его товарищи были вероломно убиты на реке Омолон (Блудной), когда возвращались с юга на Колыму. О гибели Камчатого в Якутске узнали уже в 1662 («170») г.

Об этом ещё раз свидетельствует найденная мною в «Окладной книге Якутского острога» следующая короткая запись: «Ивашко Камчатой, в прошлом в 165 (1656—1657) году посылан великого государя на службу для ясачного збору на Ковыму реку и в прошлом 170 году по отписке сына боярского Второва Катаева, тот Ивашко на Блудной реке убит». Любопытно отметить, что убийцы Камчатого и его товарищей с Омолона бежали на юг в сторону Камчатки. Естественно, название реке «Камчатка» по имени казака Ивана Камчатого могли дать уже другие русские землепроходцы, которые узнали об его успешном походе. Уже в начале 1660-х гг. это название стало известно новому анадырскому приказному Ивану Меркурьеву Рубцу. И в двух мною найденных документах 1668 г. упоминается, что Иван Рубец в начале 1660-х гг. смог совершить поход «вверх реки Камчатки». Ещё в июле 1661 г. Ивану Рубцу был дан в Якутске наказ идти морем с Лены до Анадыря. Ранней весной 1662 г. он вышел с устья Лены, затем заходил на Яну и Колыму и в том же году смог попасть на анадырскую моржовую коргу. К его огорчению, «зверь в море отпятился». Пришлось отправиться на юг в поисках новых моржовых лежбищ. Именно тогда два коча Рубца и его спутников и попали каким-то образом к устью Камчатки.

Отмечу, что ещё на анадырской корге Рубец смог получить подробные сведения об южных районах от беглого красноярского казака, ставшего промышленным человеком, — «Проньки» Фёдорова Травина (или Травника), который ранее сталкивался с Иваном Камчатым. Рубец знал также, что в июле 1661 г. якутские власти дали наказ «выслать в Якутцкий острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина, да Алешку Яковлева Усольца». Рубец даже арестовал на корге Проньку Федорова Травина, а потом

использовал его в качестве вожа при плавании на юг. Зиму 1662—1663 гг. Рубец и его спутники, вероятно, провели в верховьях Камчатки, скорее всего, на реке Никул. Лишь осенью 1663 г. отряд Рубца вернулся на анадырскую коргу и оттуда в Анадырский острог, где тогда ещё находился в качестве приказного знаменитый первооткрыватель Байкала Курбат Иванов. Есть основание думать, что некоторые из промышленных людей, сопровождавших Ивана Рубца в его плавании на двух кочах, остались на реке Камчатке и лишь через несколько лет по западному берегу вышли на реку Пенжину. Среди них был Пронька Фёдоров Травин.

Весьма показательно, что уже в 1667 г. на схематическом подлинном Тобольском, так называемом общем Годуновском чертеже Сибири, уже была показана «река Камчатка». С тех пор она изображалась на многих других общих чертежах Сибири (1673 г., 1687 г.), на карте Татарии Н. Витсена «1687» (1690) г. и других.

Предположение о том, что река Камчатка стала показываться на чертежах по данным Семёна Дежнева или Михаила Стадухина, документально не подтверждается: упоминаний «реки Камчатки» в документах Дежнева, Стадухина и их спутников нет, да и по нашим данным и не могло быть, так как это название появилось лишь после их походов на Северо-Восток. Вероятнее всего, в Тобольск сведения о реке Камчатке попали от участников плавания Ивана Рубца, который сам был тоболяком. Но Иван Рубец вернулся на Лену в конце 1668 г., а в Тобольск лишь в 1670-х гг.

Столь же показательно, что всего через несколько месяцев после возвращения Рубца в Якутск местные власти послали на реку Камчатку казачьего десятника Ивана Ермолина, который ранее несколько лет прослужил на Гижиге. Но этот поход 1669—1670 гг. окончился трагически: все его участники погибли от голода. В 1676 г. якутский воевода А. А. Барнешлев провёл в приказной избе опрос бывалых людей о землях, расположенных южнее Анадыря. Ему удалось собрать весьма глухие сведения о камчатских морских бобрах — каланах. Первым опрашивался Иван Рубец, последним — казачий пятидесятник Фёдор Яковлев Кузнец. Пока нам неизвестно, как Кузнецу удалось побывать в районе Камчатки. Но любопытно, что когда в 1688 г. на Анадырь в качестве нового анадырского приказного прибыл его родной сын Василий Фёдоров Кузнец, то он сразу же решил с анадырской корги совершить на двух кочах морской поход в сторону Камчатки. Результаты этого похода неизвестны: все мужчины, его участники, были вероломно убиты восточными чукчами 6 декабря 1688 г.

Любопытно, что анадырский казак Иван Котельник, вскоре отправленный на поиски пропавшего отряда Василия Кузнеця, тоже пошёл на юг в сторону Камчатки, а полтора года спустя, в 1690 г., он был обвинён в Якутске в намерении стать «вожом» (проводником) у тех якутских казаков, которые будто бы задумали самовольно бежать на реки Анадырь и... «Камчатку»! Среди этих обвиняемых был казак Иван Осипов Голыгин, который впоследствии погиб на западном побережье Камчатки на реке, названной по его имени Голыгиной. Впервые Голыгин попал на Камчатку вместе с отрядом Луки Семёнова Мороски Старицина в 1695—1696 гг. Все эти данные говорят о том, что ещё задолго до знаменитого камчатского похода Владимира Атласова русские неоднократно бывали на полуострове Камчатка.

Так кто же из русских ещё в середине XVII в. жил на реке Никул — «Федотовщине»?

Пока на этот вопрос нельзя дать безоговорочный ответ. Но наши архивные изыскания позволяют высказать следующие догадки.

Начну с названия «Федотовщина». Оно, несомненно, возникло потому, что казаки, ходившие на Камчатку, ещё ранее слышали, что на Камчатке бывал какой-то «Федотов сын». В одном из документов 60-х гг. XVII в. есть жалоба, что река Пенжина будто бы опустела из-за бесчинств промышленного человека Савелия Анисимова Сероглаза, которого анадырцы вскоре стали называть «Шароглазом», и беглого колымского казака «Леонтия *Федотова сына*». Оба явно бывали на полуострове Камчатка. И, по всем данным, Леонтий Федотов сын некоторое время жил в северной части западного побережья Камчатки в зимовье в низовьях реки Лесной, которую русские в XVII в. называли «Воемля» — от корякского Уемлян (по данным А. Н. Жуковой, это название означает «Изломанная»). Именно тут русские могли контролировать самый короткий переход с Охотского моря на Берингово, на реку Карагу. Уже в росписи чертежа Сибири 1673 г. упоминается такой переход «через камень», с вершины которого можно видеть сразу два моря — «Амурское» (Охотское) и «Ленское», то есть то, по которому можно доплыть даже до Лены.

На «Чертеже земли Якутцкого города» 1697 г. в северной части изображения полуострова Камчатка чётко сказано: «Р[ека] Воемля. Тут Федотовско зимовье бывало». По нашему убеждению, это сообщение относилось к зимовью беглого Леонтия Федотова. Вот почему в Якутске и было хорошо известно, что когда-то в северной части Камчатки жил какой-то «Федотов сын». Можно ли удивляться,

что, обнаружив в первом десятилетии XVII в. развалины двух старинных зимовьев на реке Никул, камчатские казаки решили, что они принадлежали легендарному Федотову сыну и потому и назвали эту реку Федотовщиной, позднее просто «Федотихой». Конечно, это произошло потому, что местные ительмены произносили явно близкое имя: по Стеллеру «Фетька» или «Фёдор».

Поэтому и возникает вопрос: какой «Федька» здесь мог быть?

Тут возможны самые различные варианты. Перечислю главные из них.

1. Если Иван Камчатой действительно сам был на реке Камчатке, то «Фетькой» — «Фёдором» мог быть назван непосредственный начальник Ивана Камчатого казак *Фёдор* Алексеев Чюкичев. С. П. Крашенинников, доказывая, что на Камчатке был Федот Алексеев, упоминал, что жившего на Камчатке начальника звали «Алексеевым»! По утверждению Крашенинникова, русские с реки Никул — «Федотовщины» отправились на западное побережье и вскоре были убиты. Именно так и сложилась судьба Ивана Камчатого, Фёдора Чюкичева, Макея Игнатьева и их товарищей. Но, к сожалению, пребывание на реке Камчатке Фёдора Чюкичева и его спутников пока не удалось подтвердить русскими документами середины XVII в.

2. В отряде Ивана Рубца сбором ясака ведал целовальник *Федька* Лаптев, а пребывание Ивана Рубца и его спутников в верховьях Камчатки уже доказано двумя документами 1668 г. «Федька» Лаптев, вероятно, провёл в верховьях Камчатки зиму 1662—1663 гг. Но особенно долго здесь был «Пронька» *Фёдоров* Травин.

3. Очень важно выяснить, когда в этом районе смог побывать пятидесятник *Фёдор* Яковлев Кузнец, от которого в Якутск поступили первые туманные сведения о камчатских бобрах-каланах ещё в 1676 г. Не он ли был в верховьях Камчатки? Не следует забывать и о его сыне Василии *Фёдорове* Кузнецове, который с июля до ноября 1688 г. плывал на двух кочах в сторону Камчатки.

Из приведённых вариантов всё же наибольшего внимания заслуживают два первых. В этом можно убедиться, внимательно анализируя выше приведённый и рассказ Михаила Кобычева, который оказал весьма сильное влияние на Степана Крашенинникова.

Прежде всего, вспомним, что Михаил Кобычев упоминал имя «Фомы промышленного». В нём нетрудно узнать активного участника исторического плавания Семёна Дежнева 1648 г. вокруг «Большого каменного пояса» (Чукотки) к Анадырскому лиману — промышленного человека Фому Семёнова Пермяка. Он был участ-

ником основания Анадырского острога и продолжал служить на Анадыре и после ухода оттуда Семёна Дежнева в 1659 г.

В поздние годы он был известен на Анадыре под двумя прозвищами — «Медведь» и «Старик». В 1662 г. на Анадырской корге он присоединился к Ивану Рубцу, когда тот на двух кочах пошёл к Камчатке. Вместе с Рубцом осенью 1663 г. вернулся на Анадырь, но вскоре не поладил с ним и объявил о своём уходе на юг «к корякам». Несомненно, именно от него более молодые анадырцы, в том числе и участники плавания Рубца, узнали и об историческом плавании Семёна Дежнева 1648 г. на двух кочах и об основании Анадырского острога и об исчезновении коча торгового и промышленного человека Федота Алексеева. Потому-то позже кое-кто на самой Камчатке решил, что «Федотовщина» получила своё название от «Федота Алексева Попова». Однако современные лингвисты не без основания считают, что название «Федотовщина» могло произойти только от «Федотова» (сына). Но особенно показательным, что камчатские казаки упорно сообщали о появлении первопоселенцев на Федотовщине «морем с реки Лены». Плавание 1648 г., как известно, началось *только с Колымы*. В 40-х гг. Дежнев западнее Индигирки не был. А от реки *Лены* плыли только Иван Рубец и несколько его спутников (другая часть к нему присоединилась лишь на Анадырской корге).

Кобычев рассказывал о каком-то конфликте из-за «ясырки» — пленной женщины. О таком конфликте не раз упоминал не только Степан Крашенинников, но и очень осторожный Георг Стеллер. По архивным документам выяснилось, что такой конфликт, действительно, был в отряде Ивана Рубца. В 1665 г. анадырские казаки обвиняли Рубца в том, что он «з двумя бабами — всегда был... в беззаконстве и в потехе и с служилыми и торговыми и с охочими с промышленными людьми не в совете о бабах». Правда, сам Кобычев почему-то связал всё это с рассказом, который, скорее всего, относился к группе Фёдора Алексеева Чюкичева — Ивана Иванова Камчатого. Кобычев утверждал, что это произошло в группе, которая пошла по западному берегу на реку Парень и позже вся была перебита. Иван же Рубец возвращался на Анадырь на двух кочах Беринговым морем, и все его спутники остались живыми. На реку же Парень ходили те, кто жил в Чендонском зимовье на вершине Гижиги.

По документам XVII в. видно, что туда всегда выходили по реке Парень. И после зимовки там Фёдор Алексеев Чюкичев, Иван Иванов Камчатой и их спутники и были все перебиты на Омолоне

летом 1661 г. при возвращении на Колыму. Позже выяснилось, что убийцы русских бежали на юг в сторону Камчатки. При возвращении вдоль западного берега Камчатки русские в XVII в. пользовались кочами, вероятно, от устья Тигиля).

Утверждение же Кобычева о плавании вокруг южной оконечности Камчатки явно неправдоподобно: этим опасным путём русские стали пользоваться только в начале XVIII в.

Любопытно отметить, как об этом пишет Г. В. Стеллер. Упомянув живших один год на Камчатке русских, которые «из огненных труб зверей убивали» и тем самым у местных жителей «великий страх и почтение вызывали». Стеллер повторил сообщение о том, что кто-то из русских «в припадке ревности один другого в злобе зарезал ножом» и тем самым навёл коряков об убийстве всех русских. При этом Стеллер от себя добавил: «Только нельзя поверить, чтобы это судно приплыло с Колымы, когда более вероятно, что оно пришло с Пенжины».

Таким образом, в рассказе Михаила Кобычева тоже воедино смешались сообщения о разных событиях XVII в. И в этом нет ничего удивительного: ведь Кобычев рассказывал о событиях, происходивших за семьдесят — девяносто лет до этого! Наиболее очевидно, что здесь воедино смешались сведения о плавании Дежнева 1648 г., исходившие от Фомы Семёнова Пермьяка; сообщения о беглом колымском казаке Леонтии Федотове; о первой группе русских, побывавших на реке Камчатке и позже убитой на Омолоне, наконец, о зимовке на верхней Камчатке отряда Ивана Рубца — Фёдора Лаптева в 1662—1663 гг. Иван Рубец уже употреблял название «река Камчатка», которое, по всем данным, возникло от прозвища Ивана Иванова Камчатого, и, вполне возможно, именно от тоболяка Ивана Рубца название «река Камчатка» и стало известно в Тобольске в период составления «Годуновского чертежа Сибири 1667 г.».

Безусловно, для дальнейшего уточнения истории появления первых русских в верховьях Камчатки необходимо ещё продолжить изыскания в наших богатейших архивах, и в первую очередь, в московском ЦГАДА. Вероятно, ещё удастся уточнить некоторые подробности. Но одно уже теперь очевидно: версия о пребывании на Камчатке дежневца Федота Алексея Попова никак не может быть признана состоятельной. Напомню, что мне уже не раз приходилось на это указывать. Ещё в 1961—1963 гг. я уже писал об этом в газетных статьях, в 1964 г. — в статье, опубликованной в третьем выпуске «Сибирского географического сборника» (с. 234),

а в 1966 г. — в статье о происхождении названия Камчатка в «Кратком топонимическом словаре Камчатской области» В. П. Кускова (с. 107—108). Мои аргументы были поддержаны Б. О. Долгих и В. П. Кусковым.

В ноябре 1971 г. этот вопрос стал предметом специального обсуждения на XI международной конференции по истории географических открытий, которая проходила в Йельском университете (Нью-Хейвен, США). Там тоже было признано, что Федот Алексеев Попов не был в состоянии попасть в верховья Камчатки.

Итак, опровержение неправдоподобной легенды о пребывании дежневца Федота Алексея Попова в верховьях Камчатки, легенды, появившейся лишь в середине XVII в., позволило установить другое, более важное, — то, что ещё в середине XVII в., задолго до похода Владимира Владимировича Атласова, на Камчатке неоднократно бывали различные группы русских. Уже тогда они смотрели на эти земли как на собственность России. И именно благодаря их сведениям на сибирских чертежах смогло впервые появиться и изображение реки Камчатки, а позже и полуострова, который первоначально именовался то «Ламским носом», то «носом с Тёплым морем», то «каменной переградой» и лишь позже стал называться «островом Камчатом» или «Камчадалским носом». Именно от русских о существовании Камчатки смог узнать впервые и весь остальной мир.

Много лет тому назад в беседе с нашим замечательным дальневосточным археологом (ныне членом-корреспондентом АН СССР) Николаем Николаевичем Диковым я высказывал пожелание, чтобы он заинтересовался и районом былых двух русских зимовьев на реке Никул. Я надеялся, что там удастся обнаружить остатки древесины, которые можно было бы использовать для определения их возраста радиоуглеродным методом. Николай Николаевич смог побывать на этом историческом месте. Он пришёл к выводу, что зимовье первых русских на Камчатке находилось на месте «хутора» работников камчатского рыбнадзора Мурашовых. Николаю Николаевичу удалось собрать множество ценных данных о живших здесь в далёком прошлом ительменах. Но пока вновь найти следы пребывания русских не удалось. Хочется верить, что новые исследования ещё принесут удачу археологам. Но уже и теперь ясно, что в этом историческом месте следует создать мемориал, ибо именно здесь, бесспорно, ещё в середине XVII в. существовало одно из самых первых русских поселений на полуострове Камчатка.

Камчатка: литературно-художественный сборник. — Петропавловск-Камчатский, 1983. — С. 160—170.

В защиту Семёна Дежнева
(о статьях Н. В. Ломановича)

Передо мной одна из статей Н. В. Ломановича об историческом плавании С. И. Дежнева 1648 г. из Ледовитого океана в Тихий. В 1984 г. Н. В. Ломанович пишет: «Дежнева отправили не руководить походом на Анадырь, а просто добраться до этой реки с шедшей туда большой торгово-промышленной экспедицией. На время похода он был не командиром, а только попутчиком» [4. С. 241]. Ещё в первой половине XIX в. П. А. Словцов называл С. И. Дежнева простым «седаком», «пассажиром» [11. С. 58]. И вот, оказывается, эта версия, давно уже опровергнутая как в нашей стране, так и за границей, вдруг вновь возрождается...

Читаю дальше и вновь наталкиваюсь на ещё один необоснованный выпад против С. И. Дежнева: «...из-за того, что служилый человек — единственный участник похода 1648 г., оставивший после себя описание путешествия от Колымы до Анадыря, ему присваивается слава вожака и организатора экспедиции. А имя Федота Попова известно лишь специалистам по истории Восточной Сибири» [4. С. 243].

Тут допущено сразу несколько неточностей. Во-первых, «описания путешествия от Колымы до Анадыря» Семён Дежнев вообще не оставил. Он был неграмотным. Просто по его указанию и, вероятно, под его диктовку Никита Семёнов составил отписки, в которых лишь несколько фраз позволили ещё в 1737 г. академику Г. Ф. Миллеру установить, что С. И. Дежнев первым смог морем пройти с Колымы до Анадыря. Во-вторых, утверждение, что торговый человек Федот Алексеев Попов был будто бы известен «лишь специалистам по истории Восточной Сибири» — далеко от истины. На самом деле о нём писали неоднократно не только историки и географы, но и писатели, и журналисты, и краеведы. В-третьих, все серьёзные исследователи признают, что первоначально Федот Алексеев Попов был главным организатором похода. Но после того как Дежнев на Колыме был назначен приказным — «начальным человеком», очевидно, на него легла часть обязанностей по дальнейшей организации похода и уж полностью по его руководству: он действительно стал его «вожаком».

В те времена торговые и промышленные люди не имели права самостоятельно ходить в «новые неясные землицы». Торговля в этих землях разрешалась лишь после сбора ясака, а организовать его имел право только приказной, обязательно из числа

служилых людей. Вот почему Ф. Алексееву и другим торговым людям и пришлось у колымского приказного Вторга Гаврилова «прошать служилого человека» с тем, чтобы он возглавил поход в качестве «начального». «И с Колымы реки, — говорится в челобитной С. И. Дежнева 1662 г., — поднялся я, холоп твой, морем проведывать новых рек и приискать вновь сверх тех прежних рек новую реку Анандырь. И на той новой на Анандыре реке, будучи на твоей великого государя службе, зимовье и острог поставил и аманатов поймал и ясаку тебе великому государю, и десятыя собрал на той новой реки шесть сороков тридцать девять соболей и пластин соболях семь сороков, четыре пупка соболях, пятнадцать пуд тридцать шесть фунт кости рыбы моржевого зубу» [5. С. 281].

Не очевидно ли, что так мог сообщать только глава похода, ещё облачённый на Колыме всей полнотой власти.

К сожалению, ещё до Н. В. Ломановича эти элементарные факты не учитывали и некоторые другие авторы. Именно поэтому с середины двадцатого века (только!) кое-кто стал необоснованно называть поход 1648 г. «плаванием Федота Алексева Попова — Семёна Дежнева». Явно под влиянием этого Н. В. Ломанович и сделал ещё один шаг в дальнейшем преуменьшении роли Дежнева в истории плавания 1648 г. — он даже в цитируемой статье изъясил вообще имя Дежнева из самого её названия, оставив имя только Федота Алексева Попова! [4]. При этом Ломанович счёл возможным произвольно сравнить Дежнева с «летописцем (?) Пигафеттой» при Магеллане. Роль Магеллана в данном случае он отвёл тому же Федоту Алексеву Попову.

По мнению Н. В. Ломановича, его выводы будто бы подтверждаются выявленными мною колымскими документами мая 1648 г., из которых видно, что решение о назначении С. И. Дежнева приказным состоялось всего за несколько недель до начала похода 1648 г. [6]. Да, действительно, Дежнев получил своё назначение весьма поздно. Но это отнюдь не даёт основание брать под сомнение его ведущую роль в походе 1648 г.

Пытаясь отстоять свою ошибочную точку зрения, Н. В. Ломанович особое внимание обращает на то, что тогда С. И. Дежнев был простым казаком. «Не следует забывать, — пишет он, — и о его невысоком чине — рядовой казак, даже не десятник. Следовательно, и приказывать он мог только рядовым казакам, а не находившимся в плавании торговым и промышленным людям» [4. С. 241]. Эта фраза ещё раз показывает, как плохо представляет автор статьи действительную обстановку того времени! Если простой казак

становился тогда приказным, то ему беспрекословно должны были подчиняться не только служилые, но и все промышленные и торговые люди.

Н. В. Ломанович стремится доказать, что Дежнев не был опытным моряком: он де морем ходил лишь от Индигирки до Алазеи, а затем на Алазее будто бы «служил какое-то время под началом Дмитрия Зыряна и на Колыму пришёл вместе с ним» [4. С. 239]. На самом деле и в то время Дежнев продолжал служить под началом М. В. Стадухина и именно с ним совершил плавание на коче, в строительстве которого принимал личное участие. К тому же цитируемый автор забывает, во-первых, то, что мы до сих пор ещё не знаем раннюю биографию северянина Дежнева и, во-вторых, то, что по морю он плыл «подле берега» на коче, приспособленном к плаванию по сибирским рекам, а опыт таких плаваний был у него немалый.

Стремясь отодвинуть Дежнева на второй план, Н. В. Ломанович произвольно пытается доказать, что торговый человек Федот Алексеев Попов в отличие от Семёна Дежнева был опытным моряком, поскольку он был уроженцем Колмогор. Но когда же Попов плавал по морям? В течение нескольких лет он торговал во внутренних городах Сибири — Тобольске, Тюмени, Томске, Енисейске, Якутске и только в 1642 г. отправился по Лене к морю в качестве спутника Ивана Реброва и по морю прошёл только до Оленёка. История перехода Федота Алексеева с Оленёка на Колыму пока ещё остаётся неизвестной. Так почему же мы должны считать, что у него морской опыт был большим, чем у Дежнева? Поскольку это доказать невозможно, названный автор начинает оперировать неправдоподобной легендой о том, что Федот Алексеев смог морем будто бы попасть в верховья реки Камчатки и якобы на следующий год «снова вышел в море, но не повернул назад, а обогнул полуостров Камчатку и погиб во время зимовки на её западном берегу» [4. С. 243].

На самом деле Федот Алексеев Попов, Герасим Анкудинов и другие их спутники погибли от голода и цинги в районе южной части Анадырского залива. Семён Дежнев, рассказывая о своём коротком походе с Анадырской корги (ныне земля Гека) по южному берегу Анадырского залива, сообщал в Якутск: «А в прошлом 162-м (1654 г. — *Б. П.*) году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил я, Семейка, у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Ерасим померли цынгою, а иные товарищи побиты и остались невеликие,

сей побежали в лотках с одною душою, не знаю де куда» [9. С. 132]. Именно в связи с этим в окладной книге Якутска и появилась выявленная мною запись: «Герасим Онкудинов послан на государеву дальнюю службу на Ковыму реку прежних, при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарищи и в нынешнем во 164-м (1656 г. — *Б. П.*) апреля 11 де[нь,] по отписке с Анандыри реки Семейки Дежнева тот Герасимко умер, а в котором году в отписке не написано» [ЦГАДА. ЯПИ. Оп. 4. Кн. 375. Л. 159]. А в другом документе Якутского острога прямо указывается, что Герасим Анкудинов умер на реке Анадырь [10. С. 64].

Впрочем, Н. В. Ломанович в своей второй статье, опубликованной в журнале «Знание — сила», даже пытается эти данные опровергнуть: «Остаётся надеяться, — пишет он, — что Федот Попов всё-таки остался жив после гибели своего последнего коча, но его жена, прекрасно зная о жестоком наказании, ожидавшем разорившегося приказчика, обманула Дежнева, сообщив о смерти мужа» [3. С. 43]. До такой фантазии пока никто ещё не доходил!

Н. В. Ломанович обходит молчанием те новые исследования, которые ясно показали, что Федот Алексеев Попов никогда не был на Камчатке, а различные «слухи», которые дошли до С. П. Крашенинникова, в какой-то степени были связаны с появлением на Камчатке в 50—60-х гг. XVII в. других групп русских землепроходцев.

Решил Н. В. Ломанович поддержать и фантастическую версию о том, что один из кочей экспедиции 1648 г. был отнесён к берегам Америки. «В какой-то степени, — пишет он, — такое предположение подтверждают найденные там в 1937 г. остатки русских изб. Возраст их определён примерно в триста лет» [3. С. 42]. К сожалению, Н. В. Ломанович не учёл, что эта версия уже была опровергнута: найденные в 1937 г. постройки оказались более молодыми и никакого отношения к русским избам они вообще не имели [12. С. 18].

Желая принизить роль С. И. Дежнева как начальника похода, Н. В. Ломанович намеренно преувеличивает силу «казачьей вольницы». Он так и утверждает: «Сибирская вольница XVII в. предпочитала вообще никому не подчиняться» [4. С. 242]. Очевидно, это написано отнюдь не в результате знакомства с подлинными архивными документами XVII в., а под влиянием художественной литературы, где так обычно рисуют лихих сибирских казаков. Однако все известные документы о деятельности С. И. Дежнева ясно говорят, что он и у казаков, и у торговых, и у промышленных людей пользовался большим авторитетом, и чаще всего его приказания выполнялись безоговорочно.

Н. В. Ломанович, стараясь доказать большую зависимость С. Дежнева от анадырцев, особое внимание обратил на сообщение Юрия Селивёрстова [10. С. 120] о том, что на Анадыре «в зимовьях живут служилые и промышленные люди, у них выбраны два приказных — Семён Иванов Дежнев да Микита Семёнов». И Ломанович спешит сделать вывод: «Выходит, даже на Анадыре, чтобы стать приказным, Дежневу мало было предъявить имеющийся при себе наказ Вторга Гаврилова. Ему пришлось добиваться своего избрания, а потом делить власть с Никитой Семёновым» [4. С. 242]. Этот вывод опять показывает, насколько вольно Ломанович толкует факты.

Что же было на самом деле? В 1650 г. на Анадыре появился казак М. В. Стадухин, который заявил, что у него имеется наказная память быть тут приказным. Но он был послан на «реку Погычу» и стал произвольно утверждать, что Анадырь есть река Погыча. С этим не согласился Семён Дежнев, который был послан на Анадырь в качестве приказного. Возник конфликт. В этих особых условиях самим анадырцам пришлось решать вопрос, кому же быть на Анадыре приказным, и они отдали предпочтение Дежневу. А из-за того, что тот был неграмотным, ему для письменных дел в помощники и был избран пришедший на Анадырь только в 1650 г. Никита Семёнов. Но Дежнев отнюдь не разделял с ним власть на Анадыре, как утверждает Ломанович. После ухода Стадухина с Анадыря Дежнев был единовластным анадырским приказным. А после Дежнева все новые приказные на Анадырь назначались уже только в Якутске, и сами анадырцы никакого отношения к этому не имели. Они обязаны были безоговорочно подчиняться присланным к ним приказным.

Вызывает возражение и следующий абзац в статье Н. В. Ломановича [4. С. 241]: «Колымская администрация, прежде всего, должна была потребовать от назначенного ею руководителя большого похода полный и подробный отчёт о путешествии — сколько дней и в каком направлении шёл морем, где и когда разбились доверенные ему кочи, описание открытых земель и так далее. Подобный документ составил в своё время Михаил Стадухин (ссылка на [5. С. 221—222]). С Дежнева такой отписки, очевидно, не потребовали. Поводом, заставившим его диктовать те челобитные, в которых он сообщил некоторые сведения о походе 1648 г., было или желание доказать своё право первооткрывателя богатой моржовой корги в районе Анадыря, или необходимость перечислить все свои заслуги, чтобы получить, наконец, девятнадцать лет не-

выплаченное жалование. Ни Миллеру, обнаружившему эти документы, ни последующим исследователям не удалось найти отчёт Дежнева, посвящённый путешествию 1648 г. как таковому».

Прежде всего, возникает вопрос: как может быть обнаружен «отчёт Дежнева, посвящённый путешествию 1648 г.», если, очевидно, он вообще не существовал. Миллер нашёл отписки 1655 г., но отнюдь не челобитную об уплате жалования за девятнадцать лет (это уже находка XIX в.). Не громко ли сказано: «колымская администрация»? Она состояла всего из одного приказного и одного целовальника. И как они могли требовать «полного и подробного отчёта», если тогда существовала острая нехватка бумаги, и от приказных требовали отмечать на ней лишь настоящие доходы? Конечно, нельзя не пожалеть о том, что Дежнев не составил отчёта о своём замечательном плавании. Но мы ему благодарны уже за то, что он в свои отписки 1655 г., составленные Семёновым, включил ряд фраз, которые и позволили установить, что он прошёл на Анадырь морем, и даже восстановить некоторые подробности его похода. Не будь этих известий Дежнева, историческое плавание 1648 г. осталось бы нам неизвестным. Что же касается того, где разбились кочи, участвовавшие в его плавании, то С. И. Дежнев дал на этот вопрос вполне чёткий ответ в своей челобитной 1664 г.: «Шли морем на шти кочах девяносто человек и прошед Анадырское устье судом божим те наши все кочи море розбило» [5. С. 278]. К сожалению, Н. В. Ломанович некритически повторяет ошибочную старую версию о том, что три коча экспедиции будто бы разбились ещё до подхода к Чукотскому полуострову.

Н. В. Ломанович игнорирует ряд новых положений, которые существенно уточняют историю плавания 1648 г. Так, он продолжает считать, что оно началось из Нижнего Колымского зимовья [3. С. 42]. Но внимательное изучение первоисточников ясно показало, что на самом деле оно было начато из Средне-Колымска, где и находился приказной Втор Гаврилов [7].

Далёк от истины и рассказ об осаде Нижнеколымского зимовья «пятистами взбунтовавшимися ясачниками» [3. С. 42]. Оставим на совести Ломановича термин «ясачник». Отметим лишь, что там никак не могло быть пятьсот взбунтовавшихся плательщиков ясача, хотя бы потому, что в том малонаселённом районе их столько вообще не было.

Перечень подобных ошибок можно было бы продолжить, но и то, что здесь изложено, достаточно убедительно показывает: статья Н. В. Ломановича не выдерживает серьёзной научной критики.

Очередная попытка принизить роль С. И. Дежнева в плавании 1648 г., как и следовало ожидать, оказалась неудачной.

Вне всякого сомнения, Дежнев был не только официальным, но и фактическим руководителем исторического похода 1648 г., несмотря на то, что на первом этапе в самой организации этого похода главную роль сыграл торговый человек Федот Алексеев Попов.

Несомненно, Семён Дежнев из всех участников похода был наилучшим руководителем. Это ясно видно хотя бы по тому, как сложилась их дальнейшая судьба. Федот Алексеев Попов, Герасим Анкудинов, оказавшись после гибели их коча на корякском берегу, не смогли преодолеть трудностей, выпавших на их долю, и погибли от голода и цинги. Семён Дежнев благодаря своей энергии и опыту вывел отряд на Анадырь и основал там зимовье, позже превращённое в острожек. И только поэтому в Якутске, в Тобольске, а потом и в Москве ещё в середине XVII в. стало впервые достоверно известно, что Северо-Восток Азии заканчивается «Большим каменным носом» или просто «Носом», то есть Чукотским полуостровом. И именно это открытие уже давно позволило историкам географии прийти к правильному выводу: бесспорно, русские в 1648 г. первыми смогли практически доказать, что в районе Чукотского полуострова нет никакого перешейка, соединяющего Азию с Америкой.

Известия о «Носе» на Северо-Востоке Азии ещё в конце XVII в. стали известны за границей. О нём неоднократно упоминал голландский учёный Н. Витсен. Он по русским данным изображался на некоторых западноевропейских и даже на пекинских картах (это ясно видно хотя бы по маньчжурской карте Северо-Восточной Азии, которую недавно на Тайване обнаружил Киничи Ёсида [14]).

Всё это лишний раз подтверждает мировое значение открытия Семёна Дежнева, хотя само его имя стало известно в литературе лишь с середины XVIII в.

Особенно прискорбно, что статьи Н. В. Ломановича вышли в свет в тот момент, когда подвиг Семёна Дежнева стал получать более широкое признание за рубежом. Достаточно напомнить, что в 1981 г. калифорнийский историк Реймонд Фишер смог опубликовать в Англии ценную монографию: «Путешествие Семёна Дежнева 1648 г.» [13]. В ней он, тщательно проанализировав тексты ныне известных документов о плавании, убедительно опроверг все известные ему попытки взять под сомнение подвиг Семёна Дежнева.

(В 1984 г. Н. В. Ломанович опубликовал в журнале «Вокруг света», № 6, статью о происхождении названия «Камчатка». В ней

он произвольно утверждает, будто бы на полуострове Тайгонос существовала речка Камчатка, по названию которой был позже назван полуостров. На заседании комиссии топонимики и транскрипции географических названий 19 ноября 1984 г. эта статья также была признана псевдонаучной. Её решительно осудили в своих письмах в Географическое общество СССР и видные камчатские краеведы Н. И. Захарова, В. П. Мартыненко и другие.)

Завершая эту статью, не могу не возразить и против участвовавших попыток некоторых авторов второй половины XX в. именовать морской поход 1648 г. «экспедицией Федота Алексеева — Семёна Дежнева». Здесь также обнаруживается стремление приписать истинное значение Семёна Дежнева. Хотя Федот Алексеев и был первоначально главным организатором плавания 1648 г., всё-таки только Семёну Дежневу — главному руководителю похода — мы обязаны тем, что великие открытия русских 1648 г. на Северо-Востоке Азии стали известны всему миру. Поэтому нет никаких серьёзных оснований отказываться от издавна уже вошедшего в литературу названия — «поход Семёна Дежнева 1648 г.», — так его именовали виднейшие отечественные историки географии — Ю. М. Шокальский, Л. С. Берг и многие другие видные деятели нашего Географического общества.

Литература

1. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М. : Л.: Изд. АН СССР, 1946.
2. *Болховитинов Н. Н.* Зарубежные исследования о С. Дежневе и В. Беринге. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1983, № 4.
3. *Ломанович Н. В.* Дежнев и Попов... Попов и Дежнев // Знание — сила, 1983, № 4.
4. *Ломанович Н. В.* Федот Алексеев Попов. Плавание из Ледовитого в Тихий. — Изв. ВГО. 1984. Т. 116. Вып. 3.
5. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. Сб. док. М.: Географгиз, 1951.
6. *Полевой Б. П.* Новое о начале исторического плавания С. И. Дежнева в 1648 г. — Изв. Вост.-Сиб. отд. ГО СССР. Иркутск, 1965. Т. 63.
7. *Полевой Б. П.* О точном тексте двух описок Семёна Дежнева 1655 г. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1965, № 2.
8. *Полевой Б. П.* Новая работа о плавании Семёна Дежнева. — История СССР, 1983. № 3.
9. Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л.: Гидрометеоиздат, 1964.
10. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1952.

11. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. Т. 1.
 12. *Фёдорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М.: Наука, 1971.
 13. *Fisher R. H.* The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's precursor. With selected documents. London: The Hakluyt society, 1981. 326 pp.
 14. *Ёсида К.* Продвижение России на Восток и Нерчинский договор. Токио, 1984. (На яп. яз.).
- Известия Всесоюзного Географического общества, 1985. № 1. — С. 138—141.

Арсеньев на Камчатке

Уже более двух десятилетий в различных журналах нашей страны, и в первую очередь в «Дальнем Востоке», часто появлялись статьи Анны Ивановны Васиной (позже — Тарасовой), посвящённые жизни известного писателя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. В 1975 г. А. И. Тарасова успешно защитила в Ленинграде в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию «В. К. Арсеньев — исследователь этнографии народов Дальнего Востока (историографический и источниковедческий аспект)». В 1985 г. главная редакция восточных литератур издательства «Наука» выпустила её труд «Владимир Клавдиевич Арсеньев» (344 с.) под редакцией известного знатока истории русско-китайских отношений доктора исторических наук В. С. Мясникова.

Многие рецензенты теперь называют книгу А. И. Тарасовой «маленькой энциклопедией» по трудам В. К. Арсеньева. Немало в ней сведений и о Камчатке.

Весной 1918 г. переселенческое управление попросило Арсеньева возглавить специальную Камчатскую экспедицию. 17 июля 1918 г. он с борта парохода «Сишан» впервые увидел знаменитую южную оконечность полуострова — мыс Лопатка, 19 июля впервые попал в Петропавловск. Его поразила «привлекательность» Авачинской губы.

2 августа на судне «Командор Беринг» Арсеньев отправился в Усть-Камчатск. Тут, в устье реки Камчатки, на песчаной косе исследователь провёл весьма удачные археологические раскопки.

С 22 августа началось плавание В. К. Арсеньева вверх реки Камчатки. Он посетил селения Чёрный Яр и Берёзовый Яр. Всюду, куда бы ни приезжал В. К. Арсеньев, он кратко сообщал местным жителям о последних политических событиях, как в Европейской России, так и на юге Дальнего Востока.

12 сентября экспедиция прибыла в Верхнекамчатск. Здесь смогли разыскать место, где в начале XVIII в. стоял Верхнекамчатский острог. 19—20 сентября совершили переход от селения Малки в Начики. А 23 сентября вышли в Коряки, откуда и начали после короткой остановки последний переход через селение Завойко (ныне Елизово) в Петропавловск.

Вторично у берегов Камчатки В. К. Арсеньев побывал летом 1922 г. 15 января 1922 г. приказом по Управлению рыбными и морскими звериными промыслами на В. К. Арсеньева было возложено заведование Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края. Поэтому в конце мая 1922 г. он попросил декана восточного факультета Дальневосточного университета предоставить ему отпуск для плавания в район Гижиги. 23 июня 1922 г. он отправился на пароходе «Кишинёв» на север вдоль западного берега Камчатки. 17—20 июля «Кишинёв» выдержал сильный шторм. После короткой остановки в устье реки Ичи судно повернуло в сторону Тауйска и Ямской губы. Двадцать дней спустя на шхуне «Пенжина» он пошёл в Гижигу. Там на них напали бочкарёвцы. Но капитану А. М. Менгелю удалось увести шхуну из Гижиги.

В третий раз В. К. Арсеньев отправился к берегам Камчатки в 1923 г. 30 июня 1923 г. пароход «Томск» подошёл к устью реки Большой, где стоял три дня. Огибая южную оконечность Камчатки, мыс Лопатку, «Томск» в Первом Курильском проливе попал в шторм. Поэтому в Петропавловск прибыли только утром 8 июля. Днём по просьбе камчатского краеведа П. Т. Новограбленова Арсеньев выступил с докладом в местной школе, а вечером того же дня он уже плыл к Усть-Камчатску, откуда 11 июля отправился к Командорским островам.

На обратном пути стоянка в Петропавловске продолжалась с 22 июля по 9 августа, что позволило Арсеньеву принять участие в археологических раскопках на берегу Култучного озера, а затем совершить восхождение на Авачинский вулкан (отчёт об этом восхождении опубликован на с. 562—575 второго выпуска историко-краеведческого ежегодника «Камчатский летописец» за 2012 г., изданном в Петропавловске. — *Ред.*). 9 августа 1923 г. Арсеньев сделал в своём дневнике грустную запись: «Прощай, Петропавловск, вероятно, я больше не увижу тебя». Так это и случилось. Но, вернувшись во Владивосток, Арсеньев не забывал Камчатку. Он сделал несколько докладов о ней, выпустил книжку о восхождении на Авачинскую сопку, написал труды «Оленеводство в Охотско-

Камчатском крае», «Убой морского зверя» со схематической картой полуострова и работу «Путешествие на Камчатку в 1918, 1922 и 1923 гг.».

Камчатская правда, 30 августа 1987 г., № 201

Неопубликованное сочинение О. Аргунова о северных айнах
(к 250-летию начала камчатских исследований
С. П. Крашенинникова)

Академик В. И. Вернадский годом «начала самостоятельной исследовательской научной работы русского общества» считал 1737 г. Он связывал это с двумя событиями: первыми исследованиями С. П. Крашенинникова «в безлюдьи Камчатки в её девственной природе» и М. В. Ломоносова — в Марбурге [1].

История научных изысканий С. П. Крашенинникова на Камчатке теперь уже хорошо известна благодаря трудам А. И. Андреева, Л. С. Берга, Н. Н. Степанова и других [2]. Но есть всё же один аспект его деятельности, который пока ещё изучен недостаточно: именно на Камчатке впервые обнаружилось его умение успешно передавать свои знания и опыт ученикам. Позже (в 1750 г.) этот его дар позволил ему стать даже ректором академического университета и гимназии [3]. Но тогда, в 1737—1741 гг., его педагогический талант ещё только начинал раскрываться.

В 1737 г., двести пятьдесят лет назад, одним из первых учеников С. П. Крашенинникова, заслуживающим, на наш взгляд, особого внимания, стал Осип Аргунов. Лучше всего об успехах этого обучения можно судить по сочинениям самого Аргунова.

Мне уже приходилось писать о том, что Осип Аргунов по возвращении с Курильских островов осенью 1741 г. составил два ценных сочинения [4]: «Описание пути от устья Большой реки до Курильской Лопатки и оттуда до Первого, вокруг Второго и обратно вокруг же Первого островов Курильских подле морской берег водным путём, впадающим рекам и речкам» и рассматриваемое в настоящей статье «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении».

Эти сочинения найдены полвека назад выдающимся советским историком А. И. Андреевым [5], однако до сих пор они оставались неизученными. Теперь, когда в нашей стране и за рубежом заметно возрос интерес к историческому прошлому айнов, а источники сведений о нём почти исчерпаны, работы Аргунова приобретают особое значение для науки. Но прежде несколько слов об их авторе.

До поездки на Камчатку Осип Аргунов служил в Якутской воеводской канцелярии. Он был прямым потомком знаменитых сибирских Аргуновых, ведших свой род от Савелия Аргунова, участника основания «златокопящей» Мангазеи [6]. Сын Савелия — Лазарь был первым из Аргуновых, поселившихся в Якутске ещё в 1637 г. [7]. Первым он основал и русские зимовья на Индигирке — Зашиверское и Уяндинское [8]. Позже на Лену пришли томские Аргуновы — Максим и его сын Степан [9]. В якутских документах XVII в. также упоминаются Аргуновы — Евсей, Емельян, Иван и другие [10].

Почти все Аргуновы были грамотными, поэтому не случайно их потомок Осип стал служить в Якутске в качестве «пищика». В 1736—1737 гг. он по распоряжению якутского начальства помогал академику Г. Ф. Миллеру переписывать различные документы «Якутской архивы». Тогда-то, 6 июля 1737 г., Г. Ф. Миллер и добился прикомандирования Осипа Аргунова в помощь студенту Степану Крашенинникову, уезжавшему на Камчатку. Уже на пути в Охотск Крашенинников поручал Аргунову вести различные наблюдения и записи. Впоследствии Аргунов отмечал: был «безотлучно» до 1740 г. «у письменных работ и при метеорологических наблюдениях» (л. 35).

Действительно, значительная часть писем и «репортов» Крашенинникова написана рукой Осипа Аргунова. Часто Аргунов участвовал в сборе растений для гербария, добывал различных животных, из которых делались чучела, помогал Крашенинникову составлять «вокабулярии» — списки слов местных народов. И, наконец, он и сам (по образцам работ Крашенинникова, которые нередко копировал) стал составлять различные географические и этнографические описания.

28 октября 1740 г. Осип Аргунов был откомандирован в распоряжение Г. В. Стеллера, для которого выполнял подобные же поручения.

В апреле 1741 г. Витус Беринг и Георг Стеллер, находившиеся тогда в Авачинской губе в Петропавловской гавани, поручили Аргунову, пока они будут плавать к берегам Америки, «быть на Курильских островах» и заниматься «описанием оных островов и обычаев тамошних иноземцов». Он должен был также руководить собиранием трав и «из моря выброшенных вещей» (л. 35).

24 апреля 1741 г. Осип Аргунов с казаком Слободчиковым вышли на байдарках из Большерецка и, достигнув моря, пошли на юг вдоль западного побережья Камчатки. 4 мая они дошли до

«жилья курильца Якова Темти» [11. Л. 3], где встретились со сборщиком ясака на Курильских островах — Эверестовым. Вместе с ним и ещё двумя гребцами они продолжили путешествие на юг, 22 мая пришли к тому месту, «откуда переезжают с Лопатки на Первый остров» и «где имеется поставленный крест зборщиком Отласовым» (л. 3). До сих пор мы ничего не знали о существовании такого креста вблизи мыса Лопатка.

26 мая Осип Аргунов и его спутники переплыли Первый Курильский пролив между мысом Лопатка и островом Шумшу и поселились в зимовье тойона Купени. Здесь Аргунов проводил зоологические и ботанические сборы, успел даже сделать чучело головы сивуча, птицы «кыгуныгич» и рыбы «тирпуг» (терпуг — рыба из семейства Hexagrammidae).

После подробного осмотра берегов Шумшу и местных поселений он 7 июня переплыл на остров Парамушир, где также осуществлял естественнонаучные сборы и «наблюдал» жизнь аборигенов. К 11 июня Аргунов и его спутники дошли «на дальнюю изголовь Второго острова, где имеется жильё», то есть на южную оконечность Парамушира. Здесь он пробыл до 17 июня.

23 июня Аргунов вернулся на мыс Лопатка, а 1 августа — в Большерецк и стал ждать возвращения Стеллера, однако встреча с ним тогда не состоялась. Как известно, Стеллер и его спутники провели трагическую зимовку 1741—1742 гг. на острове Беринга (Командорские острова). На время отсутствия Стеллера Мартин Шпанберг приказал 18 февраля 1742 г. Осипу Аргунову присоединиться к геодезисту П. Скобельцину, которому было поручено составление новых карт Камчатки. Поэтому Аргунов смог встретиться со Стеллером только осенью 1742 г. Тогда он отчитался перед ним о проделанной на Курильских островах работе. В официальном рапорте Стеллеру он писал, что полученное задание выполнил, и на островах «сколько мог наблюдать тамошних иноземцев в их обычаях и поведении и чрез их сколько мог уведомился» и составил «особливое описание» (л. 3об). Это сочинение из всех написанных О. Аргуновым — самое полное. В нём он очень детально (чувствуется школа Крашенинникова) описывает «иноземцев» — быт, обычаи, нравы, верования, методы воспитания детей и лечение болезней, показывает значение контактов с русскими и многое другое — словом всё, что для нас представляет теперь немалую научную ценность. Мы позволим себе широко цитировать здесь это сочинение, ибо для этнографа подлинные формулировки источника, несомненно, важнее, чем их пересказ.

Сочинение Аргунова не утратило значения для современных исследователей. Прежде всего, оно позволяет дать вполне определённый ответ на вопрос, волнующий историков, этнографов, филологов: кем же были «курилы» южной оконечности Камчатки — островов Шумшу и Парамушир?

В «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинников писал: «Жители сего острова (Шумшу)... как жители Курильской лопатки не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ними несогласий, особливо же по вступлении в сию землю российских людей, отделились от прочих и поселились на острове и на Лопатке. А курильцами прозваны они по жителям Второго острова, с которыми они вступили в сродство чрез взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменялись: ибо дети, рождённые от родителей различных оных наций, и собою виднее, и волосом чернее, и телом мохнаты» (с. 166).

Основываясь на этом высказывании С. П. Крашенинникова, часть исследователей стала безоговорочно считать «курилов» Южной Камчатки и двух северных Курильских островов ительменами. И. И. Огрызко пытался это подтвердить анализом собственных имён жителей Парамушира [12], а некоторые археологи — данными полевых исследований. Особенно большое внимание айнской проблеме уделила археолог Т. М. Дикова, поставившая ряд принципиальных вопросов, требующих скорейшего разрешения. Первый из них: «были ли вообще на Южной Камчатке айны? Далее: если были, то когда и на место какого народа они пришли сюда? И если пришли на место какого-то народа, то какой была их роль в этнических процессах? И, наконец, как и где на Камчатке проходила северная граница айнов и если не их, то культуры с айнскими элементами?» [13]. В результате многолетних исследований Т. М. Дикова заключила: «Нет основания говорить о границе обитания айнов на юге Камчатки. Лучше поставить вопрос о границе их влияния» [14].

Иной точки зрения придерживался Л. С. Берг: «Курилы, жившие на юге Камчатки, — утверждал он, — это айны, смешавшиеся с камчадалами» [15]. По мнению же Б. О. Долгих, блестящего знатока сибирских документов XVII в., «курильцев» южной Камчатки и острова Шумшу «правильнее считать... айнами, а не камчадалами» [16].

Сочинение Осипа Аргунова ценно, в частности, и тем, что поможет, как нам представляется, разрешить этот затянувшийся спор.

Оно ясно показывает, что «курилами» русские в конце XVII — начале XVIII в. называли как «чистых» айнов, так и айнов-ительменов, внешним видом более похожих на айнов, чем на ительменов. Употребление этнонима «курилы» было вполне правомерным, ибо он происходит от айнского *кур* — «человек, люди». Но при этом Аргунов отметил, что в связи с широким переселением ительменов на юг, в «Курильскую землю» — южную оконечность Камчатки и остров Шумшу, там происходило вытеснение айнского языка ительменским.

Ещё в недавнем прошлом камчадалы-ительмены и курильцы-айны, — писал Аргунов, — «языком разны были, а ныне... молодые ребята, кроме стариков, курильского языка и не знают, и говорят языком на Лопатке живущих камчадалов, а приходящие с дальних островов и все тамо живущие один курильский язык имеют, а до скольких островов живущим оной их язык служит, того допроситься у них не можно» (л. 17).

Столь определённого свидетельства о языковой обстановке в интересующем нас регионе исследователи ещё не имели.

Известный японский филолог Мураяма Ситиро доказывал, что на юге Камчатки и на Шумшу существует ряд географических названий айнского происхождения [17] (таковым он вслед за Л. С. Бергом считал, например, название *Явина* — «долина») [18]. Некоторым советским исследователям аргументация Мураямы представляется неубедительной. Но Аргунов в своём сочинении приводит немало различных топонимов явно айнского происхождения. В их числе реки Чипутпит, Питпут, Инонупит, Таямпит, две речки Нивучи-пит и другие (айнское *пит* — «речка»), острова Ут-Умусир, Чиромсир, Кутан-Умусир, Чиромусир, Кутан-Умусир и Пан-Умусир (айнское *мусир*, *мосир*, *мошири* — «остров»). Говорит он и о большом чёрном бугре, который по-айнски назывался Жит-Иоки — «звезда-камень», и поясняет: «В прежние годы слетела де звезда с неба и превратилась в камень» (л. 9). Не исключено, что это действительно был крупный метеорит, а может быть, крупный камень, выброшенный при извержении вулкана. Безусловно айнского происхождения и названия упомянутых Аргуновым рек (Аукурарка, Ашиноуци) и урочищ (Шкан-кип и Муерпу, позже оно стало называться Майрупо [19]).

Встречаясь с курилами Шумшу и Парамушира, Осип Аргунов смог существенно пополнить «курильский вокабулярий» Крашенинникова (с. 470—472). Так, именно Аргунов первым из русских смог записать айнские названия времён года: *чюкан* — «осень»,

мати — «зима», *паикарап* — «весна», *сакъкан* — «лето». То, что это действительно были айнские слова, подтверждают айнские словари Дж. Бечелора и Сиро Хаттори [20]. По данным Бечелора, по-айнски «осень» — *chuk, chuk-an, chuk-pa*; «зима» — *mata, mata-pa*; «весна» — *paikara, pekere*; «лето» — *sak, sakra, sak pura*.

Аргунов первым привёл айнские названия девяти месяцев: *мусикар-чюп* — «октябрь», *сизикач* — «ноябрь», *нохто* — «декабрь», *китга* — «январь», *атьту* — «февраль», *унь-ни* — «март», *госахочю* — «апрель», *тавычю* — «май», *кохичю* — «июнь». При этом он пояснял: «Разделение дней в часы не знают и рождение месяцев не числят, только числят, когда его на небе увидят, то именами различают» (л. 18об.).

Записал Аргунов и айнские названия некоторых звёзд, например звезды *чинукер* — «лось». При появлении на линии горизонта звезды *кичич* там были видны также *унунучинукер* — шесть звёзд по три в ряд. Одну из звёзд курилы именовали *паусеньнит*. А зорницы назывались ими *исат-саватип* (л. 20).

Аргунов был первым, кто собрал сведения об айнских румбах. Вот эти данные: *уяумни* — *S*, *окитай-туумни* — *SW*, *сианьяюка* — *W*, *очип-каумороки* — *NW*, *оатуаромни* — *N*, *ромату* — *NO*, *усираим-ни* — *O*, *урипуас-пукуллу* — *SO* (л. 20).

Впервые Аргунов записал айнские бранные слова с их подлинным значением.

Итак, из приведённых материалов вполне очевидно, что курилы южной части Камчатки и острова Шумшу были айнами, которые смешались с ительменами и во многом усвоили их культуру.

Заслугой Осипа Аргунова было и то, что он попытался определить основные различия во внешнем виде айнов-курилов и ительменов-камчадалов. Он писал:

«Курильцы возрастом (ростом. — *Б. П.*) средние, а больше что малые, а очень дебелых мало в них находится, но больше сухощавые и членами оные гораздо крепче камчадалов. Лица больше что круглы и широки, носы негораздо высокие, но короткие, щёки толсты, рот велик, толстые губы, зубы белые, велики и широки, бороды и ус густы, широки и чёрные, волосы на голове густы, недолги, жёстки и черны, а кудреватых очень мало находится, волосы на тайном у мужчин и женщин есть. А таких людей, которых б волосы на голове были пегие, кроме седины, не имеется. Кожа на теле жестка и смугла и больше таких, что очень черны и по большей части мохнаты, а именно на грудях, на руках, на ногах, на спине и на крыльцах (лопатках. — *Б. П.*), почти и на всём теле. Особливо

случалось видеть на Втором Курильском острове мужика, который назывался Рупускур Ауонаго мужик: на груди и на крыльцах было шерсти дюйма на полтора» (л. 20об.).

Курилов островов Шумшу и Парамушира Осип Аргунов характеризует так:

«Волосы прежде сего мужики только [с] уха на ухо до полголовы выстрегали, так и ныне вновь приходящие все так выстрегают, а здесь у живущих мало находится, кто б волосов не стриг, а иные есть и мужики — плятут по две косы, а прежде сего мало и чесовались только когда склочится, то чесали гребнями, зделанными из китовой кости, о трёх или о четырёх зубах, а бород и ныне не стрегут и не бреют, а женщины прежде сего волосы на многие косы розплетали также и чюжие волосы к своим преплетали, подобно как и у камчадалов, но ныне очень мало, которая такие большие волосы носила, только часто чешутся и плятут на две косы.

Мущины прямо носа верхнюю и нижнюю губу чернят, а женщины верхнюю и нижнюю губы вовсе чернят, также и руки по локоть натирают разные манеров фигуры — иные кругами, а иные наподобие неводным ячеям — также и на перстах ряда по три и по четыре, подобно будто надетым кольцам, и оное натирают таким способом: вывостря камень изчерчивают кожу на теле часто и легко и натирают берестяной или травяною сажею вышеописанным изчерчённым язвам и от того, почернев, зарастает, но ныне оное почти из обычаев выходит, что молодые ребята того не делают.

Зимнее и летнее платье как у мущин, так и у женщин одинакое — парки и куклянки собачьи, нерпичьи и бобровые, также делаются парки из птичьих кож, а именно из перьев сих птиц арьру, мычагаткиных, урильских, курукуруку, кавишучьих [21], чаячьих, которые и глупыши называются, также из орловых, штаны и торбасы у мущин и у женщин и всё платье делается тем же образом, как и на Лопатке живущих курилов» (л. 23). «Украшение бисерное, привесы медные и оловянные имеют».

В целом Аргунов весьма благожелательно отзывался о северных курилах.

«Курила, — отмечал он, — больше склонны к правдивости, а лукавства, обманства, воровства очень редко находится. Только иные многие, забрався в долги позаочно, запираются. Также изрядно случается, что и в очи от долгу отпираются. В храбрости прежде сего между собою против камчадалов гораздо лутче. Также и не боязливы в морском ходу. Гордость великую и хвастовство немалое

между собою имеют, упрямство, гнев и злопамятство у них есть. В голоду терпеливы, а искусство никакого не имеют. В трудолюбии быв не очень больше, чем в лености, в объядении жизнь свою препровождают, а пьянства у них никакого не бывает, бережливости ни в корму, ни в платье не имеют...» (л. 21).

Сопоставляя образ жизни айнов северных Курильских островов и айнов южной Камчатки, Аргунов писал:

«Кушанье и обыкность в курении табаку и в прочем сходны с живущими на Лопатке курилами. Только на собаках ездить обыкновения не имеют, кроме водяным путём на байдарках, а пешим ходом носят ноши — надевают лямку на голову по пуду и с лишком мужики и бабы, а собак имеют промышленные: когда бывают привалы, то отпускают собаку, которая останавливает бобра и лает — потому и хозяин соскакивает с байдары, которых курильцы из всякого наносного лесу тем же манером, как и на Лопатке строят, а лыж подволошных не имеют, только делают лапки для ходу на привальных льдах» (л. 23).

Довольно подробно характеризует Аргунов морские промыслы айнов и заготовку провизии впрок.

За морским зверем (каланами, сивучами, котиками, нерпой и другими) курилы, — пишет он, — «гоняют в байдарках по морю, колят носками и на камнях и сетью в капустах, а стрелы намазывают изтолча мелко и розмоча густо в пресной воде или слюною сушёной корень травы лютика, и от оной язвы через сутки и скорее умирает, а потом и выкидывает, где попало, и оной выкинутой сивуч, кто бы не наш[ёл], тот и режет, но по стреле, которая в нём найдётся, познают хозяина, а мясо делят по частям также, и поваря, все сходятся, мужики и бабы до малово ребёнка, а хотя кто и не придёт, то посылают к ним в дома их часть, а жир топят или, изрезав в куски, кладут в брюшины сивучьи, и то называются пузыри. Также и нерп колют, и жир в таких же пузырях кладётся, а ежели случится быть выкинутым киту, то жир его изтопят или, разрезав в куски, хранят. И на все вышеписанные промыслы ходят мужики с жёнами и с ребятами, только лишь бы кто мог грести в байдаре, а луки и стрелы делаются и вместе колчан, также носки и копья и прочие снасти, которыми промышленяют во всем одинакие на Лопатке с живущими мужиками, а рыбу промышленяют в речках с детьми, которой промысел начинается в последних числах июня, продолжается только до половины августа, а рыба ими промышленяется бывает красная, кайко, горбуша и гольцы, из оной рыбы делают парсу (рыбную муку. — *Б. П.*).

Осенью берут ягоды шикшу, бруснику, голубель, морошку и княженицу и сланцовые орехи. Из оных ягод шикшу с морошкой смешав, а бруснику и голубель особливо варят и простудя, вливают в пузырь и в большие корыта, а орехи кладут в травяные мешки, а корни травы мытто чакыч, также морской капусты нарвут и ноуру на суше запасают в зиму, и оное коренье и капусту изкроша варят з жиром и за лучшее кушанье почитают» (л. 23об.).

Под «травой мытто чакыч», видимо, подразумевается митуй корень. О нём Г. В. Стеллер писал: «*Mitui koren*, по словам курилов, растёт на Первом острове: это *Radix Hedysari flore albo*, который по-якутски называется *Sardana* и около Верхоянска употребляется в пищу» [22]. Нечто подобное читаем и у С. П. Крашенинникова: «Митуй корень, которой родится на первом Курильском острову и по-якутски зардана называется, топится у курилов в рыбьем или тюленьем жиру и почитается за приятнейшую пищу». По мнению Л. С. Берга, митуй корень и якутская зардана — два совершенно различных растения.

В научной литературе часто указывалось, что в экономике айнов большую роль играла торговля орлиными перьями. В сочинении Аргунова по существу впервые описывается айнский орлиный промысел.

«У них же курилов, — пишет он, — имеются кормленные орлы, у каждого — почти по два, по три и по четыре, которые по осеням приманивают орлов. Зделав маленький травяной шалаш, на верху того шалаша привязывают орла или два, и дав им рыбу или что, а сам караулит, сидя в шалаше, и когда оные кормленные орлы едят данной корм и кричат, то на тот крик прилетают дикие орлы и садятся на тот же шалаш. Один мужик сквозь зделанную на верху шалашика скважину просовывает руку и изымав за ноги утаскивает в шалаш и убивает и с которых кожи сняв употребляют в платье, а хвосты, за чесную вещь у себя имеют, которыми и дарятся... а мясо едят и таким способом очень много орлов добывают, и из оных кормленных орлов, которые всегда кличат, тот и за лутчего почитается, и между собою ходят в продажу по бобру и по два» (л. 24).

Известно, что Г. В. Стеллер в Сибири и на Дальнем Востоке проявлял большой интерес к народной медицине. Он даже посвятил ей специальную работу [23]. Поэтому и Осипу Аргунову он поручал собирать подобные сведения у курилов-айнов. Аргунов исполнил это поручение. В его сочинении описаны способы приготовления из целебных трав лекарств, и болезни, при которых они применяются, и методы лечения. Так, используется, например, тра-

ва хабаники. Её корень выкапывают осенью, в сентябре. Сушат, затем толкут и настаивают на тёплой воде. Лечат тех, кто не может ходить, кто имеет «резь в животе», кто «калится кровью», у кого желтеют глаза или чернеют губы (л. 19).

Целебными курилы-айны считали также «камышиную траву кулуха» и «чирпуй траву», листья которой крошат и едят. Траву «кутаж» применяли при переломах костей: их части привязывали к доскам и «поджаривали» на огне вместе с этой травой. Пускать кровь не имели обыкновения, но нарывы «прокалывали острым камнем, наподобие ланцета сделанным». Для борьбы с вшивостью использовали «чирпуй траву», корни которой выкапывали летом, высушивали, затем смешивали с водой и этим обмазывались. «Сыдеда трава» была вроде ительменского «тоншича», то есть, по определению С. П. Крашенинникова, «мятой травы, пеньке подобной» (с. 581). Использовалась она в качестве благовония юношами и девушками.

Аргунов обратил внимание, что айны «в худой скорбе» (при серьёзном заболевании) избегали прямых контактов с больными — не лежали вместе на лежанке, не пользовались одной одеждой, не ели из одной посуды. Инстинктивно они понимали, что такие сближения опасны.

Большое внимание Осип Аргунов уделил семейным отношениям.

«Курила, — писал он, — имеют по две, по три, по четыре жены, и в женитьбе свойства мало почитают, пасынок на мачехи, вотчим на пачерице и деверь на невестке женятся. И при женитьбе никакого калыма не бывает, и кто вздумает жениться, то начинает у тестя работать и хвастать — так, как в обыкновении камчадалов есть» (л. 24об.—25).

При свадьбах «никаких церемоний не бывает, также и распряжения [разводы], ежели мужу жена не понравится, то её покидает, также и жёны покидают. Есть много таких, что держат наложниц из холопей своих. Знаки девства при брачном сочетании не исчисляют.

Спанье мужа с женой, чревоношение и родины, плодovitость, обрезание пупа, совокупление после родин с мужьями, давание имён и приметы обою полу, грудное кормление, питание детей сперва кроме материнской груди, приключаются болезни, глубочайшая старость, поступки з больными, плач над умершими и их погребение и помины годовые, поставление жилищ, говорят, что во всём одинаковое на Лопатке з живущими [на островах] курилами» (л. 25).

Некоторые вопросы Аргунову выяснить не удалось. Так, он отмечал:

«Имён различным богам и диавалам, почтение идолов, праздничных дней и при чтении душ умерших и диавалам, о шаманских похоронах и почтении их смерти ничего не сказываю. Ша[ма]нство перед промыслом и при больных много бывает. Токмо онога видеть не случалось» (л. 25).

Но Аргунов писал: курильцы проявляют «почтение горам, рекам, утиосам, сопкам, наипаче горелым (вулканам. — Б. П.). На пристанях и на море наставляают стружку и стрелы выстреливают, также, когда случится куда грести в байдаре, то обытчают вокруг байдары на носу и по бокам довольное число стружков» (л. 26).

Этот культ инау, о котором сообщал и С. П. Крашенинников (с. 738), характерен именно для айнов. Но вместе с тем Аргунов отмечал, что ближние курильцы, подобно ительменам, считали, что всё — небо, землю, море и твердь — создал кутухта.

Курильцы, по сведениям Аргунова, верили, что в вулканах живут особые касатки: «уловя китов в море, [они] уносят в оные сопки и топят костями и жиром китовым, отчего де дым и огонь виден бывает» (л. 19).

Небесные явления курильцы тоже толкуют по-своему. «Солнечное и лунное затмение, когда им усмотреть случится, — сообщал Аргунов, — то рассуждают: в том жилище, где усмотрят, лутчий мужик [тойон] умрёт или байдара с людьми потонет или какое ни есть нещастие случится» (л. 18об.).

Аргунов заметил, что у курильцев существует множество табу. Вот некоторые из них:

«Живучи на промысле ножей не точат, огня в соседи не дают, раковиную из моря воды не черпают, до окончания промысла никому ничего не дают, и иных тому подобных очень много, о которых я подлинно выспросить не мог. За который грех, что действие бывает, того ничего не сказывают» (л. 25).

Останавливается Аргунов и на развлечениях.

«Забавы как у мужиков, так и у женцин, — писал он, — только в оказывании хаюшек и в пении песен. Также сказывают повести из старины по-своему и почти в тех забавах провождают зиму, а иной игры никакой не имеют. Только ныне молодые ребята, которые у русских обучились игрою в карты и переигрывают между собою стрелы, ножики и табак» (л. 24).

Обратил внимание Аргунов и на воспитание детей у айнов.

«Дети, — сообщал он, — отцов до возраста боятся... Отцы детей измлада обучают промышлять и работать всякую домовую работу, а за ослушание и наказывают: бьют чем попало». Но очень скоро —

«по возрасту» дети «как отцов, так и старших своих не слушаются» (л. 21).

Весьма любопытны сведения Осипа Аргунова о своеобразных «судебных расправах» у курильцев-айнов:

«За убийство, ежели кто кого убьёт, то умершего родники приходят с лутчими мужиками к юрте онаго убойца и отпускают верёвку с петлей в юрту и говорят лутчие мужики, чтоб он за свою вину наложил петлю на шею, то оноу убоец не препятствует, понеже он всеми присуждён бывает и когда наложит петлю на шею, то его тут и задавят или вытаца на юрту заколют или палкою ушибут до смерти тем же образом, каким он случаем умертвил. А ежели кто кого утопит или нарочно столкнёт с утёсу, то онаго убойца такую же смертью умервшлиют, а ежели где случается двум быть и один из них убьёт, хоша не нарочно, то другога тако ж убивают, понеже он не может оправдаться без свидетелей, а много случается и того, ежели родники и лутчие мужики онаго убойца сожалеют, то вместо его из родников само охотно на смерть выходят, только чтоб он равен был летами и удалством того убитого, а по смерти весьма того похваляют, что он за родника само охотно смерть принял. И ежели онаго убитого останутся жена или дети, то ему приказывают все, чтоб он либо женился на ево жене или б поил и кормил и платьем наделял яко б присных своих, рассуждая то, что его смерть его смертью заменена...» (л. 17об.).

Останавливается Аргунов также на взаимоотношениях жителей.

«Клятвы и присяги не знают, контрактов о долгах никаких не имеют, свидетелей не требуют и рукописных знамен между собою не знают, только кроме писем, которые ныне дают в долгах русским людям, и в трёх прикладывают знамена, а ежели между собою кто кого задолжит, то по исправе своей без препятствия отдают, а прежде сего долгов у них и не почиталось, понеже и то кого, чем подарит, то при случае равным образом отдаривает, а ежели одному из них случится отитти в даль или умрёт, то другой, которой дарил его, чем остатков его у детей или у родников отдарков и не требует» (л. 18—18об.).

«...За воровство ежели прямо обличат вора, то пришед к нему в юрту, что у него есть пожитка — завод, посуду и платье — без остатку обирают, а ежели жёнка сворует, то также обирают — не оставят мужа её — и луки, и стрелы, и всё, что есть, а ежели вора не признают, и тому будет досадно, у которого покрадут, то он просит шамана или шаманку, чтоб оному вору отмстила чем, то шаман или шаманка шаманит немного, взяв над жилой китовой, сивучей

или нерпичьей нашептав, оную жилу бросает в огонь, и как станет корчить на огне оную жилу, то так же де в то время у онаго вора сволочет жилы ручные или ножные, хотя он где не был, то ему за то и наказание» (л. 17об.—18).

К деятельности шаманов Осип Аргунов относился критически: «в шаманстве гадают предбудущее, а больше что лжат» (л. 21).

Несмотря на то, что контакты русских и курилов-айнов начались сравнительно поздно, влияние их на культуру последних ощущалось уже к 1741 г. Так, русские научили местных жителей пользоваться мылом. Аргунов пишет:

«Мыться и купаться обыкновения не знали, а ныне мужики и бабы моются, только купаться не знают» (л. 23).

Под влиянием русских местная молодёжь даже стала бриться. Замечу, что в популярной литературе и в живописи принято русских землепроходцев изображать неизменно бородатыми. Между тем в XVII в. большинство русских, осваивавших Дальний Восток, старались бриться. Ношение бороды, особенно в условиях Севера, уже тогда признавалось неудобным.

Было и негативное влияние русских. От них айнская молодёжь узнала азартную картёжную игру. Русские способствовали распространению среди айнов табака. Но с курением островные айны познакомились ещё до прихода русских на Дальний Восток и даже до появления у берегов Южных Курил голландской экспедиции де Фриса в 1643 г. Известно, что некоторые айны в 1643 г. просили у голландцев «тамбако» [25]. Это позволяет предположить, что айны раньше встречались с какими-то испанцами или португальцами.

Пьянство у айнов не получило распространения, что и не преминул отметить Аргунов (л. 22).

Издавна у северных айнов традиционной одеждой был халат (*азям*). С установлением тесных отношений с русскими айны стали приобретать русскую одежду, причём, не различая мужскую и женскую, поскольку у них самих такие различия не существовали.

При русских произошли известные перемены в самоуправлении северокурильских айнов.

«Курила, — писал Аргунов, — начальных людей называют “стопыар-кур”, которые у них как истари, так и ныне имеются, но нынче оные определяются от русских тойонов, и прежде сего кто старее и смышлённее, того и слушали во всём ево родники, то и за почтение имели, а иного особливого почтения никакого у них не бывает».

Удивляло Аргунова и то, что у северных айнов «разделение родов... не бывало, и ныне не имеют» (л. 17).

Таким образом, Осип Аргунов оказался весьма способным учеником С. П. Крашенинникова. Он составил сочинение, поражающее обилием самых разнообразных сведений о «северных курилах». Они значительно расширяют представления исследователей о былой культуре народа, судьба которого, как известно, оказалась трагической: в конце 1870-х гг. потомки айнов были насильно переселены японскими властями на остров Шикотан, где их, по сути, обрекли на вымирание.

Теперь возникает вопрос: был ли знаком С. П. Крашенинников с рассматриваемым сочинением Осипа Аргунова, когда писал своё бессмертное «Описание земли Камчатки»? Известно, что Г. Ф. Миллер предложил Крашенинникову включить в него материалы, оставшиеся после смерти Г. В. Стеллера. Среди них было и сочинение Осипа Аргунова. Некоторые материалы С. П. Крашенинников, видимо, использовал. Так, на 469-й странице дано описание церемонии встречи жителей разных островов:

«Приятное сказывают позорище, когда бывает между живущими по разным островам свидание. Приезжие с байдар своих, а жители из юрт с великими обрядами сходятся. Обе стороны бывают одеты в военное платье и с оружием, махая саблями и копьями, натягивают друг против друга луки, так как бы быть сущему сражению, а при том все пляшут. Соединившись вместе, оказывают всякие знаки радости: обнимают, лобызают и плачут от радости. После этого приводят гостей в свои жилища, сажают их, подчивают, предстоя и слушая вестей о их приключениях, случившихся в разлучении. Должность рассказывать никому не поручается, кроме старшего. Он, как оратор, объявляет о всех мелочах, как промышляли, как жили, куда ходили, что видели, с кем учинилось щастие и нещастие, кто немог или умер и от какой причины; иногда более трёх часов продолжает речь свою, то из тутошних жителей старшей подобным образом сказывает про своё житьё и промыслы, и прежде того никому друг с другом говорить нельзя. После того или сетуют, или веселятся, по вестям смотря, а наконец, торжествуют по своим обычаям, едят, пляшут, поют и сказывают скаски».

Нетрудно заметить, что это в основном пересказ (к сожалению, весьма неточный) сообщения О. Аргунова, который так описывал всю эту церемонию:

«Тойоны и все молодые ребята наряжались в хорошее платье, которое покупают у русских, у кого что есть, да взяли по копьё, а иные подпоясали на себе портупей с японскими шпагами, а иные с луками, а, сверх того с одной стрелою, и увидев их (приезжих

с других островов. — *Б. П.*) пошли на два, подобно идущим на батах, а в матке стали рядом все, которые постарее, а идущие иноземцы так же, разделив на два крыла, подходили тихо, но токмо как на месте стоящие, так и идущие безпрестанно скакали и вертелись на все стороны и кричали “Огугогой”, и когда они близ подошли, то стоящие отбежали в круг и облавили со всех сторон и, зажав их, вместе смешались, и так страшно видеть было, тогда друг на друга нападали с копьями и с шпагами, также и с натянутыми лук[ами] и замахивались так, что могли миновать поколоть друг друга шеи, руки или ноги, так тесно и скоро, что у многих копей на ратовьях обвитые верёвки изрезали, которой церемонии было у них с четверть часа. Потом молодые ребята отступили, а старики по одиначке, друг друга держа за копья, разговаривали, и когда один говорит, то другой только покряхтывает, а по окончании первого начинает другой столько же говорить и потом расходятся и смотрит того, которой окончил свои речи, то с ним зачинает говорить, и таким образом один мужик из курильцов со всеми с пришлыми, также один и из пришлых со всеми один по одному переговорят, и онаго разговору было часа с полтора, а между тем разговорами сходились бабы и девки и, сошедшись, сели и обнимались по одиначке, лежа на карачках и обняв друг друга плакали, потом сидели и розговаривали, и ежели случится быть многолюдно, как пришлых, так и на месте живущих, то живеть разговору и через целой день.

Ежели людно случится сидеть, где и какие разговоры иметь, то ежели один говорит, другие все молчат, и между разговорами какое слово похвалы достойно покажется, тогда все съгакают и по окончании одн[их] речей другой начинает говорить, потом и все по одному речи свои оканчивают, особливо случалось видеть на Втором острове по прибытии нашем: послал онаго острова тойон от жилья своего одного человека до Первого острова.

Тойон, который с нами пришёл одного ж человека для призыву к ясачному платежу и разговора с дальних островов пришлым иноземцам, которые от того места верстах в пяти своими барабарами жили и при послании тех двух человек каждой тойон приказывали очень долго какие слова им говорить и их звать и притом объявляя себя здоровым також и русских людей, чтоб они без всякой опасности шли, то оные посланники на другой день пришед, каждой своему тойону рапортовал очень долго, причём объявлял ему, как он к ним пришёл и приказанные речи все сказал и их звал, то они також велели сказать о своём здоровий и о жизни,

и в кое время к ним притти, и отрепортовав каждой от своего отходит, а когда репортует, то никто ничего не говорит...» (л. 22).

Ещё один пример использования С. П. Крашенинниковым сведений Осипа Аргунова.

«Буде кто у них, — пишет С. П. Крашенинников о курилах (с. 469—470), — приличится в прелюбодеянии, то бывает странной поединок, на котором бьются они палкою, а вызывает на оной прелюбодеец мужа прелюбодейницы: раздеваются оба до нага, и разят друг друга по спине. Которой вызывает, тот сперва три раза от вызванного должен вытерпеть, а потом берёт у него палку и бьёт равным образом, и так переменяются до трёх раз. Сие побоище много у них веку уносит: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бывает толщиною в руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединок такое же бесчестие, как у некоторых европейских народов. Ежели же кто предпочтёт своё здоровье и отречётся от бою, тот должен заплатить мужу прелюбодейцы такое бесчестие, какого он потребует, зверьми, платьем, кормом и другими вещами».

Здесь Крашенинников несколько вольно пересказал следующее сообщение Аргунова:

«Суд и розправа у них оными начальными людьми: за насилие блудное брали за бесчестие по десять бобров, до онаго блудника при всех бивали палкою, нарочно на то устроенною, по тех пор пока кто сам хотел, у которого дочь или жена изнасилывалась, а потом уступает им женою или дочерью, а ежели мужняя жена с кем из воли ублудиться, то оной блудник и муж жены тоя при всех же людях бьются той же палкою, уговорясь до скольких разов по спине и по бокам, и ежели оной блудник вытерпит те помянутые удары, то не платят бесчестия, а ежели не вытерпит — платят по десяти ж бобров, также уступает ему женою. И из того можно знать, что жёны у мужей очень вольны, ежели жена что присоветует мужу, то муж её не препятствует ни в чём» (л. 17—17об.).

В 22-й главе «О курильском народе» С. П. Крашенинникова некоторые сведения, в том числе и его суждение о курилах Шумшу, вызвавшее упоминавшуюся дискуссию: «были ли курилы Южной Камчатки айнами?», также основываются на сообщениях Осипа Аргунова. Правда, ранее, в 1738—1739 гг., на Северные Курильские острова С. П. Крашенинников посылал ещё одного из своих учеников — солдата Степана Плишкина, который интересовался образом жизни курил и оставил сочинение «о их вере и обычаях». Он смог первым доставить С. П. Крашенинникову известия и «об

островах дальних курильских, сколь они велики, какие на них места, гористые или ровные, жилые или пустые и проч.»

Однако сопоставление двух сочинений показывает, что Крашенинников явно отдал предпочтение сведениям Аргунова, которые, к сожалению, использовал недостаточно точно.

Итак, «Описание» Осипа Аргунова представляет большую ценность для исследователей различных специальностей, особенно для этнографов и лингвистов. Можно только пожалеть о том, что этот важный историко-этнографический источник до сих пор не был введён в научный оборот.

Список литературы

1. *Вернадский В. И.* Первые годы Академии наук // *Природа*. 1973. № 9. — С. 63.
2. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II. XVIII в. (первая половина). Л., 1965. С. 176—198; *Советский Север*. 1939. № 2 (Сб. статей, посвящённых памяти С. П. Крашенинникова, к 225-летию со дня рождения); Вводная статья и комментарии к кн. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (М. : Л., 1949).
3. *Андреев А. И.* Указ. раб. — С. 207.
4. *См. Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. Л., 1982. — С. 79—80.
5. *Андреев А. И.* Указ. раб. — С. 25. Оба сочинения хранятся в Ленинградском отделении архива АН СССР: Ф. 3. Оп. 1. Д. 800а. Далее при ссылке на интересующее нас сочинение («Описание на Первом острове живущих курилов...») в тексте в скобках указывается лист дела.
6. *Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах*. Сб. док. — Л. : М., 1952 (далее РМ). — С. 252—253.
7. ЦГАДА. Ф. Сибирского приказа. Ст. 762. Л. 27—34. Челобитная Лазаря Аргунова с росписью его служб.
8. Там же.
9. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. Сб. док. — М., 1951 (далее — ОРЗ). — С. 497—500, 519—523, 534—536.
10. Об Евсее // РМ. — С. 338; об Емельяне // ОРЗ. — С. 34; об Иване // ОРЗ. — С. 525, 534—537.
11. Местоположение этого поселения точно указывает С. П. Крашенинников. Он писал: «От Камбальной в версте течёт речка Чиуспит, от ней верстах в трёх Изиаумпит, а оттуда в трёх же верстах Чуйчумпит, над которою стоит острог Темты курильца». См. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М. : Л., 1949. — С. 140 (далее ссылки на работу С. П. Крашенинникова даются в тексте только по этому, безусловно, наиболее удачному изданию).
12. *Огрызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). Л., 1973. — С. 29.

13. Дикова Т. М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. — С. 7.
14. Там же. С. 167.
15. Берг Л. С. Открытие Камчатки Владимиром Атласовым // Берг Л. С. Изб. труды. Т. I. М., 1956. — С. 325.
16. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 55. М., 1960. — С. 573.
17. Murayama S. Ainu in Kamchatka (на яп. яз.) // Bu1. Faculty Literat. Kyushu University. Fukuoka. 1968. № 12. — P. 55—57.
18. Берг Л. С. Указ. раб. — С. 325.
19. Об этом селении подробнее см.: Римский-Корсаков В. А. Балтика — Амур. Хабаровск, 1982. — С. 192, 353, 359—360.
20. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926.; Hattory Shiro. An Ainu Dialect Dictionary. Tokyo, 1964.
21. *Ары-кайры* — *Uria lomvia arra* (Pallas). Мычегатки, по данным С. П. Крашенинникова (с. 330), ительменское название птиц *игылмы* (охотское наименование); по-русски это *топорки* — *Lunda cirrata* (Pallas); подробнее см.: Крашенинников С. П. (с. 311). *Урилы* — краснолицые бакланы: *Phalacrocorax uril* (Gmelin). *Курукуруки* — большие конюги — *Aethia cristatella*. Какая птица здесь названа *кавиш*, пока установить не удалось.
22. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt, 1774. — S. 94.
23. Недавно опубликована. См. Лукина Т. А. Г. В. Стеллер о народной медицине Сибири (неопубликованный трактат 40-х гг. XVIII в.) // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. 1982. — С. 127—148.
24. В другом случае Аргунов сообщал: «Божбы и клятвы не знают, только говорят “июча”, то есть “право” (правда. — Б. П.), и в том слове между собою очень верят» (л. 21об.).
25. См. Leupe P. A. (ed). Reize van Maarten Gerritsz (oon) Vries in 1643 naar het noordenen oosten van Japan, Volgens net journal gehonden door C. J. Coen op net schip Castricum. Amsterdam. 1858. Biz. 128.
- Советская этнография. Вып. 3. — М., 1988. — С. 72—83

Ещё раз о происхождении названия «Камчатка»

В шестом номере журнала «Вокруг Света» за 1984 г. появились две статьи, в которых делаются попытки вновь пересмотреть сложившиеся взгляды на происхождение названия «Камчатка». Первую статью написал инженер И. Ломанович, вторую — известный популяризатор истории географических открытий А. И. Алексеев, который сам никогда серьёзно исследованиями по первоисточникам XVII в. пока ещё не занимался. В связи с тем, что автор первой статьи исходил из моей точки зрения, что название Камчатки произошло от прозвища казака Ивана Камчатого, а в самом

журнале статья Ломановича названа А. И. Алексеевым «убедительной и оригинальной» и даже утверждается, что её «неординарный взгляд на проблему может помочь историкам и географам ближе подойти к истине», ко мне стали многие обращаться с вопросом: как я расцениваю обе статьи о происхождении названия «Камчатка», опубликованные в журнале «Вокруг Света»?

Поскольку этот вопрос не может не заинтересовать всех, кто занимается ранней историей Камчатки, постараюсь на него дать подробный ответ.

Прежде всего, напомним, как изучение документов XVII в. неожиданно привело к выводу, что название «Камчатка» возникло от прозвища казака Ивана Иванова Камчатого.

Дело было так. Ещё С. П. Крашенинников справедливо указал, что полуостров Камчатка получил своё название по его наиболее крупной реке. Поэтому исследователи давно уже стремились установить: когда же название *реки* Камчатки впервые появилось в русских документах? Известный историк Сибири академик Г. Ф. Миллер утверждал, что название реки Камчатки будто бы впервые стало упоминаться в якутских документах 1690 г. в деле по обвинению группы якутских казаков в намерении бежать на реки Анадырь и Камчатку. Но историки сибирской картографии выяснили, что на самом деле название «река Камчатка» уже давалось на сибирских географических чертежах ещё до 1690 г.

Академик Л. С. Берг первым обратил внимание на то, что она изображена на сводном общем чертеже Сибири 1667 г., который был в 1697 г. скопирован известным тобольским картографом Семёном Ремезовым. Однако историк русской картографии В. И. Греков указал, что на четырёх других копиях того же общего чертежа Сибири 1667 г. вместо названия «Камчатка» стоит «Колыма». Но вот то, что «река Камчатка» была изображена на чертеже Сибири 1673 г., в этом уже нет никаких сомнений, поскольку она названа и в росписи этого чертежа, и даже сказано, что «напротив той Камчатки столп каменной».

Пытаясь определить, от кого могли поступить в Тобольск первые сведения о реке Камчатке, Л. С. Берг полагал, что они исходили *или* от Семёна Дежнева — первооткрывателя Чукотки, Анадыря и пролива между Азией и Америкой, *или* от Михаила Стадухина — первооткрывателя Колымы и северной части Охотского моря. Но в середине XX в. была проделана огромная работа по выявлению новых документов о походах Семёна Дежнева и Михаила Стадухина и стало очевидным, что оба знаменитых землепроходца ещё

не знали названия «Камчатка». А потому в 1961 г. мною и были предприняты специальные поиски самых ранних якутских документов XVII в. с упоминанием «реки Камчатки». Поиск оказался успешным.

Прежде всего, была найдена челобитная бывшего анадырского приказного казачьего десятника Ивана Рубца 1668 г., в которой указывалось, что в прошлом он сам ходил «вверх реки Камчатки». Затем из другого документа стало известно, что в 1669 г. в Якутске было приказано казаку Ивану Ермолину, ранее бывавшему на Пенжине и Гижиге, идти обратно на известные ему реки... и реку Камчатку.

Новейшие исследования показали, что Иван Рубец совершил свой поход вверх реки Камчатки на двух кочах поздней осенью 1662 г. Всё это и позволило сделать вывод, что название реки «Камчатка», скорее всего, появилось не ранее 1659 г. (дата отъезда Семёна Дежнева с Анадыря), но никак не позже 1662 г., когда Рубец ходил «вверх реки Камчатки».

Продолжая собирать по архивным документам сведения обо всех русских, которые в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. ходили в сторону Камчатки, я смог убедиться в том, что число таких землепроходцев было ничтожно мало. Их всех можно было пересчитать по пальцам. Среди них оказался забытый казак Иван Иванов по прозвищу Камчатой. Тогда-то впервые и возникла мысль: уж не от этого ли прозвища произошло название реке Камчатки?

Топонимические исследования ясно показали, что в северной части Дальнего Востока существует немало рек, получивших название от личных имён, фамилий или прозвищ. Так, на полуострове Камчатка река Голыгина названа русскими в связи с гибелью на ней казака Ивана Осипова Голыгина; Козыревская — по фамилии казака Петра Фёдоровича Козыревского, отца Ивана, первооткрывателя Курил; Морошочная — от её первооткрывателя Луки Семёнова Мороски; Колпакова — от ительмена Компака; Облуковина — от ительмена Оглукомы; Налачева — от Налача; Карымчина — от Карымчи и т. д.

Ещё больше таких примеров встретилось при изучении топонимики района Индигирки и Колымы. В частности, в системе Индигирки оказалась малая река Камчатка, которая, вне всяких сомнений, получила своё название от заинтересовавшего нас казака Ивана Ивановича Камчатого. Это приток Падерихи (теперь — Бодярихи), названной по имени товарища Ивана Камчатого — Никиты

Падеры. Если мы вспомним, что имя другого товарища Камчатого — Ивана Ожеги нашло отражение в двух топонимах — в озере Ожегине и колымской реке Ожегиной, где он и погиб, то станет очевидным, что и полуостровная река вполне могла получить своё название «Камчатка» от того же прозвища Камчатого. Ведь в 1657 г. И. И. Камчатой прошёл по «Блудной» (Омолону) на Пенжинку к Охотскому морю к западному побережью Камчатки, а затем по реке Парень — к верховьям Гижиги («Чендона»). Здесь он и обосновался в «Чендонском зимовье», откуда позже не раз совершал походы в разные стороны, в том числе и на «другое море», где есть «рыбий зуб» (моржовая кость).

Поскольку на Охотском море моржей не было, то очевидно, Камчатой с верховьев Гижиги ходил на Берингово море, а путь к нему с Пенжины шёл через переход с реки Лесной на Карагу, то есть уже по северной части полуострова Камчатка. Во время этих походов он или сам мог оказаться на главной полуостровной реке, или просто собрать о ней подробные сведения. А уж другие русские землепроходцы по его прозвищу и стали называть «Камчаткой» проведанную им главную реку полуострова.

Новый смысл теперь обрели и ранние гипотезы о происхождении названия «Камчатка». С. Ремезов считал, что оно произошло от «азямов камчатских», то есть одежды из камчатой материи. Оказалось, что эта гипотеза — не столь уж курьёзна. Очевидно, что Иван Иванов получил своё прозвище, действительно, от одежды из камчатой материи, как отец Владимира Атласова — Владимир Отлас тоже обрёл свое прозвище от атласной материи. Известный голландский географ Н. Витсен ещё в конце XVII в. название реки Камчатки связывал со словом «дамаст» — так по-голландски (а при Петре I и по-русски!) называлась камчатая материя. Неудивительно, что известный советский историк, член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Ефимов в своём замечательном «Атласе географических открытий» 1964 г. безоговорочно написал: «Название Камчатки произошло от камчатой материи».

Новое истолкование получил теперь и старый спор между двумя выдающимися исследователями Камчатки — Степаном Крашенинниковым и Георгом Стеллером. Побывав на полуострове и подробно опросив местных жителей о происхождении его названия, Стеллер писал: «Название Камчатка этой стране присвоено после её завоевания, потому что от языческих народов с помощью знаков было узнано, что река называется Камчаткой, и поэтому

русские называли также и всех живущих на ней камчадалами. Коншат — имя жившего на этой реке в прежние времена одного очень уважаемого и знаменитого человека».

Ещё недавно это сообщение Стеллера казалось полуфантастическим. Между тем, всё здесь оказалось верным. Полуостров Камчатка, несомненно, получил своё наименование от главной реки полуострова, название которой, как мы видели, произошло от прозвища казака Ивана Камчатого. В устах ительменов, не знавших русских падежных окончаний, это прозвище превратилось в «Коншат» или «Кончат». И это действительно произошло в тот момент, когда в середине XVII в. на полуострове стали появляться первые русские. Ительмены вполне могли называть Камчатого «очень уважаемым и знаменитым человеком», коли сами русские стали называть по его прозвищу самую большую реку полуострова. Стеллер также прав, когда указывает, что именно по реке Камчатке русские стали позже и местных жителей называть «камчадалами». И только когда стало ясно, что камчадалы-ительмены составляют главную народность полуострова, то и весь полуостров в 90-х гг. XVII в. русские именовали «Камчатским носом», «островом Камчатым» (тогда ещё в русском языке не было слова «полуостров») и, наконец, просто Камчаткой.

Крашенинникову рассказы о «Кончате» показались неправдоподобными, и он стал возражать: «Некоторые пишут, аки был помятуй народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их приходу называлась Камчаткою по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников через знаки приметя, что великая оная река Коншатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие искусный вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами через знаки говорить не было нужды, ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; 2) что имя Хончат камчадалам неведомо; 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем, ибо камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют».

Да, конечно, у русских во время бесед с ительменами коряки нередко играли роль толмачей-переводчиков. Но прав и Стеллер: бывали случаи, когда всё-таки русские обходились без толмачей, и тогда беседа шла с помощью «пантомим», то есть знаками.

Крашенинников был прав, отрицая существование у ительменов человека по имени «Хончат». И особенно большое значение

для нас имеет его замечание о том, что ительмены «ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именами людей не называют». Ведь это означает, что реку по имени могли назвать *только сами русские!* Таким образом, оказывается, что аргументы Крашенинникова тоже говорят в пользу гипотезы об Иване Камчатом.

Таковы весьма серьёзные данные, дающие основание считать, что название реки, а позже — и полуострова Камчатка, действительно возникло от прозвища русского землепроходца Ивана Иванова Камчатого.

Впервые эта новая гипотеза была кратко изложена ещё 9 мая 1963 г. на страницах «Камчатской правды». И сразу же она была признана наиболее убедительной. Почему мне и было предложено Камчатским отделом Географического общества написать об этом подробную статью для «Краткого топонимического словаря Камчатской области», подготовленного известным камчатским краеведом Вячеславом Петровичем Кусковым в 1967 г. Позже Кусков защищал кандидатскую диссертацию по камчатской топонимике и в неё он включил отдельную главу о названии Камчатки, в которой горячо поддержал мою точку зрения. С тех пор вышло уже немало статей, в которых повторялось это же заключение. Особенно ценным было то, что меня энергично поддержали некоторые лингвисты, изучающие языки народов Камчатки. Так, в 1983 г. в телефильме об открытии Камчатки выступала лучший знаток корякского языка доктор филологических наук Алевтина Никодимовна Жукова, признавшая моё толкование наиболее правдоподобным. Оно вошло в некоторые иностранные топонимические словари, например, дважды издававшийся в Будапеште громадный топонимический словарь Лайоша Киша (1978, 1982).

Но новое часто первоначально вызывает недоверие. И нередко находятся лица, которые пытаются оспаривать очевидное.

Ещё в начале 70-х гг. филолог Н. А. Бондарева стала доказывать, что название «Камчатка» будто бы возникло от якутских слов, означающих «курительная трубка». Близкое название она обнаружила в якутских олонхо (былинах). Но Бондарева не учла, что сами якуты о существовании Камчатки смогли узнать только в XVII в. от русских, и в текст олонхо наименование «Камчатка» попало лишь после её освоения русскими.

И вот теперь в журнале «Вокруг Света» выдвигаются сразу две новые версии о происхождении названия «Камчатка»...

Когда я впервые открыл статью инженера Н. Ломановича, то, прежде всего, обратил внимание на то, что она напечатана под

рубрикой «Архивные находки». Я надеялся, что найду в ней хоть какие-нибудь новые архивные данные. Но, прочитав её внимательно, убедился, что если её автор и работал в архивах, то ничего нового из них не извлёк. Ломанович оперирует в статье *только давно уже известными фактами*, хотя на работы своих предшественников и не ссылается. Он лишь их по-своему произвольно толкует.

Вот его главные положения. Он признаёт, что название «Камчатка» происходит от Ивана Иванова Камчатого, но пытается доказать, что «Камчатый» (а не «Камчатой») на полуостров Камчатку вообще не ходил, а видел его лишь... *с полуострова Тайгоноса!* Там де и была, по его утверждению, маленькая речка «Камчатка», с которой виден полуостров Камчатка. Именно его русские будто бы приняли первоначально за «столп каменный», а потом де этот «столп каменный» был назван «островом Камчатым», подобно тому, как от реки Караги был назван Карагинский остров. Позже, утверждает Ломанович, название реки Камчатка переключалось на полуостров. Так он пытается объяснить, почему первоначально в Тобольске изображали реку Камчатку не на полуострове, а на материке. По его мнению, известие о реке Камчатке в Тобольск доставил Михаил Стадухин, который там встречался с Ремезовым.

Нетрудно убедиться, что здесь сплошное нагромождение чистых домыслов.

Общеизвестно, что название полуострова произошло от названия *полуостровной* реки Камчатки. Именно в её верховьях на реке Никул существовали ещё в середине XVII в. два русских зимовья. По той же реке в 1662 г. на двух кочах поднимался вверх Иван Рубец. А на полуострове Тайгоносе *никогда не было никакой речки с названием «Камчатка»*. Характерно, что Ломанович вообще не мог назвать какую-либо речку Тайгоноса, с устья которой возможно было бы увидеть берег Камчатки в виде «столпа каменного». Крашенинников справедливо указывал, что в хорошую погоду с берега Тайгоноса можно видеть иногда далёкий берег Камчатки. Но здесь видят ровную полосу берега, а не «столп каменной».

Учёные, действительно, до сих пор спорят о том, что в росписи чертежа Сибири 1673 г. подразумевалось под этим «столпом». Но из всех версий толкование Ломановича самое неправдоподобное. Скорее всего, под «столпом», который «вышел из моря», имелся в виду остров Алайд (Атласова) бывший до землетрясения XVIII в. ещё более гигантским.

Плохо зная историю ранней сибирской картографии, Ломанович явно ошибочно толкует некоторые неточности в изображении реки

Камчатки на сибирских чертежах XVII в. Во-первых, в Тобольске до 80-х гг. XVII в. действительно не знали, что большая река Камчатка находится на полуострове, потому-то на ряде чертежей она изображена на материке. Во-вторых, в чертеже 1667 г. изображение всей Сибири искусственно подогнано под его четырёхугольную рамку, а потому весь Дальний Восток изображён без полуостровов. Поскольку в «Сказании о великой реке Амуре» Камчатка названа в одном перечне с Тауем, на котором жил Стадухин в 1652—1657 гг., Ломанович повторяет распространённую ошибку о том, что сведения о реке Камчатке доставил в Тобольск будто бы Стадухин. На самом же деле он тогда ещё вообще не знал о существовании реки, которую открыли лишь после его ухода с Охотского моря. Нетрудно убедиться в том, что список рек, данный в «Сказании», заимствован из общего чертежа Сибири 1673 г., на котором изображён переход с Колымы по «Блудной» (Омолону) в сторону Пенжины и Камчатки явно по данным походов Ф. А. Чюкичева — И. И. Камчатого (1657—1661 гг.). Следовательно, здесь использовались сведения более поздние, чем от Стадухина, которому *название «Камчатка» ещё не было известно, когда он был в Тобольске в 1659 г.* И Стадухин встретиться с Ремезовым вряд ли мог: тогда Ремезов ещё не был на государственной службе, а в столице Сибири — в городе Тобольске — в те времена проживали десятки тысяч людей.

История службы М. Стадухина изложена с существенными неточностями. Ломанович умалчивает, что именно он первым достиг Камчатского полуострова (по его словам, «носа» между Пенжиной и Анадырем) и пользовался камчатским лесом при строительстве не одного, а *двух* кочей. Неверно утверждение, что о Михаиле Стадухине «не слышали шесть лет». О том, что он поселился в конце 1652. г. на Тауе, охотские казаки быстро узнали от эвенов, и когда ему в 1657 г. стало трудно, на помощь был послан отряд охотских казаков. Не прав Ломанович и когда утверждает, что «Стадухин, разумеется... не сделал “чертежа” своего похода». На самом деле такой чертёж был сделан.

Немало фактических неточностей и в других частях статьи Ломановича. Например, он повторяет версию о том, что помимо Владимира Атласова существовал ещё и другой землепроходец Владимир Кубасов, хотя уже давно установлено, что Ремезов на старости лет из-за склероза однажды ошибочно назвал Атласова «Кубасовым». Никакой Кубасов на Камчатку вообще не ходил.

Не выдерживает критики и версия Ломановича о том, что названия рек будто бы могут путешествовать, причём это одно из главных

положений его статьи. Но такого никогда не бывало. Он пишет: «Чендон оказался севернее Пенжины». Но это неверно. На самом деле уже в середине XVII в. было два Чендона: северный стал известен русским даже раньше, чем южный. Позднее южный Чендон утратил своё старое наименование: вместо юкагирского названия «Чендон» здесь стало употребляться корякское название «Изига», от которого и возникло современное название «Гижига».

Ошибки, допущенные Ломановичем, можно было бы перечислять ещё долго. Всё это ясно свидетельствует о том, что журнал «Вокруг Света» допустил серьёзную ошибку, публикуя дилетантские фантазии Н. Ломановича. А то, что А. И. Алексеев усмотрел в них «неординарный взгляд», который будто бы «может помочь историкам и географам ближе подойти к истине», ясно свидетельствует, насколько далёк и сам А. И. Алексеев от этой проблемы. И любопытно, тут же походя Алексеев отверг исходные данные Ломановича о том, что название Камчатка восходит к прозвищу казака Ивана Камчатого...

Какие же доводы приводит Алексеев? Аргумент единственный и весьма наивный: «в те годы ни один географический объект не был назван даже по имени выдающихся первопроходцев (Попова, Дежнева, Стадухина, Хабарова, Пояркова, Москвитина и других)».

Алексеев не учитывает то, что хорошо известно всем серьёзным исследователям: в XVII в. не существовало более поздней обычая присваивать географическим объектам названия. В XVII в. они ещё возникали только *самопроизвольно* и только в тех случаях, когда их вообще ранее не было или они были трудными для слуха русских, вроде ительменского названия реки Камчатки — Уйкоаль. Что касается перечисленных Алексеевым лиц, то вопреки его утверждениям они всё-таки определённый след в топонимике оставили. По имени Федота Алексеева Попова несколько десятилетий на Колыме называлась речка Федотовщина. На нижней Колыме по фамилии М. В. Стадухина появилась Стадухинская протока, а позже селение Стадухино. По фамилии Хабарова была названа «Хабаровкой» его деревня на Лене. Поярковским некоторое время называлось усть-ульинское зимовье.

Столь же походя Алексеев решил дать своё особое толкование названия Камчатка: «Вероятнее всего название “Камчатка” происходит от старого русского слова “камчатый”, что означает “кривой”, “узорчатый”, “кочковатый”, “извилистый” и имеет также другие значения одного порядка». Бывшему моряку А. И. Алексееву, далёкому от лингвистики, осталось неизвестным, что в Ленинграде

и в Москве давно ведутся большие работы по созданию словаря русского языка XVII в. Из собранных данных ясно видно, что слово «камчатый» имело только *одно* значение, о котором писали многие: от С. У. Ремизова до А. В. Ефимова — прилагательное от слова камка (вид шёлковой материи). К сожалению, это не первый случай необоснованного выступления А. И. Алексеева по вопросу о происхождении слова «Камчатка». Десять лет тому назад он столь же рьяно отстаивал версию Н. А. Бондаревой о происхождении названия «Камчатка» якобы от якутского слова «курительная трубка». Теперь, когда доказано, что якуты узнали о Камчатке только от русских, Алексеев уже не вспоминает об этой ранней версии. Но с удивительной лёгкостью подхватил новые антинаучные домыслы.

Вопросы ранней истории Камчатки, безусловно, ещё должны изучаться, но непременно *по первоисточникам XVII в.* Здесь абсолютно необходимо знание скорописи XVII в. Между тем за решение этих сложных вопросов часто берутся люди без специального образования — то ихтиологи, то моряки без филологической, да и порою исторической, подготовки, то, наконец, просто инженеры-любители. К сожалению, прав Фритъоф Нансен, который писал, что науке мешает дилетантизм, который «распространяется как раковая опухоль». А иногда даже приходится вспоминать горькие слова А. П. Чехова: «Знания заменяются нахальством».

В ноябре 1984 г. в центральной организации Географического общества СССР в Ленинграде на заседании комиссии топонимики и транскрипции географических названий будут обсуждаться безответственные публикации журнала «Вокруг Света». К этому времени желательно было бы получить от камчатских краеведов их отзывы о статьях, опубликованных в этом журнале...

Авторизованная машинопись. 1988 г.

В плену вымыслов: по поводу происхождения названия «Камчатка»

В последнее время в нашей печати справедливо заговорили о том, что в период застоя наша историко-краеведческая литература очень сильно пострадала от «профессионального дилетантизма». К сожалению, это имело самое прямое отношение и к ранней истории Камчатки.

Готовя свою новую статью о происхождении названия «Камчатка» для сборника «Камчатка-1988», я ещё не был знаком с книгой

А. И. Алексеева «Береговая черта», изданной в Магадане в 1987 г., в которой оказались очередные его домыслы о происхождении этого названия. Поскольку неподготовленный читатель легко может принять их за «чистую монету», необходимо показать, как далеки его рассуждения от правды.

Напомню, что А. И. Алексеев не раз уже затрагивал этот вопрос в своих выступлениях. Ещё в 1974 г. на Дальневосточных исторических чтениях в Петропавловске он горячо поддерживал домыслы Н. А. Бондаревой, пытавшейся доказать, что название «Камчатка» будто бы якутского происхождения! Полная несостоятельность этого домысла мною была подробно показана в 1974 г. в изданном в Кронштадте сборнике «Географическая среда и географические названия». Я показал, что название «Камчатка» дошло до якутов от русских, и в якутские олонхо (исторические легенды) оно было включено лишь в XVIII в.

В 1984 г. А. И. Алексеев также активно поддержал домысел московского инженера Н. В. Ломановича, который произвольно стал утверждать, что название «Камчатка» будто бы возникло от одноимённой небольшой речки на полуострове Тайгонос. Эта чисто фантастическая версия была решительно отвергнута камчатскими краеведами Н. И. Захаровой, В. П. Мартыненко и другими.

Вместе с тем А. И. Алексеев поспешил выдвинуть и свою собственную «гипотезу» о происхождении названия «Камчатка»: оно-де происходит «от старого русского слова “камчатка”, что означает “кривой”, “узорчатый”, “кочковатый”, “извилистый” и имеет другие значения одного порядка». Однако в богатейших словарных карточках русского языка XVII и XVIII вв. Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, где имеется множество карточек, на слова «камчатка» и «камчатый» нет ни одной карточки, подтверждающей версию А. И. Алексеева.

Тем не менее, и в 1987 г. в книге «Береговая черта» Алексеев решил свою фантазию «развить». По его словам (с. 40), будто бы в XVII в. «красивые извилистые реки и бугристые места, а также красивые изрезанные берега наши предки называли камчатыми». Подтвердить эту фантазию документами XVII в. он, естественно, не смог. А чтобы придать видимость правдоподобия этому домыслу, счёл нужным сослаться на «Всенаучный словарь» В. Ключникова (СПб., 1878, с. 264, 846), в котором «камчатка» названа «браным холстом, льняным, узорчатым». Но то было в XIX в., а в XVII в., как ясно видно по словарной картотеке Института языкознания, «камчаткой» называлась лишь узорчатая шёлковая ткань. И произошло

это слово, очевидно, от слова «камка» — от ткани, поступавшей на Русь от «Кама» — хана (вспомните название «Камбалык» — «город хана»).

Из источников конца XVII — начала XVIII вв. видно, что уже тогда кое-кто считал, что географическое название «Камчатка» возникло от камчатой ткани. Так, знаменитый тобольский картограф С. Ремезов связывал происхождение этого названия с «камчатыми азямами» (шёлковыми халатами). А голландский учёный Н. Витсен связал его со словом «дамаст»: так в Голландии (да и в петровской России!) часто называли камчатую материю. Вот почему член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов в предисловии к своему ценнейшему «Атласу географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» (М., Наука, 1964, с. 31) уверенно писал: «Название Камчатка произошло от камчатой ткани».

И, естественно, возникает вопрос: когда и при каких обстоятельствах название ткани могло способствовать появлению географического названия реки Камчатки?

Алексеев удивительно смело пишет: «Давно доказано, что название это существовало и до 1657 г.».

Но кем это доказано и где?

По-видимому, А. И. Алексеев здесь имеет в виду появившееся в 1951 г. в сборнике «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане» безответственное примечание редактора, что название «Камчатка» будто бы стало известно тобольскому воеводе П. И. Годунову от прибывшего туда в 1659 г. Михаила Стадухина. Но Годунов стал воеводой Тобольска только с мая 1667 г., когда Стадухина уже не было в живых — он был убит в верховьях Индигирки осенью 1666 г. В 50-х же гг. XVII в. Стадухин названия «Камчатка» вообще не знал, так как оно возникло позже. Поэтому столь же несостоятельно и утверждение А. И. Алексеева, что-де «о Камчатке знали тогда, когда Михаил Стадухин в 1650 г. вместе с Моторой открыл путь с реки Анюй к Анадырскому острогу» (с. 36). Замечу здесь, что в 1650 г. ещё не было Анадырского острога — там лишь было зимовье, поставленное Семёном Дежневым в 1649 г.

Всё же серьёзные исследователи, такие, как Л. С. Берг, А. И. Андреев, Н. Н. Степанов, давно уже справедливо указывали, что самое раннее упоминание реки Камчатки имеется на тобольском общем чертеже Сибири 1667 г. Алексеев его упоминает под названием «Печатного чертежа Сибири 1667 г.», не соблаговолит объяснить, что этот рукописный чертёж получил название «печатного» лишь потому, что он стал официальным документом, на

котором была поставлена печать самого тобольского воеводы П. И. Годунова.

Очевидно, что в Якутске должны были узнать о существовании далёкой реки Камчатки раньше, чем в Тобольске. Поэтому, начиная с 1955 г., я занимался поисками ранних якутских документов, в которых могло оказаться упоминание реки Камчатки. В 1962 г. эти поиски увенчались первым успехом. Сперва в ЦГАДА удалось найти челобитную бывшего анадырского приказного Ивана Рубца от 15 декабря 1668 г., в которой он упоминал, что в прошлом ходил «вверх реки Камчатки». А несколько позже была обнаружена реставрированная наказная память, выданная в 1669 г. казачьему десятнику Ивану Ермолину, ранее служившему на реке Гижиге, идти в поход на реку Пенжину и Камчатку. Лишь в начале 1988 г. в том же ЦГАДА удалось найти ещё один документ о походе И. Ермолина на реку Камчатку, из которого он живым не вернулся.

Внимательное изучение многочисленных документов о службе Ивана Рубца на азиатском Северо-Востоке позволило установить, что он пошёл «вверх реки Камчатки» осенью 1662 г. Поэтому теперь уже можно твёрдо сказать, что название реки Камчатки возникло не позже 1662 г., но не ранее 1659 г., когда с Анадыря ушёл Семён Дежнев, который, как и Михаил Стадучин, ещё не знал этого названия. В этот же короткий период — от 1659 до 1662 г. на полуострове смогли побывать весьма немногие русские, и среди них был и Иван Камчатой, по прозвищу которого в водной системе реки Индигирки одна из малых речек ещё в начале 50-х гг. XVII в. уже была названа «Камчаткой».

Как же тут не вспомнить, что именно в эти годы казак Иван Иванов Камчатой ходил с Гижиги (Чендона) на полуостров к «другому морю», то есть явно на Берингово море! Во время этого похода он, вероятно, и доходил по восточному берегу до большой реки, которую ительмены называли «Уйкоаль», именем весьма трудным для русского уха. Да и Камчатой, вероятно, тогда ительменов вообще ещё не встречал. Сами же ительмены прямо позже указывали, что название «Камчатка» появилось с приходом первых русских, и дано оно было по имени «славного воина Коншата». Но так реку могли назвать только сами русские, потому что С. П. Крашенинников совершенно правильно установил: «камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют». Вот почему вероятнее всего название «Камчатка» возникло от прозвища русского первооткрывателя реки Ивана Ивановича Камчатого.

Конечно, это лишь гипотеза. А. И. Алексеев пытается её опровергнуть. Он утверждает, что «до Полевого» будто бы Иван Камчатой никому не был известен. Это утверждение свидетельствует о незнании А. И. Алексеевым опубликованных источников.

Имя Ивана Камчатого уже упоминалось в одном из документов, изданных в начале 50-х гг. XX в. И в якутских актах, хранящихся в ЦГАДА (фонд Якутской приказной избы и Сибирского приказа), имеется множество документов с упоминанием Ивана Камчатого. Увы, А. И. Алексеев никогда с этими документами незнакомился. Видимо, ему мешало незнание скорописи XVII в.

Алексеев иронически вопрошает: «Неужели Иван Камчатый, который любил, согласно Б. П. Полевому, носить камчатые ткани, был таким богатым, что ткань, из которой делали скатерти и прочее убранство, была ему всегда по карману?»

Во-первых, в XVII в. из камчатки никто скатерти не делал, из неё тогда преимущественно шили парадные рубашки. Если бы Алексеев был знаком с архивными документами XVII в., то смог бы убедиться, что тогда в Якутске многие казаки имели шёлковые рубашки — из камчатки и атласа. Отец «камчатского Ермака» — Владимира Атласова — получил прозвище «Отлас» так же, как Иван Камчатой (а не Камчатый), от ткани, которую он использовал. Во-вторых, в середине XVII в., когда якутских казаков постоянно перебрасывали с места на место, а они имели неплохие доходы от соболиной торговли, было немало лиц, приобретавших шёлковые ткани.

Я пишу потому, что часть книги А. И. Алексеева «Береговая черта», посвящённая XVII в., полна грубейших ошибок, особенно при освещении походов И. Ю. Москвитина, В. Д. Пояркова, С. И. Дежнева, М. В. Стадухина и других землепроходцев. Домыслы А. И. Алексеева о происхождении названия «Камчатка» не выдерживают серьёзной научной критики.

Камчатская правда, 15 июля 1988 г., № 165

Такое бывает в жизни немногих поколений
(к 250-летию Петропавловска)

1990 г. станет для Петропавловска-Камчатского рубежным: ему исполнится 250 лет. Писатель Евгений Гропянов по просьбе редакции «Камчатской правды» побеседовал с доктором исторических наук Борисом Петровичем Полевым.

— *Борис Петрович, ваша научная работа на протяжении нескольких десятков лет связана с историей Крайнего Северо-Востока, в частности, и Камчатки. В 1990 г. Петропавловск отметит 250-летие. Вы писали об открытии Авачинской губы русскими казаками. Что вы испытываете в связи с приближением юбилея города?*

— Завершается первая четверть тысячелетия существования Петропавловска... Быть может, это звучит пышно, даже претенциозно. Однако действительно осталось менее полутора лет до славного 250-летия Петропавловска. И хотя мы и живём в такое время, когда юбилеи перестали быть модными, этот юбилей особый, и мы должны отметить его достойно, ибо такое бывает в жизни немногих поколений. И это прекрасный повод напомнить (особенно тем, кто имеет короткую память) о том, что наш город-юбиляр имеет поистине необыкновенную и весьма громкую биографию.

— *Каждая ваша публикация — своеобразное открытие истории Камчатки. Новая трактовка инструкции Петра Великого, данная Витусу Берингу в 1725 г., приобрела сторонников и среди советских учёных и краеведов, и среди историков Англии и Америки. Над чем вы сейчас работаете?*

— Готовим необычное издание — обширный сборник документов и воспоминаний о разных этапах жизни Петропавловска — от времён Витуса Беринга до наших дней революционной перестройки. Мне для этого издания поручено выявить и собрать воедино самые интересные материалы по истории дореволюционного Петропавловска, а доктору исторических наук Борису Петровичу Мухачёву — по истории Петропавловска советского периода. Нам помогают в этом увлекательном деле десятки энтузиастов — литераторы, краеведы и журналисты, просто любители истории. Наиболее действенная помощь исходит от Камчатского областного архива (особенно от К. И. Барышниковой), иногородних архивистов — сотрудников ЦГА РСФСР Дальнего Востока (Томск), ленинградских архивов — ЦГА ВМФ, Центрального государственного исторического архива, архива Академии наук СССР и других, ряда рукописных отделов ведущих библиотек и некоторых других древлехранилищ страны.

— *Издание должно получиться фундаментальное, рассчитанное на долговременное использование. Это своеобразная энциклопедия, посвящённая нашему городу. Вы, наверное, уже можете рассказать, какие материалы будут представлены в дореволюционном разделе?*

— Скорее всего, у меня не раздел, а часть. Эта часть разбита на разделы, их четыре. В каждом разделе будут главы. Итак, по порядку. Первый раздел посвящён событиям XVIII в.: воссоздаётся история открытия и изучения Авачинской губы, будут представлены наиболее важные документы Витуса Беринга и Алексея Чирикова об основании Петропавловска. Очень интересны сведения Степана Крашенинникова, Георга Стеллера, Свена Вакселя, студента А. Горланова и геодезиста Красильникова и документы, например, выписки из судовых журналов пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел», которые рассказывают о первых месяцах города.

Петропавловск появился на картах мира в конце 40-х гг. XVIII в., и очень скоро весть об удобной Авачинской губе распространилась среди моряков всех стран. Вот почему Джеймс Кук и Жан Франсуа Лаперуз заранее намечали посещение Петропавловского порта: корабли Кука были здесь в 1779, а Лаперуза — 1787 г. Недавно в Новой Зеландии умер историк Бигхол. Он выявил записи о Петропавловске, сделанные участниками третьего плавания Кука, тогда уже погибшего. Впервые переведён на русский язык рассказ Лаперуза о пребывании в Петропавловске в 1787 г. Разве читателю не интересно будет познакомиться с новыми материалами? Наряду с ними будут помещены ранее известные отрывки из путевых записок спутника Лаперуза — Ж. Б. Лессеписа, деда строителя Суэцкого канала. Тут же будут даны и некоторые русские документы об этих событиях. Завершит первый раздел подборка документов о пребывании в Петропавловске участников знаменитой русской Северо-Восточной экспедиции, во главе которой стояли Иосиф Биллингс и Гавриил Сарычев.

Второй раздел сборника — самый обширный. Он посвящён пребыванию в Петропавловске участников русских кругосветных плаваний с 1804 по 1846 гг. и открывается главой о трехкратном посещении города участниками «первого плавания россиян кругом света» — отрывками из воспоминаний Ивана Крузенштерна, письмом Николая Резанова с пророчеством о будущем Петропавловска, выдержками из книги всемирно известного учёного Георга Лангсдорфа и воспоминаний Макара Ратманова.

Далее следует рассказ о знаменитостях, побывавших в Петропавловске в 1806—1807 гг., — о зимовке в порту фрегата «Юнона» и тендера «Авось», на которых плавали два друга — Николай Хвостов и Гавриил Давыдов, об их друге, уже упомянутом Лангсдорфе, и, наконец, ирландце Арчибальде Кемпбелле (отрывок из его книги будет опубликован на русском языке впервые).

Много пользы Петропавловску принесли начальник Второй кругосветной экспедиции знаменитый Василий Михайлович Головнин и его сподвижники в 1809—1811 гг. Здесь же будут представлены документы о зимовке в порту японца Такадая Кахея, который помог Головнину освободиться из плена и который в настоящее время объявлен в Японии чуть ли не национальным героем.

В 1812 г. Петропавловск превращается в столицу Камчатки. И сразу же город начинает прощупывать пути в южные порты Тихого океана, чтобы завязать с ними торговлю.

Если говорить об определённой последовательности, то надо остановиться на воспоминаниях Отто Коцебу и писателя-романтика Адельберта Шамиссо, которые побывали в порту на бриге «Рюрик». Начальник Камчатки Пётр Рикорд оказался очень деятельным, это подтверждается многочисленными документами, которые будут представлены для ознакомления, особо переписка Рикорда с генерал-губернатором Восточной Сибири М. М. Сперанским. Жена начальника Камчатки Людмила Рикорд оставила очень любопытные воспоминания, с ними мало кто знаком. К этому времени относятся и отрывки из газетных сообщений о Петропавловске, и впервые публикуемый на русском языке отрывок из воспоминаний о городе английского путешественника Джона Кохрейна.

Только на этих примерах можно составить представление, как был известен Петропавловский порт. К нему стремятся: в 1822 г. С. Хрущёв на шлюпе «Аполлон»; в 1823 г. А. Лазарев на шлюпе «Ладога»; в 1824 г. О. Коцебу на шлюпе «Предприятие»; в 1826 г. Ф. Врангель на транспорте «Кроткий»; в 1827—1828 гг. Ф. Литке на шлюпе «Сенявин», М. Станюкович (отец писателя-мариниста) на транспорте «Моллер». И все они оставили интереснейшие воспоминания. Как и английский моряк Фредерик Бичи, составивший одну из лучших карт Авачинской губы.

В 1829—1835 гг. начальником Камчатки был энергичный А. В. Голенищев-Кутузов. Пожалуй, впервые в таком объёме можно ознакомиться с его рекомендациями и проектами по усовершенствованию города. Впервые же публикуется краткая геологическая характеристика района Петропавловска, составленная Георгом Эрманом, исследователем Камчатки. В эти годы в порт заходили: в 1829 г. на транспорте «Кроткий» Л. Гагемейстер, совершивший три кругосветных плавания; в 1832 г. на транспорте «Америка» В. Хромченко и на том же транспорте И. Шанц. На «Америке» в 1835 г. впервые побывал в Петропавловске молодой Василий Степанович Завойко, оставивший, как и все моряки

в те годы, воспоминания, отрывок из которых нами также включён в сборник.

О следующем десятилетии расскажут документы о создании памятника Лаперузу, роспись всех зданий города в 1836 г., предложения начальника Камчатки об установлении заревой пушки на Сигнальном мысу (неплохо бы восстановить эту пушку), записка Страннолюбского о ремесленной школе в Петропавловске, отрывки из воспоминаний моряков А. Бутакова (будущего исследователя Аральского моря), Г. Блока, инспектора Булычёва, обзор петропавловского дневника препаратора петербургской Кунсткамеры И. Вознесенского и, наконец, воспоминания уроженца Петропавловска писателя И. В. Фёдорова-Омулевского из книги «Шаг за шагом».

Я не перегружаю свой рассказ лишними деталями. Наоборот, говорю весьма кратко, многое оставляя, как говорится, за бортом. Мне хочется, чтобы у читателя сложилось наиболее полное представление о будущей книге. Поэтому я всё-таки продолжу.

Раздел «Время тревог и героизма. 1847—1855 гг.» начинается с прокламации начальника Камчатки Р. Г. Машина по поводу бесчинств в порту иностранных китобоев. Здесь приводятся документы о растущем интересе англичан к Петропавловску уже в 1848 г.: два английских судна «Герольд» и «Пlover», посланные к Берингову проливу, изучили Авачинскую губу, а английский «турист» Самуэл Хилл дотошно описал город (отрывок записок Хилла впервые публикуется в русском переводе). Любопытные документы удалось обнаружить в архивах — они касаются начальной деятельности В. С. Завойко на Камчатке в 1851—1854 гг., которая повлияла на успех петропавловцев в дни обороны 1854 г.

Последний период истории дореволюционного Петропавловска я заключаю в рамки от 1856 г. до Февральской революции 1917 г. Он начинается с указа 1856 г, когда Петропавловск был низведён до положения уездного города. Но даже в это время упадка у захиревшего городка были свои светлые моменты. Одним из таких я бы назвал провозглашение 24 августа днём Петропавловска с проведением различных торжеств в память победы в 1854 г. Чтобы представить, как протекала жизнь в Петропавловске, мы подготовили воспоминания моряка Андрея де-Ливрона (1861 г.) и американца Джорджа Кеннана (1866 г.), деда современного американского дипломата, горячего сторонника советско-американского сближения, и, наконец, гидрографа К. С. Старицкого (1866 г.).

— *В 1867 г. Россия продала Русскую Америку Северо-Американским Соединённым Штатам. Камчатка уже не имела былого*

значения. Жизнь флота переносится в Приамурье. Каков был Петропавловск в последующие годы?

— Петропавловск начала 1880-х гг. хорошо показан в записках героя «Варяга» В. Ф. Руднева. В них и в книге английского дарвиниста Ф. Х. Гюйлемара подробно рассказывается об открытии в 1882 г. памятника «Слава» на петропавловской кошке. Весьма полезны сведения о деятельности знаменитого польского доктора Бенедикта Дыбовского. Особенно любопытен документ о его попытке установить в Петропавловске памятник Георгу Стеллеру. Немало уделено внимания и начавшейся в середине 80-х гг. XIX в. борьбе за возвращение Камчатке статуса области со столицей в Петропавловске. Впервые в сборнике рассказывается о попытке создать общество по изучению Камчатки. Читатель получит сведения о городе, извлечённые из трудов Н. В. Слюнина, В. П. Маргаритова, А. А. Прозорова, А. П. Сильницкого, П. Ф. Унтербергера, — это грань XIX и XX вв. К нашему сожалению, немного удалось узнать о событиях в Петропавловске во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Но вот 1908—1913 гг. будут хорошо отражены достаточно подробными записками академика В. Л. Комарова, инспектора Г. А. Крамаренко, врача Л. Н. Тамма. Особенно любопытны документы о создании в Петропавловске первого радиотелеграфа, сейсмической станции, отчёт камчатского губернатора В. В. Перфильева, сведения о пребывании в городе судов «Вайгач» и «Таймыр». Рассказано и о появлении типографии, театра, газеты «Камчатский листок», иллюзиона (кино), первых своих журналов, артистов, поэтов.

— *Обширность такого интересного материала, наверно, предполагает, что в один том он просто не войдёт. Будет несправедливо, если камчатцы не увидят многого из того, о чём вы сейчас рассказали. Ведь данный материал станет на долгое время основным для изучения истории нашего города.*

— Материалов по дореволюционной истории Петропавловска оказалось так много, что теперь очевидно, что необходим особый том. Для советского периода также собрано немало документов, их тоже следовало бы опубликовать отдельным томом.

Камчатская правда, 28 марта 1989 г., № 72

Примечание редактора. Изложенный Б. П. Полевым замысел оказался осуществлённым лишь частично. В 1995 г. с большими трудностями была издана книга «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990».

Она состоит из двух частей, первая называется «Дореволюционный Петропавловск (1740—1916 гг.)». В эту часть, редактируемую Б. П. Полевым, вошла примерно треть первоначально подготовленных материалов. В 2020 г., к 280-летию Петропавловска-Камчатского, в рамках серии «Из фондов музея» удалось издать ранее «невыпущенное» с добавлением интересных документов, выявленных в последние годы в запасниках нашего музея и в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Как знак преемственности поколений исследователей истории Камчатки эта новая книга тоже названа нами «Дореволюционный Петропавловск (1740—1916 гг.)».

Первое плавание русских от Камчатки
к Японии и Южным Курилам
(к 250-летию похода М. П. Шпанберга 1739 г.)

250 лет тому назад было совершено самое первое плавание русских от Камчатки к берегам Японии. Руководил им один из наиболее деятельных помощников знаменитого Витуса Беринга — Мартын Петрович Шпанберг. Именно он и его товарищи первыми из русских смогли подробно ознакомиться с Южными Курилами, в том числе и со всей малою Курильской грядой. В связи с этим славным юбилеем целесообразно напомнить, как вообще впервые возник интерес в России к Южным Курильским островам.

Первым из русских ими заинтересовался сам Пётр I. Ещё в 1692 г. в Амстердаме вышла в свет интереснейшая географическая хрестоматия «Северная и Восточная Татария», составленная выдающимся голландским географом Н. Витсеном. В ней были опубликованы многие географические описания, полученные из России, и некоторые документы, связанные с голландской экспедицией Мартина Герритса де Фриса, которая ещё в 1643 г. побывала у Южных Курил и Южного Сахалина.

Пять лет спустя Пётр I встретился с Витсеном в Амстердаме и там смог познакомиться и с географическими картами, составленными участниками плавания Фриса. На них была изображена «Земля Штатов» — остров Итуруп, «Земля Компании» — остров Уруп и «Земля Иедзо» — остров Хоккайдо, соединённый вместе с Кунаширом и Сахалином. О существовании современных проливов Лаперуза, Кунаширского и Измены голландские моряки вообще не знали. Особенно Петра I заинтересовало сообщение голландцев о том, что «Земля Компании» (Уруп) будто бы является... частью

Америки! Уже тогда царь помышлял о проникновении к «незвестным» северо-восточным берегам Северной Америки.

В 1705 г. Н. Витсен выпускает расширенное издание своей хрестоматии и посвящает его Петру I. В книге вновь публикуются важные сообщения о голландской экспедиции Фриса 1643 г. Петру очень хотелось обследовать район Южных Курил, но в те времена Россия имела на Дальнем Востоке лишь небольшие суда, которые могли плавать только «подле берега», не помышляя пускаться «в голомень», то есть в открытое море. Поэтому тогда и встал вопрос о создании на русском Дальнем Востоке специальных морских кораблей. Тем не менее, Пётр I с первых же лет XVIII в. не раз приказывал восточно-сибирским властям организовать сбор сведений о различных морских островах на Тихом океане. В частности его заинтересовали и сообщения «Камчатского Ермака» — Володимера Володимировича Атласова об островах, находящихся к югу от полуострова Камчатка. И он потребовал их, населённые «курилами» (айнами), «проведать». С тех пор и начался опрос жителей Камчатки о Курильских островах. Михаил Зинovieв Многогрешный (племянник знаменитого опального украинского гетмана), камчатский приказной Василий Колесов и другие русские служилые люди от камчатских ительменов и айнов собрали некоторые полезные сведения об этих островах.

В 1707—1711 гг. на Камчатке вспыхнуло восстание казаков против их притеснителей — камчатских приказных. Сперва казаки убили Осипа Миронова Лапина, затем зарезали самого Атласова, а два месяца спустя — утопили в реке Камчатке Петра Чирикова. Свои «вины» бунтовщики решили искупить открытием «новых земель». Так они в 1711 г. организовали первый поход на байдарках на ближайшие Курильские острова Шумшу и Парамушир. Но особенно удачным был третий поход, когда на острове Парамушире казаку Ивану Козыревскому удалось от итурупского айна Шитаная получить сведения почти обо всей Курильской гряде. Именно тогда Иван Козыревский составил самое первое в мире подробное описание всей Курильской гряды и сделал её чертёж. Именно тогда русские впервые услышали подлинные айнские наименования Южных Курильских островов — Итуруп, Кунашир, Шикотан и другие. Именно тогда И. П. Козыревский впервые узнал, что южно-курильские айны «ни у кого не состоят в подданстве».

Это известие и пробудило у самих камчатских казаков желание со временем присоединить к России и Южные Курильские острова. К сожалению, подлинные записи Козыревского 1713 г.,

как и сделанная им тогда же первая русская карта всей Курильской гряды, до нас не дошли. Но мы располагаем несколькими другими документами и чертежами Козыревского 1713 г. с различными данными и о Южных Курильских островах. Среди них три важные карты: первая печатная всего русского Дальнего Востока — «Карта земли Камчадалии», изданная в Нюрнберге И. Б. Гоманном в 1722 г. по заказу самого Петра I; рукописный чертёж знатока Дальнего Востока Афанасия Шестакова 1724 г. и карта обер-секретаря сената Ивана Кирилова, составленная в самом конце декабря 1724 г. по заданию Петра I. На всех этих картах-чертежах были по разному изображены Курильские острова, явно по данным Козыревского 1713 г.

В 1716 г. на специально построенном судне Никифор Треска и его товарищи смогли впервые совершить прямое плавание из Охотска к западному берегу Камчатки через Охотское море. До этого такие плавания совершались только «подле берег». Обрадованный этим, Пётр I решил, что отныне открылась возможность от берегов Камчатки искать в море ближайшие берега Америки. Именно поэтому он и решил в январе 1719 г. послать на Камчатку двух геодезистов — И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина с заданием «описать тамошние места, сошлась ли Америка с Азией, что подлежит тщательно сделать не только с юд (юг. — *Б. П.*) и норд, но и ост, и вест, и всё на карты поставить».

Поскольку Пётр I знал о голландской гипотезе, что «Земля Компании» (остров Уруп) будто бы является частью Америки, он и решил в первую очередь направить геодезистов вдоль Курильских островов. Так те и поступили в 1721 г.

Большой интерес к этому плаванию проявил Александр Пушкин. Он отметил, что буря унесла геодезистов «почти до Матмая», то есть к острову Хоккайдо. Большинство же историков долгое время считали, что Евреинов и Лужин далее «шестого острова» (Симушира) не плавали. Но изучение архивных документов показало, что на самом деле они «доходили до шестого на десять острова», то есть шестнадцатого, а в то время шестнадцатым Курильским островом называли... Матмай! Поэтому Пушкин никакой ошибки не допускал, когда он указывал, что Евреинов и Лужин плавали «почти до Матмая». Но в тот момент их судно было так сильно повреждено, что они ни о каком осмотре южных островов помышлять не могли и думали только об одном — о своём спасении, о скорейшем возвращении на север. И, действительно, им была оказана первая помощь на Парамушире. Для дальнейших

плаваний их судно стало непригодным, и невольно пришлось экспедицию приостановить.

При возвращении в Петербург Евреинову удалось повидаться в Казани с самим Петром I. Царь был доволен результатами плавания, одобрил его карту, на которой Курилы впервые показаны простирающимися не прямо на юг от Камчатки, а в юго-западном направлении. Из-за серьёзных осложнений на юге России Пётр I решил временно Евреинова на Дальний Восток не посылать. Лишь 18 декабря 1724 г. царь вновь вспомнил о Евреинове, решив на этот раз отправить его от Камчатки на восток. Но оказалось, что Евреинов умер ещё в январе 1724 г. Поэтому эта задача и была теперь возложена на опытного морехода Витуса Беринга.

Когда в 1726 г. Беринг прибыл в Якутск, к нему явился Иван Козыревский (тогда уже «инок Игнатий») и подал новый подробнейший чертёж Курильских островов, уговаривая Беринга побывать на этих островах. Он уверял, что все Курильские острова, в том числе и южные, легко могут быть присоединены к России. Сообщил, что не знает, в каких отношениях находятся жители Кушашира по отношению к Матмаю и добавлял: «А итурупинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве, и торгуют повольно». Но Беринг был не вправе нарушать данные ему инструкции царя. Лишь в 1730 г., по возвращении из своей Первой Камчатской экспедиции, он, ратуя за организацию второй, выдвинул план поиска морского пути от Камчатки к Японии вдоль Курильских островов. Этот план был принят правительством. Учёным молодой Санкт-Петербургской академии было предложено собрать все иностранные сведения об островах, особенно «от Земли Иессо до земли Компанейской», то есть от Хоккайдо до Урупа.

Академик И. Делиль для этой цели тщательно изучил известия иезуита Д'Анжелиса об острове «Иезо», де Фриса о Южном Сахалине и Южных Курилах 1643 г. и другие. Особенно Делиль рекомендовал русским морякам обратить внимание на «пик Сент-Антуан» — кунаширский вулкан Тятю. Многие рекомендации Делиля были учтены при выработке указа 1732 г. об организации Второй Камчатской экспедиции. В указе появилось правительственное задание: «Островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустит», вплоть до самой Японии. Это важнейшее поручение уже тогда было возложено на опытного русского моряка Мартына Петровича Шпанберга.

С 1735 г. в Охотске началось строительство судов специально для южной экспедиции. В 1737 г. спущены на воду бригантин

«Архангел Михаил» и дубель-шлюп (или дубель-шлюпка — это одно и то же) «Надежда». Отремонтировали для этой цели и бот «Св. Гавриил», который в 1732 г. принимал участие в открытии на севере берегов Америки. Из-за позднего времени начало плавание было перенесено на 1738 г.

Специальная инструкция обязывала Шпанберга «идти к тем островам, кои пошли от Камчатцкого полуденного (южного. — *Б. П.*) носу к Японии и из них несколько уже были во владении российском...» На «новых южных островах» моряки должны были с айнами «поступать ласково и ничем не озлобить и нападения никакого и недружбы не показывать, а наведатца, коль велики такие острова и земли и куда они пошли, и чем довольствующа, и притом усматривая случая для лутчаго приласкания» давать разные подарки.

Только 15 июня 1738 г. три судна Шпанберга вышли в плавание из Охотска к берегам Камчатки. Вскоре они попали в бурю, из-за чего бот «Св. Гавриил» был выброшен на берег близ реки Крутогоровой. Лишь 15 июля Шпанберг повёл от Камчатки два судна к Курильским островам. Из-за плохой погоды он не смог пройти далее острова Уруп. Тем не менее, не без гордости записал: «Из российского народу тут ещё никто не бывал». Из-за нехватки продовольствия и болезней пришлось возвращаться с тем, чтобы основное плавание совершить уже в 1739 г. Именно оно оказалось необычайно успешным...

Историческое плавание 1739 г. началось 21 мая, и уже 16 июня моряки «усмотрели Японской земли берег». Здесь произошла тёплая встреча с японскими рыбаками и даже с одним из японских чиновников. А на обратном пути участники плавания стали весьма подробно знакомиться с островами Малой Курильской гряды и Южными Курилами. Наиболее подробно русские моряки смогли ознакомиться с островом Шикотаном, который за свои причудливые берега был назван Шпанбергом «Фигурным» (позже, однако, русские его часто называли по имени первооткрывателя — островом Шпанберга).

Лишь недавно — в 1984 г. — впервые были опубликованы ценнейшие записи из судового журнала «Св. Михаила», из которых ясно видно, как подробно русские моряки тогда изучали этот остров. Вот несколько выписок:

3 июля 1739 г.: «Близ острова Фигурнова послан от нас дубель-шлюп “Большереецк” и на шлюпке за водою с 73 бочками... На оном острове, где оне приставали, воды не взяли понеже утёс и камень,

и на оном острове в том месте лесу мало и всё камень, и место неудобное и близ самого острова глубоко...»

Запись от 4 июля уже более оптимистична: «На том острове растёт лес берёзовой и еловой и жимолосник и наподобие вереса, токмо другова роду, и трава сладкая, и сарана, и смородина и прочие травы, которых за неведением написать неведомо». При этом была открыта замечательная бухта.

Запись от 6 июля 1739 г.: «Поехал от нас з брегантина штурман Матвей Петров на шлюпке нашей и при нём квартирмейстер и четыре человека гребцов и два человека курильских толмачей... есаул и большеерецкой казначей сын Захар Дровосеков, толмач оным курильским мужикам, которому штурману Петрову повелено осмотреть онога Фигурного острога губу, вымерить в ней глубину и удобна ль она губа в приключившееся время быть гаванью для отстоя».

Гавань оказалась удачной, а поэтому составили её план. Неожиданно, когда брали воду, «видели людей и собаку».

Особенно любопытна запись от 9 июля 1739 г.: «В начале третьего часа пришла наша шлюпка из деревни, на которой ездил мичман Шельтинг и привёс с собою ис той деревни тамошних жителей к нам на брегантин восемь человек, которые сходны по персоне курильских народов и которые иноземцы ходят в платье долгом и пестрой и нашитом на них камка разная, и босы ходят, и по ногам и по всему телу видно шерсть или волос, и бороды у них великия, продолговатыя, чёрные, а некоторые престарели, и у тех с сединою, белы, как борода, так и волосы. У некоторых в ушах имеются кольца серебряны. Лотки у них, как у курильских мужиков, и говорят с курильскими мужиками, которые мужики, став на колени пред пегухом и обе свои руки сжав и одна на другую погибая, принеся ко лбу, кланялись жестоко и как и за прочие подарки кланялись. И его благородие господин капитан Мартын Петрович Шпанберх довольствовал их или подчивал водкою и дарил табаком китайский и российский, деньгами, крашениною, бисером и корольками. Поехал от нас те иноземцы в свою деревню».

Оказалось, что эти айны жили на острове Зелёном, куда ездили для обсервации с инструментами подпоручик Свистунов и штурман Петров. Напомню, что Иван Свистунов был весьма опытным геодезистом, сыгравшим большую роль при картографировании Забайкалья, Якутии, а позже и Камчатки. Название острова «Зелёный» было дано Шпанбергом и сохранилось до наших дней. Позже участники плавания подробно осматривали остров «Цитронный» —

так Шпанберг назвал Итуруп, а затем Кунашир и северо-восточный берег Матмая — Хоккайдо.

Если учесть, что на Южные Курилы часто привозились различные японские товары, то Шпанберг счёл нужным особое внимание уделить вопросу, какое отношение имеет население Южных Курил к Японии. После тщательного ознакомления с Южными Курилами Шпанберг пришёл к твёрдому выводу, что эти острова *«не принадлежат к владению японского хана»*.

Поэтому он уже с 1739 г. стал горячо ратовать за скорейшее присоединение всех этих островов к России. 29 августа 1739 г., вернувшись в Охотск, он объявил, что ему удалось «большие и малые острова, лежащие от сорок трёх и до сорок шести градусов, в подданство привести, а от сорока шести градусов до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости». И просил разрешить ему в 1740 г. организовать новую экспедицию к Южным Курилам. Согласие было дано, и специальная инструкция опять обязала его особое внимание обратить на Южные Курилы. Ему было приказано: «Следовать к тем островам, которые близ японских островов вами обысканы, а именно “Фигурной” и “Зелёной”, тако ж и угол берега или острова Матмаева и оные окуратно смотреть...» При этом его обязывали «наиприлежнейшее старание прилагать, чтоб о всём, что в примечание достойное, как при берегах, так и внутри тех островов, обстоятельное и совершенное известие и знание получить».

К сожалению, Беринг решил, что организация такой экспедиции в 1740 г. помешает подготовке более важной — к берегам Северной Америки, поэтому плавание к Южным Курилам в 1740 г. не состоялось. Кроме того, Беринг объявил, что присоединение средних и южных Курил — дело не участников Второй Камчатской экспедиции, а специально назначенных сборщиков ясака.

Всё-таки в 1742 г. М. П. Шпанберг предпринял новую попытку попасть к Южным Курилам, но плохая погода нарушила его планы. А осенью 1743 г. деятельность Второй Камчатской экспедиции была приостановлена...

Историческая экспедиция М. П. Шпанберга 1739 г. оставила весьма значительный след в яркой эпопее русских открытий на Курилах. Во-первых, были собраны необыкновенно богатые, абсолютно достоверные сведения о природе этих островов, их естественных богатствах, местных жителях и их образе жизни. Во-вторых, были составлены новые географические карты Курильских островов, и наиболее точными из них были карты Малой Курильской

гряды, особенно острова Шикотана (Фигурного), Зелёного и других. Правда, некоторые острова, например, Итуруп, были Шпанбергом ошибочно приняты за целых три особых. Были кое-где допущены и другие неточности, которые привели к тому, что Шпанберг явно преувеличил число островов. Всем им он решил дать русские названия. Но они употреблялись в России сравнительно недолго, так как русские обычно считали более удобным для себя сохранять подлинные названия, прочно вошедшие в употребление аборигенов. Именно поэтому и до наших дней были прочно закреплены айньские названия, за исключением одного названия «Ширинки», которое пришлось не по вкусу местному недалёкому начальству, радевавшему о нашей нравственности...

Вскоре о замечательных открытиях М. П. Шпанберга и его товарищей заговорили в Санкт-Петербурге и Москве. А уже 27 февраля 1740 г. знаменитая парижская «Газет де Франс» сообщила об открытии Шпанбергом 35 (?) островов и о том, что на них островитяне, «хотя были весьма поражены, но приняли его с многочисленными проявлениями дружбы».

Пять лет спустя первый академический атлас Российской Империи дал изображение Курильских островов по карте Шпанберга с его многочисленными малоудачными русскими наименованиями, вроде «Баран», «Козёл», «Телёнок» и другими.

Вторично русские вышли к Южным Курилам лишь четверть века спустя — в середине 60-х гг. XVIII в., когда ясачному сборщику Ивану Чёрному удалось на Урупе собрать первый ясак с пришедших туда итурупцев, а одному итурупскому «лутшему мужику» (тойону) он даже поручил сбор ясака и с Шикотана. Наибольшего успеха в сборе ясака на Южных Курилах русские смогли достичь уже в конце 70-х гг. XVIII в., когда дань внесли более полутора тысяч айнов Итурупа и Кунашира. Вскоре Екатерина II освободила южно-курильских айнов от уплаты ясака, но продолжила христианизацию аборигенов. Это привело к тому, что очень многие айны в эти годы получили русские имена. Некоторые из них научились не только говорить, но и писать по-русски. Всё это ясно показывает, как далеки от истины утверждения некоторых современных японских реваншистов, пытающихся уверить мировую общественность, что Южные Курилы были будто бы издревле японской территорией. На самом деле русские пришли на Южные Курилы ещё за несколько десятилетий до того, как японские власти в конце XVIII в. впервые попытались ими завладеть.

К сожалению, история плавания М. П. Шпанберга и его товарищей к Южным Курилам, в том числе к Малой Курильской гряде, ещё недостаточно полно изучена. Но и то, что нам теперь известно, достаточно убедительно подтверждает неоспоримый русский приоритет в открытии Южных Курил.

Машинопись. Без даты.

Замысел Арнольда Атласова

Обширный род Атласовых ведёт своё начало от якутского казака Володимера Тимофеева, получившего ещё в середине XVII в. за свою шёлковую одежду прозвище «Отлас». Уже его сыновья стали называться «Отласовыми» или «Атласовыми». Своей известностью эта семья обязана среднему сыну Владимира Отласова Володимеру Володимеровичу Атласову, названному А. С. Пушкиным «Камчатским Ермаком», поскольку именно он сыграл главную роль в присоединении Камчатки к России.

Уже в конце XVII в. род Атласовых стал разрастаться. К тому же появились якуты, юкагиры и ительмены из числа лиц, крещёных казаками Атласовыми.

Русско-якутский род Атласовых теперь живёт не только в Якутии, но и, по существу, во всей стране. Поселившаяся в московском интернате для персональных пенсионеров Капитолина Николаевна Юхневич-Атласова проделала огромную работу по составлению генеалогии Атласовых XIX—XX вв. Несмотря на преклонный возраст и потерю зрения, она и сейчас продолжает заниматься Атласовыми, чтобы пополнить составленный ею список.

К сожалению, генеалогия Атласовых XVIII в. изучена явно недостаточно. Сбор новых сведений о них непрерывно продолжается. В 1986 г. («Советская этнография», № 3, с. 73), обнаружилось, что в одном из сочинений казак Осип Аргунов, помощник Крашенинникова и Стеллера, сообщает: недалеко от мыса Лопатка, на самой крайней оконечности полуострова, в старину стоял деревянный крест, поставленный «ясачным зборщиком Отласовым». И, естественно, встал вопрос: к кому же относилось это сообщение — к «Камчатскому Ермаку» или к его сыну Ивану, которому тоже доводилось собирать ясак на Камчатке?

Академик Л. С. Берг полагал, что Владимир Атласов далее реки Гольгиной на юг полуострова Камчатки не ходил и мог увидеть остров Алайд (с 1954 г. — остров Атласова) с её устья. Но Владимир Атласов писал: он, де, сам «на море видел как бы

острова есть, и иноземцы сказывают, что острова есть...» Если здесь идёт речь о нескольких островах, то, очевидно, Владимир Атласов действительно побывал в районе мыса Лопатки, и это ломает наши прежние представления о крайней южной точке его продвижений на юг полуострова по его западному берегу. Поэтому более вероятно, что этот южный крест — дело рук «Камчатского Ермака», тем более, всем известно: аналогичный крест поставлен им на реке Камчатке и в недавнем прошлом восстановлен.

У племянника К. Н. Юхневич-Атласовой — Арнольда Ивановича Атласова возникла идея самостоятельно восстановить и второй южный крест Владимира Атласова. Потомок отважного первопроходца многие годы работал геологом на восточносибирском Севере — на Вилюе, Анабаре, Яне. Часть заработанных там денег он решил использовать на сооружение южного креста. Смею надеяться, что камчатские власти и краеведы помогут А. И. Атласову в осуществлении его благородного замысла...

Камчатская правда, 6 октября 1990 г., № 231

Об ошибках в освещении похода И. Ю. Москвитина 1639—1641 гг.

Географическому обществу СССР принадлежит особая заслуга в тщательном изучении истории похода И. Ю. Москвитина, с которым связаны самый первый выход русских на Тихий океан в августе 1639 г. и начало освоения земель Дальнего Востока. В 1939 г. наше общество было единственной организацией страны, которая по инициативе Л. С. Берга и Н. И. Вавилова на специальном заседании отметила 300-летие этих исторических событий. Начиная с 1943 г. (с первых публикаций Н. Н. Степанова [23, 24]) и до 1988 г. в различных изданиях общества был опубликован ряд статей, существенно уточняющих историю похода И. Ю. Москвитина на основании вновь выявленных архивных данных.

Осенью 1989 г. общество широко отметило 350-летие первого выхода русских на Тихий океан. Юбилейные мероприятия начались во Владивостоке 15 сентября по инициативе Приморского филиала ГО СССР. Затем 17—18 сентября в Южно-Сахалинске по инициативе Сахалинского отделения ВООПИК и местного музея состоялась всесоюзная юбилейная конференция, а 20 ноября отделение истории географических знаний ГО СССР провело своё заседание в Ленинграде.

На двух заседаниях — в Южно-Сахалинске и в Ленинграде — было объявлено, что в 1989 г. впервые удалось на верхнем Алдане

точно определить местоположение легендарного Бутальского острожка, из которого в мае 1639 г. был начат первый русский поход на Тихий океан.

Произошло это так.

Ещё в 1957 г. мною был найден архивный документ, из которого стало очевидным, что Бутальский острожек был основан 28 июля 1638 г. «на устье Янды реки». Но лишь в августе 1989 г. туристская группа В. Я. Сальникова из Орла по моей просьбе установила на месте, что река, которую аборигены называют «Янды», впадает в Алдан у посёлка Кутана. Это позволило 1 ноября в Кутане по инициативе учительницы Л. Д. Абрамовой провести в местной школе юбилейную конференцию, посвящённую походу И. Ю. Москвитина.

К сожалению, в дальневосточной печати часто история москвитинского похода освещалась с весьма существенными ошибками, так как в основу этих публикаций легли данные из книг известного популяризатора истории географических открытий А. И. Алексеева, который сам лично изучением архивных документов XVII в. не занимался. Поэтому и возникла необходимость критически рассмотреть ряд неверных утверждений А. И. Алексеева.

В книге «Сыны отважные России» А. И. Алексеев поход Москвитина описывал так: «Через горы и дремучие леса, по рекам и озёрам вышел на Охотское море в 1639 г. Иван Юрьев Москвитин с группой томских казаков. Путь Москвитина лежал по рекам Алдану, Мае и Юдоме, затем через высокий прибрежный хребет Джугджур и оттуда по реке Улье вниз к морю. Основав в устье этой реки новое зимовье, Москвитин и его товарищи в том же году совершили походы и плавания вдоль берегов Охотского моря как к северу — до Тауйской губы, так и к югу — до реки Уды, а по некоторым сведениям и южнее.

Здесь спутникам Москвитина местные жители — нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки и другие рассказывали о большой реке, на которой живут богатые люди. Живут эти люди оседло, держат скот, пахут землю, меняют хлеб на соболей, имеют много золота, серебра, дорогих тканей. Называют этих людей даурами» [1. С. 15].

Уже в эти два абзаца необходимо внести немало поправок.

1. В походе участвовали не только томичи: более трети его участников были беглые красноярские казаки.

2. По реке Юдоме москвитинцы никогда не ходили — юдомский путь был открыт позднее — через десять с лишним лет! На самом деле их путь шёл через речку Нудыми («Нюдми»).

3. Переход с Нудыми к верховьям Ульи отнюдь не был сложным. Как отмечал ещё В. А. Тураев, лично изучавший этот район, «высота перевала здесь едва ли достигала ста метров, а пологие, удивительно ровные и гладкие подходы к нему как со стороны Нудыми, так и Ульи сводили на нет и эту высоту» [26. С. 362—363].

4. Никаких озёр на пути москвитинцев не было.

5. В 1639 г. москвитинцы ходили на север только до реки Охоты и никогда до Тауйской губы не добирались. В 1639 г. они на юг не ходили. На юг пошли только весной 1640 г., после постройки двух больших кочей.

6. С нивхами москвитинцы никогда не беседовали. Из-за своего «малолюдства» они попросту побоялись войти с ними в контакт.

7. Видеть ульчей москвитинцы также никак не могли: ульчи никогда не жили на Охотском побережье, и пока ни одному исследователю не удалось доказать, что уже в середине XVII в. они были известны в Приамурье.

8. Москвитинцы не могли встретить на Охотском побережье и «гольдов, дучеров, наток», поскольку они там никогда не жили. К тому же Алексеев не учёл, что в этом последнем перечислении он давал различные названия одной народности. «Гольдами» в старину называли верхних нанайцев, живших на среднем Амуре и Уссури. «Натки» — это нижние нанайцы. А те и другие вместе взятые с середины 50-х гг. XVII в. стали называться русскими — «дючерами». До этого же со времен Пояркова (но не ранее) русские под «дючерами» имели в виду нанайцев среднего течения Амура [14].

9. А. И. Алексеев не прав и тогда, когда уверяет, что москвитинцы только от этих народов смогли узнать о большой реке Амур и амурских даурах. На самом же деле эти сведения были получены русскими ещё на Алдане в Бутальском зимовье в августе 1638 г., до начала похода И. Ю. Москвитина. И только недавно выяснилось, что достижение с моря реки «Чирколы», так первоначально называли Амур русские (от искажённого названия «Шилкар»), и поход по ней вверх, в землю Нижнеамурских «онатырков» (или «натков») и стали главной задачей похода И. Ю. Москвитина. Уже летом 1639 г., во время плавания вверх по реке Майе, русские от двух тунгусок впервые узнали, что южную большую реку за хребтами также ещё называют «Омуром» [15. С. 360]. Вот только тогда русские впервые стали употреблять географическое название «Амур».

10. Во всех случаях во время похода Москвитина все географические сведения поступали к русским только от тунгусов, а вот их-то А. И. Алексеев вообще не вспомнил.

Таким образом, анализ текста всего двух абзацев из данной книги со всей очевидностью показал, что её автор имел явно неверное представление о походе Ивана Москвитина.

Позже А. И. Алексеев, стремясь доказать, что москвитинцы будто бы не имели достаточного времени, чтобы летом 1640 г. дойти до устья Амура, стал утверждать, что москвитинцы совершили плавание в сторону реки Охоты будто бы в начале 1640 г. [10. С. 8]. Но из подлинных документов ясно видно, что до рек Охота и Урак они плавали только в октябре 1639 г. [12. С. 24].

Совершенно необоснованным является и утверждение Алексеева о том, что москвитинцы в 1640 г. успели основать Удский острог [2. С. 36]. На самом же деле он возник никак не ранее 1679 г. [21. С. 122]. Наконец, Алексеев в своих публичных выступлениях, например, в декабре 1971 г. на дальневосточных исторических чтениях в Южно-Сахалинске, пытался взять под сомнение наличие у москвитинцев морских кочей. Он не знал, что в публикациях 1951—1952 гг. [10. С. 140; 8. С. 51], к сожалению, в духе тех времён, из документа оказалась произвольно изъятая фраза о нападении на русских эзенов в тот момент, когда «пятнадцать человек делали два коча». Эту важную фразу впервые восстановил в нашем журнале в 1958 г. Н. Н. Степанов [24. С. 447]. А по «распросным речам» самого И. Ю. Москвитина 1645 г. [12. С. 29] было впервые установлено, что эти кочи были «по осьми сажен», то есть около семнадцати метров длиной, и были они построены зимою 1639—1640 гг. на особом «плотбище» в низовьях Ульи.

Ещё большую путаницу внесла книга А. И. Алексева «Береговая черта», изданная в Магадане в 1987 г. Прежде всего, в ней была неправильно определена главная задача похода И. Ю. Москвитина. По словам Алексева, Москвитина будто бы послали «для отыскания Ламы-реки, которая представлялась текущей параллельно Лене и впадающей в море к востоку от неё. Мыслилось, что, добравшись до Ламы-реки (считалось, что истоки её на китайской территории), можно будет, поднявшись по ней, дойти до Китая» [3. С. 21].

На самом же деле Москвитин никакую «Ламу-реку» не искал и не помышлял о проникновении в Китай. Москвитинцы стремились попасть «на большое море окиян, по тынгускому языку Ламу» [10. С. 139; 18. С. 51; 24. С. 447]. На «море», а отнюдь не на реку! Главная цель похода Москвитина была иная, а именно: «проводывать про серебряную руду и про земли, которые сидят около серебряных горы, и про ясашных людей, которых можно под государеву руку привезть» [12. С. 28].

Следовательно, поход москвитинцев на Тихий океан отнюдь не был самоцелью: это был лишь первый этап на пути к нижнеамурской Серебряной горе, в которой нетрудно узнать гору Оджал, расположенную в земле нижнеамурских нанайцев («наттов», «онатырков»).

В 1640 г. москвитинцы попытались претворить этот замысел в жизнь, однако на устье Амура они натолкнулись на большое количество «гиляков» (нивхов) и из-за своего «малолюдства» вынуждены были повернуть назад. Поскольку эвены и эвенки подтвердили наличие в «земле наттов» или «онатырков» серебряной горы, москвитинцы решили в будущем собрать в Томске новый поход в низовья Амура с большим количеством участников (не менее тысячи человек).

Для точного определения, до какого места смогли москвитинцы дойти летом 1640 г., имеет особое значение сообщение казака Н. И. Колобова о том, что они «онатырков не доходили, а гиляков, которые живут по островам, тех проходили... А то де амурское устье они видели через кошку...» [10. С. 140; 18. С. 52; 24. С. 447].

Это важнейшее сообщение А. И. Алексеев толкует весьма вольно. По его утверждению, «онатырки» — это не нижнеамурские нанайцы (что вполне очевидно этнографам), а будто бы какой-то особый народ, проживающий «на побережье Сахалинского залива, на его материковой части» [3. С. 23]! Этнографам же достоверно известно, что в районе, указанном Алексеевым, в XVII—XVIII вв. никто кроме нивхов («гиляков») не жил. Но Алексеев идёт ещё дальше. «А почему бы не предположить, — пишет он, — что в приведённом рассказе несколько сдвинуто место действия, и не принять анатарков (анатарок или онатырок, сидячих) за жителей долины реки Нантары (Нантары или Лантары), впадающей в Охотское море южнее залива Аяна — как раз на пути москвитинцев? Вполне вероятно, что так оно и есть. А почему бы не предположить, что Шантарские острова (Шантары) имеют отношение к названию анатарков?»

Курьёзность этого домысла особенно заметна, когда знаешь истинное происхождение названия «Шантары» и этнонима «онатырки». С не меньшей лёгкостью А. И. Алексеев толкует и слова «гиляки, которые живут по островам, тех проходили». По его утверждению, это будто бы жители всё тех же Шантарских островов. Москвитинцы, действительно, были русскими первооткрывателями Шантарских островов. Но Алексеев не учитывает, что казак Н. И. Колобов рассказывал о «сидячих гиляках», то есть *оседлых* нивхах, у которых были «медведи кормленные», то есть содержавшиеся

в специальных клетях, где их выкармливали для медвежьих праздников. Этнографы же давно установили, что на Шантарских островах в XVII в. вообще никогда не было оседлых нивхов [9. С. 3]. Лишь иногда нивхи приходили на Шантарские острова на время *зимней* охоты. Но это было только в годы успешной торговли с их южными соседями. В середине же XVII в. пушная торговля нивхов была свёрнута с одной стороны из-за манчжуро-китайской войны, с другой — из-за войны с сахалинскими айнами. Поэтому в то время нивхи почти не занимались пушным промыслом.

Через пять лет после похода москвитинцев участники похода В. Д. Пояркова 9 ноября 1645 г. указывали в Иркутске, что даже на «Гилятцком острове» (Сахалине) промысел был почти свёрнут: «соболя де на острове у гиляков много ж есть, а промышленяют де они, гиляки, соболей на острове мало, потому что де они, гиляки, ни с кем не торгуют...» [11. С. 548]. Ходить на зимний промысел на Шантарские острова нивхи начали лишь с конца 80-х гг. XVII в. Никаких постоянных селений они там не создавали ни в конце XVII в., ни в начале XVIII в. Поэтому не случайно в сообщениях Афанасия Шестакова 20-х гг. XVIII в. [6. С. 73; 19. С. 138] и в инструкции Второй Камчатской экспедиции [20. С. 129, 143] Шантарские острова названы «пустыми», то есть вообще не имеющими местного населения.

Какие же острова москвитинцы называли «островами Гилятцкой орды»? В 1653 г., когда на Тугуре Иван Нагиба и его товарищи поставили свой первый острожек напротив Шантарских островов, то тугурские эвенки на вопрос, где живут «гиляки», неизменно отвечали «на востоке» [ЛО ААН СССР. Ф. 21. Оп. 4. Т. 31. Л. 22]. А исследования этнографа Б. О. Долгих [7. С. 600] ясно показали, что в середине XVII в. (как, впрочем, и в XVIII, и в XIX вв.) крайне западным «рубежным» селением «гиляков» — нивхов — был «Коулинский улус», то есть находившееся севернее залива Счастья селение Коль (или Куль). Поэтому и можно уверенно сказать, что «островами сидячих гиляк» тогда именовались лишь находившиеся в непосредственной близости от устья Амура. На карте Сибири Исбранта Идеса, опубликованной голландским учёным Н. Витсеном по русским данным XVII в., показаны и Шантарские острова, и цепочка островов у устья Амура. И только рядом с последними стоит надпись «Populi Giliaki» [27. С. 77], то есть «народы гиляки». Это ещё раз подтверждает, что «островами Гилятцкой орды» русские в XVII в. называли острова лишь вблизи устья Амура. Первым из них при входе в Амурский лиман был, несом-

ненно, остров Лангр (Байдукова), а самым крупным — остров, который через сто лет спустя стал именоваться «Сахалином».

А. И. Алексеев отказался поверить в сообщение казака Колобова о том, что сами москвитинцы смогли увидеть настоящее устье Амура. Он утверждал: «при входе в устье Амура нет никакой кошки, берега гористые, породы коренные, да и само устье Амура так велико (до пятнадцати километров), что заметить его и определить, что это именно устье Амура, было тогда просто невозможно» [3. С. 24]. Но и с этим утверждением согласиться никак нельзя. Как известно, в районе Николаевска берега Амура резко сужаются до трёх километров, и ещё в 1849 г. Г. И. Невельской именно об этом районе писал: «Место это, по моему мнению, соединяет в себе все условия пункта, могущего запира́ть вход в реку с лимана» [13. С. 124, 125]. Это и было собственно устье Амура, о котором неоднократно сообщали различные русские землепроходцы середины XVII в., а также и Н. Г. Спафарий в своём «Сказании о великой реке Амуре». Да и именно тут в прошлом была настоящая «кошка». Д. Афанасьев, описывая в 1864 г. Николаевск-на-Амуре, прямо указывал, что у Константиновского полуострова имеется залив, который «ограничивается намывною из дресвы (мелкий булыжник) косою, по-местному кошка» [5. С. 91]. По сведениям Ивана Нагибы, в середине XVII в. здесь было особенно большое скопление нивхских лодок и селений. И именно поэтому из-за своего «малолюдства» москвитинцы и побоялись в 1640 г. пробиваться в Амур, и вынуждены были повернуть назад с твёрдым намерением ещё раз побывать здесь, но уже с отрядом около тысячи человек [12. С. 31]. Поэтому очевидно: Н. И. Колобов был прав, когда указывал, что сами москвитинцы смогли побывать в 1640 г. в непосредственной близости от устья Амура.

Идя на больших семнадцатиметровых кочах к устью Амура, москвитинцы, несомненно, часто наблюдали берега Сахалина, так как в хорошую погоду тот виден уже в Сахалинском заливе, прежде всего гористая часть полуострова Шмидта и район гор Три Брата. Видны берега Сахалина и при плавании через северный проход в Амурский лиман и особенно уже в самом Амурском лимане [25. С. 43].

Очень важно отметить, что на последнем этапе плавания, ещё где-то около устья Тугура, от москвитинцев бежал их последний «вож» (проводник эвен), и они пошли вперёд искать устье Амура самостоятельно, плывя от мыса к мысу. Избегая мелководья, они, скорее всего, подходили и к Сахалину. И весьма вероятно, что

москвитинцы даже высаживались на его берега, ведь они сами утверждали, что однажды видели на берегу следы айнско-нивхского побоища, а в XVII в. такие столкновения происходили почти исключительно на западном берегу Сахалина. Ближайшие же поселения айнов («бородатых людей») тогда были лишь на западном берегу южного Сахалина.

Вспоминая о своей встрече с тугурскими эвенками, москвитинцы между прочим упомянули: «А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече» [10. С. 140; 18. С. 52; 24. С. 447]. Четверть века спустя в том же районе какой-то тугурский эвенк сообщил русским о существовании народа «кувы» [8. С. 148]. Исследователи же давно знают, что в районе устья Амура сахалинских айнов называли «куями», «кугами», «куи'сцами» [11. С. 548]. Сведения о заморских «куи'сцах» уже были на знаменитом Тырском памятнике XV в. [11. С. 548]. На географических чертежах пекинских иезуитов конца XVII в. Сахалин был назван «Regnum Нуе» (то есть «Царство айнов») [28. С. 103—108]. И, несомненно, современное китайское название Сахалина — Куедао — происходит от этих старых представлений и означает «Айнский остров».

Показательно, что в дальнейшем название «Остров гилятцкий» сохранилось только за островом Сахалин [17]. Так его именовали пояркоvcы [11. С. 548], а позже и автор «Сказания о великой реке Амуре» — Н. Г. Спафарий [11. С. 549].

Само название Сахалина — «Гилятцкий остров», несомненно, принадлежит москвитинцам. Это они первыми от охотских эвенков узнали о существовании нивхов — «гиляков». Этноним «гиляки», безусловно, заимствован от охотских эвенов, которые называли нивхов — «гилэха» [22. С. 152]. Жители Нижнего Амура называли их «гилеми» или «цзилеми». И москвитинцы, конечно, первыми от этнонима «гиляки» занятые ими острова называли «островами Гилятцкой орды» или просто «Гилятцкими островами». Пояркоvcы сохранили это название потому, что среди них был и сам «тунгусский толмач» (переводчик) Семён Петров Чистой [16. С. 277], который первым из русских услышал в 1640 г. о народе «гиляки».

Таким образом, уже разбор первого русского названия Сахалина — «Гилятцкий остров» не оставляет сомнения в том, что именно москвитинцы были первооткрывателями Сахалина. А оно произошло ещё в 1640 г. — за три года до того, как у южных берегов Сахалина смогла появиться первая голландская экспедиция Де-Фриса (1643 г.).

Следовательно, оказалась несостоятельной и попытка А. И. Алексеева взять под сомнение вошедшее в советскую литературу поло-

жение о том, что русскими первооткрывателями Сахалина были именно москвитинцы.

Наконец, необходимо также признать неверным утверждение А. И. Алексеева о том, что русские будто бы ещё до москвитинцев знали дальневосточную береговую черту.

Напомню, как это доказывает Алексеев. По его мнению, в «Книге Большому чертежу», созданной в 1627 г., будто бы уже было такое сообщение: «От Лены ж по реке Олекме до Тугирского острогу семь недель, а от Тугирского через волок по Урке реке вниз по Асмугу реки и до Даурского Лапкаева города десять дней, а с усть реки Шингалу вниз до моря три недели, а морем в Китайское для льдов проходу нет, а есть проход в Никанское царство». Прочитовав этот отрывок, А. И. Алексеев поспешил заключить: «Важно, что русским людям ещё до похода И. Ю. Москвитина, не говоря уже о походах В. Д. Пояркова и Е. П. Хабарова, а также плавания С. Дежнева и Ф. А. Алексеева, речная сеть Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также общие контуры береговой черты северо-востока Азии были настолько известны, что эти сведения проникли даже в печать» [З. С. 19].

Этот вывод также далёк от истины. В начале и середине XVII в. никаких подобных данных *в печати* вообще не было. «Книга Большому чертежу» была впервые издана лишь в конце XVIII в. благодаря энергии Н. И. Новикова. Но в первом издании этой книги такого абзаца вообще нет! Алексеев же ссылается на пятое издание «Книги Большому чертежу» (М. : Л., 1950. С. 188). Но там этот абзац имеется лишь в дополнении... 1673 г.! И каждому знатоку истории освоения русского Дальнего Востока уже по самому цитированному тексту вполне очевидно, что он никак не мог быть написан в 1627 г., поскольку упомянутый в этом тексте русский Тугирский острожек возник только в 40-е годы XVII в. И именно в дополнении 1673 г. по вине переписчика река «Амур» превратилась в «Асмуг». Что касается реки «Шингал», то это отнюдь не Амур, как уверяет Алексеев [З. С. 19], а река Сунгари. Первые сведения о реке «Шингал» были получены русскими лишь во время похода В. Д. Пояркова в 1643—1646 гг.

Всё это со всей очевидностью показывает, что нет абсолютно никаких оснований утверждать, что ещё до похода И. Ю. Москвитина русские уже были знакомы с дальневосточной «береговой чертой». *Самые ранние истинные сведения об Охотском побережье от Охоты до устья Амура были получены в России только благодаря походу И. Ю. Москвитина!*

К сожалению, в октябре 1989 г. в докладе, оглашённом на конференции в Южно-Сахалинске, А. И. Алексеев не только повторил свои ошибочные утверждения 1986 г., но и добавил к ним новые. Так, по его утверждению, Охотское море было названо русскими «Ламским» будто бы по... реке Ламе! (Название «река Лама» появилось уже после похода И. Ю. Москвитина и относилось то к реке Охоте, то к реке Улье. Но Алексеев [4. С. 58] принял уже однажды реку Ламу за Амур! Это, видимо, и способствовало появлению его версии о поиске Москвитинным реки Ламы.)

Алексеев не учёл, что само слово «лама» (и на это указывали сами москвитинцы!) означало «море». И лишь в 40-е гг. появилось название «река Лама» только потому, что она вела к морю — к «ламе»!

Не будем продолжать подобные примеры. Уже из того, что здесь было приведено, вполне очевидно: в последнее время наша литература по истории географических открытий XVII в. серьёзно стала страдать от дилетантизма.

Хочется верить, что этот кризис будет скоро преодолен: уже начала появляться молодёжь с хорошей исторической, этнологической, филологической и географической подготовкой, готовая заняться историей научных исследований, историй открытий. И, несомненно, трудоёмкая нелёгкая работа по изучению архивных документов XVII в. позволит ещё внести дальнейшие уточнения и в историю самого первого русского похода на Тихий океан, совершённого в 1639—1641 гг.

Список литературы

1. Алексеев А. И. Сыны отважные России. — Магадан, 1970. — 368 с.
2. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М.: Наука, 1982. — 288 с.
3. Алексеев А. И. Береговая черта. — Магадан, 1987. — 240 с.
4. Алексеев А. И., Мелихов Г. В. Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья // *Вопр. истории.* 1984. № 32. — С. 57—71.
5. Афанасьев Д. Николаевск-на-Амуре // *Мор. сб.* 1864. № 12. Неоф. ч. — С. 93—147.
6. Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. — М.: Мысль, 1971. — 376 с.
7. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР.* Нов. сер. Т. 10. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — 621 с.
8. Колониальная политика Московского государства в Якутии. XVII в. Сб. архивных док. — Л.: Изд. ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. — 281 с.

9. *Манизер Г. Г.* Антропологические данные о гиляках // Ежегодник русск. антрополог. об-ва при Петроградском ун-те, 1916. Т. 6. — 48 с.
10. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. Сб. док. / Сост. Н. С. Орлова под ред. чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова. — М: Географгиз, 1951. — 618 с.
11. *Полевой Б. П.* Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.) // Изв. ВГО. 1958. Т. 90. Вып. 6. — С. 547—551.
12. *Полевой Б. П.* Новый документ о первом русском походе на Тихий океан // Тр. Томск. обл. краев. музея. 1963. Вып. 2. — С. 21—38.
13. *Полевой Б. П.* Подробный отчёт Г. И. Невельского и его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура // Страны и народы Востока. 1972. Вып. 13. — С. 114—149.
14. *Полевой Б. П.* Дючерская проблема (по данным русских документов XVII в.) // Сов. этнография. 1979. № 3. — С. 47—59.
15. *Полевой Б. П.* О подлинном происхождении названий Амур и Байкал // Изв. ВГО. 1984. Т. 116. Вып. 4. — С. 357—362.
16. *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан (новое о «Росписи рек» И. Ю. Москвитина) // Изв. ВГО. Т. 120. Вып. 3. — С. 274—278.
17. *Полевой Б. П.* О первом русском названии Сахалина // Сахалин-1989. Южно-Сахалинск, 1989.
18. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII в. / Сост. М. И. Белов. — Л.: М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. — 220 с.
19. Русская тихоокеанская эпопея. Сб. док. / Сост. В. А. Дивин. — Хабаровск, 1979. — 608 с.
20. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. / Отв. сост. Т. С. Фёдорова. — М.: Наука, 1984. — 320 с.
21. *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России. — Хабаровск, 1988. — 192 с.
22. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Мат. к этимолог. словарю. Т. 1. — Л.: Наука, 1975. — 672 с.
23. *Степанов Я. Я.* Первая русская экспедиция на Тихий океан // Изв. ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 2. — С. 45—48.
24. *Степанов Я. Я.* Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в. // Изв. ВГО. 1958. Т. 90. Вып. 5. — С. 438—452.
25. *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. 2. — СПб., 1863.
26. *Тураев В.* Хождение встреч солнца. Ч. 2. // Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 5. — Хабаровск, 1974. — С. 348—372.
27. *Bagrow L. S.* A History of Russian Cartography up to 1800 / Ed. H. W. Castner. Wolfe Island, Ontario: The Walker Press. 1975.
28. *Florovsky A.* Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit A. Thomas, 1690 // *Imago Mundi*. 1951. Vol. 8. — P. 103—108.

Известия ВГО. 1991. № 2. — С. 185—191

ске на грани XIX и XX веков.

К сожалению, лишь немного нам удалось узнать о событиях в Петропавловске во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Но период с 1908 по 1913 гг. будет отражен в сборнике достаточно подробно по запискам академика В.Л. Комарова, инспектора Г.А. Крамаренко, Л.Н. Тамма и др. Особенно любопытны документы этой эпохи: о создании в Петропавловске первого радио-телеграфа, сейсмической станции, отчет камчатского губернатора В.В. Перфильева, документы о пребывании в Петропавловске участников знаменитого плавания на судах "Вайгач" и "Таймыр".

Далее в сборнике отражена история появления в Петропавловске первой типографии, театра, первой газеты ("Камчатский листок"), первого "кинозона" (кино), первых своих журналистов, поэтов, артистов.

Материалов по дореволюционной истории Петропавловска оказалось так много, что уже теперь стало очевидно, что для них необходим особый том. Для советского периода также собрано немало документов и их следовало бы публиковать тоже в виде отдельного тома. Но уже о содержании этого тома пусть уже подробно расскажет его главный составитель - доктор исторических наук Борис Иванович Мухачев.

Очень хотелось бы в первый том включить и некоторые другие материалы, например никогда не публиковавшиеся записки ближайшего помощника Н.Н. Муравьева - М.С. Корсакова, отрывки из книги геолога Карла Дитмара, выписки из дневников друга А.С. Пушкина - Ф.Ф. Матюшкина, а также из трудов адмирала С.О. Макарова, гидрографа М.Е. Жданко и других выдающихся деятелей, бывавших в Петропавловске-Камчатском.

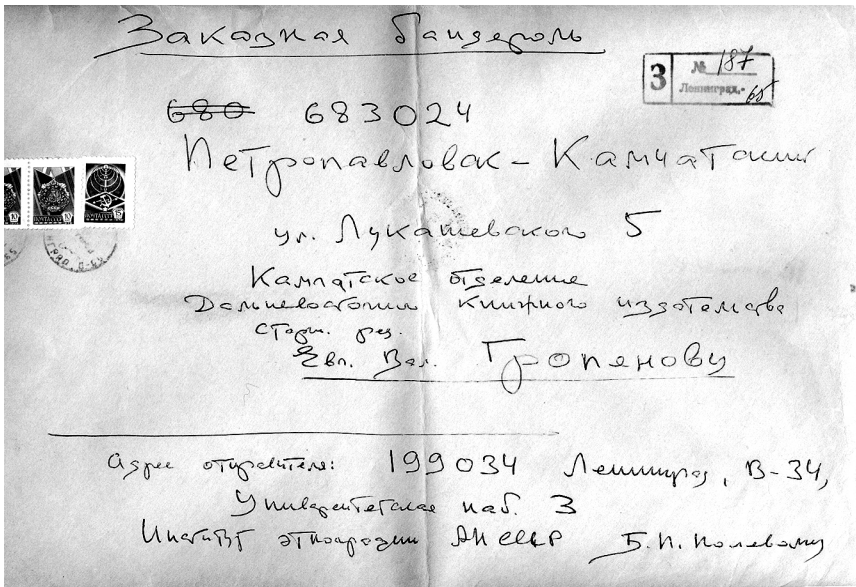
Над сборником еще предстоит большая работа и очень хотелось бы чтобы оба тома успели бы выйти в свет еще до славного юбилей -250-летия Петропавловска.

Докт. ист. наук

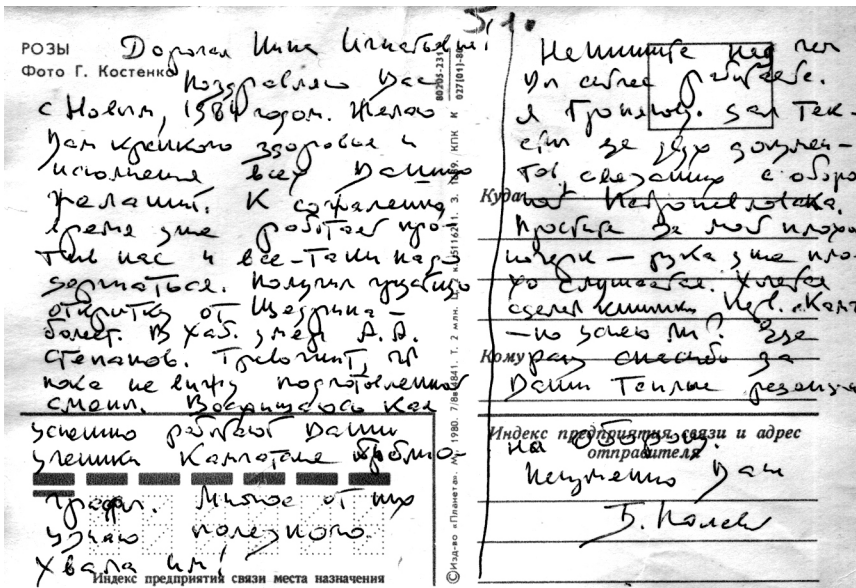
Б. Полевой

(Б.П. Полевой)

Сообщение Б. П. Полевого о работе над сборником материалов и воспоминаний об истории Петропавловска-Камчатского, 1987 г.

Конверт заказной бандероли с рукописью Б. П. Полевого в адрес главного редактора Камчатского отделения Дальиздата Е. В. Гропянова

Поздравительная открытка Б. П. Полевого в адрес сотрудника Камчатской областной научной библиотеки Н. И. Захаровой, 1983 г.

Письмо Н.И. Курохтиной, зав. библиогр. отдела Камч.
обл. биб-ли

Дорогая Надежда Ивановна!

Мне очень стыдно, что я до сих пор не написал Вам письма по поводу Ваших двух изданий моей библиографии камчатской, которые всюду привлекают особое внимание. Огромное за них спасибо. Я и сам часто ими пользуюсь, потому что по известной Вам брошюре "Краткий обзор" трудно искать ту или иную мою работу по истории Камчатки. К тому же они были удачно изданы.

Правда, Гибсон жаловался, что он не нашел в ней своих переводов на английский язык (он перевел около десяти моих работ и опубликовал их в Канаде и США). Но они перечислены в "Кратком обзоре".

Очень грустно, что несмотря на хороший улов рыбы в 1998 г. петропавловцы так сейчас бедствуют. Хотя после 17 августа у нас все подорожало в три раза, но у нас все-таки положение несколько лучше. И меня даже удивляет, что кое-кто в Петропавловске подумывает о проведении на Камчатке новой конференции в 1999 г. Мне конечно, хотелось бы всех Вас увидеть еще раз. Но будет ли это реальным. Думаю, что кроме 200-летия РАК нам слеловало бы вспомнить 150-летие прибытия на Камчатку Г.И. Невельского, ведь его экспедиция 1849 г. значительно укрепила положение России на Дальнем Востоке. Я готов сделать об этом подробный доклад. И уже делал у наших моряков доклад о возникновении идеи посылки этой экспедиции на Камчатку.

Мой юбилей прошел довольно хорошо. Помимо СПб в РГО 28 мая он был пышно отмечен в трех городах Дальнего Востока - в Хабаровске в местном музее, краевой библиотеке и филиале РГО (12 мая), в Южно-Сахалинске в областной библиотеке, областном музее, архиве и в обществе по изучению Сахалина и Курил (14 мая) и, наконец, у Вас (22 мая). Спасибо Вам за Ваш доклад! Потрясен неожиданной смертью Хоментовского. Передайте мою благодарность Белле Ивановой и другим участникам чтений 22 мая. Пока я до сих пор не знаю как прошли эти чтения. Цюрупу видел всего несколько минут и не смог его распросить.

До сих пор не знаю вышел ли в исправленном виде атлас "Камчатка XVII-XX вв". Напишите.

Б.Н. Комиссаров опубликовал статью о моем юбилее в "Русском инвадиде" в июле, готовятся еще статьи в "Изв. РГО", "Изв. РАН. Сер. Геогр.", "Этногр. обозрении" и в четвертом томе трудов Сахалинского музея". Когда они выйдут, я пришлю библиографию на них.

В закл. сообщаю, что в Москве вышел толстый том "Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы 1740" М. Памятники исторической мысли. 1998. 430 стр. Написал краткую рецензию для Изв. РГО и собираюсь написать небольшую заметку для "Неизвестной Камчатки". До сих пор не знаю вышел ли гропяновский Штеллер ("Описание земли Камчатки с моим кратким предисловием. Что-то Гропянов молчит.

Желаю Вам здоровья и удачи в Ваших полезных трудах.

Неизменно Ваш
13 ноября 1998 г.

Письмо Б. П. Полевого заведующей библиографическим отделом
Камчатской областной научной библиотеки Н. И. Курохтиной
от 13 ноября 1998 г.

Каждая такая морская экспедиция,
увы, конечно, расстраивает в своих
ключевых моментах, открывает, по сути,
но с юмором вспоминает о том,
как ему гостеприимно передают посылку
слова автора знаменитой ^{книжки} ~~рассказа~~
«Повесть о настоящем человеке».

К примеру, в гостиницу «Август» и
к нему прибегает моряк, приносит
в дар большую котлетную рубку и
спрашивает: «Вы настоящий Борис
Полевый?»

- Да, настоящий.

- Тот самый -

- Нет, не тот самый, в сошедшую
историю.

- Но всё равно, помните гостиницу,
только не то, что вы Борис Полевый
1990. Первые международные истори-
ческие чтения. На трибуне Борис
Летович. Каротто, четко

узнает свои мысли на многие
спорные и дискуссионные вопросы.

Среди эпизодов описание, интерес,
выносятся диалоги.

После доклада Летовича эпизоды диалогов
подогревают жар.

Все откровенно и интересно.

Фрагмент воспоминаний Н. И. Курохтиной о Б. П. Полевом, 2008 г.

Дорогой Евгений Валерьянович!

Надеюсь, что моя бандероль с небольшой статьей о захоронении ~~Ивановича~~ Крещенинникова и копией текста из Витсена об Атласове, уже дошла до Вас. Из Владивостока получил известие о выходе Вашего последнего "Норд-Оста". Спасибо за Ваше содействие. Но я естественно хотел бы выписать несколько экз. Поэтому прошу Вас передать нашу с Вишневецкой заявку на мой домашний адрес. У нас около дома появилась новая почта. Поэтому мой домашний индекс меняется: 192289 / вместо 192288 /. Но пока пишите до октября на адрес мое^й работы. Скоро выйдю Вам мой автореферат. Надеюсь, что защита состоится перед Новым годом. Но сейчас все меняется и потому я должен быть готов ко всему.

Возобновил работу в архиве. Но там большие трудности с выдачей дел. Из-за отсутствия сотрудников и транспорта дела, хранящиеся в далеком хранилище до нас ни получить нельзя. Удалось найти интересное следственное дело о перерасходе денег Завойко на срочные постройки в Петропавловске в 1852-1854 гг. Репорт Завойко о его заботе об интересах Петропавловска и его жителей звучит ярко. Но он очень длинный. А теперь новые правила: на организацию в год можно получить не более 100 кадров микрофильма и 50 фотокопий. Поэтому придется заявки оформлять не только на наш институт, но и на две организации Камчатки. Нашел очень интересный подробный план Петропавловска по событиям 1854 г. Хочется его получить. Но удастся ли его опубликовать? Пропустит ли цензура — сообщите Ваше мнение. Там же любопытны рисунки новых казарм и офицерского флигеля. Интересны данные о военном госпитале. Так что Вы видите, что я забочусь о пополнении Обороны. Но еще многое надо найти. Как жаль, что погублена на Камчатке моя негативная пленка по обороне. Теперь такие снимки делать запрещают. А книги изданные до 1886 г. вынести из библиотек невозможно. В ЦГАДИ в Москве тоже мудрят. Там есть отличный план обороны. Мне его очень хотелось бы воспроизвести. Но как получить? Шифр есть, а его не хотя давать, переснять.

К сожалению, я уже физически не выдерживаю трехчасовые поездки по городу. На работу в архиве сил остается мало. Работаю только урывками. А надо будет просмотреть уйму дел для "Обороны". Да и решить вопрос с копированием материала. До сих пор после переезда никак не могу найти экз. "Обороны", по которому я исправил по подлиннику текст рапорта Завойко о нападении, о победе. Не хочется вторично производить трудоемкую сверку. Очень хочу найти листы представлений к наградам, их обоснование. Пока в этом не преуспел. О Беринге не забывай. Пока эти дела получить трудно: они многолистные а при выдаче дважды проводится сверка числа листов.

В начале сентября уйду в отпуск. Куда поеду — еще не знаю.

Пишите. Безизменно Ваш

Б. П. Полево

11 июля 1986г.

Письмо Б. П. Полевого Е. В. Гропянову от 11 июля 1986 г.

3
лина. Боюсь, что на Сахалине значение этой книги мало кто поймет. Но я все-таки рискну. ~~Историческое сочинение~~

Как обстоит дело с Вашим двухтомником² моих работ по истории Камчатки? Остается очень мало времени, когда я еще смогу принять участие лично в создании этого двухтомника.

Я решил передать мою¹⁰ библиотеку в отдел истории ВАН³.

Как обстоят дела с "Неизвестной Камчаткой"?

28 декабря 2001 года

Б. П. Полевой

¹ Речь идет о красочном издании книги "Новое об открытии Камчатки", которое в 2000 году осуществил нефтепромышленник Евгений Иванович Атласов. Первое издание вышло в двух томах на Камчатке в 1997 году.

² "Избранное", состоящее из лучших работ Б. П. Полевого, подготовлено ~~Е. П. Атласовым~~ ^{Е. П. Атласовым} к печати. При финансировании книга будет издана.

³ ВАН - Библиотека Академии наук.

Не ~~Знаю~~ ^{Знаю}, как решилась судьба его богатейшего, уникального архива: документов, громадной переписки с учеными всего мира, кассет (чтобы не тратить время, он наговаривал на диктофон архивные выписки), библиотеки, семейных бумаг. В одной из ~~частных~~ ^{частных} ~~самых~~ бесед с нашими историками он высказал пожелание, чтобы похоронили его на Камчатке. Однако никаких письменных распоряжений Борис Петрович не оставил...

Е. ГРОПЯНОВ

Фрагмент воспоминаний Е. В. Гропянова о Б. П. Полевом, 2002 г.

Кто предложил эвакуировать Петропавловск

Нужно было внушить князю мысль о целесообразности сосредоточить в 1855 г. главные тихоокеанские силы около устья Амура. Но Муравьев понимал, что в столице могут затянуть с ответом на этот вопрос, а между тем дорог каждый день. Вот почему Муравьев уже в ноябре решил направить своего адъютанта Н. А. Мартынова на Камчатку с приказом приступить к эвакуации Петропавловска. Но он, опасаясь ответственности за свои самостоятельные действия, все же решил дать приказ о выезде Мартынова в день, когда он получит какой-либо положительный отклик со стороны правительства. Пона же еще в середине ноября в Иркутске он открыто заявлял, что дал новые распоряжения об укреплении оборонительных Петропавловска. И он, действительно, еще 15 ноября такие указания направил в Петропавловск В. С. Завойко. В данном случае он действовал вполне искренне, ибо опасался, что приказ об эвакуации Петропавловска придет на Камчатку слишком поздно и петропавловцам снова придется обороняться в 1855 г.

Муравьева в решении этого вопроса. В своих записках «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» он писал: «Снятие Петропавловского порта и сосредоточение всех наших морских сил в Николаевском, вопреки упомянутому доселе убеждениям относительно этого порта, последовало так: генерал - губернатор, получив известие из Петербурга о готовившемся нападении на Петропавловск и намерении уничтожить наши суда в Тихом океане при помощи собранных для этого больших неприятельских сил и о полном недостатке продовольствия в Петропавловске, не ожидая приказаний из Петербурга, послал своего адъютанта есаула Мартынова курьером на Камчатку с приказанием контр - адмиралу Завойко снять Петропавловский порт, погрузить все казенное имущество и семейства на суда зимовавшей там эскадры и с ней отправиться в устье Амура».

Как видим, это сообщение полностью совпадает с тем, что писал Бернгард Струве.

края составляют крепости, непроборимые для самого сильного врага, пришедшего с моря. Появление его сюда послужит нам не во вред, а в пользу, ибо, блокируя берега Татарского пролива, он этим фактически признает их российскими».

Это письмо Невельского еще раз свидетельствует, что эвакуация Петропавловска стала остро необходимой и, безусловно, полезной, разумной мерой. Оно лишний раз убедило Муравьева в правильности им принятого решения.

Таким образом, все трое — Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьев и в. кн. Константин Николаевич — пришли к одному и тому же единственно правильному выводу: надо эвакуировать Петропавловск.

Да, Г. И. Невельской этот вывод сделал раньше всего — еще 25 октября. Но его письмо дошло до Иркутска уже после того, как Н. Н. Муравьев отдал свой приказ об эвакуации Петропавловска. И совсем нецелесообразно утверждать, что на решение генерал-адмирала в кн. Константина Николаевича будто бы оказало влияние Не-

В ГЛУБИНЕ АРХИВОВ...

Географическое общество СССР провело в Ленинграде юбилейное заседание к 250-летию начала плаванья Витуса Беринга и Алексея Чирикова из Петропавловска к берегам Америки. На заседании были заслушаны три доклада. В первом речь шла о ценных работах академика Л. С. Берга, важных архивных находках выдающегося ученого А. И. Андреева и многочисленных его учеников. Второй доклад сдела-

ла заместитель директора Центрального государственного архива военно - морского флота Т. С. Федорова. Он был посвящен новым документам, относящимся ко Второй Камчатской экспедиции. Особый интерес вызвал рассказ Татьяны Сергеевны о том, как ей удалось бумажно - по крупицам, восстановить всю историю строительства панетботов «Св. ап. Петр» и «Св. ап. Павел», уточнить биографию Ивана Фо-

мича Елагина, собрать сведения о картографических работах Ивана Свистунова в Авачинской губе в 1638—1639 гг. Т. С. Федорова исследует также жизнь и деятельность штурмана Азарамия Деметрива, который первым высадился на американский берег и там погиб. С третьим докладом выступил кандидат наук К. А. Шопотов. Его тема — место рождения и вероятного захоронения (в 40 км от Тулы) Алексея Ильича Чирикова.

Б. ПОЛЕВОВ,
доктор исторических наук.

Статьи и заметки Б. П. Полевого и их фрагменты, вышедшие

Первый строитель Петропавловска

ЕГО ИМЯ — Иван Фомич Елагин. Командир Беринг, глава Второй Камчатской экспедиции, писал о нем так:

«Я в 1739-м году штурмана Елагина поспева, дабы он Авачскую заливу обстоятельно, також бы морской берег от Большой реки до Авача сущим путем и водою описал, даину и губшву, мелш морских берегов, морского заливя и гавани измерил, також де подале гавани для обею — и ундерофицеров и других к сей экспедиции принадежащих людей потребные дома построил».

Иван Елагин блестяще справился с этим заданием: 29 сентября 1739 года он вышел из Охотска на знаменитом боте «Гавриил» к берегам Камчатки, к устью Большой реки. В Большерецке провел зимовку, во время которой знакомился с сухопутными дорогами к Аваче со стороны верховьев Большой реки, а ранней весной 1740 года он отправился в плавание вокруг южной оконечности по-

зднее это громоздкое название было переделано в современное название — «Петропавловск».

Иван Елагин был и составителем первой карты всей Авачинской губы. Копия этого чертежа с немецкими надписями была опубликована в 1940 году вместе с интереснейшими записками Свена Вакселя, участника Второй Камчатской экспедиции.

На этой карте, сделанной Иваном Елагиним в начале 1741 года, показаны не только все первые русские постройки в Петропавловске, но и, что особенно поразительно, точно указано... местожительство главных участников экспедиции. Она называется в «жизных покоях в одной избе» жили только Беринг и Чериков с прислугой. Отдельные помещения занимали лейтенанты Ваксель и Чихачев. Остальные члены экспедиции жили главным образом в помещениях трех казарм. На чертеже показано также местоположение складов («магази-

о предстоящем создании будущего Петропавловска еще до того, как пакетбот В. Беринга был слущен на воду в Охотске и даже до того, как они получили свои исторические названия «Св. Петра» и «Св. Павла».

Иван Елагин был одним из первооткрывателей нескольких Алеутских островов, островов Адрогая и Кадьяк и, наконец, полуострова Кенай Северной Америки. Он также был главным составителем итоговой карты плавания, выполненной под руководством А. И. Черикова.

В 1742 году Иван Елагин принял участие в новом плавании на восток. Когда цинга подорвала силы А. И. Черикова, он стал фактически капитаном пакетбота. Несмотря на мучительную его цингу, Елагин уверенно вел судно и однажды своими энергичными действиями смог даже предупредить его гибель.

В 1743 году именно Ивану Елагину А. И. Чериков доверил доставить в Петербург полный отчет Второй Камчатской экспедиции о ее исторических исследованиях в северной части Тихого океана и у берегов Северной Америки. Именно тогда высшему морскому начальству в Петербурге было вручено ходатайство А. И. Черикова, в котором прославлявший мореплавателя настойчиво просил «оного Елагина за такие к неизвестным местам дальнейшие воины, в которых он... спасению всего судна с людьми от чьей гибели оказав равнейшие услуги, к тому же и в искусстве по его достоинству аттестован, что

БЕРИНГ ВЫБИРАЕТ АВАЧИНСКУЮ

ПОЧЕМУ Витус Беринг решил создать свое поселение в Авачинской губе?

Об истории основания Петропавловска-Камчатского написано уже немало. Однако до сих пор не дан четкий ответ на главный вопрос: почему же Витус Беринг решил создать свою главную базу на Камчатке и слабо тогда еще изве-

стной Авачинской губе?

Для того, чтобы получить правильный ответ на этот вопрос, необходимо прежде всего ясно представить наглядными соображениями руководствовался В. Беринг, когда он разрабатывал общий план своей исторической экспедиции.

Беринг не мог забыть, как холодно он был встречен в Петербурге после возвращения из своей Первой Камчатской экспедиции. Его обвинили в том, что он не исполнил главной задачи, поставленной перед ним Петром I: он не смог со стороны Камчатки дойти до берегов Америки, а вместо этого «даже до широты 67 градусов ходил...». От него требовали, чтобы эту задачу он выполнил во время своей Второй экспедиции.

Знакомясь с новейшими картами Северной Америки, Беринг убедился, что достоверно нанесенная на карты часть тихоокеанского побережья Северной Америки наиболее близко расположена от южной оконечности Камчатки. Поэтому с его точки зрения начать плавание к бере-

гам Америки разумнее всего отсюда. Беринга очень смущало, что на многих картах той эпохи к востоку от Камчатки изображалась гигантская мифическая земля Иоанна де Гамма. Еще в 1729 году он пытался достичь берегов этой земли. Но, пройдя на восток на 200 миль, он тогда никакой земли не обнаружил. Все-таки даже в 30-х гг. XVIII в. он допускал возможность существования этой земли, а поэтому считал, что участникам Второй Камчатской экспедиции, чтобы не терять времени на обход этой земли, следует проплыть ее с южной стороны, а это опять-таки убеждало его в том, что плавание к берегам Северной Америки следует начать с южной оконечности Камчатки.

Еще в 1729 году Беринг смог убедиться, что на самой южной оконечности полуострова Камчатки нет никаких заливов, пригодных для стоянки судов. Поэтому он невольно вспомнил, что еще во время Первой Камчатской экспедиции он неоднократно слышал рассказы местных камчатских жителей о необыкновенных удобствах Авачинской губы. Поэтому он и решил еще в конце 30-х гг. создать свою главную базу на Камчатке в Авачинской губе.

Так было принято историческое решение об основании на Камчатке нового русского поселения, которое уже в конце 1740 года стало именоваться «старанью Петра и Павла».

Б. ПОЛЕВОЙ.

в разные годы в газете «Камчатская правда»

В глубине архивов...

Географическое общество СССР провело в Ленинграде юбилейное заседание в честь 250-летия начала плавания Витуса Беринга и Алексея Чирикова из Петропавловска к берегам Америки. На заседании были заслушаны три доклада. В первом речь шла о ценных работах академика Л. С. Берга, важных архивных находках выдающегося учёного А. И. Андреева и его многочисленных учеников.

Второй доклад сделала заместитель директора Центрального государственного архива ВМФ Т. С. Фёдорова. Он был посвящён новым документам, относящимся ко Второй Камчатской экспедиции. Особый интерес вызвал рассказ Татьяны Сергеевны о том, как ей удалось, буквально по крупицам, восстановить всю историю строительства пакетботов «Св. апостол Пётр» и «Св. апостол Павел», уточнить биографию Ивана Фомича Елагина, собрать сведения о картографических работах Ивана Свистунова в Авачинской губе в 1638—1639 гг. Т. С. Фёдорова исследует также жизнь и деятельность штурмана Авраамия Дементьева, который первым высадился на американский берег и там погиб.

С третьим докладом выступил кандидат наук К. А. Шопотов. Его тема — место рождения и вероятного захоронения (в сорока километрах от Тулы) Алексея Ильича Чирикова.

Камчатская правда, 8 июня 1991 г., № 138

Правда о Луи Делиль де ла Кройере

До сих пор мы точно не знаем, кто первым из русских был похоронен в Петропавловске. Но совершенно точно известно, что одним из первых был похоронен в Паратунке в октябре 1741 г. профессор астрономии Петербургской академии наук Луи Делиль де ла Кройер, принимавший активное участие в историческом плавании пакетбота «Св. Павел» Алексея Чирикова к берегам Америки. Тридцать восемь лет спустя рядом с могилой Делиля был захоронен глава английской экспедиции Чарльз Кларк. Впоследствии прах Кларка и Делиль де ла Кройера был перенесён в Петропавловск. Ещё в 1913 г. в первом путеводителе по достопримечательностям Петропавловска, составленном священником Шерстенниковым, упоминалась могила Делиль де ла Кройера. Но потом настала пора мракобесия, когда могилы наших предков стали предаваться забвению и разрушаться. Именно это произошло и с могилой Делиль де ла Кройера.

Но имя Луи Делиль де ла Кройера отнюдь не было забыто. Произошло худшее: его грубо оклеветали.

В период сталинского произвола в нашей стране искусственно насаждалась шпиономания, и некоторые авторы, не отягощённые ни совестью, ни чувством ответственности перед подлинной наукой, именно в эти трудные годы умышленно раздули шумиху вокруг мнимых французских «шпионов» — сводных братьев — академика Иосифа (Жозефа-Никола) Делиля и Луи Делиль де ла Кройера.

Чего только о них не писали! В этом нетрудно убедиться, перелистывая историко-географическую литературу 1946—1953 гг., а порою и более поздних лет. Вот один конкретный пример. В предисловии к изданной в 1951 г. широко известной замечательной книги Гавриила Сарычева об исследовании Северо-Востока в 1785—1794 гг. имеется следующее дикое утверждение: «Воспользовавшись протекцией своего брата Жозефа Делиля, французского шпиона, пробравшегося в Академию наук и выкрадывавшего сведения о русских географических открытиях, Делиль де ла Кроер попал в состав экспедиции Беринга. Это был проходимец, невежа, пьяница, принёсший экспедиции Беринга — Чирикова немало вреда».

Здесь от начала до конца грубейшая ложь и клевета. И, увы, это отнюдь не единственный «перл», за который нам теперь приходится краснеть. К сожалению, этот нелепейший «стереотип» так прочно внедрился в мозг некоторых сверхбдительных высокопоставленных чиновников, что даже в 1988 г. они пытались воспрепятствовать появлению в печати статей видных учёных, посвящённых 300-летию со дня рождения академика Иосифа Делиля. Скажем прямо: такое проявление упрямства объяснялось только их дремучим невежеством и обыкновенной лакейской трусостью, унаследованной от нашего нелёгкого прошлого. Поэтому теперь и возникла необходимость хотя бы кратко напомнить, кем же на самом деле были Иосиф Делиль и его сводный брат, похороненный в Петропавловске-Камчатском.

Иосиф (Жозеф-Никола) Делиль был братом знаменитого французского географа Гийома Делиля, первого королевского географа Франции, одного из наиболее сведущих учёных-географов Западной Европы, создателя многочисленных ценных карт Европы, в том числе и России (1706 г.). Ещё в 1717 г. Пётр I смог во Франции лично познакомиться с Гийомом Делилем и его братом. Они неоднократно беседовали на географические темы, и сам Пётр I показывал новую русскую карту Каспийского моря. Кстати сказать, в связи с появлением этой замечательной карты, французская Академия

наук избрала Петра I своим членом. Позже, когда царь решил создать Санкт-Петербургскую академию наук, он сразу же послал приглашение брату тогда уже умершего Гийома Делиля — Жозефу-Никола Делилю — поступить на русскую службу.

Делиль принял его, но смог прибыть в Санкт-Петербург в 1726 г., то есть уже после смерти Петра I. Вскоре он в молодой Академии наук смог основать первую астрономическую обсерваторию. Он впервые стал создавать в России триангуляционную сеть с тем, чтобы русские геодезисты начали составлять новые карты на точной математической основе. В короткий срок добился того, что русские карты стали лучше немецких тех лет. Он стал организатором и руководителем особой астрономической экспедиции в низовья Оби. Таким образом, Жозеф-Никола Делиль, которого в России называли Иосифом Делилем, стал основоположником русской научной астрономии и академической географии.

Когда в 1730 г. в Санкт-Петербург из своей Первой Камчатской экспедиции вернулся Витус Беринг, в Сенате и Адмиралтейств-коллегии его стали обвинять в том, что он не выполнил инструкции Петра I, и экспедиция будто бы оказалась «бесплодной» и даже «пустой». В связи с этим правительство попросило Академию наук высказать своё мнение, что следует сделать для правильного исполнения задания Петра I. За эту нелёгкую задачу взялся Иосиф Делиль. Он составил собственную карту северной части Тихого океана на основе русских и иностранных. Чётко указал, что для исполнения инструкции Петра I Берингу следовало плыть на восток, обходя с юга «землю де Гамы». Именно это заключение и было использовано для осуществления ровно двести пятьдесят лет назад плавания от Камчатки к Америке. Делиль указал, что новое плавание следует начать непременно от южной части восточного берега Камчатки. Именно этот вывод и привёл к тому, что главной базой новой экспедиции Беринга и стала Авачинская губа. Таким образом, Иосиф Делиль сыграл весьма важную роль в предыстории основания Петропавловска.

Иосиф Делиль безусловно способствовал тому, что его сводный брат Луи (Людвик) Делиль де ла Кройер был направлен во Вторую Камчатскую экспедицию Витуса Беринга. В указе правительства в декабре 1732 г. об организации экспедиции в особом 16-м параграфе сказано: «По особливому предложению Академии наук профессора Людвиха Делиль-де-ля-Крюера... [он] принимает на себя все наблюдения астрономическия и физическия прочия по особливым инструкциям, в Сенат поданным. Геодезистам при нём быть

тем, коих требует, — Семёну Попову, Андрею Красильникову, которые де от нескольких лет обучались наблюдениям астрономическим в обсерватории Санкт-Петербургской, и сверх того даёт им все таблицы астрономические со всякими на письме инструкциями, и как им, так и прочим в сочинении новых карт географических с ним соглашаться...»

Ему поручалось быть советником Беринга и «обучать студентов Славяно-латинской школы, которые... в ту экспедицию высланы». Здесь явно шла речь о Степане Крашенинникове, Алексее Горланове и их товарищах.

Так Луи Делиль де ла Кройер и стал действовать...

Оказавшись в новой Гавани святых апостол Петра и Павла, Луи Делиль де ла Кройер первым точно определил её широту и долготу. На основе карт, составленных его сводным братом Иосифом Луи, он создал ряд новых, которые были взяты на пакетботы, направленные в 1741 г. в сторону Америки. Сам Луи вошёл в команду пакетбота «Св. Павел». В течение всего плавания Луи каждую светлую ночь использовал для точного определения местоположения судна, которому и суждено было первым достичь берегов Америки. В пути Луи заболел цингой, но до последнего дня своей жизни продолжал вести астрономические наблюдения, что и позволило пакетботу «Св. Павел» благополучно вернуться в Авачинскую губу.

10 октября 1741 г., когда судно миновало скалы Трёх Братьев, Луи Делиль скончался. Вместе с основателем Петропавловска — Иваном Елагиным, который в одиночку ввёл пакетбот в Авачинскую губу, Луи Делиль де ла Кройер является спасителем Алексея Чирикова и его спутников.

Но почему же различные борзописцы сталинско-брежневской эпохи поспешили сделать Луи Делиль де ла Кройера главным объектом своих клеветнических нападок?

Сводных братьев Делилей, прежде всего, винят в том, что на их картах восточнее Камчатки была изображена мифическая земля де Гамы, на обход которой мореходы понапрасну потратили несколько дней. Участник плавания Свен Ваксель с гневом писал: «Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью».

Но были ли в этом виноваты братья Делили? Безусловно, нет. Изображение мифической земли де Гама появилось на европейских

картах ещё до открытия Камчатки. В начале XVIII в. эта земля изображалась фактически на всех западноевропейских картах. В её существование искренне верил сам Пётр I и, как недавно выяснилось, он её упоминал даже в своей исторической инструкции Витусу Берингу от 6 января 1725 г. Поэтому нет ничего удивительного, что и братья Делили сохранили эту землю на своих картах. В этом они не были виновны: они просто следовали давно установившейся традиции.

Луи Делиль де ла Кройера обвиняют в том, что он много пил. Но это была беда многих участников Второй Камчатской экспедиции. Постоянно страдая от холода и сырости, все они согревались водкой. Страдал от этого знаменитый Георг Стеллер. Алкоголизм привёл его к ранней смерти. Но может ли этот серьёзный недуг умалить значение великих заслуг Стеллера? То же мы можем сказать и о Луи Делиль де ла Кройере. Иосифа Делиля обвиняют в том, что он вывез за границу немало русских карт. Но как это произошло? Вопреки контракту руководство Академии наук в течение нескольких лет не выплачивало ему жалования. Его вынудили уехать во Францию, и он захватил с собой все карты, с которыми работал. Обещал вернуть их в Россию сразу, как только получит не выплаченное жалование. Но он так и не получил денег из России и поэтому оставил эти карты у себя. Сейчас они общедоступны для исследователей всех стран. Фактически Иосиф Делиль спас их для мировой науки, ибо, если бы они остались в Кунсткамере в обсерватории, непременно погибли бы от пожара, случившегося 5 декабря 1747 г.

Среди спасённых им никаких карт, представлявших интерес для французских военных той эпохи, не было вообще. И нелепо обвинять в шпионаже учёного-географа, который, естественно, интересовался географией той страны, в которой он прожил двадцать лет и изучал её профессионально по контракту.

Прождав несколько лет выплаты жалования, Иосиф Делиль решил, что тем самым русское правительство само освободило его от взятых обязательств. Он никак не мог примириться с тем, что правительство России скрывает от учёных мира замечательные результаты Второй Камчатской экспедиции, в частности, исторического плавания Витуса Беринга и Алексея Чирикова к берегам Северной Америки в 1741 г. Поэтому через десять лет после этой экспедиции он опубликовал в Париже небольшое сообщение о ней. Скажем прямо, Делиль об этой секретной экспедиции знал немного, и поэтому в его публикации оказалось немало ошибок.

В России эта публикация вызвала гнев. Но именно она способствовала тому, что в России начали публиковать первые точные сообщения об этой экспедиции. И только после этого случая и появилась возможность ускорить работу над трудом С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и выпустить его в свет в 1756 г. Не будь происшествия с Иосифом Делилем, Крашенинников просто не успел бы завершить свой труд. Он заканчивал его, будучи уже тяжело больным, и умер ещё в 1755 г. Оно же ускорило выход в свет и некоторых ценных исторических трудов академика Г. Ф. Миллера.

В настоящее время усилиями многих отечественных историков честь Иосифа Делиля восстановлена. Уже во многих новейших работах показано, какую огромную роль он сыграл в истории русской астрономии и географии.

Наш прямой долг восстановить и честь похороненного в Петропавловске профессора астрономии Санкт-Петербургской академии наук Луи (Людовика) Делиль де ла Кройера.

Камчатская правда, 25 октября 1991 г., № 203

Кто же первым предложил эвакуировать Петропавловск в 1855 г.?

Давно уже историков интересует вопрос: кто же первым после блестящей победы в Петропавловске в августе 1854 г. вдруг решил эвакуировать героический гарнизон к устью Амура?

На этот вопрос даются разные ответы.

Ближайший сотрудник генерал-губернатора Восточной Сибири Бернгард Струве (сын основателя Пулковской обсерватории Василия Струве, отец известного публициста Петра Струве и предок пишущего о современном Советском Союзе Струве наших дней) об этих камчатских событиях сообщал так: «Неприятель снарядил для действий против нас в Тихом океане военную эскадру в восемнадцать вымпелов. Муравьёв узнал об этом в Иркутске в конце ноября. Устоять Петропавловскому порту против такой громады не было никакой возможности. Между тем испросить разрешение из Петербурга, как поступить в данном случае, при тогдашних способах сообщения также не представлялось возможным, время было упущено. Муравьёв принял решение поистине героическое, ввиду ответственности, которая ему угрожала за это. Не имея приказа из Петербурга, на свой страх Муравьёв послал в декабре своего адъютанта есаула Мартынова в Камчатку кругом через Якутск, Охотск и Гижигу с приказанием адмиралу Завойко снять Петропавловский порт с его укреплениями, вооружить все суда, забрать гарнизон

и не только военных, но и гражданских с их семьями, раннею весною выйти в море и отправиться со всей эскадрою к устью Амура. Это беспримерное в летописи нашей истории распоряжение спасло честь и славу нашего оружия и всю нашу эскадру и избавило нас от тысячи бесполезных жертв. Вечное русское спасибо Муравьёву-Амурскому!»

Совершенно иное об этом сообщает А. И. Алексеев. В своём очерке «Николай Николаевич Муравьёв», опубликованном в 1983 г. в сборнике «Первопроходцы» в серии «Жизнь замечательных людей» (с. 212—213), он писал: «Николай Николаевич горячо поддерживал всё, что касалось управления Камчатки. И на сей раз он пообещал прислать необходимую помощь. Одновременно генерал-губернатор обратился к главнокомандующему флотом великому князю Константину с соображениями об обороне Камчатки в следующем году, когда наверняка можно было ждать нового нападения неприятеля.

В ответ на своё представление Муравьёв получил совершенно неожиданный ответ. По-видимому, в решении генерал-адмирала отразилось мнение Невельского, с которым Константина связывали юношеские воспоминания о совместных учебных плаваниях. Геннадий Иванович неизменно ратовал за Амур и выступил против укрепления Камчатки. Вот что написал Муравьёву великий князь: «Ваше превосходительство полагает укрепить для будущего Камчатку, для чего потребуются большие усилия и невероятные труды, результат коих ещё сомнителен... Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать... В Сибири сильный пункт, в котором может найти убежище весь тамошний флот наш, и который мы в состоянии защищать, если соединим в нём все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтёте ли благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а напротив, оттуда вывести оные, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские учреждения упразднить, суда и экипажи вывести и все военные способы сосредоточить на Амуре. Мысль эту я докладывал государю, и она удостоена предварительного одобрения его величества».

Письмо это написано 3 декабря 1854 г., а уже 27 декабря Муравьёв отправил на него ответ, писать который было, наверное, нелегко своенравному генералу. Он прекрасно почувствовал, с какой

стороны подул ветер. Верный и, как казалось Муравьёву, преданный исполнитель его начертаний Невельской, правда, много шумевший и с пеной у рта защищавший перед ним приоритет освоения и защиты Амура, теперь подал свой голос. А глава морского ведомства прислушался к суждениям опытного морского офицера и пренебрёг мнением представителя верховной власти в Сибири. И всё-таки Муравьев стоял на своих позициях до конца, подчинившись только приказу.

“Из всех предшествовавших донесений моих, — писал он, — Ваше императорское высочество изволите видеть, что мысль эта не входила в мои соображения, я считал необходимым защищать это место до последней крайности...” Изложив далее свои соображения, Муравьёв продолжал: “По всему этому я не только не смею противоречить мнению Вашего высочества... но, принимая в расчёт время возможности получения по сему приказаний в Камчатке, мне остаётся безотлагательно отправить соответственные распоряжения к г. Завойко...”»

Итак, перед нами два совершенно противоположных утверждения. По Алексееву, для Н. Н. Муравьёва решение об эвакуации Петропавловска оказалось полной неожиданностью; по Струве, именно Н. Н. Муравьёв был главным инициатором эвакуации Петропавловска. И сразу же возникает вопрос: а как же было на самом деле?

Тщательное изучение документов позволяет выяснить истину. 7 ноября 1854 г. весь Иркутск торжественно праздновал Петропавловскую победу. Город охватила настоящая эйфория. Все были полны желанием помочь защитникам Петропавловска с тем, чтобы они смогли бы отбить возможное новое реваншистское нападение и в 1855 г. Но Муравьёв после длительного разговора с прибывшим с Камчатки лейтенантом Дмитрием Максutowым уже тогда ясно понял, что в Петропавловске осталось мало боезапасов. Враги легко могли бы появиться на подступах к Петропавловску ещё до того как туда будут доставлены подкрепления. Следовательно, надежд на новый успех на Камчатке очень мало. Смелые предложения В. С. Завойко затопить военные суда у входа в Петропавловский ковш были для Муравьёва совершенно неприемлемыми. Поэтому он сразу же решил, что разумнее всего гарнизон Петропавловска и все корабли перенести к устью Амура, где благодаря мелководью гораздо легче будет держать оборону.

Но мог ли он в условиях эйфории откровенно сказать о необходимости эвакуации Петропавловска? Иркутяне его бы не поняли.

Но главное, он должен был считаться с настроениями самого Николая I. Всем было памятно его гордое изречение: «Там, где был поднят русский флаг, он не должен опускаться». Неизвестно, как бы Николай I отнёсся к Н. Н. Муравьеву, если бы он заговорил уже тогда откровенно о необходимости эвакуации Петропавловска. Вот тогда-то Муравьев и решил попросить уезжавшего в Петербург Дмитрия Максудова как можно подробнее ознакомить генерал-адмирала русского флота великого князя Константина Николаевича с истинным положением в Петропавловске и внушить ему мысль о целесообразности сосредоточить в 1855 г. главные тихоокеанские силы около устья Амура.

Муравьев понимал, что в столице могут затянуть с ответом на этот вопрос, а между тем дорог был каждый день. Вот почему Муравьев уже в ноябре решил направить своего адъютанта Н. А. Мартынова на Камчатку с приказом приступить к эвакуации Петропавловска. Но он, опасаясь ответственности за свои самовольные действия, всё же решил дать приказ о выезде Мартынова в день, когда получит какой-либо положительный отклик со стороны правительства. Пока же ещё в середине ноября в Иркутске Муравьев открыто заявлял, что дал новые распоряжения об укреплении обороны Петропавловска. И он действительно ещё 15 ноября направил туда такие указания В. С. Завойко. В данном случае он действовал вполне искренно, ибо опасался, что приказ об эвакуации Петропавловска придёт на Камчатку слишком поздно, и петропавловцам снова придётся оборонять свой город и в 1855 г. Но сам всё-таки надеялся своевременно сообщить о переводе петропавловского гарнизона к устью Амура.

Его расчёты оказались правильными. 30 ноября 1854 г. Максудов сообщил великому князю все подробности о положении в Петропавловске, и генерал-адмирал решил вместе с ним немедленно ехать в Гатчину к своему отцу Николаю I. Царь был в восторге от победы. Но лишь на следующий день Константин заговорил с отцом о разумности эвакуации порта. Николай I согласился с доводами сына, а сам великий князь Константин уже 3 декабря послал выше цитированное письмо Н. Н. Муравьеву. Оно пришло в Иркутск 27 декабря, и Муравьев немедленно дал команду к выезду Мартынова на Камчатку. И когда Муравьев в ответном письме Константину утверждал, что мысль об эвакуации Петропавловска будто бы «не входила в мои соображения», он явно лукавил, стараясь себя изобразить послушным исполнителем царской воли.

Г. И. Невельской также признаёт главную роль Н. Н. Муравьёва в решении этого вопроса. В известных записках «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» он писал: «Снятие Петропавловского порта и сосредоточение всех наших морских сил в Николаевском, вопреки упомянутым доселе убеждениям относительно этого порта, последовало так: генерал-губернатор, получив известие из Петербурга о готовившемся нападении на Петропавловск и намерении уничтожить наши суда в Тихом океане при помощи собранных для этого больших неприятельских сил и о полном недостатке продовольствия в Петропавловске, не ожидая приказа из Петербурга, послал своего адъютанта есаула Мартынова курьером на Камчатку с приказанием контр-адмиралу Завойко снять Петропавловский порт, погрузить всё казённое имущество и семейства на суда зимовавшей там эскадры и с ней отправиться в устье Амура».

Как видим, это сообщение полностью совпадает с тем, что писал Бернгард Струве. Нужна лишь одна небольшая оговорка: всё-таки Муравьёв смог дождаться письма великого князя Константина Николаевича от 3 декабря 1854 г.

Но вот попытка А. И. Алексеева нам внушить, что великий князь Константин принял своё решение под влиянием Г. И. Невельского, не выдерживает критики.

Известие о Петропавловской победе было доставлено в Приамурье В. А. Римским-Корсаковым на паровой шхуне «Восток» в середине октября 1854 г. 22 октября Г. И. Невельской торжественно объявил об этом всем жителям небольшого Николаевска. Действительно, он сразу же высказался за спешную эвакуацию Петропавловска, за перевод петропавловского гарнизона на Амур. В письме Н. Н. Муравьёву, отправленном с зимней почтой 26 октября, он сообщал: «...если мы благовременно это сделаем, то неприятель, в каких бы то превосходных силах здесь ни появился, нам никакого вреда сделать не может, потому что банки лимана, полная для него неизвестность здешнего моря, удаление его от скольконибудь цивилизованных портов не на одну тысячу миль, лесистые, гористые и бездорожные, пустынные побережья Приамурского края составляют крепости, непреодолимые для самого сильного врага, пришедшего с моря. Появление его сюда послужит нам не во вред, а в пользу, ибо, блокируя берега Татарского пролива, он этим фактически признает их российскими».

Это письмо Невельского ещё раз свидетельствует, что эвакуация Петропавловска стала остро необходимой и, безусловно, полезной,

разумной мерой. Но Муравьев получил это письмо в Иркутске уже после того, как подписал приказ об эвакуации Петропавловского порта. Оно лишний раз убедило его в правильности принятого им решения.

Таким образом, все трое — Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьев и великий князь Константин Николаевич — пришли к одному и тому же единственно правильному выводу: надо эвакуировать Петропавловск.

Да, Г. И. Невельской этот вывод сделал раньше всех — ещё 25 октября. Но его письмо дошло до Иркутска уже после того, как Н. Н. Муравьев отдал свой приказ об эвакуации Петропавловска. И совсем нелепо утверждать, что на решение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича будто бы «отразилось влияние Невельского». Не очевидно ли, что здесь сказалось простое желание А. И. Алексева приписать ещё одну заслугу главному герою его книг — Г. И. Невельскому? Каким бы талантливым не был бы Г. И. Невельской, но он не обладал телепатией и повлиять на решение генерал-адмирала никак не мог: слишком уж велико было расстояние между Николаевском-на-Амуре и Санкт-Петербургом.

Совершенно очевидно, что главная заслуга в спасении героев Петропавловска, безусловно, принадлежит Н. Н. Муравьеву, и просто нелепо утверждать, что решение царя об эвакуации Петропавловска будто бы оказалось для генерал-губернатора Восточной Сибири «неожиданным». Будущее в полной мере показало, насколько мудрым шагом был перевод петропавловского гарнизона на Амур в 1855 г. Для успешной обороны русских дальневосточных владений в 1855—1856 гг. он имел исключительно важное значение. Такова историческая правда без субъективных натяжек.

Авторизованная машинопись. Не позднее августа 1991 г. Впервые опубликовано под заголовком «Кто предложил эвакуировать Петропавловск? (Ответ на запрос читателей изданного в 1898 г. сборника по истории Петропавловска 1851—1855 гг.)» в двух выпусках «Субботних чтений» газеты «Камчатская правда» за 30 ноября и 3 декабря 1991 г. (№ 287—288)

Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского

Удивительный парадокс: мы гораздо лучше знаем историю Камчатки XVIII в., чем... начала XX! И особенно слабо нам известна история Петропавловска в предреволюционный период. Многие полагают, что это был период своеобразной летаргии... Но так ли это на самом деле?

Да, после блистательной обороны Петропавловска в 1854 г. и успешной эвакуации Петропавловского гарнизона в Приамурье в 1855 г. жизнь города, действительно, замерла. Но и в эти «тихие годы» (1856—1903) также происходило немало различных событий. Уже вскоре после русско-японской войны 1904—1905 гг. и первой русской революции 1905 г. в жизни города начались весьма заметные перемены. И вот об этом любопытнейшем периоде — десятилетиях перед событиями 1917 г. — я и хочу подробно рассказать...

Внутренние и внешние причины возрождения интереса к Петропавловску в 1908 г. Первые годы интересующего нас периода связаны с именем министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина. Теперь кое-кто стремится поднять это имя на щит. Но при этом почему-то забывают, что в годы его правления в России ещё свирепствовали карательные отряды. Ренненкампыфы и миллеры-закамельские ещё чинили расправы над революционерами, и впервые появились печальной памяти тюремные «стольпинские вагоны». И, естественно, революционеры активно охотились за своим врагом, пытались его убить. На всю Россию прогремел устроенный эсерами взрыв на даче Столыпина на Аптекарьском острове...

Но Столыпин был, безусловно, весьма расчётливым врагом революции: он прекрасно понимал, что одними карательными экспедициями её удушить нельзя. Для борьбы против «красных петухов» в деревне — против поджогов помещичьих усадеб, по мнению Столыпина, необходимо было срочно отселить наиболее деятельную часть крестьянства на новые богатые земли Востока, направив её энергию на успешное развитие сельского хозяйства, на создание богатых хозяйств.

Поэтому при нём началось небывалое по своим размерам переселение в Сибирь. За очень короткий срок туда выехали около миллиона крестьян. Немало их появилось и на Дальнем Востоке, главным образом в Приамурье и Приморье. Вот тогда-то, в 1906—1907 гг., и встал серьёзно вопрос о крестьянской колонизации полуострова Камчатка. Столыпин давал понять дворянам и капиталистам, что в их собственных классовых интересах необходимо всячески содействовать заселению Дальнего Востока, и в том числе Камчатки.

Был и другой очень важный мотив для ускорения заселения Камчатки: в эти годы продолжала расти — и об этом многие теперь предпочитают не вспоминать — опасность со стороны японского империализма.

Как известно, во время русско-японской войны японский лейтенант Гундзи Сигетада организовал нападение на район Явино — на юге западного побережья полуострова Камчатка. В конце концов, его наголову разбили камчатские добровольцы, среди которых было немало и петропавловцев. Осенью 1905 г. японская военщина организовала нападение на Петропавловск с моря, осквернила Петропавловский собор и кладбище, разрушила несколько домов. Как сообщила мне Нина Игнатьевна Захарова, ветеран Камчатской областной библиотеки, в одном из альбомов, хранящихся в библиотеке, есть фотография одного из пострадавших тогда домов (здания окружного управления. — *Ред.*).

После окончания войны русское правительство вынуждено было предоставить японцам на Камчатке ряд рыболовных концессий. Японские рыбаки стали довольно часто появляться и в Петропавловске. Зачастили сюда и японцы других специальностей — торговцы, моряки и просто чернорабочие. И к этому можно было бы относиться вполне спокойно, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что успех в русско-японской войне сильно вскружил голову японской военщине, особенно той её части, которая давно мечтала о создании пресловутой «Великой Японии» за счёт азиатских земель. И многие лидеры японских милитаристов стали смотреть на Портсмутский мирный договор, завершивший русско-японскую войну, как на временное перемирие, за которым должна была последовать новая война с Россией с целью дальнейшего расширения земель Японии.

Эти агрессивные круги уже тогда мечтали завладеть всей Маньчжурией, русским Приморьем, Северным Сахалином и, наконец, Камчаткой. Пока же японская сторона настаивала на дальнейшем расширении прав концессионеров — японских рыбопромышленников, которые стали вывозить в больших количествах ценнейшие породы рыб, выловленные в камчатских водах, и особенно в богатых реках западного побережья полуострова.

Хищничество японцев непрерывно усиливалось. С Камчатки устремился поток различных жалоб на их бесчинства, незаконный вывоз пушнины и других богатств. Инспектор Г. А. Крамаренко открыто в печати стал призывать к принятию срочных мер с целью обуздания хищников. Наиболее подробно об этих печальных фактах он рассказал в статье «Путешествие на Камчатку и обследование её в рыбном отношении в 1907 г.», которая была опубликована Русским Географическим обществом в «Известиях» общества и отдельной брошюрой.

Известный японист Д. М. Позднеев обратил внимание на весьма опасную для интересов России поднятую в Японии шумиху вокруг столетия путешествия японского разведчика Мамия Ринзо на Сахалин и в низовья Амура в 1808—1809 гг. Кое-кому таким способом хотелось показать «исторические права» Японии на... русское Приморье и Приамурье!

Всё это не могло не создать вновь тревожную обстановку на русском Дальнем Востоке в 1908 г.

В те годы в его администрации важную роль ещё играл выдающийся знаток дальневосточных проблем Павел Фёдорович Унтербергер, автор весьма содержательной книги «Приморская область. 1856—1896 гг.», в которой было немало полезных сведений и о Камчатке. П. Ф. Унтербергер был одним из первых высших администраторов отечественного Дальнего Востока, который ещё в конце XIX в. смог побывать на Камчатке. При этом он сделал ряд любопытных снимков, в том числе и в Петропавловске. Часть из них была воспроизведена в его упомянутой книге.

Унтербергер обладал сильным аналитическим умом, и его по праву считают одним из лучших исследователей Дальнего Востока. Недаром в 1987 г. его имя было занесено на Доску почёта Приморского филиала Географического общества СССР во Владивостоке как одного из выдающихся деятелей общества. Поэтому я был весьма обрадован, когда в мои руки попал интереснейший, никогда ещё не публиковавшийся секретный доклад П. Ф. Унтербергера под названием «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». Вот что он писал в нём о японской угрозе всему русскому Дальнему Востоку, и в частности Камчатке:

«Япония, готовясь к... [русско-японской войне 1904—1905 гг.] с лишком двадцать пять лет, преследовала мысль отодвинуть Россию от моря, дабы занять доминирующее положение на азиатском материке Тихого океана и в то же время взять с нас после удачной войны крупную контрибуцию. Она отлично сознавала, что никакая другая держава, имеющая свои коренные базы за десяток тысяч миль, ей опасным противником быть не может.

Цель эта Японией не достигнута, а между тем государственный долг достиг суммы около двух с половиною миллиардов иен при приблизительно пятисотмиллионном нормальном бюджете.

Признаки, что Япония не оставит свою мысль, а готовится к новым агрессивным действиям, проявляются в том, что она тотчас по окончании войны начала лихорадочно не только приводить в порядок расстроены части армии и флота и их материальную часть,

но ещё увеличивать как численный состав армии формированием новых частей, так и флота сооружением новых судов, с перевооружением пехоты и артиллерии. Кроме того, она усиленно занялась подготовкой баз, как в Северной Корее, так и в Южной Маньчжурии, приступив в последней в то же время к сооружению стратегических железных дорог. Вся эта напряжённая деятельность продолжается и ныне, несмотря на заключение нами с ней рыболовной конвенции, торгового трактата и политического соглашения.

Если при этом принять во внимание, что финансовое положение страны, несомненно, тяжёлое, то нетрудно допустить, что раз будут Японией затрачены огромные суммы на вооружения, она же постарается извлечь из этого реальную пользу, как только будет к тому готова.

Нельзя с достоверностью вперёд указать, в какую сторону будут направлены агрессивные действия Японии, но нам нужно к тому времени быть готовыми, дабы события не застали нас врасплох, тем более что наши интересы будут неминуемо прямо или косвенно затронуты при всякой новой буре на Дальнем Востоке.

Спокойно ожидать грядущие события мы можем лишь тогда, когда нами будут проведены в жизнь все меры, необходимые для надёжного закрепления за нами Дальнего Востока. В числе этих мер первенствующее значение имеет широкая и целесообразная постанова колонизации этого края коренным русским народонаселением. В этом отношении должно быть обращено главное внимание на заблаговременную подготовку переселенческих участков...

Если при новом столкновении на побережье Тихого океана наступательные действия Японии коснутся нас, то первым объектом войны будет, бесспорно, Приморская область, которую японцы постараются захватить.

Вероятно, их план действия будет: 1) занятие Южно-Уссурийского края и Владивостока с перерывом сообщения по Восточно-Китайской железной дороге, 2) занятие устья реки Амура, затем Хабаровска и 3) занятие Камчатки и вообще наших северных владений...

(Далее в тексте даются сведения о возможном соотношении военных сил, возможных захватнических операциях противника, об их этапах и о необходимых контрмерах.)

Для ограждения северных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими, чему должно предшествовать подробное изучение местных условий

заселяемых мест с соблюдением со стороны новосёлов интересов старожилов.

Организация этого сложного и в высшей степени серьёзного дела требует вместе с тем водворения там местного надзора во главе с губернаторской властью. Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников, которые, не довольствуясь предоставленными им и без того большими правами рыболовной конвенции, стараются распространить хищническую деятельность на места, конвенцией не предоставленные. Кроме того, они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей.

При таких условиях оставлять эту окраину в зависимости от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами в отдельную область с губернатором во главе, обеспечив при этом областную администрацию как надёжными средствами надзора, так равно и передвижения. Без этого неминуемо чрез относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки, и удаление их оттуда, когда они будут связаны значительными материальными интересами, вызовет, без всякого сомнения, серьёзные затруднения и даже политические осложнения. Следует с самого начала положить преграду незаконному хозяйничанию японцев, и тогда с этим вопросом легче будет справиться. В этих видах нужно усилить промысловый надзор и надзор вообще за деятельностью японцев, хотя бы если это и потребовало бы значительных расходов.

Вместе с тем, безусловно, необходимо связать наши северные округа телеграфом с центральными учреждениями края и прибегнуть к постройке беспроволочного телеграфа как наиболее дешёвого...»

Под этим любопытным документом стоит подпись: «Сенатор генерал-инженер Унтербергер». И дата: «24 марта 1908 г.».

Министр внутренних дел П. А. Столыпин явно разделял тревогу П. Ф. Унтербергера. Это ясно видно из текста его речи, произнесённой 31 марта 1908 г. в Государственной Думе: «...Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, когда мы проснёмся, может быть, он окажется русским только по названию. Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей далёкой окраине — на Камчатке и на побережье Охотского моря — уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже

вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её».

И в других своих выступлениях П. А. Столыпин призывал к скорейшему заселению дальневосточных земель. «Несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке, — заявлял он, — не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является нашей исторической миссией». И ещё: «...русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света... ему дорог и люб Восток...»

И это было сказано в той знаменитой думской речи, в которой прозвучали столь часто цитируемые теперь слова Столыпина: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия!»

Камчатская экспедиция П. Ф. Рябушинского 1908—1910 гг. В создавшейся сложной обстановке, когда интересы внешней политики (японская угроза) и внутренней (вывоз населения на Восток) настоятельно потребовали ускорить заселение Камчатки русскими, известный капиталист-меценат П. Ф. Рябушинский счёл своим патриотическим долгом пожертвовать весьма крупную сумму для организации тщательного исследования всего полуострова Камчатки с тем, чтобы ускорить переселение сюда русских крестьян, рыболовов, горнорабочих и других русских тружеников.

На его деньги удалось организовать уже в 1908 г. большую комплексную научную экспедицию. В ней приняли участие такие выдающиеся русские учёные, как всемирно известный ботаник Владимир Леонтьевич Комаров (впоследствии — в 1936—1945 гг. — президент Академии наук СССР), опытные геологи С. А. Конради и Е. В. Круг, зоолог П. Ю. Шмидт, этнограф В. И. Иохельсон и другие.

Возглавить эту большую экспедицию должен был её главный инициатор — знаменитый географ Юлий Михайлович Шокальский, который первым убедил П. Ф. Рябушинского пожертвовать деньги на неё. Шокальскому принадлежал и подробный план проведения исследований на Камчатке. Но болезнь и некоторые общественные дела так и не позволили ему поехать на полуостров...

Первый отряд экспедиции Географического общества прибыл в Авачинскую губу на пароходе «Эйтин» (это было норвежское

судно, зафрахтованное Добровольным флотом). До нас дошёл любопытный рассказ В. Л. Комарова о его первом впечатлении от Петропавловска тех дней.

Пароход бросил якорь напротив речки Поганки. «Прямо впереди, — писал В. Л. Комаров, — узкая песчаная коса (“Кошка”) с памятником “Слава” в память отражения в 1854 г. англо-французской эскадры и прислонёнными к ней лежащими на боку двумя японскими рыболовными шхунами, конфискованными нашими крейсерами за неправильный лов. За кошкой самый городок и деревянная пристань Камчатского торгово-промышленного общества. У Сигнального мыса с внутренней его стороны — угольная площадка с сараем (“угольная станция” морского ведомства) и стоящий около неё почтовый пароход “Тунгус”...

Вскоре прибыли лодки с берега. Приехали начальник уезда С. М. Лех, помощник его К. Д. Логиновский и доктор В. Н. Тюшов, автор книги “По западному берегу Камчатки”. После обычных формальностей мы получили разрешение съехать на берег.

Первые впечатления от Петропавловска, как отправного пункта для экспедиции, были совершенно безотрадны. В городе не оказалось свободных помещений, которые можно было бы нанять. Маленькие домики обывателей очень тесны; те из них, которые более или менее свободны, — все наперечёт, и теперь они были заняты приехавшими ранее нас членами переселенческой экспедиции и другими лицами. Камчатское торгово-промышленное общество (кратко именуемое по всей Камчатке “Компания”) относится вообще с большой предупредительностью и гостеприимством к путешественникам, но теперь большой свободный дом его был предоставлен военному губернатору Приморской области В. Е. Флугу с его спутниками.

Губернатор пожелал лично ознакомиться с Камчаткой, но так как никаких правильных сообщений в этой стране нет, то он, съездивши на “Тунгусе” в Тигиль, теперь ожидал новой okazji для какого-либо нового рейса, предполагалось, что дом останется за ним до конца июня. Оставался ещё временно свободный небольшой дом у западных приказчиков компании, которых пока не было. Его предложили экспедиции, и П. Ю. Шмидт уже от себя любезно разрешил мне занять в нём две комнатки, если я не найду ничего лучшего. В. Н. Тюшов приютил у себя Е. В. Круга и С. А. Конради. Наконец, в здании городского училища нам уступили помещение, но только с 10 июня. Я воспользовался предложением П. Ю. Шмидта для своих помощников, а для работы при помощи К. Д. Логиновского

нанял подённо домик, предназначенный для помещения упрощённого городского управления Петропавловска, и ещё не вполне достроенный, без печи. Это был очень небольшой и совершенно пустой внутри домик в одну комнату, без сеней. Около него было пустое место, где можно было поставить палатку...»

Эти отрывки достаточно ясно показывают, как плохо обстояло с жильём в Петропавловске ещё в 1908 г. Вместе с тем видно, как резко стал возрастать интерес к Камчатке с 1908 г. Военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг прибыл сюда в связи с растущей угрозой со стороны Японии, переселенческая экспедиция — в связи со стремлением П. А. Столыпина и его единомышленников ускорить освоение свободных дальневосточных земель.

Камчатское торгово-промышленное общество, возникшее ещё в конце XIX в., после неудачной попытки создать первый рыбоконсервный завод в Тарьинской бухте, было готово оказывать поддержку всем начинаниям, которые могли бы оживить его деятельность.

Летом 1908 г. В. Л. Комаров и его спутники ограничились подробным изучением района от Петропавловска до Большой реки. Они начали с осмотра Тарьинской бухты, которая оказалась древним кратером вулкана. Затем обследовали реку Авачу, подножие Корякской сопки, термальные источники от Паратунки, Малок до западного побережья. Занимались не только изучением растительности, но и геоморфологией, геологией и даже лимнологией. Неизменно проводились и метеорологические наблюдения. В сентябре Комаров вернулся в Петропавловск с твёрдым намерением продолжить исследования и в 1909 г.

Зимой 1909—1910 гг. участники Камчатской экспедиции сделали в Петербурге первые доклады, произведшие большое впечатление на многих членов Географического общества. Престарелый П. П. Семёнов-Тян-Шанский очень высоко оценил результаты работ экспедиции.

Уже тогда в Русском Географическом обществе были продемонстрированы интереснейшие фотоснимки, сделанные, в частности, в Петропавловске. Хочу отметить, что недавно мне довелось в архиве Географического общества СССР перелистать альбом фотоснимков, сделанных на Камчатке зоологом П. Ю. Шмидтом. В нём оказались отличнейшие фотографии города. Заведующая архивом Т. П. Матвеева обещала мне, что общество постарается, чтобы копии этих уникальных снимков были переданы в Камчатский областной краеведческий музей. На меня особенно большое впечатление произвёл удивительно богатый алтарь Петропавловско-

го собора тех времен. Безусловно, и многие другие фотографии П. Ю. Шмидта необычайно полезны для историков Петропавловска.

В 1909—1910 гг. работы отдельных отрядов Камчатской экспедиции были продолжены, и результаты их были опубликованы в прекрасно изданных толстых томах «Трудов Камчатской экспедиции П. Ф. Рябушинского». Можно смело сказать, что эта научная экспедиция не имела себе равных по научной значимости за всю дореволюционную историю Камчатки. И это естественно, потому что со времён знаменитой Второй Камчатской экспедиции в середине XVIII в. в развитии естественных наук произошёл громадный скачок. В экспедиции 1908—1910 гг. приняли участие наиболее квалифицированные учёные России. Замечу, что само участие в этой экспедиции способствовало росту их научного авторитета. Знаток истории Камчатки академик Л. С. Берг справедливо отметил, что В. Л. Комаров достиг «апогея исследовательской деятельности» именно во время своих путешествий по Камчатке — «в стране чудес природы».

Главный практический результат исследований экспедиции Русского Географического общества, как и действовавшей параллельно переселенческой экспедиции, — установление на Камчатке множества мест, пригодных для заселения крестьянами.

Начало деятельности Камчатской экспедиции совпало с решением правительства превратить Камчатку в самостоятельную область с более энергичной администрацией.

Предложение о восстановлении Камчатской области было впервые высказано вскоре после окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. 13 декабря 1906 г. военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг официально поднял вопрос «о необходимости выделения северных уездов [Приморской] области в особую административную единицу с центром в Петропавловске». Именно в связи с желанием осуществить этот замысел, В. Е. Флуг и счёл нужным ранней весной 1908 г. посетить Камчатку.

За это же горячо ратовал и П. Ф. Унтербергер.

Дела «розового» губернатора. Напомним кратко забытую историю назначения первого в XX в. камчатского губернатора.

29 октября 1908 г. отдел общих дел столыпинского Министерства внутренних дел опубликовал проект «Об административном переустройстве Приморской области», по которому воссоздавалась Камчатская область. Именно на основе этого документа вскоре было составлено «Временное положение об управлении Камчатской областью», опубликованное 17 июля 1909 г.

Уже в начале 1909 г. П. Ф. Унтербергер стал подбирать для новой Камчатской области опытных чиновников, которым предстоял переезд в Петропавловск. Первым камчатским губернатором он решил назначить весьма исполнительного и инициативного начальника своей канцелярии Василия Власьевича Перфильева, сорока трёх лет, с немалым житейским и административным опытом. Он был сыном забайкальского казачьего урядника, прямого потомка знаменитого основателя Братского острога Максима Перфильева, руководителя известного витимского похода 1639 г., когда русскими были собраны ценные сведения и о Забайкалье, и о реке Шилке (Амуре).

В. В. Перфильев имел весьма хорошее образование. Он окончил Харьковский университет, где стал кандидатом физико-математических наук. После призыва в армию был отправлен в Санкт-Петербург на особые курсы при Военно-медицинской академии, где ему было присвоено звание «военного лекаря». Из столицы в октябре 1893 г. его послали в Хабаровск в местный «полугоспиталь». Там он прошёл путь от рядового врача до начальника. Тут на его организаторские способности и глубокие знания обратил внимание П. Ф. Унтербергер, который и пригласил его с 1 января 1897 г. на должность делопроизводителя канцелярии Приморского генерал-губернаторства. Перфильев быстро поднимался по службе, пока не стал начальником канцелярии П. Ф. Унтербергера. Перфильева весьма высоко ценила местная интеллигенция. Дружил он и с В. К. Арсеньевым, который временами останавливался на его квартире.

В Петербурге на губернаторские должности обычно выбирали дворян. Поэтому Николай II решил 22 июля 1909 г. назначить разночинца В. В. Перфильева лишь *«исполняющим должность»* (выделено мною. — В. П.) камчатского губернатора.

9 августа 1909 г. В. В. Перфильев выехал из Владивостока на пароходе «Тамбов» Добровольного флота в Петропавловск. Ровно через неделю — 16 августа — он впервые попал в Петропавловск, который тогда ещё производил довольно унылое впечатление. Прибывший одновременно с Перфильевым доктор В. А. Фёдоров писал: «С борта парохода было видно небольшое разбросанное село с деревянной церковью и тремя-четырьмя большими выдающимися постройками и памятником “Слава” на кошке... Не лучшее впечатление производит Петропавловск и на берегу: кривые улицы, поросшие бурьяном, грязные постройки, масса винных лавок, полное отсутствие культурной жизни.

Город, несмотря на продолжительное существование и боевую историю, не далёко ушёл в своём развитии, и только назначение губернатора немного пробудило население от спячки, и предполагаемые постройки казённых зданий оживили город и порт. Полное отсутствие интересов, кроме традиционных “вечёрок” с танцами и пьянством, породило среди населения не только Петропавловска, но и окрестных деревень, как Сероглазка, Паратунка и т. д., ужасную лень и поклонение Бахусу.

Такой богатый рыбою и зверьми район совершенно не используется местным населением, и везде ютится юркий японец, собирающий обильную дань от наших богатств. Рыбноконсервный завод в Таринской бухте, на который затрачено больше миллиона, стоит без действия, как памятник безделья. Часть местного населения, отвыкшая от труда, по целым дням валяется на Никольской и Сигнальной горах и не желает приняться за работу, которой теперь благодаря новым постройкам — масса, и которая очень хорошо оплачивается.

Из Владивостока на пароходе “Тамбов” прибыло до трёхсот человек китайцев и корейцев, и инородческие руки сооружают казённые постройки. Быть может, с назначением губернатора начнётся новая эра жизни для Петропавловска и не оправдаются анекдотические слова одного капитана-англичанина, судно которого посетило порт, и записавшего в вахтенном журнале, где грунт Петропавловска “стекло”. Даже такие великие памятники, как “Слава” и Лаперузу, служат предметом для разбивания бутылок — гоголевское понятие о памятниках.

На окраине города вблизи речонки Поганки находится больница на несколько кроватей, довольно хорошо обставленная благодаря заботам её заведующего доктора В. Н. Тюшова, и в помощь ему имеется два фельдшера. Это весь медицинский персонал, которому приходится обслуживать не только город, но и окрестности на тысячи вёрст».

Следует заметить, что бывший начальник Петропавловского округа С. М. Лех за два года до этого дал весьма пессимистическую характеристику лечебнице В. Н. Тюшова. Но в остальном В. А. Фёдоров был прав: с прибытием в Петропавловск В. В. Перфильева здесь начались большие перемены.

Прежде всего, развернулось весьма деятельное строительство домов. Нужны были многочисленные постройки для вновь возникших присутственных мест. Вместе с Перфильевым прибыл целый отряд чиновников, которым требовались квартиры. Поэтому

Перфильев в первые месяцы своего пребывания в Петропавловске сосредоточил внимание на постройке новых домов. Город стал быстро расти. Но не хватало денег, строительных материалов и просто грамотных строителей.

Волей-неволей губернатору пришлось отправиться во Владивосток и в Хабаровск за помощью. Пользуясь своими старыми связями, он смог добыть и дополнительные ассигнования, и строительные материалы. Вдобавок смог убедить консервативные власти в необходимости преобразования двухклассного петропавловского училища в четырёхклассное. Перфильев тем самым заботился о том, чтобы в Петропавловске заметно возросло число более грамотных местных служащих и техников. Да и важно было, чтобы и дети чиновников могли, не покидая Камчатки, расширить своё образование.

Среди ближайших помощников В. В. Перфильева оказалось немало способных и инициативных людей. Особо хочется отметить областного инженера-архитектора Константина Антоновича Заранека.

Идея его назначения в Петропавловск принадлежала самому П. Ф. Унтербергеру, который 29 октября 1908 г. писал: «Инженер-архитектор необходим как ввиду предстоящих работ по достройке казённых зданий для учреждений и служебного персонала управления областью, так и для надзора за имеющимися в северных уездах казёнными зданиями, в которых помещаются уездные управления и склады заготовленных попечением казны припасов (соли, пороха, свинца), а также для производства дорожных изысканий и работ».

Но в Петропавловске бывали и другие инженеры. Так, уже при В. В. Перфильеве инженером Баталовым было завершено строительство первой на Камчатке радиостанции в районе Поганки. 10 ноября 1910 г. из Петропавловска была отправлена во Владивосток и в Хабаровск первая радиотелеграмма за подписью начальника почтово-телеграфного округа С. М. Леха, гласившая, что «радиотелеграфное сообщение с Петропавловском-на-Камчатке сего числа открыто». К сожалению, вскоре при странных обстоятельствах радиостанция сгорела, и её пришлось срочно строить заново. Одновременно шла прокладка телеграфной линии — сперва на Большерецк, а потом и на Тигиль.

Создание радиостанции и телеграфных линий принесло значительную пользу Петропавловску. Немаловажное значение это имело и для укрепления безопасности всей Камчатки.

П. Ф. Унтербергер, серьёзно опасавшийся за будущее полуострова, летом 1910 г. решил совершить поездку в Петропавловск с тем, чтобы на месте познакомиться с первыми результатами деятельности В. В. Перфильева, а заодно увидеть своими глазами, какие сдвиги произошли на Камчатке с конца XIX в., когда он впервые побывал здесь. Унтербергер остался весьма доволен результатами деятельности В. В. Перфильева: тот действительно оказался умелым администратором.

Перемены, происходившие в Петропавловске при Перфильеве, сразу же были весьма заметны, и на них обратили внимание некоторые путешественники. Так, например, Л. Н. Тамм, вторично посетивший на «Колыме» Петропавловск в 1910 г., писал: «Город за последний год сильно изменился. Появилось много, главным образом, казённых зданий около ручья Поганки. Выстроен радиотелеграф. Понаехало много чиновников и, к сожалению, изрядное количество разных тёмных личностей, искателей лёгкой наживы. То и дело слышишь о кражах и даже убийствах, чего раньше совершенно не было. Словом, Петропавловск с введением губернаторства резко изменился. Лишь остались возвышающиеся над Авачинской губой четыре сопки — Коряцкая, Авачинская, Козельская и Вилючинская, из которых на второй виден ясно след прошлогоднего сильного извержения в виде застывшего в форме подковы огромного потока лавы».

В том же 1910 г., в августе, в Петропавловске впервые побывали знаменитые ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач».

После гибели под Цусимой русской эскадры адмирала Рожественского правительство вынуждено было согласиться с С. О. Макаровым и Д. И. Менделеевым, что для России крайне важно научиться использовать Северный морской путь через Ледовитый океан. Возникла смелая идея совершить первое сквозное плавание из Тихого океана в Атлантический севернее Сибири. Именно поэтому уже в 1910 г. «Таймыр» и «Вайгач» были отправлены из Владивостока к Берингову проливу. В Петропавловске участникам экспедиции оказали тёплый приём, но моряки городом покорины не были.

Известный полярник Л. М. Старокадомский, вспоминая о своём пребывании в камчатской столице в августе 1910 г., писал: «Трудно даже назвать городом небольшое селение, каким в те времена являлся Петропавловск. Он насчитывал всего шестьсот жителей, включая военную охрану из уссурийских казаков. Взяв с собой в качестве провожатого одного из местных старожилов, жизнерадостного

и словоохотливого чиновника, мы отправились бродить по улицам, вернее сказать по улице, так как весь город состоял из одной-единственной улицы с двумя церквями да кучкой домов на побережье...

Бросалось в глаза обилие лавок, торговавших спиртными напитками. Помнится, была там даже площадка перед крыльцом одного торговца, вся вымощенная водочными бутылками донышками вверх.

Петропавловск всем нам показался сонным, безлюдным, почти вымершим. Унылыми своими впечатлениями мы поделились с нашим проводником. Поражённый нашими замечаниями, он всплеснул руками: «Помилуйте, сейчас ведь лето, самый разгар навигации! Жизнь у нас бьёт ключом! К нам приходят русские, американские, японские пароходы. Меха́вой аукцион бывает, со всей Камчатки съезжаются сюда промышленники. Это у нас самое оживлённое время в году! А что бы вы сказали, если бы попали к нам зимой, когда снег заносит дома до самых крыш, и люди неделями не показываются на улицу...»»

В этом же 1910 г. в Петропавловске побывал одиннадцатилетний школьник Гага Крамаренко, сын уже упоминавшегося специалиста по рыбному промыслу Г. А. Крамаренко. Гага Крамаренко (его полное имя Георгий) вёл в пути дневник, который вскоре был опубликован его отцом. Так появилась популярная книга «В Камчатку. Путешествие одиннадцатилетнего мальчика, описанное им самим» (в первый раз она была издана ещё в конце 1910 г. с невиданной в наше время быстротой, а во второй — уже при советской власти, в 1929 г.).

В этой книге имеется краткое и довольно наивное описание города Петропавловска, и, в частности, рассказывается, как какие-то злоумышленники сманили одного из малолетних друзей Гаги поехать без ведома родителей в Тарьинскую губу и затем его зверски убили. Действительно, до 1908 г. в патриархальном Петропавловске подобных преступлений не было. В городе тогда ещё не было тюрьмы, и даже места, где можно было бы содержать уголовников. Их обычно старались при первой возможности отсылать во Владивосток. Чтобы обеспечить безопасность прогулок вечером по единственной тогда улице Петропавловска, Перфильев первым завёл в городе уличное освещение.

При В. В. Перфильеве в Петропавловске появился и первый городской. И этим горожане весьма гордились, говорили: «Теперь у нас как в настоящем городе». На городского специально ходили смотреть. Первый городской был назначен из состава камчатской

казачьей команды. Затем уездное полицейское управление выделило ещё несколько городских, интерес к которым сразу же упал. Начальство своими городскими было недоволено: они привыкли к патриархальному образу жизни петропавловцев и очень доверчиво относились к начавшему в эти годы проникать в Петропавловск преступному элементу.

В связи с резким увеличением числа судов, приходящих в Петропавловск, остро встал вопрос о расширении причалов Петропавловского порта. В ковше стало крайне тесно, и пришлось спешно осваивать побережье внешнего рейда с двух сторон — и у основания кошки, и у Сигнального мыса — и, наконец, на самой кошке. В связи с этим агент Добровольного флота В. Ю. Медзыховский обратился к В. В. Перфильеву с прошением произвести перераспределение пристаней Петропавловска. Перфильев дал согласие на расширение участка Добровольного флота, но по настоянию общественности Петропавловска выступил в защиту главного исторического памятника порта — памятника «Слава». В ответе В. Ю. Медзыховскому от 20 августа 1911 г. было сказано, что часть его ходатайств «не подлежит удовлетворению по следующим причинам:

1. При отводе этого участка под пристани и пакгаузы находящийся вблизи исторический памятник «Слава» будет закрыт сооружениями и стоящими у пристани парходами.

2. Упомянутый памятник ныне служит створным знаком входящим в ковш судам и поэтому должен быть всегда открыт для этой цели, что будет не выполнимым при постройке проектируемой пристани.

3. С постройкой в упомянутом месте и стоянке при ней парходов последние будут мешать проходу других судов, так как будут находиться на фарватере, ведущем из рейда в ковш.

4. Береговая полоса кошки в данном месте настолько узка, что при устройстве пристани будет загромождаться и мешать движению вдоль кошки, ныне занятой громадными складами казённых лесных материалов, которые не могут быть перенесены в другое место».

И Добровольному флоту был предложен «участок с береговой полосой у основания кошки со стороны Авачинской бухты»: здесь была, во-первых, «гораздо большая площадь для всяких сооружений», и, во-вторых, она была удобнее, поскольку прилежала «к дороге, непосредственно ведущей в город».

Перфильев придавал очень большое значение и строительству грунтовых колёсных дорог. При нём успешно началось проведение первой дороги из Петропавловска в селение Завойко (теперь

Елизово). Он считал важным в первую очередь открыть колёсную дорогу до Большерецка. Но при нём была завершена только её часть.

Если раньше на строительство дорог на Камчатке правительство выделяло ежегодно только полторы тысячи рублей, то Перфильеву удалось добиться ежегодных ассигнований в десять тысяч и дополнительно использовать часть денег из других статей камчатского бюджета. По существу, именно Перфильев положил начало регулярному дорожному строительству на Камчатке. До него для поездок в глубь страны использовались только лодки и вьючные лошади, а зимой — собаки.

Большое внимание В. В. Перфильев уделял и развитию сельского хозяйства. По его инициативе в четырёх верстах от Петропавловска (ныне это зона города, район Крайстата) была создана новая ферма, на которой проводились различные аграрные эксперименты. Сельскохозяйственными опытами стали заниматься и при местном училище.

Перфильев, видя тучные травы под городом, стал горячо ратовать за развитие скотоводства вблизи Петропавловска. Для этой цели он ещё в 1909 г. попросил доставить ему из Уссурийского края быков и коров.

С именем Перфильева связана и попытка завести в Петропавловске пчеловодство. Он верил в целебную силу меда. Уже в 1911 г. из Владивостока были доставлены шесть ульев. Первый опыт, однако, оказался неудачным. И всё-таки вскоре пчеловодством начали заниматься на Камчатке некоторые крестьяне.

Как бывший врач, В. В. Перфильев немало внимания уделял вопросам здравоохранения. Он часто посещал находившуюся у речки Поганки местную больницу и добился выделения для неё новых ассигнований. В больнице впервые удалось открыть должность фельдшера и пригласить в неё несколько дипломированных медицинских сестёр.

«Как врач по образованию, имевший много дела с сёстрами милосердия, — писал В. В. Перфильев в одном из своих отчётов, — я высоко ценю их скромную работу по уходу за больными, как нашего медицинского персонала, назначаемого в помощи врачам. В местных камчатских условиях, где трудно иметь какую-либо прислугу для ухода за больными, сёстры, действительно, являются незаменимыми, и я с глубокой благодарностью отношусь к самоотверженной работе сестёр Кашиной и Волковой, командированных в 1908 г. и работающих одна в Петропавловской лечебнице, другая — в колонии прокажённых».

Перфильев настойчиво требовал дальнейшего увеличения ассигнований «по медицинской части», поскольку за пределами Петропавловска камчатское население сильно страдало от отсутствия всякой медицинской помощи.

Во время летней поездки 1909 г. по Камчатке В. В. Перфильев установил, что в восемнадцати камчатских селениях проживают 1 778 чел., из которых 599 были больны глазами, а десять ослепли. Поэтому он поднял вопрос о срочной присылке особой группы врачей, способных пресечь дальнейшее распространение глазных болезней. Так по настоянию В. В. Перфильева на Камчатку была послана в 1912 г. экспедиция окулиста Л. П. Аствацурова, которая смогла побывать во многих районах полуострова и оказать бесплатную немалую помощь местным жителям, особенно страдавшим от трахомы.

После того как в 1910 г. на пароходе «Колыма» в Петропавловск были завезены шесть больных быков, Перфильев добился создания в городе ветеринарно-бактериологической лаборатории.

Несмотря на своё достаточно высокое положение, Перфильев часто давал консультации врачам, медицинским сестрам и больным. И петропавловцы весьма ценили своего губернатора-демократа, который охотно выслушивал каждого и оказывал свою помощь по мере возможности. При Перфильеве возобновилась на Камчатке борьба против алкоголизма. Узнав, что ежегодно в область завозилось не менее пяти тысяч литров русской водки и японского саке, Перфильев ради прекращения спаивания ительменов и коряков стал бороться против вывоза из города в глубинные районы полуострова всех алкогольных напитков. Однако наплыв мелких торговцев в различные части Камчатки фактически свёл на нет все его антиалкогольные меры. Правда, в самом Петропавловске некоторые кабаки были закрыты в связи с постройкой на их месте новых домов.

И тут инженеру-архитектору К. А. Заранеку было работы невпроворот. И всё же он нашёл время, чтобы разработать неплохой проект часовни на братском кладбище, где были захоронены павшие во время славной обороны Петропавловска в 1854 г. Благодаря содействию В. В. Перфильева, этот проект начал воплощаться в жизнь. Однако уже в начале 1911 г. стало очевидным, что без дополнительных пожертвований денег на завершение строительства памятника не хватит. И тогда возникший в Петропавловске кружок любителей драматического искусства решил дать ряд благотворительных спектаклей, дабы собрать необходимые средства для постройки памятника.

Случайно до нас дошла рукописная афиша первого такого благотворительного спектакля. Привожу полный её текст: «Петропавловск. 3 июля 1911 г. С разрешения начальства в зале общественного собрания кружком любителей драматического искусства дан будет спектакль, сбор с которого, за исключением десяти процентов в пользу кружка, пойдёт в усиление средств для постройки памятника на братской могиле.

Представлено будет: 1. “Роковой шаг”, драма в трёх действиях Ф. Кареева. 2. “Стрекоза”, шутка в одном действии, перевод с польского Л. Иванова.

Участвуют гг. А. И. фон Бодунген, Е. П. Заранек. В. Новарова, С. А. Колмакова, К. А. Заранек, Е. Ф. Подвысоцкий, В. М. Генералов и А. Я. Морозов.

Начало ровно в 8 1/2 вечера.

Цены по местам: первого ряда — 3 руб. 10 коп.; второго — 2 руб. 60 коп.; третьего — 2 руб. 10 коп.; четвёртого и пятого — 1 руб. 85 коп.; шестого — седьмого — 1 руб. 60 коп.; восьмого — девятого — 1 руб. 10 коп.; десятого — одиннадцатого — 80 коп., входные по 52 коп. Продажа билетов в магазине Чурина и Камчатского торгово-промышленного общества, в день спектакля — на входе в зал. Режиссёр Подвысоцкий».

Таким образом, в этом спектакле принимали участие сам Заранек и его супруга. В качестве «примы» в нём выступила супруга камчатского вице-губернатора — А. И. фон Бодунген.

Именно в тот период у К. А. Заранека впервые возникла и идея построить в Петропавловске специальное здание для театра. И вскоре он представил В. В. Перфильеву свой проект.

С именем Заранека связана и попытка создать новый герб Петропавловска. Используя герб города 1849 г., он предложил новый вариант, на котором изобразил памятник «Слава», рыбу и Авачинскую сопку. Но это предложение не было принято в Петербурге. Там в герольдмейстерском департаменте разработали свой вариант герба, который и был утверждён в 1912 г. На нём были вновь изображены три «огнедышащие горы» в окружении двух ветвей дуба, обвитых лентой, и с короной наверху. Ветви и корона были золотыми, ленты — красными.

Перфильев был уверен, что Камчатка необыкновенно богата полезными ископаемыми. Поэтому он поручил горному инженеру Сергею Дорофеевичу Оводенко заняться тщательным сбором сведений о богатствах камчатских недр. Оводенко успешно справился с этим заданием и уже в 1913 г. смог опубликовать в журналах

два отчёта о своих исследованиях: «Горные богатства Камчатской области» и «Отчёт о поездке на Чукотский полуостров». С именем Оводенко связано открытие первого выхода нефти и месторождения графита на Камчатке.

В тот же период на севере Камчатской области успешно работали и другие геологические экспедиции из столицы: И. М. Корзухина, посланного компанией Вонлярлярского на Чукотку, и П. И. Полевого, отправленного на два года на Анадырь от Геологического комитета в 1912—1913 гг.

В 1911—1914 гг. в Петропавловске продолжали ежегодно бывать ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач». Любопытно отметить, что в 1911 г. одним из этих судов командовал А. В. Колчак, будущий «правитель омский».

В 1911 г. полярник Л. М. Старокадомский отмечал: «За прошедший год Петропавловск несколько вырос, жизнь в нём немного оживилась». В 1912 г. члены экспедиции смогли впервые выкупаться в горячих ключах Паратунки. В 1913 г. жители Петропавловска «говорили, что давно у них не было такой жестокой зимы, как в этом году. Бухта у города вскрылась лишь в конце мая, весна была поздняя и холодная».

В середине июля 1914 г. Л. М. Старокадомский записал: «На рейде стоял транспорт “Якут” и уже знакомый нам английский крейсер “Нью-Кастл”». На пристани, украшенной флагами, висело полотно с приветственной надписью на английском языке. Это петропавловские власти торжественно встречали английский военный корабль, прибывший со специальным поручением: поставить памятник на могиле капитана Клерка, участника экспедиции Джеймса Кука.

Многие лица, совершавшие различные путешествия по огромной Камчатской области — от мыса Лопатка и до Чукотки, — возвращаясь, часто привозили в Петропавловск различные раритеты — уникальные минералы, любопытнейшие изделия аборигенов и другие ценности. Постепенно в канцелярии В. В. Перфильева накопилось множество самых различных образцов — «даров Камчатки». И это побудило его задуматься о создании в Петропавловске первого областного музея. В одном из документов 1910 г. говорилось, что «небольшой круг местной интеллигенции... по мере сил вносит свою лепту в дело изучения края», и именно их усилиями «в текущем году» положено «начало областному научно-промышленному музею, приютившемуся пока в здании канцелярии губернатора».

По-видимому, в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока в Томске (ныне РГИА ДВ во Владивостоке. — *Ред.*) ещё удастся найти некоторые сведения об истории этого первого в Петропавловске музея. Долгое же время было принято считать, что первый областной краеведческий музей был основан в 1925 г. знаменитым камчатским краеведом П. Т. Новограбленовым, трагически погибшим в период кровавого сталинского террора. Во время создания первого музея при Перфильеве П. Т. Новограбленову было уже восемнадцать лет. Поэтому, несомненно, он бывал в нём. Видимо, первый музей прекратил своё существование уже после 1917 г.

Вероятнее всего, поспешное создание небольшого музея в губернской канцелярии было связано с приездом П. Ф. Унтербергерра: Перфильев хотел ему сразу показать, чем богата Камчатка. И Унтербергер остался весьма довольным от знакомства с Петропавловском: явные сдвиги в жизни города могли его только радовать.

До нас дошли подробные отчёты В. В. Перфильева за 1909—1911 гг.: они насыщены довольно богатыми сведениями, показывающими его большую деловую активность. Она не ослабла и в 1912 г., когда В. В. Перфильев уже готовился к отъезду из Петропавловска.

При Перфильеве до Петропавловска дошло сообщение академика Б. Б. Голицына о решении правительства соорудить в Петропавловске первую «сейсмическую станцию второго класса». Перфильев, хорошо понимая важность для Петропавловска изучения камчатских вулканов и связанных с их активностью землетрясений, решил незамедлительно приступить к её сооружению рядом с радиостанцией у Поганки.

Но как ни старался В. В. Перфильев побольше сделать полезного для Петропавловска и для всей Камчатки, он нередко наталкивался на серьёзнейшее противодействие. Многие его инициативы не встречали поддержки у царского правительства. Правящая элита считала его выскочкой, чужаком (как-никак он не был дворянином). Церковные власти косились на его планы переселить на Камчатку молокан и других сектантов и на его откровенные заявления, что ему безразличны религиозные взгляды переселенцев, лишь бы они были честными, хорошими работниками, не страдали бы алкоголизмом, который так широко был распространён на Камчатке.

Надо сказать, что неутомимая деятельность Перфильева нравилась П. А. Столыпину. Но в сентябре 1911 г. П. А. Столыпин был убит, и к власти стали приходиться новые люди, с которыми

Перфильеву было нелегко найти общий язык. В конце концов, 27 апреля 1912 г. В. В. Перфильев вынужден был подать прошение об отставке...

Нередко от В. В. Перфильева требовали из Петербурга и Хабаровска представить секретную информацию о живущих на Камчатке «неблагонадёжных». Но он органически не мог заниматься подобными доносами. А когда высшие власти «наесли» на него, счёл возможным дать весьма уклончивый ответ. 31 мая 1912 г. на очередной подобный «циркуляр» он уже после своего решения покинуть пост губернатора так доложил начальству: «...с одной стороны, вследствие удалённости Камчатской области от культурных центров, с другой — ограниченности интеллигенции, которая состоит почти из одного служащего люда, и с третьей — отсутствия местной прессы, политической жизни в области нет, и ввиду этого донесения... мною будут представляться, когда в силу тех или иных данных население даст к тому достаточный повод».

Такой ответ, естественно, не мог понравиться начальству. Перфильева стали считать «розовым администратором». И это не могло не ускорить его отставку...

К чести петропавловцев, они тепло проводили В. В. Перфильева. Именно тогда ему и была вручена панорама Петропавловска, которая в октябре 1989 г. была передана в Камчатский областной архив от Веры Николаевны Перфильевой, вдовы Виктора Васильевича, сына губернатора.

Здесь уместно отметить, что В. В. Перфильев вырастил двух весьма дельных сыновей. Сын Борис ещё в 1912 г. смог опубликовать в «Известиях Русского Географического общества» (т. 48, с. 67—100) обстоятельную статью «Два восхождения на Авачинскую сопку». Уже в годы советской власти В. В. Перфильев стал видным биологом, которому дважды была присуждена Государственная премия. Сын Виктор был опытным инженером.

В. В. Перфильев покидал Камчатку не без сожаления. Он называл её «дивной страной по красоте природы». С большой теплотой её вспоминали и члены его семьи. На Камчатке его здоровье было подорвано. Он уехал в Петербург, где и поселился со своей семьёй. Но прожил недолго: умер в возрасте всего сорока девяти лет во время пребывания в санатории под Москвой. В подмосковном Солнечногорске он и был похоронен.

Петропавловск при последнем губернаторе. 18 июня 1912 г. новым губернатором был назначен волжский помещик средней руки — дворянин Николай Владимирович Мономахов. Он был

вполне доволен назначением и отнюдь не собирался своё драгоценное здоровье положить на алтарь отечества, а тем более «дикой Камчатки». Менять в заведённом порядке он ничего не собирался. Поэтому и при нём многое осуществлялось из того, что было начато ещё при В. В. Перфильеве.

Прежде всего, в городе продолжалось интенсивное строительство новых домов, увеличивалось и число портовых сооружений, главным образом складских помещений и навесов, ибо с каждым годом заметно росло число судов, посещавших Петропавловск. Вскоре последовало распоряжение передать Министерству торговли и промышленности 700 сажен на берегу ковша и 220 сажен на кошке; 250 сажен за пределами ковша были переданы Морскому министерству. Поэтому продолжалось строительство новых причалов. И более того, возникла идея впервые использовать в Петропавловском порту понтоны.

Остро встал вопрос о создании большого городского рынка. В одном из отчётов о землеустройстве Петропавловска, датированном 10 мая 1913 г., читаем: «Береговую полосу Авачинской губы от Култушного ручья до Мишенной горы следовало бы отвести под базарную площадь ввиду того, что за полным использованием годных для возведения построек мест в настоящей черте города единственное место, которое может быть отведено под селитебную часть, это площадь от Мишенной горы по берегу Култушного озера по направлению к ферме. Комиссия высказывается за немедленную разбивку этой площади под горой».

Этот документ показывает, как быстро в те годы расширялась площадь Петропавловска и как быстро развивались на Камчатке капиталистические рыночные отношения. Особенно богатели в те годы камчатские рыбопромышленники.

Хищническая активность японских рыбопромышленников серьёзно встревожила некоторых российских капиталистов. Они потребовали, чтобы и им разрешили расширить своё дело. Особенно активны были на Камчатке рыбопромышленники Грушецкий, Демби, Люри, Бирич, а позже к ним присоединился и упоминавшийся выше Крамаренко. По официальной статистике, на Камчатке было выловлено за один 1907 г. пятнадцать миллионов лососей, и с каждым годом улов возрастал. И именно тогда впервые возникла тревога за будущее рыбной промышленности Камчатки.

В 1913 г. в Петропавловске появились первые местные «жандармы». Вот как это произошло. 23 мая 1913 г. военный министр В. А. Сухомлинов (тот самый, позднее обвинённый в государствен-

ной измене) подписал приказ о создании на Дальнем Востоке местных жандармских команд взамен казачьих. Власти явно стремились навести там порядок. Но, как справедливо отметил доктор исторических наук Борис Иванович Мухачёв, с камчатскими «жандармами» произошло нечто непредвиденное: в состав этой команды вошёл ряд радикально настроенных лиц, которые позднее приняли самое активное участие в революционных преобразованиях.

Тогда же большие перемены произошли и в культурной жизни Петропавловска.

Новый губернатор был заядлым театралом, а его жена — артисткой. Поэтому Н. В. Мономахов особенное внимание уделил строительству специального здания для театра по проекту неутомимого К. А. Заранека. Впоследствии, в 1917 г. Мономахова даже хотели судить за самовольное расходование казённых средств на это сооружение, которое появилось в Петропавловске с поразительной быстротой. Уже в 1914 г. спектакли начали давать в новом здании, которое весьма нескромно стало официально называться «Театром имени С. М. и Н. В. Мономаховых». Супруга губернатора сразу же заняла в этом театре место неизменной «примы».

В 1914 г. в Петропавловске заработала первая на Камчатке типография. Её владельцем был некий Пономарёв. Первой продукцией этой типографии стали афиши местного театра. В том же 1914 г. в ней была напечатана и первая вышедшая на Камчатке книга — отчёт камчатского губернатора за 1912 г., она до сих пор сохраняется во многих библиотеках нашей страны.

Появление типографии в Петропавловске позволило уже с мая 1914 г. начать издавать первую областную газету, названную «Камчатский листок». Она имела небольшой формат и состояла действительно из всего одного листка. Но в ней можно найти множество самых разнообразных любопытных сведений о жизни города и всей Камчатской области. Неполные комплекты этой газеты за 1914—1917 гг. сохранились в ленинградской Библиотеке Академии наук СССР. За несколько дней до нашумевшего пожара в этой библиотеке в 1987 г. я выписал все их в читальный зал, и это спасло их от неизбежной гибели. Поскольку в Камчатском областном архиве хранится сравнительно немного экземпляров этой газеты, мне кажется целесообразным и архиву, и музею иметь её микрофильмы.

Довольно часто в «Камчатском листке» печатались стихотворения дочери губернатора. Позже типография Пономарёва издала их отдельной книгой, ставшей первым поэтическим сборником,

изданным на полуострове. Он также сохранился в нескольких библиотеках страны.

Наконец, 1914-й стал годом появления в Петропавловске кино. Произошло это так. Как только было завершено строительство театра, младший чиновник по особым поручениям Аполлон Петрович Журавский предложил использовать в свободное время его здание для показа в нём кинофильмов. Он связался с владивостокским отделением иркутской «Синематографической прокатной конторы товарищества Алексеев, дон Отелло и Ко» и стал от неё получать кинопрограммы. Так в 1914 г. в Петропавловске появился первый «электротheater» или «иллюзион».

Вскоре Петропавловск потрясло известие: была объявлена война кайзеровской Германии. Петропавловцы не имели реального представления об истинных причинах начала новой войны, и потому первоначально в городе царил чисто шовинистический угар. Но уже вскоре горожан встревожил стремительный рост цен на все предметы первой необходимости.

Губернатор Мономахов старался заглушить недовольство местных жителей организацией пышных проводов мобилизованных и добровольцев, проведением благотворительных спектаклей «в пользу раненых воинов», демонстрацией патриотических хроникальных фильмов. И первые месяцы войны в театре ставились преимущественно пьесы А. П. Чехова. Пользовалась успехом и пьеса Л. Урванцева «Вера Мирцева».

Поскольку на Камчатке в 1914 г. распространение алкоголизма приняло уже угрожающие формы, губернатору пришлось с 13 ноября 1914 г. запретить продажу древесного спирта и спиртового лака «без предъявления покупателем соответствующего удостоверения от полиции, свидетельствующего, что назначенные изделия необходимы для хозяйственной или технической промышленности».

Вскоре в различных селениях Камчатки были проведены сходы жителей о начале «борьбы со страшным врагом и народным бичом — пьянством». После этого началось массовое закрытие кабаков, была запрещена продажа алкоголя в общественных местах. Но эта кампания привела лишь к дальнейшему росту цен на все спиртные напитки, широко продававшиеся из-под полы. Впрочем, цены росли и на остальные товары. Неудивительно, что «Камчатский листок» в 1916 г. опубликовал «Вопль петропавловского обывателя»:

«Не помню, где и когда, я читал рассказ о страшной шарманке, в которой какие бы валики ни вставляли — торжественные ли

гимны или разухабистую, — она настойчиво и упорно хрипела один мотив, тоскливый и монотонный, как стон в осеннюю ночь: “Батюшки, грабят!”

То же самое происходит у нас в Петропавловске, но только уже не шарманке, а петропавловскому обывателю приходится кричать: “Батюшки, грабят!” — так как наши торговцы положительно на все события реагируют надбавкой цен.

Пришёл последний пароход — цены прибавили; ушёл последний пароход — ещё надбавили. Убежал из лаборатории крокодил — цены ещё надбавили; сгорел дом пожарного общества, как уж тут цены не прибавить! На все местные и мировые события торговцы реагируют повышением цен на продукты, и обывателю приходится, как страшной шарманке, кричать: “Батюшки, грабят!” Когда же это кончится?

Обратите, пожалуйста, внимание те, кому следует, на невероятные аппетиты торговцев и помогите несчастному обывателю не умереть с голоду, так как при таком прогрессивном повышении цен на предметы первой необходимости жизнь становится невыносимой».

Единственным утешением для петропавловского обывателя стал «иллюзион» — кинематограф. Что-что, а тут дефицита не было, так как демонстрация кинофильмов приносила огромные прибыли прокатным конторам. Неутомимые дельцы из фирмы «Алексеев, дон Отелло и Ко» охотно присылали в Петропавловск десятки различных программ. За вечер демонстрировались тогда пять-семь короткометражных игровых и натуральных фильмов. До нас дошли многочисленные списки таких программ, которые показывались в Петропавловске ещё в 1914—1915 гг. Все сеансы начинались с душещипательных драм. В середине давались видовые или хроникальные фильмы. И заканчивались показы всегда весёлыми комедиями.

Успех первых киносеансов был огромен. К сожалению, почти все эти фильмы не смогли сохраниться, и мне специалисты по истории кино говорили, что списки картин, присылавшихся в 1914—1915 гг. в Петропавловск, представляют для них немалую ценность.

1 мая 1916 г. петропавловцы впервые на киноэкране смогли увидеть свой собственный город. Это был фильм, снятый американцами. В газете «Камчатский листок» мне посчастливилось найти информацию о нём, причём данную ещё за день до того, как фильм был показан. По существу, эта публикация ставила своей задачей привлечь как можно больше зрителей. Вот этот текст, появившийся в разделе «Хроника»:

«В воскресенье 1 мая [1916 г.] в театре имени С. М. и Н. В. Мономаховых состоится иллюзион, на котором будет впервые показана картина: виды Аляски, Чукотского побережья, Камчатки и города Петропавловска. Кинематографическая лента привезена из Америки господином Свенсоном, и как он нам передавал, что эта картина в Америке делала колоссальные сборы. Весь сбор с иллюзиона поступит в пользу больных и раненых воинов. Начало сеанса в девять часов вечера. Билеты на этот сеанс будут продаваться в нашем театре 1-го мая».

Тогда же, в середине 1916 г., впервые возникла мысль проводить в Петропавловске специальные детские киносеансы.

В «Камчатском листке» от 17 сентября (№ 635) появилось следующее любопытное сообщение: «В четверг 15-го сентября в местном иллюзионе состоялся первый иллюзион для детей. Детвора собралась к театру далеко ещё до начала сеанса. Жаль только, что не все были дети. Не мешало бы начинать детские иллюзионы ранее пяти часов, так как первый сеанс окончился в восьмом часу вечера, и пишущему эти строки пришлось быть свидетелем того, как разносили по домам сонных посетителей первого детского иллюзиона. По слухам, директор нашего театра будет устраивать два детских иллюзиона в месяц». Так было положено начало детским киноутренникам, которые продолжались и после революции.

Впоследствии вместо комплекта короткометражных фильмов стали демонстрироваться и полнометражные, главным образом иностранного производства.

Безусловно, появление в Петропавловске «иллюзиона» значительно оживило духовную жизнь города.

Ещё при В. В. Перфильеве протоиерей Даниил Шерстенников принялся за составление первого путеводителя по достопамятным местам Петропавловска с фотоиллюстрациями. Сначала он был опубликован на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей», а затем вышел в виде отдельной брошюры под названием «Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке» (1913). Читая его, невольно грустишь: как много исторических памятников было погублено в Петропавловске со времён революции. Думаю, что по этому путеводителю ещё удастся точно установить места захоронения таких выдающихся исторических личностей, как Людовик Делиль де ла Кройер или Александр Максотов.

Растущая социальная напряжённость в России побуждала правительство Николая II укреплять положение церкви. В Петербур-

ге встревожились, что деревянный собор пришёл «в совершенную ветхость» и что из-за этого в нём пришлось прекратить службу в зимнее время. Срочно были выделены средства на постройку нового собора и архиерейского дома в центре города. В самом Петропавловске в 1916 г. было образовано особое «викариатство» (викарий — заместитель епископа).

Доктор исторических наук Б. И. Мухачёв любезно передал мне небольшую выписку из годового отчёта камчатского губернатора Н. В. Мономахова, из которого ясно видно, каким был Петропавловск в 1915 г. Вот этот любопытный документ:

«По последней переписи в Петропавловске насчитывается около 1 189 человек жителей, из коих до 400 чел. составляют китайцы, корейцы и японцы и 200 чел. чиновников с их семьями. Коренное население весьма незначительное, так как таковое с новым укладом жизни, появившимся благодаря образованию губернаторства, учреждению окружного суда и приливу нового элемента людей, постепенно оставляет г. Петропавловск и переселяется в ближайшие и дальние селения уезда. Занятие жителей составляет извозный промысел, торговля с уездом, рыболовство и ремесленный труд.

С апреля по ноябрь г. Петропавловск имеет пароходное сообщение с г. Владивостоком и побережьем уезда посредством субсидируемых правительством пароходов Добровольного флота, предоставленного в 1915 г. в распоряжение губернатора парохода, а также приходящих для охраны побережья от хищников военных судов.

Грузооборот г. Петропавловска, с каждым годом повышаясь, достиг по привозу и вывозу 800 000 руб.

В городе имеется казённая больница, четырёхклассное высшее начальное училище, второклассная церковноприходская школа, окружной суд, мировой судья, местная пешая жандармская команда, часть камчатской казачьей команды и вольно-пожарное общество. Существует драматическое общество, владеющее хорошим зданием. Цель общества — давать жителям по силе своих средств развлечения, как то спектакли, концерты, научные сообщения, танцы и т. д.

Гостиниц в городе нет, и приезжающие устраиваются у знакомых, если у кого таковые есть, или нанимают комнаты у жителей.

На местное уездное полицейское управление возложена обязанность и городской полиции. Функции нижних чинов полиции выполняют городские казаки Камчатской местной команды, работа коих малопродуктивная, так как казаки, не получая специальной подготовки, не имеют никакого представления о появлении преступной

жизни в России и, будучи доверчивыми, теряются при общении с пришлым элементом, почему производить при их посредстве обыск преступников почти бесполезно. Вследствие этого работа полиции по обнаружению преступников крайне затруднительна, особенно летом, когда с открытием навигации в город наезжают любители лёгкой наживы.

В городе издаётся одна частная газета “Камчатский листок”, которая благодаря ограниченному числу подписчиков издаётся только на полулисте.

Операцию сберегательной кассы выполняют местное казначейство и почтово-телеграфная контора. Радиотелеграф, построенный в 1909 г., даёт возможность иметь связь со всем миром.

Зданий в городе до двухсот, исключительно деревянных, улицы не замощены, тротуары из досок устроены только на главной улице. Освещается город довольно хорошо “галкинскими” фонарями. Извозчиков в городе нет».

Итак, для Петропавловска десятилетие, предшествовавшее революции, отнюдь не было застоём, как это казалось многим. Наоборот, это было время весьма активного пробуждения после долгой летаргии. Это был период быстрого развития капиталистических отношений со всеми его минусами и плюсами. К бесспорным плюсам можно отнести быстрое жилищное строительство и строительство казённых и общественных зданий, расширение торговли, быстрое расширение портовых сооружений, появление кино и установление радиосвязи, начало наведения порядка на главной улице города и многое другое. Главные минусы — быстрый рост социального неравенства, рост преступности, которая ранее почти полностью отсутствовала, резкое расширение различных спекулятивных сделок.

Особенно сильно заделали эти перемены ещё живших в то время в городе ительменов. Они стали часто страдать от различных обманов, а порою и просто насилий. Многие из них поняли, что им невозможно жить в Петропавловске, и они стали покидать город в поисках тихих мест. Но и вдали от Петропавловска положение осложнялось. Из-за разнузданного хищничества на реках и в лесах заметно сократились запасы и рыбы, и пушнины.

Ещё камчатский губернатор В. В. Перфильев был вынужден с горечью отметить, что положение аборигенов уже тогда становилось отчаянным. В одном из своих официальных докладов он прямо указывал, что ительмена «лишить рыбы и соболей — значит обречь его на верную гибель от систематического голодания».

И перед правительством остро ставился вопрос о необходимости оказания срочной помощи камчатским аборигенам. Но царское правительство оказалось не в состоянии решить эту трудную проблему. Успешно она стала решаться только в первые годы советской власти...

Империалистическая война привела к резкому росту цен в Петропавловске и крайнему обострению всех социальных отношений. И поэтому неудивительно, что весть о свержении царя весной 1917 г. была встречена восторженно. Действительно, в истории города началась новая эра...

Безусловно, нам ещё нужно продолжить изучение истории Петропавловска в предреволюционные годы.

Камчатка. Литературно-художественный сборник. Вып. 15. — Петропавловск-Камчатский, 1991. — С. 125—147

А первыми были россияне.

Люди могут и забыть, кто был первооткрывателем
Южных Курил, но история это помнит

Большую часть своей жизни доктор исторических наук Борис Петрович Полевой посвятил изучению Дальнего Востока и, в частности, истории Курильских островов. Его книга «Первооткрыватели Курильских островов» получила широкую известность. Сегодня мы публикуем статью учёного, восстанавливающую подлинную историю освоения Южных Курил.

В своё время посольство Японии в Москве изложило на страницах «Труда» свою версию освоения Курильских островов. В ней утверждается: «Четыре северных острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи — были нанесены как японская территория на карте 1644 г. и до начала XIX в. определённо находились под реальным управлением Японии».

Возьму на себя ответственность восстановить истину.

Тогда, в 1644 г., японцу Мураками Хиранори феодалы, владевшие южной частью острова Хоккайдо, приказали составить географический чертёж своих владений. Получилась примитивная и неточная карта, дошедшая до нас лишь в копии в 1703 г. На ней севернее Хоккайдо изображена кучка маленьких островов. Вот эта схема Хиранори и дала повод японским националистам объявить его «открывателем Курильских островов». Но все серьёзные исследователи уже давно убедились, что сам Мураками их не видел, а нанёс

на карту по рассказам хоккайдских айнов и привёл сведения об этих островах, открытых голландской экспедицией М. Г. Де Фриса. В 1643 г. голландцы открыли острова Итуруп и Уруп, названные ими «Землёй Штатов» и «Землёй Компании». Уруп был принят голландцами за... мыс Северной Америки.

Недавно в Петербурге был опубликован переведённый со староголландского языка дневник участника этого плавания лейтенанта Корнелиуса Куна. Из дневниковых записей следует, что тогда на Южных Курилах и даже на северо-востоке Хоккайдо голландцы нигде не видели японцев.

А нас ныне уверяют, что Курилы — исконно японская территория. Удивляет, как в посольстве Японии могли «забыть», что ещё в 1637 г. правительство Токугавы Иясу строжайше запретило японцам покидать пределы империи, и именно поэтому вплоть до конца XVIII в. они вообще не имели права посещать Курильские острова. Так что нет никаких оснований говорить, будто Южные Курилы «находились под реальным управлением Японии».

Посольство Японии утверждает: «Русские в конце XVII в. начали продвигаться от Камчатки на юг вдоль Курильских островов...» На самом деле такое продвижение началось лишь с 1711 г., но уже в 1739 г. российскому моряку Мартыну Шпанбергу и его товарищам первыми удалось побывать у Южных Курил — у Итурупа, Кунашира и открыть остров Шикотан (Фигурный). Этот остров по предложению английского моряка У. Броутона именовался по имени его открывателя — островом Шпанберга.

И в 1769 г. на Шикотане не было японцев. Честные японские историки признают, что русские их здесь опередили. Первый японский поселенец появился на Кунашире только в 1754 г. Им был торговец Хидай Кубей, он самовольно, ослушавшись правительство, поселился в селении Томари (ныне Головинино), нарушив закон Токугавы. Это грозило ему смертной казнью.

На Итурупе первый японец — Могами Токунай — появился лишь в 1786 г. Позже он писал: «Я проплыл мимо острова Кунашира, чтобы достичь следующего — Итурупа... Я был первым японцем, вступившим на эту землю...» И здесь он познакомился с тремя русскими.

Ещё в 1940 г. историк японской экспедиции Куно Еси справедливо отмечал, что с 1765 г. началось официальное присоединение Южных Курил к России. А первым об этом стал помышлять Пётр I. Первооткрыватель Курил Иван Козыревский ещё в начале XVIII в. обратил внимание русского правительства на то, что «итурупинцы

и урупинцы живут и торгуют повольно». М. П. Шпанберг в 1739 г. установил, что «под властью епонского хана только один Матсмай остров», то есть Хоккайдо.

Задача присоединения Курил у России была возложена на ясачных сборщиков, которые на своих утлых байдарках смогли дойти до Южных Курил лишь в середине 1760-х гг. Однако в 1778—1779 гг. им удалось подчинить России около полутора тысяч южно-курильских айнов. Появление на этих островах «рыжеволосых» русских и побудило японское правительство послать туда своих первых разведчиков. Среди них наиболее талантливым оказался Могами Токунай.

В эту пору внимание русских промышленников было отвлечено открытиями у берегов Америки. Интерес России к Южным Курилам ослабел. Этим и воспользовались японцы, овладев ими. Но даже в словаре Афанасия Щёктова в 1804 г. к Курильским островам, «могущим относиться к Иркутской губернии», были отнесены не только Уруп, где с 1795 г. существовала знаменитая Курилороссия Василия Звездочётова, но и Еторопу (Итуруп), и Кунасыр (Кунашир), и Чикота (Шикотан). В 1804 г. русский посланник Н. П. Резанов напомнил японскому государственному деятелю Тояме, что «на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому владению».

Именно поэтому, когда Резанов узнал, что японцы вопреки закону Токугавы завладели Южными Курилами и обосновались на Южном Сахалине, то решил послать своих помощников — молодых офицеров Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова на судах «Юнона» и «Авось» удалить японцев оттуда.

Однако насильственные действия русских моряков лишь осложнили отношения с японцами. В 1848 г. американский знаток общей обстановки на Дальнем Востоке Арон Палмер в своей записке американскому Сенату прямо сообщал, что вопрос о государственной принадлежности Кунашира и Итурупа остаётся неразрешённым. Служащие Российско-Американской компании, поселившиеся с конца 20-х гг. в восстановленной русской фактории на Урупe, знали, что на соседнем Итурупe почти не осталось японцев.

К несчастью для России, министром иностранных дел долгие годы был граф К. В. Нессельроде, который совершенно не понимал важного значения укрепления позиций на Тихом океане. С удивительной лёгкостью он дал разрешение Путятину уступить Японии сначала остров Итуруп, затем в результате тяжкой Крымской войны

Россия признала Сахалин «совместным владением» и отказалась от Южных Курильских островов.

Уступка Путятина была осуждена многими видными политическими деятелями, в том числе и генерал-адмиралом Российского флота великим князем Константином Николаевичем. А тем временем отношения России с Японией, несмотря на «подачку» Путятина, ухудшались. И, в конце концов, в результате двадцатилетних споров глава Азиатского департамента Министерства иностранных дел России П. Стремоухов легкомысленно согласился отдать Японии и все остальные Северные Курильские острова.

«Но всё-таки в своей щедрости мы, кажется, хватили через край», — писал по этому поводу А. П. Чехов.

В наши дни немало тех, кто стремится фальсифицировать историю, готов исказить её, подгоняя под требования политической конъюнктуры. Думаю, что настало всё-таки время истины.

Камчатская правда, 31 октября 1992 г., № 121

«Земля российского владения» Снова о Курильской проблеме, истории и политике

Больше года прошло после публикации моей статьи «Цепь ошибок» («Дальний Восток», 1992, № 4), но какого-либо отклика на неё в изданиях, которые я подверг резкой критике за их прояпонскую позицию, не последовало. И это не случайно: авторы, вполне сознательно вводящие доверчивых читателей в заблуждение, как чёрт ладана боятся серьёзной научной полемики. Они берут иным: напористостью и «радикализмом» своих суждений, тем более что ни на страницы «прогрессивных» изданий, ни на всевозможные «круглые столы» и научные конференции с искусственно отфильтрованным составом участников строптивные инакомыслящие или неисправимые правдолюбывы предусмотрительно не допускаются.

И вот уже найдена формулировка: «Курилы захватил Сталин», — согласно прозвучавшая на страницах японских и ряда российских изданий. Она опасна тем, что позволяет кое-кому фарисейски взывать к «справедливости» и утверждать, будто и на Востоке существует ситуация, аналогичная западной: теперь, когда уже сказана горькая правда о секретных договоренностях между В. М. Молотовым и И. Риббентропом, то и Япония-де может более настойчиво требовать от Москвы территориальных уступок.

Естественно, я отнюдь не собираюсь брать под защиту И. В. Сталина. Его вина в обострении Курильской проблемы в середине XX в.

действительно велика. Но для того, чтобы читатель понял, что суть Курильской проблемы — вовсе не в преодолении «наследия периода культа личности», как внушали читателям «Литературной газеты» японские дипломаты, ещё раз попытаюсь выстроить ряд «упрямых» фактов, столь неугодных кое для кого в Токио и, увы, в Москве.

Как СССР был «отрезан» от Тихого океана. Во время Второй мировой войны Япония объявила о закрытии всех своих проливов для иностранных судов. Наш флот сразу же попал в тяжелейшее положение. Для выхода в Тихий океан мы могли законно пользоваться лишь крайне опасным Первым Курильским проливом. Как тут было не вспомнить недобрым словом тех столичных сановников, которые в 1875 г. так легкомысленно поспешили отдать Японии все Северные Курилы. Сколько сил перед этим впустую потратил русский посол в Японии К. Бюцов (да и не он один!), предупреждая Санкт-Петербург, что для России абсолютно необходимо сохранить за собой Четвёртый Курильский пролив, через который поддерживалось сообщение приморских портов с Камчаткой, Анадырем, Чукоткой и даже с Северным Ледовитым океаном. За безответственность царской дипломатии россиянам пришлось расплачиваться уже в годы русско-японской войны, когда с острова Шумшу японский авантюрист лейтенант Гундзи Наритада высадил десант на западное побережье Камчатки. Осенью 1905 г. от налёта двух японских миноносок (крейсеров. — *Ред.*) пострадал даже Петропавловск.

Очевидно, что военные успехи 1904—1905 гг. вскружили голову японским милитаристам, давно уже мечтавшим о создании «Великой Японии» на просторах Азии. Именно эти экспансионистские идеи и подтолкнули впоследствии Токио к захвату Маньчжурии в 1932 г., к вторжению в Китай в 1937-м и в Монголию — в 1939-м. Захватнические планы сблизили японских милитаристов с правящими кругами гитлеровской Германии и фашистской Италии. Так родился пресловутый Антикоминтерновский пакт, направленный не только против нашей страны, но и против других государств Европы и США.

Понимая опасность войны на два фронта, японские политики из чисто тактических соображений пошли на заключение с Советским Союзом пакта о ненападении, заранее считая его «пустой бумажкой». Однако после разгрома гитлеровцев под Москвой они вынуждены были задуматься над возможными последствиями

агрессии против нашей страны, тем более что тогда уже готовились к войне с США.

7 декабря 1941 г. мир узнал о чудовищном преступлении японской военщины, совершившей воздушный налёт на американскую военную базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах. Из строя были выведены восемь линкоров, шесть крейсеров, эсминец, 272 самолёта и многие военные объекты, погибли 3 400 матросов и офицеров. Вскоре стало известно, что вероломное нападение было тайно подготовлено на острове Итуруп в заливе Хитокаппу (теперь — Касатка).

Когда я писал об этом в своих статьях, редакторы вполне искренне считали, что я несколько преувеличиваю. Но Итуруп действительно был главным центром подготовки этого акта агрессии, ибо именно сюда с военно-морских баз в Йокосуке, Сасебо, Беппу и Кагосиме были стянуты все морские силы Японии, принимавшие участие в нападении на Пёрл-Харбор. В ту пору на острове стояли густые туманы, позволявшие скрыть военные корабли от воздушного наблюдения. Ради сохранения полной секретности Итуруп был полностью изолирован от метрополии: въезд на остров и выезд с него были строжайше запрещены, полностью прекращена почтовая, телеграфная и радиосвязь. Японское командование, кажется, действительно сумело предотвратить утечку информации с Итурупа и тем самым обеспечило внезапность нападения на Пёрл-Харбор. (Впрочем, кое-кто из историков считает, что начальник штаба американских вооружённых сил Джордж Маршалл, как и президент США Франклин Делано Рузвельт, всё же смог узнать заранее о готовившемся нападении, но решил использовать его для сплочения общественности под мобилизующим лозунгом: «Помни Пёрл-Харбор!»)

Прошло не так уж много времени — и уже Северные Курилы (прежде всего Парамушир) стали плацдармом для прыжка японцев на Алеутские острова Атха и Киска.

В 1941—1942 гг. японцы оккупировали Филиппины, а затем Индонезию, готовились к захвату всей Бирмы и даже к вторжению в Индию. Именно тогда, в 1943 г., союзники в Каире (без участия СССР) впервые решили, что после войны милитаристская Япония будет сурово наказана и вернёт пострадавшим народам все территории, которые она смогла захватить, начиная с конца XIX в.

У нашей страны был особый счёт к Японии со времен русско-японской войны 1904—1905 гг., когда от России был отторгнут Южный Сахалин и дважды совершались нападения на Камчатку.

Всем памятно были и преступления японских интервентов на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., и провокации на дальневосточной границе, особенно участвовавшие после 1932 г. Предвестием большой беды полыхнули бои на монгольской реке Халхин-Гол, и лишь сокрушительное поражение сбило прыть с агрессоров...

Даже после подписания пакта о ненападении в 1941 г. японцы, попирая взятые обязательства, систематически топили в Тихом океане наши торговые корабли. В центре Владивостока воздвигнут памятник советским морякам, жизнь которых оборвалась по вине японских пиратов (это — распространённое заблуждение. Ни один советский корабль или гражданский пароход японцами потоплен не был. Все они стали, как принято считать, «случайными» жертвами американских подводников или лёгчиков. — *Ред.*). И странно читать сегодня в некоторых «трудах», что пакт о ненападении был нарушен не Токио, а Москвой...

Задумываясь о послевоенном устройстве мира, Ф. Д. Рузвельт считал необходимым впредь поверженную Японию держать под жёстким контролем победителей. По его мнению, было бы справедливым, если бы Россия, серьёзно пострадавшая от японской агрессии ещё в 1904—1905 гг., получила обратно Курильские острова и тем самым создала прочный заслон для японских реваншистов с севера. Однако он стал знакомить дипломатов союзных стран с этим планом лишь после Сталинградской битвы. В марте 1943 г., беседуя с английским министром иностранных дел Антони Иденом, президент США выразил уверенность, что Советский Союз не смирится с фактической блокадой своих дальневосточных портов и непременно потребует возвращения себе Курильских островов. И Рузвельта несколько не удивило, когда на конференции в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Сталин, оставшись наедине с ним, сказал, что Япония должна вернуть СССР Курильские острова. Именно тогда он и попросил видных американских адмиралов высказать своё мнение по этому вопросу. И когда 15 декабря 1944 г. американский посол в Москве Аверелл Гарриман был вызван в Кремль и из уст самого Сталина услышал о том, что СССР, как страна, неоднократно страдавшая от японской агрессии, надеется на возвращение после войны Курил и Южного Сахалина, Рузвельт с этим сразу же согласился. Но, как опытный политик, решил за поддержку потребовать достаточно высокую цену: Советский Союз должен в определённый момент вступить в войну против Японии на стороне союзников. Так в США рассчитывали «побережь жизнь американских парней» за счёт наших солдат. И не просчитались.

Сталин принял условия союзников. Уже 11 февраля 1945 г. в Ялте было подписано секретное соглашение о возвращении нашей стране Южного Сахалина и о передаче ей всех Курильских островов.

Политические игры вокруг Курил. Весной 1945 г. в США никаких возражений против ялтинских соглашений не было слышно, поскольку тогда о них знали лишь немногие. Те же, кто был посвящён в государственные тайны, даже усматривали в будущей передаче Курил СССР политическую акцию в стиле Наполеона I, Талейрана или английских мастеров дипломатической интриги. Уже тогда в США кое-кто был уверен, что если советские войска займут Южные Курилы, то этот район надолго станет яблоком раздора между СССР и Японией. США же, заняв позицию «третьего радующегося», получают возможность держать Японию в своей узде. И, скажем прямо, этот расчёт во многом оправдался. Советско-японские споры вокруг Южных Курил оказались необычайно выгодными для США: Япония, вчерашний их противник, достаточно скоро и надолго стала их союзницей.

Ещё в последние месяцы войны определённые круги в США были уверены, что после окончания войны главным противником станет именно Советский Союз. И уже тогда некоторые деятели не сомневались, что со временем в США развернётся резкая критика внешнеполитического курса Ф. Д. Рузвельта — своего рода прелюдия к последующему вероломному отказу США от ялтинских обязательств.

И действительно, когда в середине апреля 1945 г. Рузвельт скоропостижно скончался, новым президентом США стал Гарри Трумэн — тот самый американский сенатор, который когда-то откровенно радовался нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. «Пусть они уничтожат друг друга!» — таков был лейтмотив его выступления в печати 24 июня 1941 г. Став президентом, он, естественно, подобных откровений уже не допускал, но с повышенным вниманием выслушивал советников, выражавших сомнение в целесообразности передачи СССР всех Курильских островов. Ещё 28 декабря 1944 г. эксперт Джордж Блейкли рекомендовал оставить Южные Курилы за Японией, а над средними островами установить американский контроль. В ту пору Рузвельт подобные предложения решительно отвергал. Но зато их изучал Трумэн...

И всё-таки желание «поберечь жизнь американских парней» вынудило его подтвердить 26 июля 1945 г. в Потсдаме ялтинские обязательства относительно Курил. Заявлено было и о том, что

после войны территория Японии будет ограничена «островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». Курилы в их число не входили, поскольку сразу же после окончания войны они должны были быть закреплены за СССР. Но тут Трумэна терзали сомнения: ведь он уже знал, что в США, в Лос-Аламосе, успешно прошли испытания первой атомной бомбы.

6 августа американская атомная бомба была сброшена на Хиросиму, 8-го — на Нагасаки. 9 августа, в соответствии с договорённостью в Ялте, Советский Союз начал военные действия в Маньчжурии и на Южном Сахалине. Задержка с началом военных операций на Курилах дала повод полковнику Бонстилу и некоторым генералам поднять вопрос о создании американской военной авиабазы на Средних Курилах. Но государственный секретарь США Джон Бирнс ответил им так: «Мы согласились отдать Курилы русским, и мы не можем от этого отойти». И всё же Трумэн отправил в Москву соответствующую просьбу. Из Москвы последовал своеобразный ответ: подобного можно требовать от побеждённой стороны или же от страны, которая не в состоянии себя защитить. Поскольку Советский Союз к этим двум категориям не относится, то не может дать своё согласие.

18 августа советские десантники высадились на Курилах. Заняв опорный пункт японцев на острове Шумшу, они стремительно продвигались к югу, и Сталин сообщил Трумэну о том, что советские воины готовы освободить Хоккайдо. Напуганный Трумэн потребовал, чтобы советские войска южнее Курил не продвигались. Тогда никто в США не сомневался, что вся Малая Курильская гряда входит в состав Курил. Вот почему Трумэн и его окружение вполне спокойно восприняли занятие её советским десантом.

Но вскоре американская пресса обрушилась на моряков-тихоокеанцев. Особенно усердствовал в нападках на них известный демагог Дрю Пирсон. И в Токио оценили «нежданную помощь». Уже в конце 1945 г. (!) американскому командованию были направлены первые японские петиции с требованием «вернуть Японии Южные Курилы». В поверженной гитлеровской Германии подобное было бы просто невозможно, и там никто, естественно, не думал требовать возвращения тех территорий, которые справедливо отошли полякам, чехам, словакам... Очевидно, что столь необычное положение в Японии создано с молчаливого согласия американского командования. И в Токио были весьма довольны, когда в США стала распространяться версия об «ошибке Рузвельта»:

он-де якобы по невежеству решил, что Россия потеряла Курилы лишь после русско-японской войны 1904—1905 гг. Недавно, в 1990 г., историк Марк Галличчио в работе «Курильские споры» смог убедительно доказать, что Рузвельта просто оклеветали. Советник государственного департамента Чарлз Болен приписал свою ошибку Рузвельту, равно как и Сомнер Уэллсе, помощник государственного секретаря. Одна ложь породила вторую: в печати стали распространяться легенды о том, что Рузвельт будто бы даже и не знал, где на карте находятся Курилы... Конечно, подобные нелепости лишь вдохновляли японских националистов.

Поскольку в США продолжали обвинять американское правительство в «капитулянтстве» перед «красной Москвой», государственный секретарь Джон Бирнс 29 января 1946 г. решил без предварительного согласия СССР опубликовать секретное ялтинское соглашение относительно Южного Сахалина и Курил. Отклик на публикацию в трёх странах был различным. В Японии националисты объявили о непризнании этого соглашения, поскольку японская сторона его не подписывала. В США утихли обвинения против Трумэна и Бирнса, но зато усилилась критика «ошибки Рузвельта». Сталин был возмущён самовольством Трумэна и Бирнса. Однако, поскольку по ялтинской договорённости по окончании войны все Курилы должны быть объявлены собственностью Советского Союза, то сразу после публикации условий секретных ялтинских обязательств советское правительство 2 февраля 1946 г. приняло официальное решение: включить все Курилы в состав Хабаровского края. И это было сделано ровно через три дня после того, как император Хирохито признал правомочной и обязательной для японского правительства директиву № 677 штаба оккупационных войск от 29 января 1946 г. об официальном исключении из-под японской юрисдикции всех Курильских островов, включая острова Малой Курильской гряды.

Вплоть до 1950 г. все попытки японской стороны добиться пересмотра ялтинских соглашений оставались безуспешными. Ведь даже ярые противники возвращения России Южного Сахалина и Курильских островов понимали, что любое нарушение этих обязательств будет воспринято во всём мире как вероломство. Именно поэтому участники Сан-Францисской конференции, состоявшейся в сентябре 1951 г., вынуждены были включить в текст мирного договора с Японией вполне чёткое положение: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему

островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.».

Вот тут-то И. В. Сталин и совершил роковую ошибку: он запретил А. А. Громыко подписывать Сан-Францисский мирный договор и тем самым на многие десятилетия, вплоть до нашего времени, поставил нашу страну в двусмысленное положение.

На конференции в Сан-Франциско произошло ещё одно событие: глава американской делегации Джон Фостер Даллес впервые встал на путь вероломной казуистики. К всеобщему удивлению, он стал утверждать, что надо-де ещё правильно истолковать географическое название «Курильские острова». Ни у Рузвельта, ни даже у Трумэна на сей счёт не было никаких сомнений, а вот Даллес неожиданно усмотрел «неясность в понятии Курильские острова». Тогда-то впервые и прозвучало неведомое в нашей стране название Хабомаи. Зашла речь и о Шикотане, тоже входящем в состав Малой Курильской гряды (на само название «Курильская» Даллес предпочёл не обращать внимания). По его словам, все эти острова ранее управлялись японцами с Хоккайдо и, следовательно, не входят в состав Курильского архипелага; о том же, что остальные Курилы тоже ранее управлялись с Хоккайдо, Даллес предпочёл умолчать.

Естественно, такое заявление сразу же вдохновило политиков Страны восходящего солнца. Вскоре премьер-министр Японии Ёсида Сигеру объявил Курильскими только те острова, которые были переданы Японии Россией по Санкт-Петербургскому договору 1875 г., острова же, расположенные к югу от Урупа, именно он впервые назвал «северными территориями Японии». Естественно, мало кто мог принять подобные географические новшества. И тогда японцам, явно нехотя, пришлось ввести в дипломатический оборот ещё одно новое географическое понятие — «четыре Южных Курильских острова», подразумевая под ними на самом деле... свыше десяти островов! Под названием Хабомаи они имели в виду отнюдь не один остров (как это полагают некоторые наши дилетанты), а целую гряду малых островов: Полонского, Зелёный, Юрий, Танфильева, Анучина, Дёмина и другие.

Как известно, по Ялтинскому соглашению 1945 г. все Курильские острова были переданы Советскому Союзу и в начале 1946 г. официально включены в состав нашей страны. Но Даллес постарался, чтобы факт реального владения Советским Союзом всеми Курильскими островами не был упомянут в мирном договоре 1951 г.

Так ловко была заложена ещё одна мина замедленного действия, которая стала особенно опасной уже в наше время.

К сожалению, на все эти явно вероломные действия Даллеса наши дипломаты на Сан-Францисской конференции не смогли дать достойного ответа: им в этом серьёзно мешало плохое знание подлинной истории Курил. Они не знали элементарного: ни того, что Шикотан ещё в XVIII в. считался двадцать первым Курильским островом, ни того, что русские побывали на нём в 1739 г., то есть гораздо раньше японцев, которые стали собирать морскую капусту у берегов Шикотана лишь в начале XIX в., а первый свой небольшой посёлок построили только в 1884 г...

В 1952 г. нашими дипломатами был допущен ещё один серьёзный просчёт: кое-кто из них стал тешить себя надеждой — попытаться добиться официального отказа Японии от Кунашира и Итурупа в обмен за «уступку» Малой Курильской гряды. Слухи об этом каким-то образом дошли до Токио и стали там даже предметом официального обсуждения. Никаких реальных результатов оно не имело, кроме того, что возник первый прецедент для пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Об этой истории в Японии и в нашей стране сегодня многие предпочитают не вспоминать, но именно такого рода настроения и привели к тому, что Н. С. Хрущёв ещё в 1954—1955 гг. решил пойти на некоторые уступки Японии, в частности пожертвовать Малой Курильской грядой. Он наивно надеялся, что таким способом ускорит заключение двустороннего мирного договора с Японией, а заодно сможет разрушить фактически уже тогда сложившийся военный союз между Японией и США. В этом акте доброй воли Хрущёва многие японцы вновь усмотрели очередное проявление слабости с нашей стороны и ещё более уверовали в то, что при определённой настойчивости они смогут заставить Советский Союз отказаться от лучших островов Курильской гряды — Итурупа и Кунашира.

В начале 1955 г. японский министр иностранных дел Сигемицу Момуру, готовясь начать новый этап переговоров с СССР, попросил содействия у американского посла в Токио Джона Эллисона. Эллисон ответил, что готов помочь в какой-то степени разрешить вопрос о Шикотане и Хабомаи, но Соединённым Штатам «...будет юридически трудно... поддерживать японские претензии на все Курильские острова или на какую-либо их часть», и в частности на Кунашир и Итуруп. В начале переговоров советская сторона выразила готовность вести диалог о Шикотане и Хабомаи при согла-

сии Японии на признание Итурупа и Кунашира собственностью СССР. После долгих и упорных споров Сигемицу уже готов был согласиться с предложениями Советского Союза, но 19 августа, во время перелёта из Москвы в Токио, он в Лондоне встретился с Дж. Ф. Даллесом, который без обиняков заявил ему, что если Япония уступит СССР в вопросе об Итурупе и Кунашире, то Соединённые Штаты не вернут Японии... остров Окинава!

Угроза подействовала, и 30 августа Токио поспешно уведомил Москву об отказе идти на уступки. Явно поощряя японцев, 7 сентября американское правительство вдруг объявило, что «после тщательного изучения документов» оно установило, что Кунашир и Итуруп якобы всегда были частью Японии. По существу, это означало вероломный отказ не только от ялтинских и потсдамских договорённостей 1945 г., но и от основных положений Сан-Францисского мирного договора 1951 г. относительно Курильских островов. Естественно, эти действия США ещё более осложнили переговоры между СССР и Японией...

Между тем Н. С. Хрущёву очень хотелось как можно скорее восстановить нормальные дипломатические отношения с Японией, и он поспешил пойти на новую существенную уступку. 19 октября 1956 г. советский руководитель подписал совместную декларацию СССР и Японии о прекращении между ними состояния войны, восстановлении нормальных дипломатических отношений, в текст которой с купеческой щедростью включил особое обязательство: «...Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Хрущёв наивно надеялся, что тем самым он сможет как-то оторвать Японию от США. Но произошло иное. Соединённые Штаты продолжали усиливать своё влияние в Японии и, в конце концов, между ними был заключён договор о безопасности, своим остриём явно направленный против нашей страны. Поэтому 27 января 1960 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко вынужден был объявить, что «при изменившейся обстановке», после заключения японо-американского договора, советское правительство не может содействовать тому, чтобы передачей Японии островов Хабомаи и Сикотан, принадлежащих СССР, была бы расширена территория, используемая иностранными войсками». С тех пор

Громыко неоднократно заявлял, что курильский вопрос будто бы окончательно решён и что граница между двумя странами уже не подлежит изменению. Жителям Южных Курил было официально объявлено, что они могут не беспокоиться за своё будущее: их острова никогда не будут переданы Японии.

Нагнетание страстей в Японии. Между тем японское правительство, вдохновлённое поддержкой Вашингтона, решило усилить нажим на Советский Союз. Воспользовавшись инцидентом с самолётом-нарушителем Б-29, сбитым над островом Юрий, Токио 23 мая 1957 г. направил в Москву ноту, в которой без обиняков утверждалось: «Слова “Курильские острова”» будто бы «не включают и никогда не предполагали включения в них ни островов Хабомаи и Шикотан, ни островов Кунашир и Итуруп». И якобы ничего подобного нет и в соглашениях, подписанных в Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско (?!). Тогда же на полную мощь был запущен антисоветский пропагандистский аппарат. При канцелярии японского премьера появился особый «штаб северной политики», который позже стал координировать деятельность четырёх главных организаций, наиболее настойчиво ратовавших за «возвращение северных территорий».

Это были: образованная в 1955 г. лига курило-хабомайских жителей в Саппоро; штаб за возвращение территорий и проведение северной рыболовной политики на Хоккайдо; союз за возвращение северных территорий, возникший в 1965 г. при японском Министерстве иностранных дел; наконец, ассоциация по вопросам политики в отношении проблемы северных территорий, появившаяся в 1969 г. Эти организации опубликовали десятки самых различных пропагандистских материалов в газетах и журналах, буклетов и брошюр и даже книг. Вот некоторые из них: *Эндо Х.* «Правда о проблеме северных территорий: Курилы и переговоры в Ялте» (Токио, 1968); *Хора Т.* «История и будущее северных территорий» (Токио, 1973); *Ёсида С.* «Северные территории» (несколько изданий); *Такакура С.* «Общая история Курильских островов» (два издания). Выходили также крайне тенденциозно составленные сборники документов.

Что же пытались доказать авторы, составители и редакторы этих изданий? Да то, что Курильские острова будто бы издавна являлись японской территорией, а русские никогда не были на Южных Курилах. Деятельность русских промышленников на других островах архипелага изображалась в весьма мрачных красках.

Нередко запрет посещать японцам Курильские острова, установленный бакуфу (военным правительством) в XVII в., замалчивался. История деятельности Н. П. Резанова, Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова умышленно искажалась. Южные Курилы объявлялись... не входящими в состав Курил; грубо извращалась история конференций в Ялте, Потсдаме и даже в Сан-Франциско. Заботясь о «просвещении» наших соотечественников, активисты «штабов» стали готовить специальные пропагандистские материалы на русском языке. На Курилы забрасывались особые марки-карты, на которых южные острова были показаны как японские владения. Наконец, с Хоккайдо стали транслироваться особые агитпередачи по радио. На некоторых слабонервных жителей Южных Курил эта явно тенденциозная пропаганда действовала, и сахалинские власти стали просить Москву об организации идеологического противодействия. А между тем книги о Курилах Ю. К. Ефремова и А. И. Соловьёва не переиздавались. Ценный труд Э. Я. Файнберг по истории русско-японских отношений в области был малоизвестен. Обычно сахалинцы пользовались ранними трудами А. Н. Рыжкова, в первую очередь его книгой «Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах (к истории географических названий Сахалинской области)». Он же помогал уточнять историю Курил П. А. Леонову, И. В. Панькину и И. Е. Белоусову в первом издании книги «Область на островах».

В 1971 г. я тоже пытался внести свои исправления в эту книгу, но авторы не захотели отказаться от избитых стереотипов. Лишь в 1982 г. мне удалось выпустить книгу «Первооткрыватели Курильских островов», где я существенно уточнил историю открытия и освоения островов в XVIII в. Главы по XIX в. мне пришлось снять — у меня не хватило сил продолжать борьбу с дилетантами из японского отдела МИД старого состава. Отношение к моей книге было неоднозначным. В Сахалинской области появилось немало положительных отзывов. Но кое-кто в Москве был недоволен тем, что я смог опередить своих медлительных соперников. И лишь в последние годы появилась возможность высказаться по всем аспектам Курильской проблемы, без оглядки на московских и местных перестраховщиков.

Японофилы и «лоббисты». Эра «нового мышления» ознаменовалась странным «новшеством». Издавна считалось аксиомой: каждое государство имеет свою собственную геополитическую программу, которую, как правило, разделяют лидеры главных партий той или иной страны. Но, видимо, к нам эти требования не относятся.

У нас обострились разногласия не только по вопросам внутренней политики, но и внешней. В пылу борьбы многие часто забывают (или сознательно не хотят знать) об устойчивых геополитических интересах России, а кое-кто даже с непонятной страстью, как это видно на примере Курил, защищает интересы иной страны в ущерб своей собственной. Нечто подобное ещё три-четыре года тому назад показалось бы невероятным, непонятным, парадоксальным, а порою просто противоестественным, но сегодня это так. Причины такого «уникального явления» различны: в одних случаях называется некомпетентность иных политиков, в других — простая корысть. К сожалению, мне приходилось неоднократно встречаться с лицами, которые охотно шли на искажение исторической правды ради возможности лишний раз побывать в стране «промышленного чуда», в надежде понравиться тому или иному иностранному спонсору. В отдельных случаях им покровительствовал японский пропагандистский аппарат, который неплохо оплачивал такого рода публикации.

Появлению прояпонских настроений в нашей стране способствовала и общая ломка идеологических представлений, вызвавшая всплеск антиимперских настроений. Устав от примитивной лжи тоталитарного режима, часть нашей наивной интеллигенции ударилась в другую крайность, забывая, конечно, о коренных интересах России.

По мнению И. А. Латышева, тон в такого рода публикациях задают трое: заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Г. Ф. Кунадзе, заместитель директора Института востоковедения РАН К. О. Саркисов и журналист В. Я. Цветов.

Кунадзе был одним из первых в России, кто позволил себе открыто выступить против основополагающего документа по Курильской проблеме — Ялтинского соглашения 11 февраля 1945 г. Именно ему принадлежит весьма характерное откровение (1990 г.): «Не пора ли восстановить справедливость и сказать, что Крымское соглашение, не фигурировавшее позже в официальных документах союзников, — это не более чем страница нашей истории, да к тому же не самая лучшая?» Как это цинично! При этом он умолчал, что США вероломно нарушили обязательства, взятые перед СССР, хотя за них наш народ заплатил немалой кровью, особенно на полях Маньчжурии. Это Кунадзе изобрёл капитулянтскую формулу «два плюс альфа», по которой мы безоговорочно должны уступить Японии Шикотан и Хабомаи, а далее обсудить вопрос о возможной передаче Кунашира и Итурупа.

Единомышленник Г. Ф. Кунадзе — К. О. Саркисов давно уже пытается убедить общественность, будто отказ России от Южных Курил принесёт ей лишь благо. И ради этого-де следует наш народ начать «перевоспитывать». Так, он заявил в сентябре 1989 г. во Владивостоке: «Общественное мнение нужно готовить. В течение всех последних лет в сознание советских людей (такова была политическая практика) внедрялась мысль о том, что эти острова исконно русские земли, возвращённые народу в результате войны с японцами, и поэтому, мол, японские требования — это чистой воды реваншизм и происки определённых политических сил в самой Японии. Нужно в первую очередь отказаться от этого. Своему народу следует сказать всю правду об этих островах».

Да, наш народ, безусловно, должен знать всю правду. Саркисов прав, когда утверждает, что в нашей стране «внедрялась мысль о том, что эти острова исконно русские земли». Если учесть, что первые русские на Курилах появились лишь в 1711 г., то для истории эта дата, действительно, не столь уж отдалённое прошлое. Но не было на архипелаге и «исконно японских земель», поскольку японцы здесь появились ещё позже: первый японец — торговец Хидая Кюбей — обосновался на Кунашире в Томари (ныне Головинно) только в 1754 г., и притом явно в нарушение японских законов, строжайше запрещавших подданным империи покидать её пределы. А на Итурупе первый японец — разведчик Могами Токунай — высадился в 1786 г. и встретился здесь сразу с тремя русскими: иркутянином, забайкальцем и выходцем с Охотского побережья.

Саркисов и его единомышленники с удивительной самоуверенностью пытаются по-своему перекроить историю Курил, и потому для них труды их предшественников не существуют. Вполне справедливо И. А. Латышев писал: «Особенно возмущает в высказываниях этих пособников японского “движения за возвращение северных территорий” их стремление бросить тень на труды солидных отечественных учёных-историков, поставить под сомнение научную добросовестность авторов этих трудов и привнести тем самым сумятицу в умы наших соотечественников, особенно молодёжи».

В Японии всегда прислушивались к тому, что происходило в России. И как только у нас заговорили о «новом мышлении» в дипломатии и появились первые статьи «прояпонского лобби», многие в Токио решили, что открылась долгожданная возможность воспользоваться серьёзными экономическими и политическими

трудностями России. Так на страницах японской периодики замесило слово «ирредента» (собрание исконных земель), заменившее более одиозный «реванш», и число сторонников «ирреденты», благодаря активности правительства, стало быстро расти.

Как ни странно, активизировались и российские «лоббисты». Если раньше подлинная история Курил в основном искажалась в газетных и журнальных статьях, то в 1992 г. была задействована «артиллерия крупного калибра» — на книжном рынке появились первые книги, посвящённые этой теме, — «Неизвестные Курилы» (Москва, изд. «Дейта») сахалинского журналиста Олега Бондаренко и «Территориальная проблема: поиск решения» (Москва, изд. «Республика») востоковеда В. Н. Еремина.

Первая книга поражает своим объёмом — в ней четыреста страниц! В наше трудное время появление такой пухлой книги кажется истинным чудом. Однако никакого чуда здесь не было. Издание «Неизвестных Курил» активно поддерживали так называемая «Гарвардская группа» в США и редакция японской газеты «Хоккайдо симбун». А кто платит, тот и заказывает музыку.

Обмануть доверчивых — дело нетрудное, поэтому я считаю своим гражданским долгом подробно показать, как бесовестно искажается историческая правда в книге Бондаренко. Ради этого мне придётся «покопаться в истории», ибо только таким путём и удастся раскрыть его немудреную «механику». И я постараюсь это сделать в строго хронологическом порядке, используя его же хитроумную хронологическую таблицу.

О японских географических чертежах XVII в. Никто из серьёзных учёных не отрицает, что японцы смогли весьма рано узнать от айнов Хоккайдо о существовании где-то на севере многочисленных островов, которые получили у них наименование Цисима, то есть «Тысяча островов». Позже это наименование они отнесли к Курильским островам, хотя известно, что на самом деле последних раз в двадцать меньше. А это доказывает, насколько неопределимыми были первые японские сведения о Курилах.

Ещё в XVII в. русские на Анадыре слышали от чукчей и юкагиров-анаулов о существовании напротив «Большого Каменного носа» (Чукотки) «Большой земли» (Америки). Но это отнюдь не означало, что русские открыли Америку в XVII в. На таком же основании не следует «удревнять» и открытие японцами Курил. На самом деле это произошло тогда, когда они впервые достигли северо-восточного берега Хоккайдо, с которого были видны Куна-

шир и другие острова Малых Курил, но эта дата до сих пор ещё точно не установлена (скорее всего, она относится к первой половине XVII в.). Но как хочется Бондаренко и Еремину «удревнить» появление первых японцев на северных островах! Вот почему они оба в первую очередь занялись историей не Курил, а Сахалина, хотя это две различные проблемы. Тем не менее, оба они ухватились за версию о том, что первые японцы появились на Сахалине ещё... в 1613 г. Разница между этими авторами одна: Бондаренко ссылается на высказывания А. П. Чехова, а Еремин — на «немецкого японоведа Ф. Зибольда».

Да, Чехов поверил в эту версию: он не был историком и доверился зоологу А. М. Никольскому, который в свою очередь поверил Зибольду. Но Бондаренко и Еремин не заметили одной важной «мелочи»: серьёзные исследования давно уже установили, что Зибольд, а вслед за ним и некоторые русские авторы допустили весьма грубую ошибку: дата «1635 г.» ими была неверно прочитана как «1613 г.». Бондаренко, постоянно ссылающийся на труд американского историка Д. Стефана «Сахалин. История» (1971), в данном случае не заметил, что на 32-й странице Стефан указал на ошибку Ф. Зибольда. Не заметил этого и Еремин.

В русской литературе ошибочно утверждалось, что первые японцы появились на Сахалине «при сёгуне Кинфиро». Но такого сёгуна в Японии никогда не было. В 1613 г. сёгуном был Токугава Хидетада. Но и это Бондаренко и Еремин не учли.

Откуда же возникла дата «1635 г.»? Она была заимствована из летописи даймё (князей) рода Мацумаэ, обосновавшихся в южной части острова Иезо, переименованного лишь в 1868 г. в Хоккайдо. Говоря о деяниях седьмого правителя дома Мацумаэ — Кимхиро (а это и есть «Кинфиро» в русских публикациях!), летописец сообщал: «Мураками Хиронори (называемый Камон Заемон) получил предписание совершить объезд [острова] с целью обзора владений даймё [Мацумаэ] и составить карту всего острова». В Японии не без основания считают, что эта карта легла в основу карты 1644 г., представленной домом Мацумаэ сёгуну Токугава Хидетада. Согласно летописи, восьмой правитель этого княжества Узихиро в 1644 г. передал сёгуну генеалогию своего дома и «карту острова». Поэтому Бондаренко и поспешил сделать вывод: «Самурай Мураками Хиронори, вассал князя Мацумаэ, высаживается на берег Южного Сахалина. Также, согласно гипотезе, посещает Южные Курилы».

Скажем прямо, никаких доказательств того, что Мураками высаживался на каких-либо островах, не существует. В единственном

источнике, уже нами цитированном, говорится только о его объезде острова Хоккайдо. Все честные японские историки признают, что не располагают какими-либо данными о маршруте Мураками. Ездил же он явно посуху.

В изданной в 1992 г. японским посольством в Москве пропагандистской брошюре «Северные территории Японии» удачно воспроизводится «Карта страны Сёхо, составленная кланом Мацумаэ в 1644 г. на основе исследования Эдзо (Хоккайдо), Карафуто (Сахалин) и других прилегающих островов в 1635 г.». За эту карту дружно ухватились все наши японофилы, и особенно В. Я. Цветов, горячо её рекламировавший по радио и телевидению. И снова конфуз: Дж. Стефан ещё в 1975 г. писал: «Оригинала карты 1644 г. не существует». До нас дошла копия 1702 г. Она опубликована в 1971 г. в Токио в труде исследовательского общества по изучению проблемы северных территорий — «Северные территории: старые карты и история».

Возникает вопрос: а была ли эта карта копией карты 1644 г.? Ведь в те времена точные копии карт ещё не изготовлялись, — старые обычно дополнялись новыми данными, что и следует учитывать при анализе их содержания.

В брошюре «Северные территории Японии» на основании приведённой карты делается вывод, будто «Япония раньше всех управляла этими островами». Эту же версию некритически повторил и Еремин (с. 9—10). Но при этом забыто главное: во-первых, голландские мореплаватели, побывавшие на Южных Курилах и Южном Сахалине в 1643 г., нигде не видели японцев; во-вторых, ни слова не говорится о законе Токугавы 1637 г., о котором уже шла речь; и, в-третьих, примитивное (явно ошибочное!) изображение Курил на этой карте не оставляет никаких сомнений в том, что оно было нанесено по путаным рассказам хоккайдских айнов.

Дж. Стефан отмечал: «Мураками было приказано провести обследование территорий, находившихся в пределах владений его господина (то есть дома Мацумаэ). Хотя маршруты пройденных им дорог остались неизвестными, на карте, основанной на его отчёте и представленной в сёгунат Токугавы в 1644 г., была изображена кучка островов за пределами Хоккайдо, которая, кажется, относится к Курильским островам. Некоторые топонимы связаны с реальными местами, но они помещены наугад, и это даёт основание считать, что автор получил информацию о них лишь из слухов». Безусловно, человек, лично побывавший на Курилах, не допустил бы столь дикой путаницы. Следовательно, Курильские остро-

ва на этой карте были нанесены только по рассказам хоккайдских айнов. Поэтому Мураками Хиронори никак нельзя считать первым японцем, появившимся на Курилах, как это давно уже пытаются доказать японские националисты. Так, в конце XIX в. его имя было присвоено одному из посёлков на Северных Курилах, а в 1971 г. японский историк Окиаи Т. высокопарно заявил: «История должна лелеять имя Мураками Хиронори как открывателя Курил».

Ещё в 1814 г. российский академик Ю. Клапрот опубликовал в Париже на французском языке перевод «Описания земли Иедзо» (то есть Хоккайдо), составленного в 1652 г. японцем Канемоном. В этом сочинении есть такая очень важная для историков фраза: «Японцы никогда не были на Ракко-сима, жители которых никогда не бывали на острове Иессо». Ракко — айнское наименование Курильских островов, и это сообщение убедительно доказывает, что в середине XVII в. никто из японцев Курильские острова не посещал. Тогда на Курилы плавали лишь айны, обитавшие в северной части острова Хоккайдо, которые в те времена ещё пользовались полной независимостью, да и то они доходили лишь до южных островов. Дальше на север товары доставлялись местными айнами. Потому-то на Камчатке в начале XVIII в. порою оказывались вещи из самых различных стран Дальнего Востока, в том числе и из Японии и Китая. И в этом нет ничего удивительного: в жизни всех народов торговля всегда играла важную роль.

Бондаренко пишет (с. 267): «После 1937 г. имя Де Фриса уже нигде в СССР не упоминается, а факт его плавания на Курилы замалчивается, как если б его и не было». Но это очередная неправда. Плавание М. Г. Де Фриса было достаточно подробно описано в книге М. С. Боднарского «Очерки по истории русского землевладения», изданной в Москве в 1947 г. (с. 83—86, 129—130). Ещё подробнее — в известных книгах отца и сына Магидовичей. Неоднократно писал о нём и я. А в 1990 г. в «Краеведческом бюллетене» сахалинских краеведов (№ 3, с. 3—38), — и это не мог не знать Бондаренко! — мною была опубликована большая статья «Плавание М. Г. Де Фриса в северных водах Тихого океана (1643)». 18 мая 1993 г. Русское Географическое общество особо отметило 350-летие плавания голландских моряков. Таковы упрямые факты.

Ложь и правда о русских первооткрывателях Курил и Сахалина. Отдавая должное успеху голландских моряков в 1643 г., мы в то же время не должны забывать, что летом 1640 г. участники плавания

И. Ю. Москвитина смогли первыми из русских открыть северо-западный берег Сахалина, который был ими назван «Гилятцким островом». Поскольку я уже писал об этом в нескольких статьях — особенно подробно в журналах «Советская этнография» (1991, № 3, с. 56—69) и «Известия Всесоюзного Географического общества» (1991, № 2, с. 185—191), — то не буду здесь повторять общеизвестное. Отмечу лишь, что Бондаренко умудрился и тут исказить факты.

На 345-й странице его книги читаем: «Иван Москвитин первым из русских обследовал его (побережье Охотского моря. — *Б. П.*) в 1639—1641 гг., Василий Поярков поднимается в 1644—1645 гг. к устью Амура и, предположительно, посещает Северный Сахалин». Во-первых, автор «Неизвестных Курил» умалчивает, что Москвитин тогда открыл Шантарские острова и «острова Гилятцкой орды», самым крупным из которых был Сахалин. Во-вторых, Поярков не «поднимался», а «спускался» к устью Амура и, как ещё в 1958 г. было мною установлено (см. «Известия ВГО», 1958, № 6, с. 550), никогда на Сахалине не бывал. И уж совершенно невероятны данные Бондаренко (с. 346) о первых русских на Курилах. Он пишет: «На Северных Курилах — согласно легендам — в поисках лёгкой добычи побывали якутские казачьи атаманы: Семён Дежнев (1648), Михайло Стадухин (1649) и его брат Тарас Стадухин (1654). Документальных сведений об их походах в истории не сохранилось». Нет, сохранились! Но они ясно показывают, что ни один из них никогда на Курилах не бывал! Начало 1648 г. Дежнев встретил на Колыме, потом плавал до Анадыря, и южнее Прианадырья в том году никуда не ходил. Михаил Стадухин 1649 г. провёл в низовьях Колымы и только летом совершил небольшое плавание по Ледовитому океану до Чаунской губы. Тарас Стадухин в 1654 г. находился на Колыме. Вот какова «достоверность» сведений Бондаренко!

Видимо, они попали на страницы его книги под влиянием Цветова, который в будущем музее Курил надеялся увидеть «оснастку стругов (?) Семёна Дежнева, братьев Михаила и Тараса Стадухиных» («Огонёк», 1989, № 44, с. 24). Кстати сказать, историкам пока не удалось установить, были ли Стадухины братьями, а вот Бондаренко и Цветов уже в этом не сомневаются!

Не соответствует действительности и утверждение Бондаренко (с. 346) о том, что в шестидесятые годы XVII в. «на русских картах впервые появляется условно-схематическое изображение Северных Курил (пока без традиционного названия)». Но как оно могло

появиться, если это название вошло в обиход лишь в 1697 г.? Впервые же на карты изображение Курильских островов стали наносить лишь в начале XVIII в.

Явно с чужого голоса Бондаренко объявил, что в 1701 г. В. В. Атласов лично встречался с Петром I. Упущена только одна «мелочь»: во время пребывания Атласова в Москве Петра I там просто не было. Не обошлось и без сенсационных «открытий»: оказывается, уже в 1707 г. Пётр издал особый указ «об обследовании Курильских островов» и будто бы Атласов был назначен начальником особой экспедиции на Курилы. Но и эти утверждения тоже не соответствуют истине.

А сколько нелепостей сообщается о первых русских экспедициях на Курильские острова, совершённых в 1711 и 1713 гг.! Кому угождает Бондаренко, когда пишет (с. 349), что в этих экспедициях «в качестве проводника и переводчика» участвовал японец «Санэмон»? Действительно, такую версию выдвинул известный филолог Мураяма Ситиро. Да, в 1713 г. (но никак не в 1711-м) первооткрыватель Курильских островов Иван Козыревский взял с собой в поход японца Саниму, занесённого бурей на Камчатку, надеясь дойти до японских владений (таковы были русские географические представления тех лет). Но Санима был уроженцем города «Кинокуни», то есть современного города Вакаяма в центральной Японии, никогда ранее не бывал на Курилах и потому никак не мог быть ни переводчиком, ни «проводником». Все сообщения айнов Козыревскому переводили камчатские ительмены. Эта японская фантазия о Саниме преследовала примитивную цель — доказать, что самое первое в мире русское описание Курильских островов составлялось со слов... японца Санимы. Бондаренко доверчиво повторяет эту нелепую выдумку!

А вот как «лоббисты» извращают сообщения Козыревского.

Не так давно И. Т. Тышецкий («Огонёк», 1992, № 4) обратил внимание на беседу Козыревского с айнским торговцем Шитанаем, пришедшим на Парамушир с южного Итурупа: «И сказывал он про дальние большие острова, а именно сказывал: с Матманского де острова приходят иноземцы на Кунашир остров и привозят товары шёлковые, ис китайки, дабы и сабли, и котлы, табак и всякую посуду лавкашенную...» И, ничтоже сумняшеся, Тышецкий поспешил объявить этих «иноземцев» японцами. «Японцы, таким образом, задолго до появления на Курилах первых русских уже торговали с курильскими айнами на Кунашире, куда, кстати сказать, российские мореплаватели добрались только в 1738 г. во время

экспедиции М. П. Шпанберга», — заключил он не без торжества. Оставим на совести Тышецкого такую мелочь, как неверная дата прибытия Шпанберга к острову Кунашир. Главное здесь другое: в этом тексте на самом деле речь идёт не о японцах, которых Козыревский называл «нифонцами» (от «Ниппон»), а об айнских купцах. Они действительно доставляли различные товары на Кунашир и Итуруп, откуда другие айны, подобно Шитаная, перепродавали их соседям, вплоть до Южной Камчатки — «Курильской землицы». Козыревскому довелось лично разговаривать с японцами Кисити и Санимой, которых тайфуном занесло в 1710 г. к восточному берегу Камчатки. Они-то Козыревскому вполне ясно сказали: «И мы де, нифонцы, далее Матсмая (Хоккайдо! — *Б. П.*) в северную сторону на иные острова не ходим». И причина была одна: закон Токугавы строжайше запрещал им покидать пределы империи. Зачем же Тышецкому понадобилась подобная подтасовка? Только для того, чтобы доказать, что японцы будто бы раньше русских плавали на Курилы. И в это поверил и В. Н. Еремин.

Никто из «прояпонского лобби» даже не попытался правильно истолковать другое важное сообщение Козыревского: «А итурупинцы и урупы самовольно живут и не в подданстве и торгуют повольно». Еремин решил, что здесь идёт речь о торговле с... японцами! Это лишний раз показывает, как далека от истины версия Еремина о том, что японцы будто бы были вытеснены русскими с Курильских островов в XVIII в. А с какой недоброжелательностью о Козыревском пишет Бондаренко! В своей хронологической таблице он вообще не упомянул о ценнейшей карте Козыревского 1726 г., высоким достоинством которой отдают должное учёные не только нашей страны, но и Японии, например, Акицука. Но зато Бондаренко (с. 349) под «1710 г.» отметил: «На основании японских карт Охотского моря миссионерами в Пекине начертана карта “Татарии”, где указаны даже Лаперузов и Татарский проливы. Европейцами они будут открыты только в конце XVIII и в XIX в.».

Но и здесь снова допущены грубые ошибки. Во-первых, в 1710 г. иезуиты составили не карту Татарии, а только лист с изображением Нижнего Амура и Сахалина. Во-вторых, никакого изображения Лаперузова пролива на этой карте не было. В-третьих, вообще не существовало никаких японских карт Охотского моря, которыми пользовались составители карт в Пекине. В-четвёртых, Бондаренко не знает элементарного: на русских географических картах Сахалин в XVII—XVIII вв. всегда изображался в виде острова и лишь после плавания И. Ф. Крузенштерна на некоторых русских картах

он был показан как «полуостров». А японцы до 1808 г. вообще не знали о существовании Татарского пролива (на карте японца Хаяси 1786 г. Сахалин — «Карафутто» был изображён как азиатский полуостров).

Далее Бондаренко объявил, что в 1719 г. будто бы «географ Семён Ремезов впервые составил карту, где отчётливо указана “Земля Курильская”», и тут же ядовито прибавил: «книга “Международные отношения на Дальнем Востоке” намеренно занижает год издания карты — 1700» (с. 350). Но, во-первых, С. У. Ремезов не составлял в 1719 г. карты, на которой «впервые» была бы показана «Земля Курильская». О ней первым узнал В. В. Атласов ещё в 1697 г.! Ремезов же просто копировал чужие карты Камчатки. Данная карта была сделана не в 1719 г., а до 1713 г. Но в прошлом её неверно датировали 1700 г., и в этом никакого злого умысла отнюдь не было, как утверждает Бондаренко, а всего лишь ошибка исследователей, которая была мною исправлена в 1963 г.

Серьёзно искажает Бондаренко и историю плавания геодезистов Евреинова и Лужина в 1721 г.: они-де обследовали лишь «пять крупнейших островов Северных Курил». Но это вопиющая ошибка! На самом деле геодезисты смогли дойти до острова «шесть на десять», то есть до шестнадцатого, а именно Симушира, что и было отражено на их карте.

Читаем хронологическую таблицу Бондаренко дальше — и снова ошибочное утверждение: в 1729 г. у восточного берега Камчатки появилось японское судно «Фая Кимар». Бондаренко поспешил объявить, что якобы на борту этого судна находились курильские айны и что «японцы и айны сообщили множество данных о Курильских островах, используемых в научной литературе» (с. 352). Но это не так. Из подлинных документов следует, что группа японцев, о которой идёт речь, вообще не была на Курильских островах, и курильские айны на их судне не находились.

И так — едва ли не на каждой странице. По словам Бондаренко, в 1730—1732 гг. «два брата Шестаковы — Афанасий и Василий — организывают походы на Северные Курилы...» (с. 353). Но Василий — сын Афанасия, ещё 14 марта 1730 г. убитого вблизи Пенжины. Утверждение Бондаренко, что японцы стали собирать дань с айнов Кунашира и Итурупа ещё в 1731 г., тоже не соответствует истине.

Но особенно раздражает Бондаренко экспедиция М. П. Шпанберга к Южным Курилам (с. 269). Он негодует: «Экспедицию Мартина Петровича Шпанберга у нас в стране принято идеализировать» (?!).

И совершенно произвольно обвиняет Шпанберга во многих «грехах»: он-де не смог «завязать торговые контакты с Японией», проявлял «странную вялость», «чрезмерную осторожность, граничившую с трусостью», «государственные деньги... проел». Все, кто изучал документы плавания Шпанберга, не согласятся с этими выдумками. Читатель может открыть первый том сборника документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.», изданный в 1984 г. в Москве, и узнать, что именно тогда, в 1739 г., русские впервые смогли побывать у берегов Японии и Южных Курил, о чём хорошо известно и в Японии. Остров Фигурный (Шикотан) открыт ими. На картах экспедиции Де-Фриса 1643 г. его ещё не было. Поэтому-то, по предложению английского мореплавателя Уильяма Броутона, начиная с 1796 г. он стал на многих картах именоваться «островом Шпанберга». Тогда же русские открыли и малокурильский остров «Зелёной». Побывав у Южных Курил, уже в 1739 г. Шпанберг смог лично убедиться: «под властью епонского хана только один Матсмай остров (Хоккайдо. — *Б. П.*), а протчие острова неподвластны». И тогда же он предложил русскому правительству как можно скорее привести южнокурильских айнов в подданство России. Но отнюдь не по вине Шпанберга это предложение тогда так и не было осуществлено. В 1989 г. общественность Сахалинской области смогла достойно отметить 250-летие этого важного плавания. И было весьма обидно, что на торжествах присутствовало гораздо больше иностранных корреспондентов, чем наших.

Благодаря исследованиям М. П. Шпанберга и его сподвижников уже в 1745 г. новое изображение Курильских островов появилось на картах первого академического атласа Российской Империи. Бондаренко, однако, и тут неточен и объявляет, что в 1745 г. «Курилы наносятся на Генеральный план Российской Империи», не упоминая, что самые первые печатные карты с изображением Курил по русским данным стали известны ещё в 1722 г.

О присоединении Южных Курил к России во второй половине XVIII в. Японский историк Куно Ёси в 1940 г. совершенно правильно указывал, что присоединение Южных Курил к России началось ещё в шестидесятые годы XVIII в. Действительно, именно тогда ясачный сборщик Иван Чёрный, прибыв на Уруп, обложил данью приходивших туда айнов Итурупа и даже Шикотана.

С именем Ивана Чёрного связано появление нового подробного описания Курильских островов, положенного в основу описаний архипелага, составленных Тимофеем Шмалёвым на Камчатке, Михаи-

лом Татариновым в Иркутске, академиком П. С. Палласом в Санкт-Петербурге, вскоре изданных за границей сперва на немецком, а потом и английском языках. Но Бондаренко называет Ивана Чёрного... «знаменитым уголовником» (с. 270). Да, Чёрный, к сожалению, своим поведением осложнил отношения между русскими и айнами, но прегрешения казачьего сотника отнюдь не перечёркивают его заслуг в истории изучения Курил. Из моей книги «Первооткрыватели Курильских островов» Бондаренко берёт только то, что с не лучшей стороны характеризует русских ясачных сборщиков на Курилах. Конечно, в этих отношениях было немало негативно-го, но нельзя же так однобоко подходить к истории и не видеть того, что во второй половине XVIII в. русские действительно смогли включить Южные Курилы в состав России!

Крайне тенденциозно отнёсся Бондаренко и к деятельности Екатерины II: мол, «толком не знает, где Курилы находятся» (с. 271). Между тем выдающийся современник Екатерины II академик П. С. Паллас ещё в 1786 г. поражался, как хорошо она была осведомлена о положении дел на Южных Курилах — на Урупе, Итурупе, Кунашире и Шикотане. Потому-то владычица «Северной Пальмиры» вполне сознательно повелела освободить айнов Итурупа, Кунашира и Шикотана от ясака. Впрочем, и сам Бондаренко признал, что императрица решила принять меры, узнав «о появлении в водах Курил английской экспедиции Дж. Кука (сам Кук к тому времени уже был съеден)»... Последняя реплика Бондаренко просто умилительна: он искренне поверил в слова Владимира Высоцкого: «Кук был съеден». Да, такой слух возник сразу же после гибели Кука. Английские мореплаватели, спутники Кука, спрашивали жителей Гавайских островов, «не поедают ли они в некоторых случаях мёртвые тела...» Но у гавайцев «сама мысль об этом вызвала... возмущение». Так сообщали участники плавания 1779 г. Очень показательны, что Бондаренко обошёл молчанием историю подготовки экспедиции Г. И. Муловского, которому было поручено «причислить формально ко владениям Российского государства... малые и большие острова от Японии до Курильской Лопатки», укрепя «в пристойных местах» металлические доски «Земля Российского владения». Не упомянул он и о том, что в 1787 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Пространственное землеописание Российского государства», в которой на 368-й странице прямо указывалось, что из двадцати двух Курильских островов «теперь под российским владением считают двадцать один». Но зато сколько внимания автор «Неизвестных Курил» уделил деятельности японского

разведчика Могами Токуная! Он называет его «выдающимся японским исследователем и географом» (с. 284), и «учёным, математиком и естествоиспытателем» (с. 375), и «первым чиновником из Эдо (Токио), ступившим на Курильскую землю» (с. 376), но умалчивает, что сам Могами Токунай не без основания считал себя «первым японцем, достигшим Итурупа». Бондаренко сетует (с. 284), что имя Могами Токуная в нашей литературе «редко упоминается». Но мне известны десятки работ на русском языке, где речь идёт о нём. И уж совсем напрасно Бондаренко пытается приписать ему открытие Татарского пролива.

Очень предвзято подходит он к оценке деятельности знаменитого Григория Шелихова, сетуя на его «хищническое отношение к природной среде». Но ведь именно Шелихов первым громко заговорил о необходимости борьбы с хищничеством во имя сохранения природных богатств и северной части Тихого океана!

Напрасно Бондаренко обвиняет наших историков в том, что они будто бы «намеренно» искажают дату начала японского рыбного промысла у берегов Итурупа — 1799—1800 гг.: «уж так хочется, чтобы попозже» (с. 376—377). Этот автор просто не знает, что японские власти только в 1798 г. официально объявили об отмене запрещения рыбопромышленникам посещать Южные Курилы. Поэтому рыбаки сюда прибыли только в 1799 г. и приступили к промыслу действительно в 1800 г. Среди них находился знаменитый Такатай Кахей, который впоследствии помог Петру Рикорду вызволить из плена В. М. Головнина и его товарищей.

Довольно произвольно толкует Бондаренко ценные сообщения «Словаря географического» Афанасия Щекатова (1804). Он выхватывает из текста слова: «Севернейшие острова повинуются российской, а южнейшие японской власти», но игнорирует другие важные данные. Так, японцы, жившие в Иркутске, утверждали: «Мохнатые курильцы, живущие на острове Матмае (Хоккайдо — *В. П.*) и на дальнейших островах, не подвластны ни японцам, ни китайцам». А автор статьи о Курилах в словаре начинал её так: «Курильские острова, могущие причисляться к Иркутской губернии. Под именем сих островов разумеют все острова, которые лежат в Тихом океане от Камчатского мыса, называемого Курильскою Лопаткой: между полуднем и западом, грядю даже до японского острова Матмая». Далее следовал перечень Курильских островов, который заканчивался так: «...18-е Уруп, 19-е Еторпу (Итуруп); 20-е Кунасыр или Кунашир; 21-е Чикота, или Шигодан». Отмечалось также, что ясак собирался только до Урупа, но не упоминалось, к сожалению,

что на более южных островах Екатерина II взимать дань запретила, чтобы их обитатели не отложились от России. Практически это означало, что среди южных айнов «многие независимы, да и подвластные отчасти токмо наблюдают долг подданных. Они не всегда дают аманатов, или заложников; равно и подать платят не всякий год, да и не за одинаков число душ; почему и не можно знать сущего их количества». Вольное обращение с текстом цецка-товского словаря можно объяснить лишь желанием Бондаренко доказать, что Южные Курилы будто бы уже тогда принадлежали японцам.

Правда о Н. П. Резанове и его сподвижниках. Прибывший в Японию в 1804 г. глава российского посольства Н. П. Резанов не сомневался, что японцы по-прежнему считают все северные острова иностранными владениями. Японскому дипломату Тояме он заявил: «На север от Матсмая все земли и воды принадлежат российскому владению», — и предложил провести русско-японскую границу по проливу Лаперуза и проливу, отделявшему Хоккайдо от Кунашира. Но японцы отказались вести переговоры с посольством Резанова. Когда русские моряки уже плыли на север вдоль западного берега Хоккайдо, от одного японского офицера им стало известно, что незадолго до этого его соотечественники завладели Южными Курилами и сахалинским заливом Анива. Вот тогда Резанов и пришёл к выводу, что необходимо как можно скорее удалить оттуда японцев, пока ещё действуют законы Токугавы, запрещающие им поселяться за пределами отечества. Вот почему глава дипломатической миссии и решил направить к островам своих молодых помощников Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова на судах «Юнона» и «Авось».

Уже в начале октября 1806 г. Хвостов в южносахалинском заливе Анива торжественно водрузил два российских флага — военный и коммерческий — и силой удалил пришельцев из главного айнского селения Томари-Анива. В следующем, 1807 г. Хвостов вместе с Давыдовым пытался очистить от японцев Южные Курилы.

Отношение российского правительства к этим действиям Хвостова и Давыдова было двойственным. С одной стороны, оно было заинтересовано в удалении японцев с островов, с другой — справедливо осудило насилие со стороны русских моряков, поскольку неизменно стремилось сохранять мирные отношения с Японией. Поэтому в Санкт-Петербурге продолжали считать все Курилы владениями Российско-Американской компании, в августе 1808 г. особым

правительственным указом к ним был присоединён и остров Сахалин. К сожалению, наши японофилы освещают эти события крайне тенденциозно, как покушение на... японскую территорию! Бондаренко же особенно возмущается тем, что в нашей стране Резанов «благодаря умелому макияжу превратился из вельможного хама в... великомученика, отстаивающего “исконно русские земли”» (с. 287). Вот как изысканно изъясняется этот автор! Думается, такая оценка его не нуждается в комментариях. Ведь совершенно очевидно, что Резанов в своих действиях всегда оставался патриотом России, хотя и не всегда умел справляться со своими чувствами.

В литературе часто утверждается, что он будто бы просто мстил японцам за неудачу своего посольства, за их отказ вступить в торговые отношения с Россией. Однако на самом деле его больше всего встревожило то, что на рубеже XVIII—XIX вв. Япония решила захватить те Южные Курильские острова, которые уже ранее принадлежали России. Поэтому Резанов и решил на свой страх и риск, не теряя времени на долгую переписку с сановниками Санкт-Петербурга, удалить японцев, которые явно в нарушение законов Токугавы стали селиться на русских островах.

Историю вероломного пленения В. М. Головнина на Кунашире автор «Неизвестных Курил» излагает тоже далеко не сочувственно. Не в лучшем свете показан и близкий друг Головнина Пётр Рикорд... Желая спасти от гибели Головнина и его спутников, российское правительство вынуждено было тогда не настаивать на возвращении Южных Курил. Позднее, находясь в крайне тяжёлом финансовом положении, оно запретило любые действия на Дальнем Востоке, которые могли бы дорого обойтись казне. Именно по этой причине правлению Российско-Американской компании, возродившему в конце двадцатых годов XIX в. русское поселение на Урупе, было не велено посылать промышленников на Итуруп. Но это запрещение часто нарушалось, так как японцы в те годы практически перестали посещать далёкий для них Итуруп.

Обстановка на Южных Курилах была хорошо известна за рубежом. Так, в марте 1848 г. Сенат США издал записку американского коммерсанта Аарона Палмера о положении на Дальнем Востоке. В ней прямо сказывалось, что между Россией и Японией остаётся неурегулированным вопрос о принадлежности Итурупа и Кунашира.

Обострение обстановки на Дальнем Востоке в середине XIX в.
С начала сороковых годов XIX в. в воды русского Дальнего Вос-

тока устремились иностранные, преимущественно американские, китобои. Особенно много их появилось в Охотском море, неподалёку от устья Амура. Возникла угроза вклинения иностранцев в пустующие районы между русскими и китайскими владениями. И не случайно глава Камчатской епархии епископ Иннокентий побудил своего друга В. С. Завойко отправиться тайно вместе с Д. И. Орловым на разведку в Приамурье. Стремясь укрепить позиции России на юге Дальнего Востока, Завойко вскоре основал первое русское поселение в бухте Аян.

В 1843 г. энергичный моряк Е. В. Путятин предложил правительству организовать новую морскую экспедицию к устью Амура и берегам Сахалина. Этот замысел был горячо поддержан стареющим И. Ф. Крузенштерном. Но правительство перепоручило организацию такой экспедиции Российско-Американской компании, которая и отправила в 1846 г. к берегам Сахалина и к устью Амура бриг «Константин» под командованием поручика А. М. Гаврилова. Эти исследования оказались малоудачными, в результате чего на отчёте Гаврилова появилась известная резолюция Николая I: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить...» Но с такой оценкой не согласились Н. Н. Муравьёв и Г. И. Невельской...

Об успехе экспедиции Г. И. Невельского 1849 г. знает весь мир. И только Бондаренко с каким-то странным злопыхательством обрушивается на него и всех, кто восхищался его подвигами. Для автора «Неизвестных Курил» Невельской — «воинствующий шовинист» (с. 291) и только.

Очень важно отметить, что Г. И. Невельской при самой энергичной поддержке Н. Н. Муравьёва действовал исключительно своевременно. Ведь именно в те годы Северо-Американские Соединённые Штаты (САСШ) захватили у Мексики Калифорнию, поделили с Англией Орегон. В 1848 г. в Калифорнии началась знаменитая «золотая лихорадка» и одновременно стало быстро развиваться судоходство. Тогда же в САСШ заговорили о необходимости торговли с русским Дальним Востоком и об оказании правительственной помощи китобоям, промышлявшим в Охотском море.

Уже в 1849 г. Невельской смог лично убедиться, как агрессивно вели себя иностранные китобои на подступах к устью Амура и у берегов Сахалина, и решил немедленно взять под свой контроль этот стратегически важный район. Увы, Бондаренко весь драматизм положения свёл... к агрессивности Невельского! Вот такова его «объективность».

Особенно встревожило Санкт-Петербург намерение Вашингтона заставить Японию открыть свои порты для захода американских кораблей. После нескольких неудачных попыток получить доступ в японские порты правительство САСШ решило действовать силой. Для этого решено было послать в Японию военно-морскую эскадру во главе с воинственным коммодором М. Перри. Одновременно ещё одна американская эскадра во главе с коммодором К. Рингольдом должна была выйти к берегам русского Дальнего Востока. Вот тогда-то и стали снаряжать на Балтике экспедицию Е. В. Путятина.

Русско-японские переговоры 1854—1855 гг. Рассказывая об экспедиции Путятина, Бондаренко сразу допускает характерные для него неточности. Он пишет (с. 38): «В 1852 г. из Петербурга вышла небольшая вооружённая флотилия из четырёх судов под командованием адмирала Евфимия Путятина». Но, во-первых, не из Петербурга, а из Кронштадта. Во-вторых, не флотилия, а всего лишь один фрегат «Паллада». В-третьих, не «адмирала», а «контр-адмирала». Второе судно присоединилось к фрегату только в Англии (паровая шхуна «Восток»), а два других примкнули к флагману только на Дальнем Востоке. Далее Бондаренко в роли агрессора изображает «настырную Россию» и скорбит о «неопытности Японии» (с. 299). Свою позицию он обосновывает довольно искусным подбором цитат. Всюду ему видится лишь российское «имперское чванство»!

Бондаренко критикует Путятина за якобы «излишнюю инициативу», когда тот стал добиваться закрепления за Россией острова Итуруп, поскольку позже правительство разрешило ему дать согласие на проведение границы между Урупом и Итурупом. Но, к сожалению, ни Бондаренко, ни «прояпонское лобби» не захотели понять, почему Путятину была направлена так называемая вторая инструкция, содержавшая это положение, вокруг которого и в нашей стране, и в Японии поднята такая шумиха (составители брошюры «Северные территории Японии» даже сочли нужным опубликовать фотокопию инструкции). А главная причина одна: ещё весной 1853 г. Николай I решил закрепить за Россией весь остров Сахалин, и Путятину предоставили возможность на переговорах пойти на новую серьёзную уступку в вопросе о Южных Курилах, которые ещё в конце XVIII в. официально принадлежали России.

Кратко напомним канву событий. В 1852 г. помощник Г. И. Невельского Н. К. Бошняк лично убедился, как богат Сахалин каменным углём. В связи с быстрым развитием судоходства на Тихом океане

усилилась опасность занятия Сахалина иностранцами. В этих условиях и возникла необходимость выставить на острове русские военные посты. В апреле 1853 г. было принято соответствующее решение правительства, посланы срочные указания Г. И. Невельскому, и уже осенью на западном побережье Сахалина появился Ильинский, а в южном заливе Анива — Муравьёвский посты. В. А. Римский-Корсаков доставил Е. В. Путятину письма, где тому рекомендовалось добиваться полного отказа Японии от претензий на Сахалин. Муравьёв предупреждал Путятину, что если правительство Японии не захочет пойти на уступки в этом важном вопросе, то он должен отложить решение его до лучших времён. Но иностранцам Путятин обязан был объявлять, что Сахалин полностью принадлежит России. Так, 18 августа 1854 г. Муравьёв писал Е. В. Путятину: «Если бы Вашему превосходительству случилось встретиться с американской эскадрой Перри или Рингольда, то им должно положительно сказать, что Сахалин наш и даже дать им письменное о том сведение, отнюдь не исключая Анивы».

К. О. Саркисов, И. Т. Тышецкий и их единомышленники утверждают, что Путятин ни на какие уступки японцам не шёл. Но если он так легко согласился на уступку Итурупа и Кунашира, и в то же время, вопреки предупреждению, пошёл на установление русско-японского кондоминиума (осуществления власти на одной и той же территории двумя или более государствами. — *Ред.*) на Сахалине, то разве тем самым не допустил роковую ошибку, крайне осложнившую русско-японские отношения в 1856—1875 гг.? Ведь только ради исправления её России в 1875 г. пришлось пожертвовать всеми Северными Курилами! Так в результате подписания договоров в 1855 и 1875 гг. Россия потеряла все Курилы. И это называется «паритет без уступок»! Каждый объективный историк хорошо понимает, что Путятин попал в очень трудное положение, когда в результате сильнейшего землетрясения в Симодэ, а затем тайфуна русские моряки лишились фрегата «Диана» и оказались без крова на японском берегу (да ещё в разгар Крымской войны!). В этих условиях японские дипломаты довольно легко смогли добиться успеха на переговорах в Симодэ. И отнюдь не случайно день подписания Симодского договора (7 февраля 1855 г.) и стал, начиная с 1981 г., отмечаться в Японии как «день северных территорий».

6 (18) ноября 1854 г. Путятин писал японскому правительству: «...Неопределённость границ подала повод к сомнению касательно острова Итурупа... русские промышленники в давние времена имели

поселение на сем острове; из этого возникает вопрос, кому владеть им, русским или японцам?» Путятин считал, что если русские согласны передать Японии «крайне южный остров Курил» (то есть Кунашир), то они вправе надеяться на получение согласия на закрепление за Россией острова Итуруп. Это-то и назвал Бондаренко «излишней инициативой Путятина»! Столь же далёк от истины и В. Н. Еремин, утверждавший, что во время переговоров будто бы никто и не вспоминал об острове Кунашир. Непонятно, зачем этим авторам понадобилось внушать читателям, что никто и никогда Путятин за его ошибки не упрекал, а правительство осыпало его всякими милостями и даже даровало ему титул графа. Да, действительно он стал графом за установление дипломатических отношений с Японией. Но за ошибку в решении сахалинского вопроса Е. В. Путятин подвергал критике не только Н. Н. Муравьев, но и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. В 1859 г. Муравьев попытался её исправить, однако потерпел полную неудачу. Поэтому утверждение Бондаренко, что Россия в 1855 г. «не пожертвовала ничем» (с. 42), явно не соответствует истине.

Более чем неточно излагает автор «Неизвестных Курил» историю подписания Санкт-Петербургского договора 1875 г. Он даже не счёл возможным упомянуть имя главного виновника роковых уступок в курильско-сахалинском вопросе — недоброй памяти П. Н. Стремоухова. И хотя этот договор осуждали и С. О. Макаров, и А. П. Чехов, автор вопреки истине уверяет читателей (с. 52): «Ни на одну минуту политики ни одной стороны не сомневались, что ими заключена удачная сделка».

Несколько полнее и точнее Бондаренко освещает события XX в., но и тут не может освободиться от предвзятости. Особенно тенденциозно он излагает события 1945 г.: «Захват Курил был агрессией в самом чистом виде — в форме насилия победившей колониальной державы над проигравшей» (с. 101). Для Бондаренко не имеет никакого значения то, что наши военные части на Курилах действовали по строгой договорённости с союзниками.

Перечень «огрехов» Бондаренко можно было бы продолжить, но он и так уж слишком велик...

Неприятен и сам стиль книги «Неизвестные Курилы». С одной стороны, удивляет почти лагерный лексикон её, вроде «власти наводят шмон» (с. 383), с другой — нарочитый примитивизм суждений в стиле пресловутой «школы М. Н. Покровского». Пример: «Император Павел I предоставил исключительное право грабежа Аляски» (с. 383). И это об основании знаменитой Российско-Американской

компаний! А сколько раз Бондаренко ошеломляет читателей различными фантазиями. На с. 29 он уверяет их, что известная статья А. Полонского «Курилы» будто бы запрятана в спецархив. Между тем я сам неоднократно последние тридцать лет брал её на дом то из библиотеки Института этнографии, то из библиотеки Академии наук, то из библиотеки Географического общества.

Особенно меня коробит желание Бондаренко лишний раз облить грязью русских. Он часто изображает их жестокими эксплуататорами аборигенов, например, курильских айнов, которые, по его утверждению (с. 384), «давно заглавлены, забиты, потеряли национальную самобытность и русифицировались. Курят, пьют водку, носят русскую одежду и даже по-русски ругаются».

Самоуверенность этого автора порою не знает границ. «Возможно, моя книга, — писал Бондаренко в японском журнале, — покажется кому-то романом, кому-то энциклопедическим справочником, а кому-то — научным исследованием». Увы, это не роман, не энциклопедический справочник и тем более не научное исследование. Это — просто непомерно разбухший пасквиль. Всем своим содержанием «Неизвестные Курилы» показывают, какие уродливые формы могут принять исторические изыскания лиц, полностью лишённых патриотических устоев. Нельзя без чувства стыда читать и краткое предисловие к этой книге, написанное кандидатом исторических наук Владимиром Кравцовым. Мне также стыдно за тех деятелей Министерства иностранных дел России, которые помогли журналисту О. Я. Бондаренко получить от «правительственной школы Джона Кеннеди» при Гарвардском университете и редакции японской газеты «Хоккайдо симбун» необходимые средства для публикации столь постыдной книги.

Несколько замечаний о книге В. Н. Еремина. Уже упоминавшаяся книга В. Н. Еремина «Территориальная проблема: поиск решения», которая вышла в свет в Москве почти одновременно с книгой О. Я. Бондаренко, безусловно, по стилю и содержанию ничего общего не имеет с разухабистым фолиантом сахалинского журналиста. Еремин далёк от так называемого «копания в истории», быть может, потому, что многие факты ему просто неизвестны. И, тем не менее, в книге этого автора немало искажений истории Курил. Тон её весьма серьёзен, написана она умело и производит на читателя сильное впечатление. И именно поэтому необходимо разъяснить, что же в «Территориальной проблеме» не соответствует истине.

Начнём с версии Еремина, что в исторических правах русских и японцев на Курилы будто бы существует некий «паритет». При этом автор некритически воспринимает утверждение японской стороны, что-де «до начала XVIII в. японцы открыли Сахалин и Курилы, и Япония фактически управляла ими; с началом XVIII в. русские появились на северных Курилах, японцы стали постепенно отходить на юг, но остановились на Итурупе, поставили там свой пост и сохранили свой контроль над территорией от Итурупа и южнее (а также над Сахалином)...» Нетрудно заметить, что здесь Еремин, по существу, повторяет аргументы пропагандистской брошюры японского посольства, выпущенной в Москве в 1992 г. Там тоже утверждается, будто «Япония раньше всех управляла этими островами».

Еремин, как и японские пропагандисты, предаёт забвению главное, что было установлено на месте голландскими мореплавателями ещё в 1643 г.: ни на Курилах, ни на Сахалине в ту пору никаких японцев вообще не было, и последние тогда только ещё приступали к освоению северной части Хоккайдо. Поэтому версия о том, что русские вытеснили японцев с Курил, является чистой фантазией. Когда её впервые в 1854 г. выдвинул японский дипломат Каваи, его коллега Кога в своём личном дневнике выразил удивление, как же можно так бессовестно лгать! Но Кога, естественно, не мог предполагать, что настанут времена, когда подобную ложь примут на веру некоторые японоведы России.

Вопреки общеизвестным фактам, Еремин пытается доказать, что в 1855 г., при подписании русско-японского договора, «никакой “вынужденности” для России зафиксированного в договоре территориального размежевания не было» (с. 17). Да, министр иностранных дел России К. В. Нессельроде, явно недооценивавший значение русских владений на Тихом океане, с поразительной безответственностью дал согласие на уступку Японии не только Кунашира, но и Итурупа. Но эта уступка делалась в расчёте на полный отказ Японии от Сахалина и на установление границы по проливу Лаперуза! Путятин не смог противодействовать японской стороне и совершил самую крупную ошибку 1855 г.: согласился на установление на Сахалине русско-японского condominiumа.

Именно из-за этой вынужденной ошибки отношения между Россией и Японией ещё более осложнились, что в конце концов и повлекло в обмен за отказ Японии от своих притязаний на Сахалин отказ российского МИД от всех Северных Курил, в том числе и от тех островов, которые являлись владениями России свыше ста шестидесяти лет!

Споры по истории Курил XVII—XVIII вв., как известно, в наши дни особого практического значения не имеют, поскольку острова были возвращены нашей стране по Ялтинскому соглашению 11 февраля 1945 г. Но в трудах некоторых авторов, к сожалению, явно сознательно замалчивается история вероломного пересмотра основных положений ялтинских договорённостей, о чём уже шла речь в начале статьи. Еремин даже утверждает, что США, Япония и СССР, «все три стороны», — будто бы «прямо или косвенно признавали непринадлежность к Курилам Хабомаи и Шикотана и не исключали, что к Курилам также не принадлежат Кунашир и Итуруп» (с. 37). Так теоретически обосновывается капитулянтство перед Японией, чем не замедлят воспользоваться японские экстремисты.

Внимательный читатель книги В. Н. Еремина легко может выявить и другие его высказывания в явно прояпонском стиле, что даёт основание отнести автора к числу единомышленников Г. Ф. Кунадзе, К. О. Саркисова и других деятелей подобного рода. И это не может не тревожить, поскольку в настоящее время они оказывают немалое влияние на ход русско-японских переговоров.

Не следует забывать об искусстве опытных японских дипломатов. Вся история XIX в. свидетельствует о безусловном превосходстве японской дипломатии над российской. Главный недостаток наших государственных деятелей всегда состоял в том, что им не хватало выдержки в поединках с упорными и целеустремлёнными японскими партнёрами.

Какой бы сложной ни была экономическая и политическая ситуация в нашей стране, никто не имеет права жертвовать достоинством России и превращать нормальные дипломатические переговоры в унижительную игру в надежде на получение в будущем каких-либо благ. Для успешного продолжения российско-японских переговоров очень важно привлечь опытных, компетентных дипломатов, которые бы не предавались каким-либо иллюзиям и умели достойно защищать геополитические интересы России. Если сегодня мы влезем в неоплатные долги, то не уготована ли нам будет завтра горькая судьба тех латиноамериканских стран, которые давно уже утратили истинную независимость? Хочется надеяться, что подобное с нашей страной не произойдёт. «Искусство правления — это, прежде всего, умение предвидеть», — любила говаривать Екатерина II, а она (вопреки многолетним попыткам некоторых наших историков опорочить её) была весьма расчётливой женщиной, что, впрочем, и её не спасло от некоторых существенных ошибок, в том числе и в курильском вопросе.

Интерес к истории Курил по-прежнему велик, и меня, как автора книги «Первооткрыватели Курильских островов», часто приглашают в различные организации. И почти каждый раз мне задают щекотливый вопрос: почему судьбу гряды доверено решать грузину Георгию Фридриховичу Кунадзе, армянину Константину Оганесовичу Саркисову и другим инациональным деятелям, а не природным русакам-дальневосточникам? Я отвечаю, что нельзя к данному вопросу подходить с националистических позиций: мы были и остаёмся интернационалистами. Но в то же время у меня самого невольно возникают сомнения. Каким кристально чистым интернационалистом ещё два года тому назад казался Э. А. Шеварднадзе! Но вот он стал главой независимой Грузии, и проявилось его истинное отношение к России. Г. Ф. Кунадзе, как и Э. А. Шеварднадзе, тоже стоял у истоков «нового мышления» в вопросе о Курилах. И, естественно, невольно напрашивается вопрос: а можно ли ему доверять в столь ответственном деле? Вряд ли он будет успешно противостоять опытным японским дипломатам.

Я не сомневаюсь, что поездка Б. Н. Ельцина в Японию вполне может принести немалую пользу нашей стране. Но далеко не уверен: не будут ли в 1993-м повторены ошибки 1992 г.? Тогда я по «Радио России» и на московской конференции по истории Курил 29 августа 1992 г. выступал против такой поездки и присоединился к так называемому «письму девятнадцати учёных», которое было передано Б. Н. Ельцину в начале сентября.

Причина моего отрицательного отношения к поездке Ельцина в Японию была одна: там к его приезду готовили антироссийский шабаш, и президент нашей страны оказался бы явно в унижительной ситуации. Ещё в июле вице-президент либерально-демократической партии (ЛДП) Канемару Ш. называл руководителей нашей страны «лжецами» и открыто выступал против оказания России экономической помощи: мол, деньги, выделенные для этой цели, окажутся «выброшенными в канаву». Министр внутренних дел Сиокава М. назвал нашу страну «вороватой кошкой, стянувшей исподтишка рыбу», то есть Курильские острова. В таком же стиле выступал и секретарь ЛДП Ватануки Т. К сожалению, тогдашний министр иностранных дел Японии Ватанабэ М. не мог понять, что с Россией нельзя разговаривать языком диктата. И не скрою: я искренне был рад, когда 9 сентября Ельцин перенёс визит в Японию на другое время.

Только после этого японские деятели, наконец, поняли, что политика жёсткого нажима и шантажа была ошибочной: ведь она ещё

более осложнила внутреннюю обстановку в России. Премьер-министр Миядзава в апреле 1993 г. открыто признал, что пока Россия остаётся «больной», никак нельзя от неё требовать каких-либо уступок в курильском вопросе. «Мы должны сперва пойти на впрыскивание камфары — финансовых инъекций, и лишь после того, как больной поднимется на ноги и станет здоровым, возобновить переговоры по территориальному вопросу», — такова была основная мысль Миядзавы, высказанная им во время беседы с одним из воинственных лидеров японских коммунистов. Это уже трезвый голос опытного политика, способного учитывать горький опыт недавнего прошлого. И всё-таки мы не должны переоценивать значение заявления Миядзавы. Буквально через несколько дней после него, на съезде ЛДП в Атами вновь зазвучали знакомые мелодии. Генеральный секретарь ЛДП Кадзияма С. откровенно признался, что, кроме ненависти, никаких других чувств к нашей стране не испытывает, а глава исполнительного совета партии Сато К. прямо заявил, что России не следует оказывать никакой помощи, пока она не вернёт Японии «северные территории».

Высшие руководители США, Великобритании, Германии, Франции и других стран перед референдумом 25 апреля 1993 г. были серьёзно обеспокоены резким усилением в России активности оппозиции. Увы, политики Запада не учли, что поддержкой японских националистов они помогли дестабилизировать политическую обстановку в нашей стране. И до сих пор кое-кто на Западе не понимает, что чем напористее будут действовать японские дипломаты, тем откровеннее на этом будут спекулировать псевдопатриоты, стремящиеся вернуть нас в трясины тоталитаризма. Поэтому политическим руководителям США, Германии, Великобритании, Франции и иных стран следует в их же собственных интересах отложить решение курильской проблемы до полной стабилизации в России.

30 мая — 1 июня 1993 г. радиостанция «Свобода» передала магнитофонную запись интервью министра иностранных дел России Андрея Козырева. Сказав о «чрезвычайной сложности» переговоров с Японией по территориальному вопросу, он признался, что ему часто приходится идти «на ощупь», методом проб, при котором существует опасность «сжечь руку». По моему убеждению, главная беда Андрея Козырева состоит в том, что он по-прежнему пользуется услугами «прояпонского лобби», плохо знающего историю Курильских островов и курильской проблемы и не имеющего необходимого опыта ведения переговоров с японскими дипломатами. Именно поэтому существует реальная опасность

появления в «цепи ошибок» новых звеньев, которые обойдутся нашей стране достаточно дорого.

Итоги. Нам остаётся подвести итоги. «Новомышленцы» неоднократно клялись восстановить подлинную историю Курильских островов. Однако, как мы убедились, на самом деле они встали на путь её грубой фальсификации.

Именно они подхватили ложную версию японской пропаганды о том, что Япония ещё в XVII в. будто бы «управляла Курильскими островами», хотя достоверно известно, что тогда японцы вообще не бывали на том архипелаге, и, по законам Токугавы, им строжайше было запрещено покидать пределы империи.

Никакого «паритета» в исторических правах русских и японцев на Курильские острова в XVIII в. не было, как это утверждает В. Н. Еремин. Приоритет в открытии Курил, несомненно, принадлежит русским морякам.

Не выдерживает критики утверждение, что остров Шикотан будто бы не имеет отношения к Курильской гряде, тогда как он ещё в XVIII в. официально назывался «двадцать первым Курильским островом». Более того, одно время, по предложению английского мореплавателя Броутона, Шикотан именовался «островом Шпанберга», поскольку именно Шпанберг в 1739 г. провёл его первое исследование. Во время заключения Симодского договора 1855 г. на Шикотане не было ни одного японского поселения, первое из них появилось лишь в 1884 г., когда сюда, в нарушение условий Санкт-Петербургского договора 1875 г., насильственно были депортированы все айны Северных Курил. Здесь они были обречены на вымирание (по существу, это акт настоящего геноцида!).

Явно несостоятельны и ущербны попытки очернить деятельность русских промышленников на Южных Курилах, во имя чего отдельные стычки с айнами выдаются за многолетнюю «айнско-русскую войну», а само присоединение Южных Курил к России объявляется «формальным», равно как и замалчивание решения правительства России об установлении на Южных Курилах металлических досок с надписью «Земля Российской владения». Одновременно скрываются и официальные сообщения о присоединении к России Курил до двадцать первого острова, то есть Шикотана.

Вряд ли можно согласиться с резкими нападками на Резанова, Давыдова и Хвостова, когда их борьба за восстановление российского суверенитета на Южных Курилах сознательно представляется как агрессия против... «владений Японии». Да, правительство

России осудило насильственные действия, но тогда оно ещё не отказывалось от своих прав на эти острова, даже после вероломного пленения японцами В. М. Головнина.

Весьма произвольно «новомышленцы» истолковывают ход переговоров Е. В. Путятина в Японии. Замалчиваются или неверно объясняются первая попытка Путятина провести границу между Кунаширом и Итурупом; неоднократные предупреждения ему не заключать каких-либо соглашений относительно Сахалина, кроме проведения границы по проливу Лаперуза (только в этом случае он имел право уступить Японии Итуруп).

Вряд ли можно отрицать и то, что обстоятельства Крымской (Восточной) войны, наличие постоянной угрозы пленения русских моряков и дипломатов союзниками, трагическая гибель фрегата «Диана», дипломатическое давление японцев повлияли на исход переговоров, и Путятин оказался вынужденным подписать в Симодэ договор, явно невыгодный для России.

Наиболее роковой ошибкой Е. В. Путятина было то, что он, вопреки настойчивым советам генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, под давлением японской стороны согласился признать Сахалин совместным владением. Это и привело к резкому обострению русско-японских отношений в течение последующих двух десятилетий и, в конце концов, позволило японскому дипломату Эномото Такэаки в 1875 г. заполучить Северные Курилы. К сожалению, этот горький урок ничему не научил наших современников, которые искренне верят, что очередной кондоминиум вполне мог бы улучшить отношения между Россией и Японией. Характерно, что «прояпонское лобби» предпочитает вообще не упоминать о «цепи ошибок» русской дипломатии, вследствие которых Россия в 1855 и 1875 гг. потеряла всю Курильскую гряду.

И ничего иного, кроме возмущения, не могут вызвать усилия «лоббистов» предать забвению преступления японских милитаристов — от русско-японской войны 1904—1905 гг. до 1945 г., которые нанесли нашему народу немалый ущерб. Их согласие на пересмотр итогов Второй мировой войны — путь, весьма опасный для интересов России.

Очень прискорбно, что некоторые представители отечественной интеллигенции оказались в плену этих ложных представлений, совершенно не понимая, какие опасные последствия может иметь политика односторонних уступок Японии.

Ещё раз напомним: Курильские острова и южная часть Сахалина переданы нашей стране по договорённости с союзниками — США и Великобританией. И это был справедливый и закономерный итог Второй мировой войны. Оспорить его не удастся никому!

Дальний Восток. 1993. № 3. — С. 172—196

Ангарский эпизод 1701 г. в жизни «Камчатского Ермака»
(в свете новых архивных находок)

Колоритная фигура Владимира Атласова, сыгравшего главную роль в присоединении богатейшей Камчатки к России, уже на раз привлекала внимание русских писателей. О нём писал Александр Пушкин, который назвал его «Камчатским Ермаком»; Николай Некрасов и Авдотья Панаева, создатели романа «Три страны света»; Пётр Комаров, автор неоконченной поэмы об Атласове, и, наконец, наши современники, пользующиеся у дальневосточных читателей достаточно широкой известностью — покойный Арсений Семёнов, автор двух романов — «Землепроходцы» и «Край земли» и Евгений Гропянов с его известной повестью «Атаман».

Естественно, писателей в первую очередь интересовали наиболее яркие драматические эпизоды в жизни Владимира Атласова. Одним из таких, весьма странных и на первый взгляд непонятных эпизодов в его богатой приключениями жизни и было трудно объяснимое роковое нападение на Ангаре в 1701 г. на дощаник московского купца Логина Добрынина.

Каждый из литераторов стремился по-своему осмыслить этот эпизод в жизни «Камчатского Ермака». Но только недавно, благодаря новым, весьма важным архивным находкам, наконец, появилась возможность воссоздать историю ангарского эпизода во всех подробностях и впервые установить истинные его причины и во всём объёме представить, какой огромный вред он причинил самому Владимиру Атласову.

В годы, когда жизнью Атласова интересовались А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева, об ангарском эпизоде 1701 г. было известно очень немного. Самым полным было скупое сообщение Степана Крашенинникова: «Но Атласов на Камчатку не отправлен по 1706 год за бывшим за ним следствием; ибо он, едучи из Тобольска судами в 1701 году, разбил на реке Тунгуске (Ангаре. — *Б. П.*) дощаник с китайскими товарами гостя Логина Добрынина, в чём на него прикащик гостя в Якутске бил челом, и по тому челобитью он, Атласов, с главными заводчики в десять

человека посажен в тюрьму, а на его место в 1702 г. отправлен на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьев, который бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, ещё прежде Атласова, может быть с Морозкою».

В последнем случае Крашенинников был не вполне прав. Михаил Зиновьев Многогрешный ходил на Камчатку ещё в 90 гг. XVII в. самостоятельно и в походе Луки Семёнова Мороско Старицина не участвовал.

Лишь в конце XIX в. выдающийся архивист Н. Н. Оглоблин фондах архива Министерства юстиции, теперь вошедших в фонды Российского государственного архива древних актов (бывший ЦГАДА) обнаружил первые подлинные документы следствия над Атласовым [Сибирский приказ. Кн 1308. Л. 430—465; Кн. 1372. Л. 710—723]. А недавно аналогичные документы были обнаружены в фонде Якутской приказной избы [Оп. 3. Д. 2827]. Они позволяют значительно расширить наши представления о том, что же происходило в жизни Атласова после ангарского эпизода 1701 г.

До сих пор это было предметом художественного домысла писателей, но только теперь появилась возможность установить, кто же из них был ближе к истине. Прежде всего, несколько неожиданно выяснилось, что в произошедшем во многом были виноваты сами российские власти, как центральные, так и местные — енисейские. В самом деле, глава Сибирского приказа А. А. Виниус, руководствуясь добрыми намерениями, неосторожно предоставил возможность В. В. Атласову в награду за его камчатские успехи бесплатно получить в Сибири различных товаров на сто рублей — сумму по тем временам весьма большую, во много раз превышающую годовое жалование казачьего атамана.

До прибытия на Ангару Атласов этой возможностью не смог воспользоваться, но он хорошо знал, что на Лене все товары ему обойдутся гораздо дороже. Поэтому ему и захотелось приобрести необходимое для похода здесь, на Ангаре.

В Енисейске отряд Атласова был задержан на два месяца: не оказалось ни необходимого продовольствия, ни дощаников для дальнейшего плавания. В конце концов в Енисейске Атласову были выданы суда — «самые худые и утлые», а также пушки — тоже «самые плохие». В результате на его дощаниках отсырел порох, пострадало продовольствие, погнила одежда и прочие вещи. Как отмечал сам Атласов, «пить и есть стало нечего».

К этому времени состав его отряда весьма существенно изменился. Андрей Виниус отдал распоряжение, чтобы в ряде городов —

в Верхотурье, Тюмени, Тобольске, Томске и Енисейске для похода Атласова поверстать лучших казаков. Сам атаман должен был следить за тем, чтобы ему были бы даны молодые, «чтоб были бы не пьяницы, не воры и не зернщики», то есть не любители азартных игр. Так в Сибири подбирались лучшие казаки, отнюдь не добровольно, а по приказу. И многие мобилизованные стали обращаться к Атласову с просьбой освободить их от службы, разрешив представить за себя какую-либо замену, как это давно было принято в практике сибирской службы. Как справедливо отмечал С. П. Крашениников, Атласов был человеком «лакомым», то есть способным брать взятки. И он согласился на такие замены, только за известную, притом немалую, мзду. В результате вместо опытных казаков в его отряд стали попадать вновь повёрстанные «гуляющие люди», порой с уголовным прошлым, готовые идти на любой грабёж. И это пагубно сказалось в последующем.

Ещё в середине XVII в. в Сибири существовал обычай — в чрезвычайных обстоятельствах силой отбирать у купцов всё необходимое для успешного выполнения «государевой воли». Так не раз поступали и Михаил Стадухин, и Ерофей Хабаров. Так же решил действовать и Владимир Атласов после того, как от казака Андрея Касимова случайно узнал, что ему навстречу плывут с богатыми товарами дощаники умершего московского купца Логина Добрынина. У него будто бы не было наследников и потому при возможном суде «де стоять истцом будет некому», и сам Атласов как представитель власти будет вправе захватить купеческое добро.

Вблизи Стрельчатого порога, недалеко от Рыбенского, Атласов и дал роковую команду задержать дощаники. Своим спутникам он открыто говорил: «Если тех товаров не возьмёте, и вам де государеву службу служить будет не на чем».

Атласову явно вскружил голову прекрасный приём, оказанный ему в Москве в Сибирском приказе и особенно назначение казачьим головой. Он вообразил, что теперь стал важным «начальным человеком», поэтому ему с рук сойдёт любой проступок. Он хорошо знал, как в прошлом злоупотребляли властью многие ленские начальники, допуская порой и дикий произвол.

Поэтому Атласов искренне считал, что в возникших чрезвычайных обстоятельствах он имел полное право самовольно проводить конфискацию личного имущества купцов во имя высших государственных интересов. Если в прошлом Стадухин и Хабаров неоднократно безнаказанно отбирали имущество торговых людей, то разве он, Атласов, не имел права поступать так же ради успеха своего

похода в «новую землю» — на Камчатку? В этом у него не было никаких сомнений. И он действительно приказал своим «полчанам» захватить все китайские товары, которые оказались на Ангаре на дощанике Логина Добрынина.

Мигом всё было «продувано», а охрана купеческого добра мгновенно разбежалась. Приказчик добрынинского судна Михаил Белозеров впоследствии признавался, что он и его помощники с «судна ушли в лес для того, что его де Михаила хотели... посадить в воду...»

Атласов распорядился всю добычу поделить поровну: одну «половину» он отдал казакам, вторую — забрал будто бы на «государевы нужды», себе лично. В одном из документов сказано: «Ему досталось восемь подставов камок пятиланых и семиланых разных цветов, да семи тюней китаек». (Подстав, или постав — целый кусок ткани, снятый со станка. Камка — китайская шёлковая ткань по цене пять и семь ланов, китайская серебряная монета. Тюни — рулон ткани в 75–85 аршин.)

К произошедшему в отряде отнеслись по разному: одни были рады нежданному обогащению, другие — встревожены, ясно сознавая, что им в будущем придётся своими головами нести ответственность за произошедшее. И потому стали открыто осуждать учинённый погром, потребовали от Атласова произвести подробную опись захваченного. Но он это требование выполнил далеко не сразу.

Придя в Илимский острог, Атласов использовал часть захваченного для закупки продовольствия, и это спасло участников похода от голода, так как илимский воевода оказался не в состоянии обеспечить их ни продовольствием, ни новыми судами. Во время трёхнедельного пребывания в Илимске атласовцы жили сытно: «Хлеба купили на полполтины пуд, а рыбы по двадцати алтын пуд». И лишь прибыв на Лену, на Киренгу, Атласов составил первую «записную книгу», в которой перечислял основное, что было взято на добрынинских дощаниках. Эту книгу нашли только в 50-х гг. XX в., и начиналась она со слов: «Год 1701, декабря 2-го числа книга записная казачие головы Володимера Володимеровича Отласова, что кому отдано разных товаров и то писано в сей книге по статьям в Ылимском и на Киренге...» Уже этот текст лучше всего подтверждает правильность нашего старого вывода, что Атласова звали не Владимиром Васильевичем, или Владимиром Тимофеевичем (как утверждали Н. Н. Оглоблин и М. И. Белов), а Владимиром Владимировичем, поскольку он был сыном якутского

казака Владимира Отласа (или Атласа), получившего своё прозвище по материи его рубахи, которую он носил ещё в... 40-х гг. XVII в.!

Между тем, некоторые из спутников Атласова, опасаясь наказания, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали произошедшее на Ангаре, и заявляли, что де они и сами уже осудили разбой Атласова. Среди написавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисейские казаки, а именно: Афанасий Поповцев, Сергей Ружник, Ларион Бельский, Константин Соловьёв, Дмитрий Журавлёв, Василий Шишкин, Савва Ярофеев и другие.

Атласов был в гневе на «предателей» и грозил расправой...

Когда же он осознал, что ему действительно придётся понести ответственность за налёт, его охватила тревога, и с середины декабря 1701 г. он стал со своими «полчанами» часто предаваться пьянству, тем более что к этому времени отношение на Лене к пьянству серьёзно изменилось.

Вспомним, что ещё в середине XVII в. спиртное можно было получить лишь по особому челобитью за большие деньги, да и то лишь небольшими чарками. А в конце века такие ограничения были отменены: Пётр Великий остро нуждался в деньгах, а потому и ввёл свободную продажу «вина горячего», были бы у желающих деньги. Именно поэтому на богатой Лене расцвело повальное губительное пьянство.

10 декабря 1701 г. атласовцы, поселившиеся на постоянных дворах Киренска, стали регулярно предаваться хмельным утехам. При этом лихие «полчаны» Атласова часто не платили денег за обеды, стирку белья, не раз обворовывали хозяев, крушили мебель — лавки, столы и стулья своими тесаками. В конце концов, владельцы постоянных дворов вынуждены были послать якутскому воеводе Д. А. Траурнихту изветы-жалобы на обидчиков. Это не могло не осложнить ещё больше обстановку в Киренске.

15 декабря 1701 г. атласовские «полчаны» напали на целовальников местной таможенной и судной избы. Сам Атласов, будучи во хмелю, вступил в перебранку с целовальниками, и дело дошло до рукоприкладства. Целовальники укрылись в Киренском монастыре и оттуда послали в Якутск новые жалобы на бесчинства атласовцев. Целовальник Никифор Мошинцев утверждал, что будто бы «порубили» ему «левую грудь», а его голова была «бердышом разбита». На побои пожаловался и целовальник Ларион Хвостов.

Наиболее жаркая схватка произошла 25 декабря 1701 г. на Рождество. Поначалу оно отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда «полчаны» охмелели, они вновь попытались ворвать-

ся на склад с «вином горячим». Произошла стычка, атласовцы стали «ломать сени». Из дверей выскочил Андрей Амосов, Дмитрий Кормилицын и Денис Фёдоров, они схватили одного из полчан и попытались его заковать «в железо». Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и те бросились освобождать товарища. Завязалась новая потасовка. Амосов бежал в Киренский монастырь. Там же укрылся и другой служащий склада Никифор Мошинцев. 30 декабря они написали новую жалобу на Атласова. Мошинцев утверждал, что атласовцы разбили его амбар и пограбили одежду, а сам Атласов будто бы «похвалялся убить до смерти и многие дома разорить».

Один из потомков родственников Ерофея Хабарова — Василий Петриловский — послал в Якутск ещё одну жалобу, в которой писал, что казачий голова «бранился матерно» и зло ему кричал, что «де жена твоя будет подо мною лежать». Петриловский также утверждал, что получил «рану ножевую» и что у него сломаны амбары: «пиво и брага и квас из бочек вынуты».

Тогда же, 30 декабря 1701 г., из Киренска отправил жалобу на Атласова сын боярский Козьма Мочехнин и его «сотоварищи» — казаки Афанасий Петров, Стефан Бобров, Евгений Аргунов, Лука Литвинец, Елфей Бреха и другие.

Атласов, ясно осознав, что поведение в Киренске ещё более осложнило его положение, решил срочно помириться с теми местными служилыми людьми, с которыми успел поссориться. И он постарался улажить пострадавших крупными подарками, а заодно... связать их с добрынинским делом. Об этом свидетельствует никогда ещё не публиковавшийся документ: «Роспись Володимера Отласова, что куда издержано грабленых животы, которые взяты на Тунгуске реке Логина Добрынина приказчика ево Степана Белозерова с товарищи: киренскому священнику Михаилу Данилину четыре тюни китайки, сыну боярскому Амосову за икону десять подставов и пять тюней камок, атаману Петриловскому пять подставов, сыну боярскому Козьме Мочехнину четыре подстава, две тюни камки, семь тюней китайки, торговому человеку Тарасу Кондратьеву — десять подставов».

И это отнюдь не единственный документ такого рода. Таким способом Атласов смог некоторых своих противников превратить в сторонников и тем самым оттянуть на некоторое время свой арест. Между тем над его головой продолжали сгущаться тучи.

Рассказы о событиях на Ангаре быстро распространились по всей Сибири. Сперва о них узнали в Енисейске, затем приказчик

Добрынина — Семён Белозеров лично появился в Якутске, где подал жалобу на Атласова якутскому воеводе Д. А. Траурнихту. В Москве такую же жалобу передал в Сибирский приказ племянник Добрынина. В Москве и Якутске было принято решение начать тщательное расследование ангарского происшествия.

23 января 1702 г. Андрей Виниус отправил из Москвы в Якутск распоряжение произвести тщательное расследование дела Атласова «без всякой посяжки и поноровки», то есть без каких-либо поблажек — «чтоб иным таким же впредь не повадно было так делать».

В Якутске воевода Траурнихт тоже решил действовать более решительно. Сначала он не знал, как поступить с Атласовым: знал, что в Москве, в Сибирском приказе того встретили по-царски, присвоили звание казачьего головы и наделили многими полномочиями, привилегиями и с почётом послали вновь на Камчатку во главе весьма многолюдного отряда. Траурнихт понимал, что с таким важным лицом никак нельзя было обращаться как с простым разбойником. Но после того как в Якутске стали известны многие подробности произошедшего на Ангаре, и хлынул поток жалоб из Киренска, воевода решил, что Атласов с его «полчанами» должны быть наказаны за многочисленные проступки.

Первые аресты атласовцев случились в Якутске в начале марта 1702 г. По приказу воеводы были посажены в тюрьму прибывшие в Якутск от Атласова Павел Иванов из Усолья и томич Иван Мирсанов. Сразу же они были «пытаны накрепко». От них требовали, чтобы они сообщили, «было ли золото и серебро, китайское каменьё и жемчуг на дощанике Добрынина». Они отвечали, что это им неизвестно. Но власти решили, что Иванов и Мирсанов скрывают от них правду. Поэтому 11 марта Павлу Иванову дали одиннадцать ударов батогами. Однако это не помогло. Удовлетворительного ответа Траурнихт так и не получил.

Тогда же он решил срочно навести порядок и в Киренске. Поэтому, отобрав трёх «добрых и надёжных» служилых, он приказал им срочно ехать вверх по Лене «днём и ночью, не мешкая нигде ни часу» и, приехав к чечуйскому приказному Козьме Мочехнину, взять с собою «людей добрых, не воров и не бражников» и, прибыв в Киренск, с сыном боярским Иваном Панютиным, идти «на постоялые двory к Володимеру Отласову и дворянам разбойных, которые разбивали и грабили, и тунгусского (?) гостя Логина Добрынина приказчика Семёна Белозерцева с товарищи и осмотреть у них камок и китаек и всяких грабленных животов, золота, денег и серебра, и каменьё и всяких китайских товаров...»

Траурнихт приказал: «...Володимера Отласова и воров, у которых грабленные животы обыщутся, держать в великой крепе и за крепкими караулами, чтоб привести их з грабленным животом в Якуцкой... а которые от тех воров отстали и грабленные животы объявят добровольно, и тех людей и грабленные животы потому ж написать на роспись и из той переписать всё для подлинного свидетельства быть без отходно гостя Логина Добрынина прикащика ево Семёну Корнилову с товарищи и к переписи росписи велеть их руку приложить без всякой отговорности, а которые скажут, что грабленные животы продавали, потому ж грабленное взяв, прислать в Якуцк, а которые купцы учнут запирацца, и их прислать к подлинному розыску в Якуцкий за караулы, а тех людей Афоньку Поповцева с товарищи, которые извещат на Володимера Отласова и на пущих воров свою братью, дать на поруки, а будет на них сторонних порук не будет и их дать на круговые поруки».

3 апреля посланные Траурнихтом люди пришли к Атласову в надежде его арестовать. И тут произошло неожиданное...

Козьма Мочехнин, встретив Атласова, «вычитал ему» полученный наказ Траурнихта и распоряжение, пришедшее из Москвы от А. А. Винуса. В документе читаем: «...он, Володимер Отласов, выслушав указ великого государя, пошёл к анбару на гостиный двор и анбар не отпер, прошёл на постоялый двор и запер с казаками своими новоприборными и на постоялый двор к себе не пустил...»

Это было прямое неповиновение властям. Тем самым Атласов показал, что взял на себя охрану оставшихся вещей Добрынина, во-первых, потому что по разрешению Сибирского приказа он имел право из них получить часть на сто рублей и, во-вторых, он рассчитывал от продажи этих вещей получить необходимые средства для того, чтобы отправиться по заданию правительства вновь на Камчатку. Тогда же Атласов смог в Киренском собрать различные «поручные записи», которые и отправил в Якутск со своим племянником Василием.

Якутский воевода своим людям приказал: «в судной избе ево, Володимера Отласова, крепить, а к нему, Володимеру, и с полковыми казаками на подворье итти, грабленные животы переписать». Однако посланцы воеводы жаловались: «Козьма Мочехнин Володимера Отласова крепить ево нам, холопьям твоим, не дал, взял ево, Володимера, он, Козьма, себе на поруки и из судной избы ево он, Козьма, отпустил».

Позднее Мочехнина также обвиняли в том, что «грабленных животов у него, Володимера, и у казаков не переписывал» и уехал

с ним в Чечуйский острог 21 апреля 1702 г. и дал возможность Атласову повезти с собой четырнадцать подвод.

23 мая 1702 г. Атласов добровольно прибыл в Якутск. И тут к нему при аресте применили силу. По приказу воеводы его в Якутской приказной избе подвергли пыткам. В документе сказано: «и Володимер Отласов распрашиван с великим пристрастием: и в ремень ставлен, и подыман, и на виске был долгое время, а в распросе сказал: “Грабить Белозерова он не велел, а грабили его казаки своим самовольством”». Атласов утверждал, что «им, казачьим детям, животов имать не веливал и не посыливал и память им не давал». Но его «полчане» Василий Шипицын, Пётр Кудря, Павел Журавлёв, Иван Томский утверждали, что набег на дощаник Добрынина был совершён по повелению Атласова. И якутские власти в соответствии с указанием руководителя Сибирского приказа Андрея Винуса взяли Атласова «под караул», «десять пущих заводчиков» Шипицына, Кудрю, Кормилицына и других отправили в тюрьму.

25 мая Траурнихт приказал обыскать якутский дом Атласова. Там нашли многие вещи, захваченные на дощаниках Добрынина. Тогда же в руки сыщиков попало письмо сына Атласова — Ивана, которое он отправил из Олёкминского острога в Киренск своему отцу. Оно начиналось так: «Государю моему батьку Володимеру Володимеровичу. Сынишко твой Ивашко. Благословения к себе прошу и пав предо твой стопы до лица земли и з женишков своею премного челом бью». А далее он сообщал, что отправленная к нему с Афанасием Евсеевым «сума перемётная» дошла до него, Ивана, по сравнению с росписью не полностью: «одного атласу нет — чёрного», и добавлял: «и ту посылку я послал к матюшке (то есть матери. — *Б. П.*) в горот с тем же с Офонькою Евсеевым». А сверху была надпись: «Отдать сию грамоту на усть Киренге государю моему батюшке Володимеру Володимеровичу» и дата: «22 марта 1702 года».

А вот текст самой росписи: «Роспись Володимера Атласова, что посылаю ис Киренского острога к жене моей и сыну моему Ивану»: «Шти (шесть. — *Б. П.*) постав чешуйчатых камок, подстав белые камки, два подстава атласу, занавесь большая, золотом шитая».

После обнаружения этого письма якутские власти решили на дворе Атласова произвести новый, ещё более тщательный обыск. Воевода распорядился: «ис приказной избы послать в другой ряд (то есть вторично. — *Б. П.*) для обыска на двор Володьки Отласова грабленных животов гостя Логина Добрынина, приказчиков его Мишку Белозерова, Алексея Дектярева, сына боярского Родиона

Кашинца, подъячего Василия Басилова, пятидесятника казачьего Василия Колесова, служилых людей Гришку Югова, Якуньку Сабанина, Андриюшку Семёнова, Фильку Мокрошубова и Ваську Турбина».

В результате повторного обыска в атласовском амбаре «под сеном» обнаружили «завесу камчатцкого красного, шито золотом и разными шелками, три подстава, байберека репечатого, байберек глаткий, портище камки белое». Да в «анбаре против избы» были найдены: «шапка польская соболья, варежки бархотные, да нити жемчуга китайские, две стопы серебряные, да лоскуты хлавреша китайского», в сенях — «чагун китайский оловяный», в горнице — серебро, китайские чашки. Всё это отобрано и унесено в амбар якутской приказной избы.

Атласов продолжал оправдываться, ссылаясь на то, что его отправили на восток для выполнения важного «государева дела», и он делал всё, что могло способствовать его успеху, что у него по вине енисейских властей многое погибло на гнилом дощанике, а ему нужен «завод» — разные вещи для успешной службы на Камчатке, и что сам Виниус ему даровал возможность взять на месте всё ему нужное на сто рублей.

Но эти доводы якутский воевода не считал убедительными. В то же время Траурнихт стал тревожиться, что правительство Петра I может его наказать за задержку посылки новой экспедиции на Камчатку в связи с начавшимся следствием. Поэтому он решил, прежде всего, выяснить, кого же из «полчан» Атласова можно будет отправить на Камчатку уже в ближайшем будущем. Было объявлено: «А которые от тех воров отстали и грабленные животы объявят добровольно и тех людей и грабленные животы потому ж написать в роспись...»

Действительно, были составлены такие росписи, и часть участников нового камчатского похода Атласова смогла отправиться отдельными группами на Анадырь в 1702—1704 гг.

Но как же Атласов смог в 1707 г. вновь оказаться на Камчатке? В 1705 г. в далёком голландском Амстердаме вышло второе расширенное издание книги «Северная и Восточная Татария» Н. Витсена. В ней впервые был опубликован пересказ «скаска» Атласова. Этот гигантский фолиант, произведший весьма сильное впечатление на многих западноевропейских географов, уже в 1705 г. поступил и в Россию. Естественно, возник вопрос, а как же сложилась судьба покорителя Камчатки? Ею невольно заинтересовался царь Пётр. Тогда-то и встал вопрос, почему Атласов до сих пор не отправился на Камчатку?

Тот в Якутске продолжал категорически отрицать своё участие в «разбое». В насильственных действиях он винил только рядовых казаков. Вместе с тем, продолжал доказывать, что оказался на Ангаре в тяжёлом положении по вине енисейских властей. Ссылался на право приобретения любых вещей по разрешению А. А. Виниуса и, наконец, указывал на необходимость исполнения «государева наказа» — успешно организовать новый поход на далёкую Камчатку.

По-видимому, якутские власти держали Атласова «под караулом» не в тюрьме, а под домашним арестом. Все мои попытки найти документы 1702—1706 гг. о пребывании Атласова в тюрьме оказались безуспешными. Крашенинников и Сгибнев в данном случае могли доверчиво повторять легенду.

Вот тогда-то в Москве было отдано распоряжение немедленно отправить Атласова вновь на Камчатку. Уже в 1706 г. он был послан из Якутска на Камчатку с сохранением всех данных ему ещё в 1701 г. привилегий. Как писал С. П. Крашенинников, «в 1706 году Атласов освобождён из-под караулу с теми же преимуществами, которые даны ему в 1701 году, чтоб иметь ему полную власть над служивыми и винных, смотря по делу, батагами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискании вновь земель и неясашных людей оказывать крайнюю ревность: обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему предписана».

Если бы власти считали Атласова по-прежнему виновным во всех прегрешениях, в которых его обвиняли, то его не должны были так просто освободить «из-под караула» без всякого наказания или разжалования. При отправке на Камчатку за ним сохранили высокое звание и особые привилегии.

Иногда в литературе утверждают, что в 1706 г. Атласова решили послать вновь на Камчатку потому, что на полуострове в те годы будто бы воцарился беспорядок. С этим согласиться нельзя. Наоборот, с 1703 г. там произошли весьма серьёзные полезные перемены. Прежде всего, 1703 г. стал годом создания трёх главных поселений на полуострове — Большерецкого, нового Верхнекамчатского и первого Нижнекамчатского острогов. Осенью того же года впервые открыта уникальная Авачинская губа — лучшая естественная гавань русского Дальнего Востока. Именно в это время успешно потрудились на Камчатке сначала Михаил Зиновьев Многогрешный, племянник опального украинского гетмана Демьяна

Многогрешного, затем с 1703 г. Тимофей Кобелев, а с 1705 г. Василий Колесов. У этих камчатских приказных были свои многочисленные отряды. Именно в эти годы русские собрали новые сведения об южной оконечности полуострова Камчатки и северных островах Курильской гряды.

Новое прибытие Атласова на Камчатку в 1707 г. не только не улучшило положения, а наоборот, привело к началу длительного бунта камчатских казаков.

Итак, благодаря новым архивным находкам значительно расширились наши представления о пятилетней трагедии Атласова (1702—1706). Очевидно, он переоценил свои возможности и вообразил, что многое ему сойдёт с рук за большие заслуги в истории присоединения богатейшей Камчатки к России. Он не учёл, что во времена правления Петра I произошли существенные изменения в отношении властей к правам купцов. Тогда-то он и был привлечён к ответственности за их грубое нарушение и оказался в очень сложном положении — навлек на себя немалые беды. Конечно, в этом во многом было повинно само русское правительство, которое ещё в конце XVII в. ради повышения своих доходов отменило ранее существовавшие разумные ограничения на продажу «вина горячего».

Новые подробности о поведении Владимира Атласова, безусловно, представляют большой интерес для писателей, которые ещё будут интересоваться неординарной фигурой «Камчатского Ермака». Но уже сейчас видно, кто из наших писателей был ближе к реальному изображению Владимира Атласова. И здесь пальму первенства по праву следует отдать Евгению Гропянову, который в своё время легко мог быть обвинён главлитовцами-фарисеями в «преднамеренном очернительстве». Но читатель всегда стремится узнать историческую правду без какой-либо лакировки.

Ещё Карл Маркс рекомендовал писателям рисовать исторических героев сочными «рембрандтовскими красками» — живыми, колоритными, со всеми их достоинствами и недостатками, без идеализации. А уж у «Володимера Володимировича» Атласова и пререшений, и достоинств было более чем достаточно!

Видимо, именно такие смельчаки, похожие на Ермака Тимофеевича, оказались наиболее подходящими для свершения таких громких деяний, как приобретение «новых земель», присоединение к России огромной, богатейшей Камчатки. Поэтому и был прав Александр Сергеевич Пушкин, когда он так удачно и метко назвал Атласова «Камчатским Ермаком»!

Рукопись, 1997 г.

О происхождении прозвища «Отлас»,
породившего фамилию Атласов

Теперь хорошо известно, что фамилия «Камчатского Ермака» Владимира Владимировича Атласова возникла от прозвища «Отлас» его отца, положившего начало якутскому роду Атласовых. Это было достоверно установлено благодаря следующим архивным находкам, сделанным мною ещё в 50-х гг. XX в.:

1. В окладной книге якутского острога за «190 год» (1681—1682 гг.) оказались следующие две важные записи: а) «Волотька Отлас в нынешнем во 190-м году июля в 3 день в Якутском умер» и б) «Гришка Северов в нынешнем во 190-м году в Горбейском умер. И в третий день в его место привёрстан казачий сын Волотька Отласов и июля в 9-й день хлебной оклад учинён ему женатой» [Известия Академии наук СССР. Серия географическая, 1963. № 5. — С. 90].

2. Найдена книга от 2 декабря 1701 г., которая была названа «Книга записная казачие головы Володимера Володимеровича Отласова» [Там же. С. 90—91].

3. Обнаружена челобитная самого Владимира Владимировича Атласова от 20 июля 1684 г., в которой говорилось: «...бьёт челом холоп ваш казак Волотька Отласов. В прошлых, государь, годех положил отец мой покойный Володимер Тимофеев на збережение ожерелье казаку Максиму Данилову (Мухоплеву. — *Б. П.*)...»

4. Показательно, что сын Атласова Иван в 1702 г. писал отцу: «Государю моему батьку Володимеру Володимеровичу...» [*Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 2. — С. 75, 117].

Так было окончательно доказано, что отцом «Камчатского Ермака» был, бесспорно, Владимир Тимофеев Отлас. До появления доказательств М. И. Белов это упорно отрицал. И сразу встал вопрос: как же возникло столь необычное прозвище «Отлас»?

Я давно уже уверенно писал, что такое прозвище «возникло по названию ткани его рубашки, которую он носил». Впрочем, возможно, это не рубашка, а какое-нибудь «полукафтанье» или нечто подобное, сделанное из атласной материи. Мне возразили два популяризатора дальневосточной истории: сперва — А. И. Алексеев, а недавно — Г. А. Леонтьева. Оба они весьма самоуверенно утверждали, что «простой казак» будто бы не мог иметь дорогую ткань, хотя, как показали десятки архивных документов, в распоряжении якутских казаков уже с середины XVII в. десятки раз упоми-

наются дорогие ткани из шёлка — из атласов («отласов») и камчатой материи. Но, увы, и А. И. Алексеев, и Г. А. Леонтьева в этом вопросе проявляли странное упрямство.

А. И. Алексеев, никогда не изучавший архивные документы XVII в. в подлиннике, многократно в печати вопрошал: мог ли простой казак «быть таким богатым», чтобы он мог приобрести столь дорогую ткань? Явно под влиянием А. И. Алексеева, по существу, повторяла нечто подобное Г. А. Леонтьева: «Вряд ли название богатой шёлковой ткани имело какое-либо сопричастие к прозвищу Владимира Тимофеевича. Скорее всего, своим прозвищем он был обязан названию того грубого непромокаемого вощённого холста, из которого простые люди шили свою “спецодежду”. Возможно, что на родине семьи Владимира Тимофеевича занимались производством такой одежды».

Леонтьева весьма безапелляционно утверждала: «На Русском Севере, в Приморье, Пермской земле, Приуралье «отласами» называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море. При этом никаких ссылок на источники Леонтьева не делала. Всё это писалось чисто голословно, безапелляционным тоном. Правда, тут же Леонтьева делала очень важную оговорку: «Наконец, “атласами” или “отласами” называлась привозимая в Россию из Персии (Кызылбаш) и Китая дорогая, блестящая, разных цветов, гладкая или с затейливым рисунком ткань (“атлас золотой, по серебряной земле рывки золотые, с шёлком зелёным же с черевчатым, из которой обыкновенные люди шьют себе нарядную одежду”)». К сожалению, Г. А. Леонтьева не знала, что в богатейшем Российском государственном архиве древних актов сохранились документы, неопровержимо доказывающие, что прозвище «отлас», несомненно, возникло не от вощённой непромокаемой, а от атласной материи, доставленной в Якутск в начале ноября 1645 г. первыми поярковцами, вернувшимися на Лену с Зеи и Амура. И мне это удалось проследить по ещё неопубликованным документам середины 40-х гг. XVII в., прежде всего по их ценнейшим «расспросным речам». Их полный текст сейчас готовится мною к публикации на Дальнем Востоке — или в Южно-Сахалинске, или во Владивостоке.

Краткие сведения о находке этого ценнейшего документа уже были опубликованы одновременно и этнографом Б. О. Долгих, и мною ещё в 1958 г. Долгих сообщил об этом документе в статье «Этнографический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским

источникам» (М., 1958. С. 135). Я же об этом в первый раз писал в своей статье «Забытые сведения спутников Д. В. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.)» в «Известиях Всесоюзного Географического общества» (1958, № 6. С. 547—551), также позже в моей статье «Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646)» в сборнике «Вопросы истории Сибири. Бахрушинские чтения. 1969» (Новосибирск, 1973. С. 115—117).

Теперь уже очевидно, что в получении в Якутске первых образцов «отласа» — атласной материи главную роль сыграли тобольские казаки братья Тимофеевы, пришедшие на Лену в начале 40-х гг. XVII в. Вот эти важные данные.

Когда в 1638 г. на восток через Тобольск проходил первый якутский воевода Пётр Петрович Головин, к нему по приказу царя был присоединён отряд тобольских казаков, в который вошли два брата Тимофеевы. В верховья Лены Головин с примкнувшими казаками пришёл в августе 1640 г. И лишь в июле 1641 г. они добрались до Якутска. Позже, уже в 1642 г., они участвовали в переносе Якутска на новое место после сильнейшего ленского наводнения. Именно тогда братья Тимофеевы и построили в новом Якутске для своих семейств избу, а уже на следующий год — в середине июля 1643 г. оба присоединились к историческому первому амурскому походу Василия Пояркова.

Братья Тимофеевы продвигались вместе до верховьев Алдана. Но после ледостава в конце октября 1643 г. их судьба сложилась по-разному. Микула был оставлен в верховьях Алдана на притоке Гономе на зимовку 1643—1644 гг., а его брат примкнул к отряду Пояркова, отправившемуся через Становой хребет в верховья реки Зеи через её приток — реку Брянду. Отсюда группа участников похода Василия Пояркова прошла в даурский острожек Молдыкичит на устье Селемджи. Здесь они обнаружили хорошо укрепленный даурский острожек. Вот именно тогда поярковцы впервые узнали, что у зейских даур имеется множество дорогих тканей. Побывавший там томский казак Семён Григорьев тогда сообщил, что у зейских даур в юртах имеется самое разнообразное платье: «А платье де камчатое, бархатное и кумачёвое» [РГАДА. ЯПИ. Оп. 1. Столбец 43. Л. 360].

Во время тяжелейшей зимовки Поярков потерял около шестидесяти человек. Среди умерших оказался и родной брат Микулы Тимофеева. Сам Микула впервые узнал о его гибели лишь 24 мая 1644 г., когда в зимовье Пояркова прибыли остальные участники похода, зимовавшие на реке Гономе.

Естественно, Микула Тимофеев не мог простить Пояркову гибель брата. И это ясно сознавал и сам Поярков, который однажды признался открыто: «Микулка де ему не друг, а как де брат ево умре и он, Микулка, был в те поры у запасу на Гономе, а они де зимовали, и брат ево умре на Зие» [РГАДА. ЯПИ. Оп. 3, 1645—1646. № 76. Л. 343].

27 мая уцелевшие поярковцы решили продолжить поход вниз по Зее. В самом конце мая 1644 г. они смогли ещё раз побывать в даурском остроге на устье Селемджи. Воспользовавшись тем, что зейские дауры все вышли на полевые работы, поярковцы сумели завладеть частью их тканей. Захваченное они поделили по паям. Сам Микула Тимофеев признавался, что именно от даур тогда они смогли впервые получить «отласы» — атласную материю. Он особо отмечал: «А у всех тех людей камок и бархатов и отласов и тафты много». В другом случае Микула Тимофеев сообщал, что дауры в остроге на устье Селемджи платье «носят камчатое, тафтяное и бархатное и отласное» [РГАДА. ЯПИ. Оп. 1. Столбец 43. Л. 360].

Многие из этих тканей поярковцы в конце концов повезли вниз по Амуру. В сентябре 1645 г. первая группа участников амурского похода Пояркова, посланная в Якутск во главе с Микулой Тимофеевым, привезла туда часть тканей. Помимо Микулы Тимофеева в эту группу вошли Елизар Семёнов, Лев Ермолин, Шестак Алексеев, Илларион Андреев, Федор Ярафиев и личный слуга Пояркова — Денис Карпов. Их «расспросные речи» оказались необыкновенно интересными. И тогда якутский воевода Пётр Головин решил срочно отправить Микулу Тимофеева в далёкую Москву. До нас дошло известие о том, что сам письменный голова Бахтеяров составлял Микуле особую наказную память о его поездке в Москву. К сожалению, её текст до нас не дошёл. Несомненно, в Москве, в Сибирском приказе Микула Тимофеев тоже должен был вновь подробно рассказать о походе поярковцев на Амур. Мне посчастливилось найти документ с беглым упоминанием о его пребывании в Москве в 1646 г. [РГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1647 г. Столбец 226. Л. 83—84].

Назад в Якутск Микула Тимофеев, скорее всего, уже не вернулся, а остался в родном ему Тобольске. По документам видно, что он ещё в ноябре 1645 г. привёз в Якутск самые различные ткани, в том числе и «лоскутье камчатое» [РГАДА. ЯПИ. Оп. 1. Столбец 43. Л. 355—362]. Именно тогда и поступил в Якутск первый «отлас», который и был использован для пошива костюма Владимира Тимофеева. Потому-то он не позже 1650 г. и стал именоваться «Отласом». Теперь предстоит выяснить, каким родственником

Микулы Тимофеева был Владимир Тимофеев Отлас: был ли он сыном Микулы или его брата, погибшего на Зее? Одно вполне очевидно, что прозвище «Отлас» он получил от материи своего костюма, сделанного из хорошей атласной ткани, полученной от Микулы Тимофеева с реки Зеи. Несомненно, что по окладным книгам Якутска начала 50-х гг. XVII в. ещё удастся более точно установить, когда именно за Владимиром Тимофеевым смогло закрепиться прозвище «Отлас». В те же 40-е гг. XVII в. возникло и схожее по своему происхождению прозвище «Камчатой». Оно уже существовало в 1649 г. Поэтому очень возможно, что и появление прозвища «Камчатой» тоже связано с привозом поярковец с реки Зеи и камчатой ткани.

Лишь недавно выяснилось, что в походе Пояркова был некий Иван Иванов, который смог сперва приплыть в устье Ульи и затем примкнуть там к отряду Семёна Шелковника, дошедшего до Охотска в 1647 г. Конечно, тогда в Якутии было несколько Иванов Ивановых. Поэтому для того, чтобы их отличить друг от друга, в документах и стали использоваться прозвища. Так появился Владимир Отлас и Иван Камчатой. Позже от прозвища Камчатой в середине 50-х гг. XVII в. впервые возникло название малой индигирской реки Камчатки. Через два года спустя по прозвищу Камчатого была названа Камчаткой и главная река крупнейшего дальневосточного полуострова, который тридцать лет спустя получил точно такое же название — полуостров Камчатка.

Компьютерная распечатка. Без даты

Триста лет известной «Скаске»

21 февраля 2001 г. (по старому стилю — 10 февраля) исполняется триста лет со дня рождения самого знаменитого документа русских дальневосточных первопроходцев — второй «скаска» Владимира Атласова, записанной в Москве в Сибирском приказе по инициативе сподвижника Петра Великого Андрея Виниуса.

Безусловно, это самый известный в мире документ, посвящённый историческому камчатскому походу Владимира Атласова в 1697—1699 гг. В сокращённом виде он был впервые опубликован в Амстердаме ещё в 1705 г., во втором издании хрестоматии друга Петра Великого голландского географа и политического деятеля Николааса Витсена. Его труд сейчас готовится к опубликованию в Амстердамском университете в переводе сотрудницы питерской Кунсткамеры покойной Вильгельмины Трисман, над которым сейчас

успешно трудится её дочь Лидия Данилина. Впрочем, голландским текстом «скаска» заинтересовались в Российской, точнее, Санкт-Петербургской, академии наук ещё в XVIII в. Молодой историк, будущий академик Герард Фридрих Миллер первым опубликовал пересказ этой «скаска» в 1728 г. в академическом «Календаре или Месяцеслове историческом на 1729 г.». Это ещё более усилило известность Владимира Атласова. А. С. Пушкин назвал его «Камчатским Ермаком».

В 1730 г. пересказ второй «скаска» Владимира Атласова на немецком языке в Стокгольме опубликовал бывший шведский пленный Филипп Табберт-Страленберг. Именно благодаря трудам Николааса Витсена, Филиппа Табберта-Страленберга и Герарда Миллера Атласов и стал известным русским землепроходцем XVII в.

Однако полный текст второй «скаска» Владимира Атласова историкам стал известен только в конце XIX в., когда его разыскал известный русский архивист Н. Н. Оглоблин. Он опубликовал «скаска» в 1891 г. в «Чтениях в “Обществе истории и древностей российских при Московском университете”» (Кн. III. С. 11—18). Именно отсюда этот текст был в Петропавловске-Камчатском перепечатан Сергеем Вахриным в первом выпуске сборника «Землепроходцы» (1994, с. 25—30). К сожалению, в публикациях Н. Н. Оглоблина были допущены довольно серьёзные неточности. Атласова назвали Владимиром Тимофеевичем (на самом деле он — Владимир Владимирович), служба его началась не в 1672 г., а с 3 июня 1682 г. За последние годы удалось значительно расширить наши представления о службе Владимира Атласова на Анадыре, в Камчатке и Якутске. Через неделю с небольшим после записи второй «скаска» Атласову за успешные службы присвоили звание казачьего головы, он получил денежную награду. Тогда же в Москве решили организовать второй поход Атласова на Камчатку, для чего ему выделили отряды казаков в различных городах Сибири. Но этот замысел был осуществлён не полностью. Атласов на Камчатку вновь попал лишь шесть лет спустя, а в январе 1711 г. он был убит в Нижнекамчатске.

Безусловно, Владимир Атласов допустил немало ошибок во время своего правления на Камчатке. Тем не менее, его знаменитые «скаска» по достоинству оценены в нашей стране. И мы не можем не отметить трёхсотлетие его второй камчатской «скаска», которая неизменно пользовалась особым вниманием учёных. Наиболее полно её оценил в своих трудах академик Лев Семёнович Берг.

Вести, 21 февраля 2001 г., № 24

Как М. И. Белов запутал биографию Атласова

М. И. Белов ещё с середины XX в. стал пользоваться достаточно широкой известностью в нашей стране как историк русских географических открытий. Впервые Белов произвёл на многих историков и географов большое впечатление ещё в 1948 г., в дни, когда в нашей стране отмечали трёхсотлетие исторического плавания Семёна Дежнева (1648 г.) через пролив, отделяющий Азию от Америки. Тогда М. И. Белов поразил многих, когда он в своём юбилейном докладе ясно показал, что и в наши дни ещё можно найти неизвестные архивные документы о деятельности Семёна Дежнева.

Это позволило уже в 1948 г. издать неплохую по тем временам книгу о его историческом плавании, которую похвалил сам академик Л. С. Берг. Несколько позже, в 1952 г., М. И. Белов выпустил в Ленинграде, безусловно, полезный сборник документов «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах».

Этот успех породил у него опасную самоуверенность и поспешность в выводах, что привело его ко многим ошибкам, в частности, при освещении биографии «Камчатского Ермака» Владимира Атласова.

Он умудрился слить воедино биографии отца и сына и безосновательно обрушился на И. И. Огрызко и В. Н. Скалона, которые справедливо критиковали некоторых историков XIX в. за то, что они неправильно называли «Камчатского Ермака» Владимира Атласова то Васильевичем, то Тимофеевичем и не смогли понять, что он отнюдь не был стариком, когда возглавил свой поход на Камчатку в 1697—1699 гг.

Ещё в 1963 г. мне удалось документально доказать правоту гипотез И. И. Огрызко и В. Н. Скалона (см. «Известия Академии наук СССР», № 5, с. 90—92), и теперь уже ни один честный историк не сомневается в достоверности моих документальных доказательств. Но, к сожалению, некоторые историки до сих пор никак не могут освободиться от других ошибок Белова, существенно искажившего биографию Атласова.

Это видно по книге Г. А. Леонтьевой о нём, изданной в 1997 г. Так, Белов утверждал, что Владимир Атласов будто бы пять раз ездил в Москву, тогда как на самом деле он был там только один раз — в 1701 г. Остальные поездки были связаны с деятельностью отца «Камчатского Ермака», но и их число тоже преувеличено. Их было не более трёх.

Леонтьева использовала версию Белова о многих поездках Отласа для того, чтобы сочинить никакими документами не подкреплённую свою фантазию о существовании в Соликамске «русской жены» у Отласа (отца Владимира Атласова). На самом деле семья Отласа жила в Якутске. Тут воспитывались его три сына — Иван, Владимир (будущий «Камчатский Ермак») и Григорий. Леонтьева утверждала, что Отлас потому часто ездил в Москву, что посещал в Соликамске свою «русскую жену». Но здесь не учтено, что нам известен маршрут поездок Отласа в Москву, и он отнюдь не проходил через Соликамск. И если у него была «русская жена», как фантазирует Леонтьева, то почему же до самого последнего часа своей жизни у Отласа не было «женатого оклада»? А его молодой сын, женатый на Степаниде Фёдоровне, получил женатый оклад через шесть дней после смерти отца — Владимира Тимофеева Отласа. Причина отсутствия у Отласа «женатого оклада» была только одна — его жена была некрещёной якуткой.

К сожалению, Белов ввёл в заблуждение и некоторых других историков, когда внёс большую путаницу при освещении истории камчатского похода Луки Семёнова Мороско и Ивана Осипова Голыгина.

История Камчатки должна быть, безусловно, очищена от многих ошибок и неточностей М. И. Белова. Хочется верить, что в недалёком будущем появятся молодые историки Камчатки, которые возьмутся за исправление этих ошибок. Но для этого нужны честные исследования подлинных архивных документов, которые сейчас проводятся недопустимо редко.

Вести, 3 апреля 2001 г., № 45—46

О происхождении фамилии «Полевые»

Поскольку я являюсь потомственным Полевым, предки которых переселились из Курска в Иркутск, меня давно уже волновал вопрос, откуда возникла фамилия «Полевые», и имею ли я какое-нибудь родственное отношение к семейству иркутских писателей Полевых, которые родились в семье просвещённого купца Алексея Евсеевича Полевого, переехавшего тоже из Курска в Иркутск в конце XVIII в.

Нетрудно убедиться, что фамилия «Полевые» имеет различное происхождение. Так, актёрская фамилия Полевые-Мансфельды явно возникла как простая калька еврейско-немецкой фамилии Мансфельд, что в переводе на русский язык означала «Полевой».

Среди самих Полевых распространена версия о возникновении фамилии от дворянской «Полев» или просто «Поле». Но иркутские писатели Полевые никогда дворянами не были, и эта версия маловероятна. Архивными данными она не подтверждается. Но из документов Курска видно, что там было немало Полевых, которые не являлись родственниками, но их фамилии, тем не менее, имели явно общее происхождение от слова «Поле» — старинного названия Украины, равнинной территории от земель Московии до Перекопа, то есть до татарского полуострова Крыма, который до хрущёвского подарка 1954 г. никогда к Украине не имел никакого отношения. Вспомните подробное описание «Чертежа Полю» в знаменитой «Книге Большому чертежу» Афанасия Мезенцева 1627 г. Ещё в XVII в. многие переселенцы с Украины — с «Поля» — в русские южные города получили в Московии кличку «Полевые», ставшую вскоре весьма распространённой фамилией в российских землях. Именно поэтому в Курске и было немало Полевых, которые отнюдь не были родственниками.

Напомню курьёзный случай, произошедший в Курске в 1817 г., после того, как там побывал Александр I. Временно живший там Николай Полевой подробно описал пребывание царя в Курске, и это своё сочинение опубликовал в журнале «Русский вестник». Курский губернатор приказал отыскать автора и пригласить его к себе в дом. Этим воспользовался некий однофамилец Полевой, который попытался выдать себя за Николая Полевого, подлинного автора статьи в «Русском вестнике». Он явился к губернатору, но вскоре был разоблачён и с позором изгнан. Этот печальный эпизод показывает, что в Курске уже тогда были Полевые, никакого отношения к семейству Николая Полевого не имевшие. И поскольку от родственников я никогда не слышал о близости нашей семьи к иркутским писателям, то долгое время считал, что принадлежу к простым однофамильцам. По этой причине, когда я в 1962—1970 гг. работал в иркутском Институте географии Сибири и Дальнего Востока, к сожалению, не стал в архиве Иркутской области искать документы о моих родственниках, в прошлом живших в Иркутске. Но в октябре 1971 г. я при посещении выдающегося сибирского этнографа Бориса Осиповича Долгих, лежавшего в московской академической больнице, в так называемой Ляпуновке, неожиданно познакомился там с Владимиром Яковлевичем Аболтиным. Он в 1925 г. возглавлял делегацию ВЦИК по приёму от японцев северной части Сахалина, в которой принимал участие в качестве эксперта и мой отец геолог Пётр Игнатьевич Полевой.

В своих воспоминаниях о пребывании на Сахалине В. Я. Аболтин (псевдоним Аварин) неоднократно его вспоминал. И тут при встрече со мной Аболтин вдруг мне сказал, что в Пекине он познакомился с потомком Николая Полевого, прекрасным знатоком китайского языка Сергеем Полевым, заявившим, что является дальним родственником моего отца. Я первоначально усомнился в достоверности этого сообщения, но после беседы в Ленинграде с китаистом Б. И. Панкратовым, встречавшимся в Пекине с Сергеем Полевым, и полностью ему доверяя, стал жалеть, что в своё время не провёл соответствующих поисков в иркутском архиве. Теперь я надеюсь на помощь иркутских историков и архивистов. Поэтому считаю полезным напомнить известную мне цепочку моих предков.

Мой отец геолог Пётр Игнатьевич Полевой учился в иркутской гимназии в 1880 — начале 1890-х гг. Его отец, иркутянин Игнатий Акимович, участник обороны Севастополя, некоторое время служил фельдшером в Забайкалье. Его отец Аким был переселенцем из Курска в Иркутск. Таковы семейные предания, которые хотелось бы проверить в иркутском областном архиве.

Меня часто спрашивают, имею ли я какие-либо родственные связи с известным писателем Борисом Николаевичем Полевым, автором «Повести о настоящем человеке». Отвечаю: никаких, поскольку настоящая фамилия Бориса Николаевича Полевого — Кампов. В своих воспоминаниях он рассказал, что в 1927 г. один из редакторов какого-то его рассказа посоветовал ему отказаться от якобы «поповской» фамилии Кампов. «“Кампо” означает по-испански “поле”. Почему бы вам не стать по-русски “Полевым”?» — спросил он. Так Кампов и стал Борисом Полевым. Когда я рассказал об этом случае одному питерскому филологу, он мне заявил, что в этом отношении мне повезло: у меня немало однофамильцев среди европейских писателей. Автор знаменитого романа «История Тома Джонса, найдёныша» Филдинг в переводе означает «Полевой», итальянец Кампанелла тоже в переводе связан со словом «кампа» — «поле». Испанский драматург Лопе де Вега тоже ваш однофамилец — «де Вега» тоже переводится как «Полевой». Однако, кроме Мансфельдов и Кампова, никто не стал по-русски Полевым.

Я впервые узнал о существовании моего «тёзки и однофамильца» Бориса Полевого в возрасте десяти лет. Весной 1928 г. во владивостокской газете «Красное знамя» с большой радостью прочитал письмо Алексея Максимовича Горького к другу нашей семьи писателю Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву, в котором он высоко хвалил его книгу «Дерсу Узала». По просьбе жены Арсеньева

Маргариты Николаевны я бегал по киоскам города и скупал эту газету. Спустя несколько недель в той же газете появилась небольшая заметка, в которой говорилось, что Горький написал письмо молодому писателю... Борису Полевому, который опубликовал «Записки вшивого человека», и посоветовал ему серьёзно учиться. Все мои знакомые во Владивостоке дружно смеялись надо мной, а я в те времена не знал даже, что такое «вошь» — я её никогда не видел! Позже я нередко в шутку говорил: «Борис Полевой старше меня ровно на десять лет, но как Борис Полевой он моложе меня тоже на десять лет!» Но за это сходство я не раз расплачивался, так как мои гонорары иногда посылались в его адрес, и лишь только один раз я получил извещение на большой гонорар из Хабаровска, где меня часто печатали. Естественно, я его переслал Борису Полевому в Москву.

В течение нескольких лет я собирал самые различные сведения о Полевых, живших в европейской части России, и смог убедиться, что больше всего Полевых можно было встретить в районе бывшей Центральной чернозёмной области и других российских областей, прилегающих к Украине. Значительное число Полевых оказалось на нижней Волге и в Бессарабии. Это явно были переселенцы с Украины, что ещё раз подтверждает, что фамилия «Полевые» возникла от старинного географического названия Украины — «Поле».

История с фамилией Мансфельд ясно показывает, что из этого правила бывали и исключения. Но Алексей Евсеевич Полевой и его дети, писатели Николай, Ксенофонт и сестра Авдотья, и их потомки, к этим исключениям явно не принадлежали.

Компьютерная распечатка. Без даты.

Опубликовано в газете «Вести» за 5 мая 1999 г.

Содержание

От редактора	3
<i>Гропянов Е. В.</i> Борис Петрович Полевой, историк Камчат-	
ки. Труды и дни	4
Об открытии Камчатки	20
Загадка ветхого документа	22
Козыревские на Камчатке	25
Правда о таинственном Компаке	29
Новое о Владимире Атласове	31
Новое об Иване Рубце	33
Путешествие в старину	37
Тайны двух камчатских рек	38
Невельской и Камчатка	40
Идущий вперёд	44
Беринг выбирает Авачинскую	47
Первый строитель Петропавловска	48
Раскрывающаяся тайна	50
Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыс-	
лу Петра I	54
Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключе-	
вской сопке	64
Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в.	68
Когда узнали о реке Камчатке?	74
О происхождении названия «Камчатка»	76
Степанида Атласова	96
По поводу некоторых новых гипотез о происхождении	
названия «Камчатка»	102
Усиление интереса в Польской Народной Республике к исто-	
рии Камчатской области	119
О появлении первого изображения Камчатки на голланд-	
ских картах	124
Новое о Владимире Атласове	127
Колумбы российские	148
Герой обороны Петропавловска Константин Мровинский	158
Плавал ли И. М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.?	175
Загадка «Федотовщины»	190
В защиту Семёна Дежнева	206
Арсеньев на Камчатке	214
Неопубликованное сочинение О. Аргунова о северных	
айнах	216
Ещё раз о происхождении названия «Камчатка»	233
В плену вымыслов: по поводу происхождения названия	
«Камчатка»	242
Такое бывает в жизни немногих поколений	246

Первое плавание русских от Камчатки к Японии и Южным	
Курилам	252
Замысел Арнольда Атласова	260
Об ошибках в освещении похода И. Ю. Москвитина	
1639—1641 гг.	261
В глубине архивов... ..	280
Правда о Луи Делиль де ла Кройере	280
Кто же первым предложил эвакуировать Петропавловск	
в 1855 г.?	285
Десять лет перед революцией	290
А первыми были россияне	319
«Земля российского владения»	322
Ангарский эпизод 1701 г. в жизни «Камчатского Ермака»	360
О происхождении прозвища «Отлас», породившего фами-	
лию Атласов	372
Триста лет известной «Скаске»	376
Как М. И. Белов запутал биографию Атласова	378
О происхождении фамилии «Полевые»	379

Научно-популярное издание

Борис Петрович Полевой

ИЗБРАННОЕ

Серия «Из фондов музея»

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
 Корректор Э. А. Кинас
 Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
 Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 15.04.2021.
 Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 23,56.
 Тираж 300. Заказ № 210.

Издательство «Новая книга».
 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
 Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»».
 690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10